РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4 Том 49, № 4, октябрь – декабрь 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Кандыба А.В., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Деревянко А.П. Раннепалеолитический памятник Года и бифасиальные каменные индустрии Юго-Восточной Азии 3

Забияко А.П., Ван Цзюньчжэн. Палеолитические украшения из пещеры Сяогушань: формирование раннего символизма и его региональные особенности в Северо-Восточном Китае 15

Дедов И.Е., Кулакова Е.П., Шашков М.В., Жданов А.А., Пархомчук Е.В., Чаргынов Т., Шнайдер С.В. Междисциплинарное изучение пеплосодержащих прослоев на памятнике Сурунгур в Ферганской долине (Южный Кыргызстан) 24

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Бородовский А.П. Ручки металлических котлов эпохи раннего железа на юге Западной Сибири 37

Полосьмак Н.В. Пазырыкский стиль 43

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени на могильнике Каракабак (Мангистау, Казахстан) 57

Позднякова О.А., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Евменов Н.Д. Комплексные геофизические исследования курганного могильника Новая Курья-1 (Кулундинская степь) 69

Бабенко А.Н., Добровольская М.В., Васильева Е.Е., Коробов Д.С. Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II 80

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) 91

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай) 100

ЭТНОГРАФИЯ

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Культово-жилищный комплекс Кайнар второй половины XVIII – начала XX в. на Северном Устюрте как историко-культурный и архитектурный памятник 109

Сем Т.Ю. Традиционные верования тунгусо-маньчжурских народов. Часть 2: Зооморфный комплекс 120

Николаев В.В., Октябрьская И.В. Урбанизация коренных народов Сибири и Дальнего Востока (XX – начало XXI века) 127

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Козинцев А.Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) 140

ПЕРСОНАЛИИ

Академик В.С. Мясников как археолог и этнограф 152

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 154

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 155

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2021 ГОДУ 158

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH

ACADEMIC JOURNAL

ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY OF EURASIA

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4 Volume 49, No. 4, October – December 2021

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.V. Kandyba, A.M. Chekha, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khac Su, S.A. Gladyshev, and A.P. Derevianko. The Early Paleolithic Go Da Site and the Bifacial Lithic Industries of Southeast Asia 3

A.P. Zabiyako and Wang Junzheng. Paleolithic Personal Ornaments from Xiaogushan Cave: The Formation of Early Symbolism and Its Regional Features in Northeast China 15

I.E. Dedov, E.P. Kulakova, M.V. Shashkov, A.A. Zhdanov, E.V. Parkhomchuk, T. Chargynov, and S.V. Shnaider. A Multidisciplinary Study of Burnt Deposits at Surungur, Fergana Valley, Southern Kyrgyzstan 24

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

A.P. Borodovsky. Handles of Early Iron Age Cauldrons from Southwestern Siberia 37

N.V. Polosmak. The Pazyryk Style 43

A.E. Astafyev and E.S. Bogdanov. Burial of a Hunnic Period Noblewoman at Karakabak, Mangystau, Kazakhstan 57

O.A. Pozdnyakova, E.V. Balkov, P.G. Dyadkov, Z.V. Marchenko, A.E. Grishin, and N.D. Evmenov. Integrative Geophysical Studies at the Novaya Kurya-1 Cemetery in the Kulunda Steppe 69

A.N. Babenko, M.V. Dobrovolskaya, E.E. Vasilyeva, and D.S. Korobov. Reconstructed Paleodiets and Subsistence Strategies of the Central Ciscaucasian Population (1000 BC to 1000 AD), Based on Collagen Isotope Analysis of Bone Samples from the Kichmalka II Burial Ground 80

N.P. Matveeva, E.A. Tretyakov, and A.S. Zelenkov. Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery 91

N.N. Seregin, V.V. Tishin, and N.F. Stepanova. Hephthalite Coin from an Early Medieval Burial at Gorny-10, Northern Altai 100

ETHNOLOGY

S.E. Azhigali and L.R. Turganbayeva. Kainar: A Late 18th to Early 20th Century Ritual and Housing Complex in the Northern Ustyurt 109

T.Y. Sem. Tungus-Manchu Traditional Beliefs. Part 2: Zoomorphic Complex 120

V.V. Nikolaev and I.V. Oktyabrskaya. Urbanization of Indigenous Peoples of Siberia and the Far East (20th to Early 21st Centuries) 127

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

A.G. Kozintsev. Patterns in the Population History of Northern Eurasia from the Mesolithic to the Early Bronze Age, Based on Craniometry and Genetics 140

PERSONALIA

Academician V.S. Myasnikov as Archaeologist and Ethnologist 152

ABBREVIATIONS 154

CONTRIBUTORS 155

PAPERS PUBLISHED IN *ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY OF EURASIA* IN 2021 158

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.003-014
УДК 903.32_903.53"631"(597)

А.В. Кандыба[1], А.М. Чеха[1], Нгуен За Дой[2], Нгуен Кхак Шу[2], С.А. Гладышев[1], А.П. Деревянко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com; Chekhandrej@yandex.ru; gladyshev57@gmail.com; derev@archaeology.nsc.ru
[2]Институт археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам
Viện Khảo cổ học
Phan Chu Chin, 61, Hanoi, Vietnam
E-mail: doitrong@hotmail.com; khacsukc@gmail.com

Раннепалеолитический памятник Года и бифасиальные каменные индустрии Юго-Восточной Азии

В статье рассматривается каменная индустрия стратифицированной стоянки Года в Центральном Вьетнаме и определяется ее место среди синхронных памятников раннего палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии. Дается морфологический технико-типологический анализ каменного инвентаря, сделан вывод о его принадлежности к индустрии анкхе, объекты которой расположены в районе г. Анкхе (Вьетнам). Заготовками для изготовления нуклеусов и орудий служили гальки, изредка отщепы. Первичное расщепление было ориентировано на эксплуатацию простых галечных нуклеусов с естественной ударной площадкой, реже использовались радиальные ядрища. Установлено преобладание в орудийном наборе изделий типа пик, скребел различной модификации, рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, зубчатых и выемчатых инструментов, а также определено наличие в этой индустрии двусторонне обработанных изделий – бифасов. Эти материалы образуют единую гомогенную индустрию, которая проявляет однообразие в первичном расщеплении, подготовке и оформлении маркерных изделий. На основе анализа стратиграфического разреза стоянки Года и абсолютной даты 806 ± 22 тыс. л.н., полученной по тектитам калий-аргоновым методом, сделано предположение о более древнем возрасте этого памятника по сравнению с другими датированными объектами индустрии анкхе. Ее происхождение, по-видимому, связано с конвергентным развитием Homo erectus с галечно-отщепной индустрией, который представляет первую волну миграции гоминин из Африки. Рассматривается возможность включения археологических материалов стоянки Года как части индустрии анкхе в обширную зону обитания древних гоминин со сходными технико-типологическими характеристиками каменных индустрий на рубеже нижнего и среднего плейстоцена на территории Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: *Вьетнам, ранний палеолит, индустрия анкхе, ручные рубила, бифасиально обработанные орудия.*

A.V. Kandyba[1], A.M. Chekha[1], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khac Su[2], S.A. Gladyshev[1], and A.P. Derevianko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com; Chekhandrej@yandex.ru; gladyshev57@gmail.com; derev@archaeology.nsc.ru
[2]Institute of Archaeology,
Vietnam Academy of Social Sciences,
Phan Chu Chin 61, Hanoi, Vietnam
E-mail: doitrong@hotmail.com; khacsukc@gmail.com

© Кандыба А.В., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Деревянко А.П., 2021

The Early Paleolithic Go Da Site and the Bifacial Lithic Industries of Southeast Asia

The lithic industry of the stratified site Go Da in Central Vietnam is described, and its place among the contemporaneous Early Paleolithic sites of East and Southeast Asia is determined. Results of a morphological techno-typological analysis of the Go Da assemblage are provided. Go Da is attributed to the An Khe-type sites situated in the eponymous area of Vietnam. Cores and tools were made from pebbles, less often from flakes. Primary reduction focused on simple pebble cores with natural striking-platforms, whereas radial cores were less common. Predominant among the tools are picks, scrapers of various modifications, choppers, and chopping tools, as well as denticulate and notched tools; also, bifaces occur. These tools belong to a single homogeneous industry, showing common features in primary reduction, preparation, and design of key artifacts. On the basis of analysis of the stratigraphic sequence of Go Da and the absolute date of 806 ± 22 ka BP, generated by the potassium-argon analysis of tektites, it is proposed that the site is older than other dated locations with the An Khe industry. Apparently, it resulted from a convergent evolution of the pebble-flake industry introduced by the first wave of Homo erectus from Africa. Go Da and other An Khe sites likely belong to a vast habitation zone of Southeast Asian hominins with technologically and typologically similar industries dating to the boundary between the Lower and the Middle Pleistocene.

Keywords: *Vietnam, Early Paleolithic, An Khe industry, handaxes, bifacial tools.*

Введение

Бифасиальные индустрии, появившиеся ок. 1 млн л.н. на юго-востоке Азии, являются свидетельствами конвергентного развития каменных индустрий в отдельно взятой природно-климатической зоне. В данном регионе выделено много археологических культур и каменных индустрий, для которых характерны скалывание с галечных и радиальных, ортогональных и др. нуклеусов отщепов, служивших для изготовления орудий, а также большое количество галечных рубящих орудий. Следует отметить, что каменная индустрия Восточной и Юго-Восточной Азии на протяжении 1,5 млн лет претерпевала значительные изменения. Бифасиальная индустрия, представленная на раннепалеолитических стоянках в центральной части Вьетнама, является результатом таких процессов. В пров. Залай в районе г. Анкхе Российско-Вьетнамской экспедицией в 2015–2019 гг. были обнаружены 28 раннепалеолитических местонахождений с галечно-отщепной индустрией и бифасиально обработанными орудиями типа ручных рубил (рис. 1). В работах, посвященных этим открытиям, подробно описываются и анализируются инструментарий и техника первичного расщепления каменной индустрии, получившей название анкхе [Деревянко, 2018; Деревянко, Гладышев, Нгуен Зианг Хай и др., 2017а, б; Деревянко, Кандыба, Гладышев и др., 2019; Деревянко, Гладышев, Кандыба и др., 2020]. По тектитам, обнаруженным вместе с бифасами и галечными орудиями в культуросодержащем слое памятника Анкхе, методом 40K/38Ar получены две даты: 806 ± 22 и 782 ± 20 тыс. л.н. [Деревянко, Кандыба, Нгуен Кхак Шу и др., 2018]. В подавляющем большинстве местонахождения с этой каменной индустрией расположены на левом берегу р. Ба. Галечно-валунный материал, использовавшийся для изготовления нуклеусов и орудий, представляет собой кварцитовидный гидротермалит – мелкозернистую кварцевую породу, образовавшуюся за счет жильного кварца (определение канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик). Хорошая и средняя окатанность

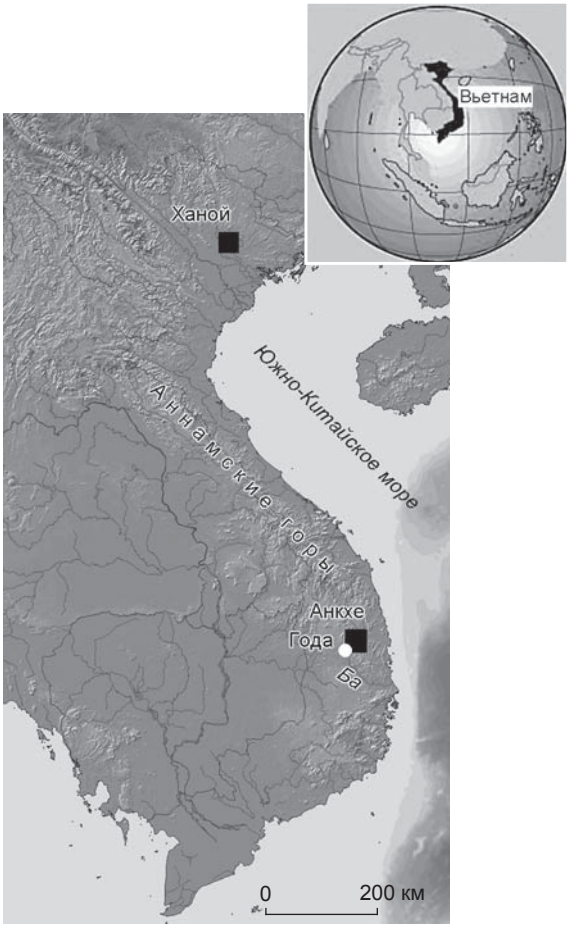
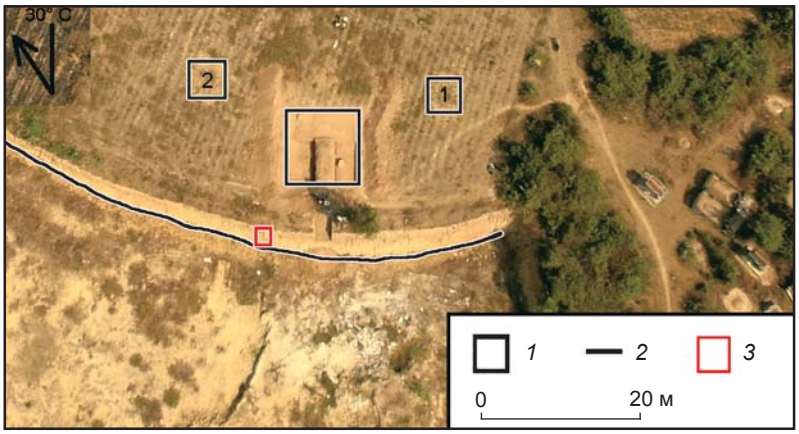


Рис. 1. Расположение памятника Года.

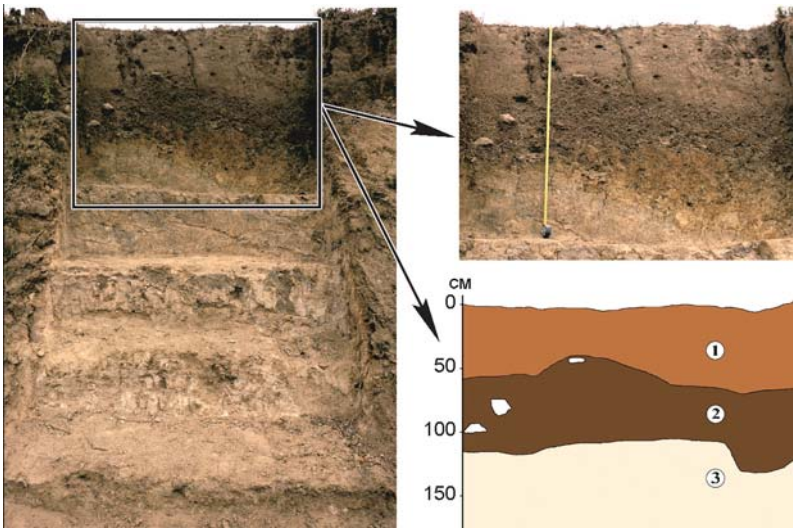
галечно-валунного субстрата современного аллювия реки вблизи памятника не оставляет сомнения в местном происхождении галек. Тем более, что выходы неокатанного кварцевого сырья в виде глыб были обнаружены на склоне г. Дат, в непосредственной близости от наиболее многочисленного комплекса памятников Роктынг с каменной индустрией анкхе. Дополнительная разведка, проведенная в 2020 г. выше и ниже по течению реки от места концентрации основных археологических памятников, показала, что по мере удаления от источников сырья количество пунктов с археологическими находками резко уменьшается. Найденные артефакты единичны, рассеяны на большой территории и не образуют скоплений [Гладышев и др., 2020]. В целом, индустрия анкхе представляет типичную галечно-отщеповую технологическую линию раннего палеолита, которая характеризуется простым параллельным первичным расщеплением. Орудийный набор составляют скребла различных модификаций, чопперы, чоппинги, зубчато-выемчатые изделия, нуклевидные скребки. Важно отметить наличие в орудийном наборе бифасиально обработанных изделий типа ручных рубил, орудий типа пик, изделий с выделенным сколами и ретушью острием. Несмотря на то, что часть археологического материала в момент обнаружения находилась в экспонированном состоянии ввиду разрушения культурного слоя при проведении систематических сельскохозяйственных работ, сохранившиеся стратифицированные объекты имеют сходную стратиграфию и приурочены к одной геоморфологической позиции. Все стоянки расположены на высокой холмистой равнине, представляющей собой денудационное структурное плато с останцами-возвышенностями и маломощным покровом рыхлых отложений. Археологические материалы, обнаруженные *in situ*, залегали непосредственно в кровле древней коры выветривания в галечно-валунно-гравийном горизонте и были перекрыты толщей рыхлых отложений разной мощности. Года является единственным памятником на данной территории, который имеет отличия в генезисе отложений. Его материалы ранее почти не публиковались.

Материалы исследования

Памятник Года (13°58′306″ с.ш., 108°9′136″ в.д.) находится в 2 км к северо-западу от центрального моста через р. Ба в г. Анкхе. Высота над уровнем моря составляет ок. 440 м, над урезом реки – ок. 50 м. Археологический раскоп находился в 900 м к западу от реки на холмообразной возвышенности, сложенной коренными породами (рис. 2, *А*). В результате открытой добычи гранита в юго-восточной части холма была уничтожена часть стоянки. Зачищенный по стенке карьера разрез длиной 41 м, с понижением в западном направлении ориентирован с запада на восток. В стратиграфической колонке поверх гранитов залегает кора выветривания мощностью до 1,5 м (слой 3) (рис. 2, *Б*). Она перекрыта делювиальным шлейфом, состоящим из крупнозернистой супеси, неокатанной



А



Б

Рис. 2. Расположение раскопов и карьера (*А*), стратиграфия отложений (*Б*) на стоянке Года.
1 – раскоп, шурфы 1, 2; *2* – граница карьера; *3* – место постановки разреза.

дресвы и обломочного материала (слой 2). В отдельных местах, в частности в центральной части разреза, прослеживается скопление грубообломочного материала. В шлейфе местами видны последствия эрозионных процессов. Артефакты дислоцировались в кровле коры выветривания и в нижней части делювиального шлейфа, мощность которого составляет 30–50 см. Шлейф перекрывают полигенетические отложения разноцветных суглинков, сильно переработанные в результате сельскохозяйственной деятельности (20–30 см) (слой 1). На сохранившемся участке стоянки, представляющем собой слабо понижающийся в северо-западном направлении склон сильно денудированного антропогенным вмешательством холма, были заложены раскоп и серия шурфов; здесь зафиксирована основная зона концентрации каменных артефактов.

В 2014–2016 гг. в ходе раскопок были вскрыты отложения на площади 110 м^2 и обнаружены 103 артефакта. В целом, полученные стратиграфические разрезы раскопов и шурфов повторяют литологические слои в карьере, описанные выше.

Первичное расщепление представлено 71 находкой. В это число входят 25 колотых галек, они, как правило, крупных размеров, сохраняют негативы нескольких апробационных снятий. Коллекция включает четыре отбойника, которые представляют собой окатанные гранитные гальки со следами забитостей.

Нуклеусов насчитывается 22 экз. Преобладают простые параллельные галечные ядрища. Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы можно разделить на две группы. Первую образуют артефакты с признаками расщепления, которое производилось с неподготовленной ударной площадки, сохраняющей естественную поверхность (9 экз.). Для этого выбирали уплощенные гальки прямоугольной формы, скалывание велось поперек длинной оси заготовки (рис. 3, *1–3*). Имеются также продольно ориентированные нуклеусы. Одно ядрище несет признаки расщепления, которое производилось с торца (рис. 3, *4*). Вторую группу составляют два одноплощадочных монофронтальных ядрища с ударной площадкой, подготовленной несколькими крупными снятиями (рис. 3, *5, 6*). Продуктами расщепления обеих групп являлись крупные отщепы, короткие и удлиненные. Одноплощадочных бифронтальных нуклеусов 3 экз. Они имеют следы расщепления, производившегося поперек продольной оси заготовок без предварительного оформления ударных площадок (рис. 4, *1*). Встречаются как смежные, так и противолежащие фронты скалывания. Обнаружено три двуплощадочных монофронтальных нукле-

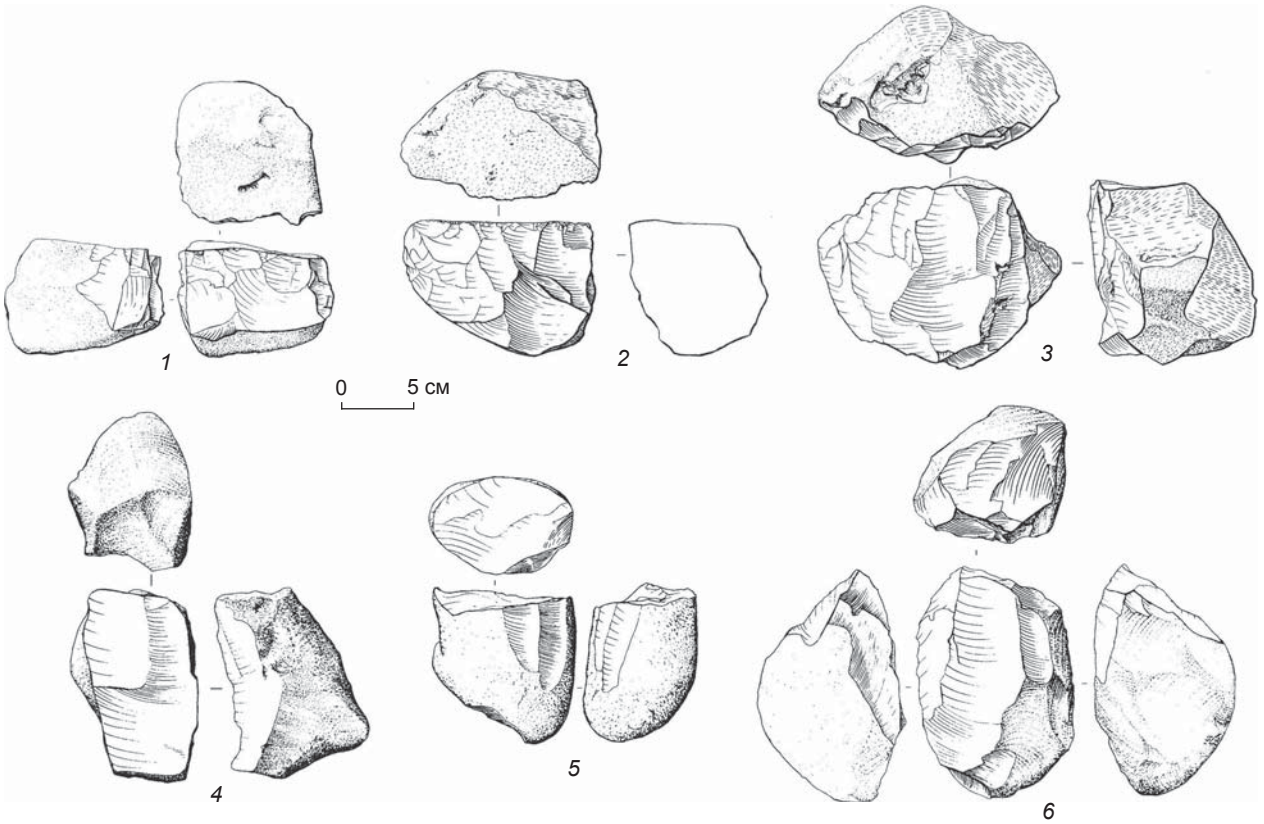


Рис. 3. Галечные одноплощадочные монофронтальные нуклеусы со стоянки Года.

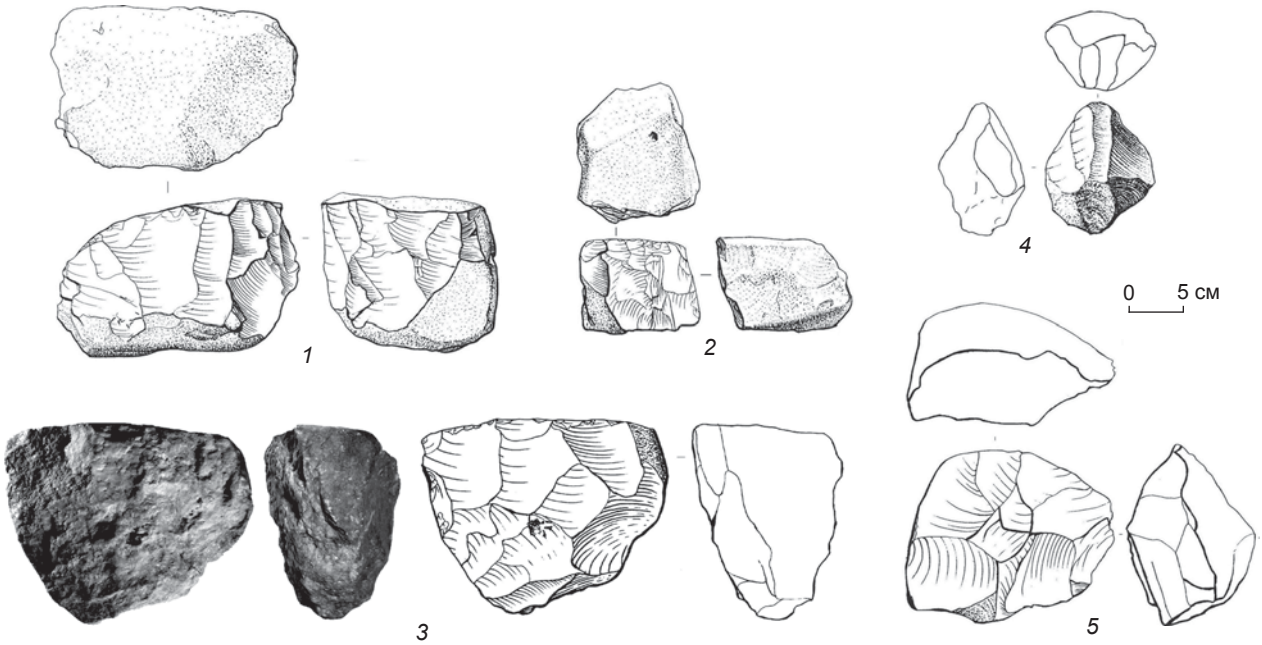


Рис. 4. Галечные одноплощадочные бифронтальный (*1*), двуплощадочный монофронтальный (*2*) и радиальные (*3–5*) нуклеусы со стоянки Года.

уса. Они свидетельствуют о том, что расщепление велось со смежных, расположенных под прямым углом, естественных ударных площадок (рис. 4, *2*).

Коллекция содержит три радиальных односторонних (рис. 4, *3–5*) и два аморфных нуклеуса. Необходимо отметить, что все установленные типы ядрищ представляют собой ситуативные вариации простого параллельного галечного расщепления, направленного на получение отщепов.

Индустрия сколов насчитывает 20 экз. Большинство составляют массивные удлиненные сколы декортикации, в основном крупных (8 экз.) и средних (6 экз.) размеров. Мелких сколов всего 4 экз. Дорсальная сторона, как правило, на 2/3 покрыта естественной галечной коркой. Естественные остаточные ударные площадки частично разрушены раскалыванием. В коллекции имеются два крупных обломка.

Каменная индустрия памятника Года включает 32 орудия. Наиболее многочисленны орудия типа пик – 9 экз. Это крупные изделия, для которых характерно наличие трехгранного острия и противолежащего необработанного массивного основания-пятки. Два орудия изготовлены на сильно трещиноватых обломках кварцита; для шести предметов исходной заготовкой служила галька, для одного – плитка. Форма орудий изначально определена очертаниями исходной заготовки, треугольный в сечении контур орудие приобретало в результате обработки двух (рис. 5, *3*) или одной грани. Снятие сколов оформления было направлено, как правило, от плоскости, сохраняющей естественную поверхность. Это приводило к образованию многочисленных заломов. У двух орудий кончик фрагментирован (рис. 5, *1*, *2*).

Рубящие орудия представлены поперечными чопперами – 5 экз. В качестве исходных заготовок использовались крупные массивные продолговатые кварцитовые гальки. Для четырех предметов характерно оформление сильно выпуклого полукрутого рабочего края снятием серии сколов средних и мелких размеров (рис. 5, *4*). Один чоппер изготовлен на гальке треугольной формы. У него прямой, почти вертикальный рабочий край оформлен сначала оббивкой, а затем подправлен мелкими снятиями (рис. 6, *7*).

Довольно представительна коллекция орудий с носиком – 10 экз. Четыре предмета изготовлены на удлиненных кварцитовых обломках. Для создания рабочего элемента использовался естественный острый край орудия, который подправлялся несколькими мелкими снятиями (рис. 6, *1–4*). Два орудия были сделаны на гальках: одно – на крупной и массивной (рис. 6, *6*), другое – на мелкой угловатой (рис. 6, *5*). На крупной гальке рабочий элемент появился в результате крупных снятий и частичной подправки ретушью; на мелкой гальке для создания носика использовался естественный острый край, частично подправленный мелкими снятиями. Четыре орудия оформлены на крупных удлиненных сколах. Рабочий элемент был выделен с учетом естественного контура края на дистальном конце с помощью мелких снятий в дорсальной части (рис. 7, *1*, *2*).

В каменной индустрии стоянки Года имеются поперечные скребла – 8 экз. Для трех орудий исход-

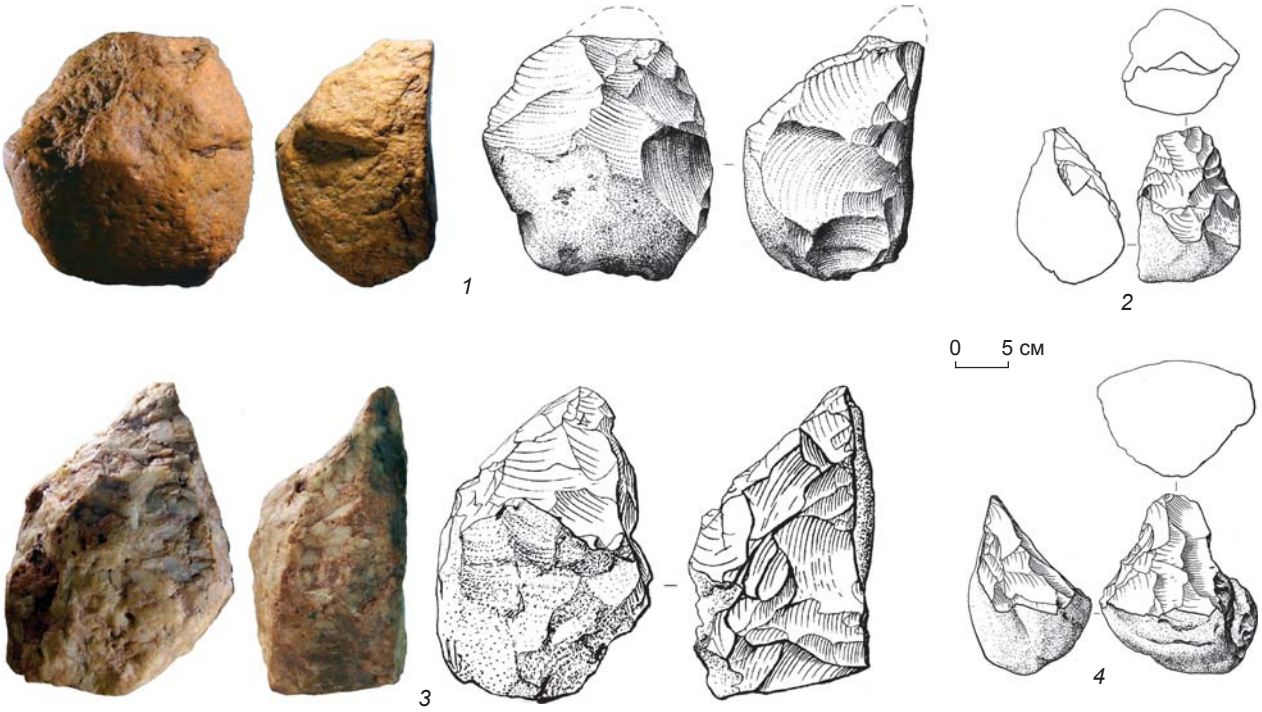


Рис. 5. Орудия типа пик (*1–3*) и чоппер (*4*) со стоянки Года.

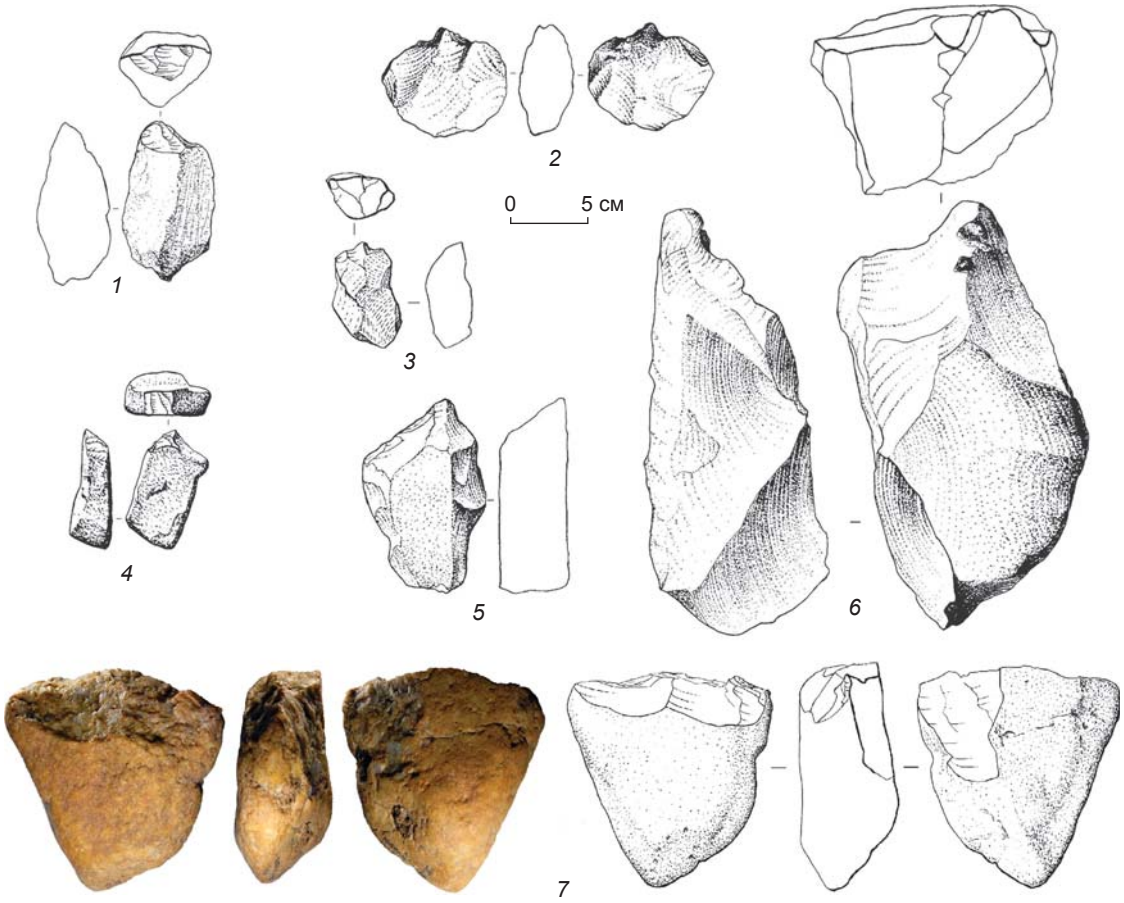


Рис. 6. Орудия с носиком (*1–6*) и чоппер (*7*) со стоянки Года.

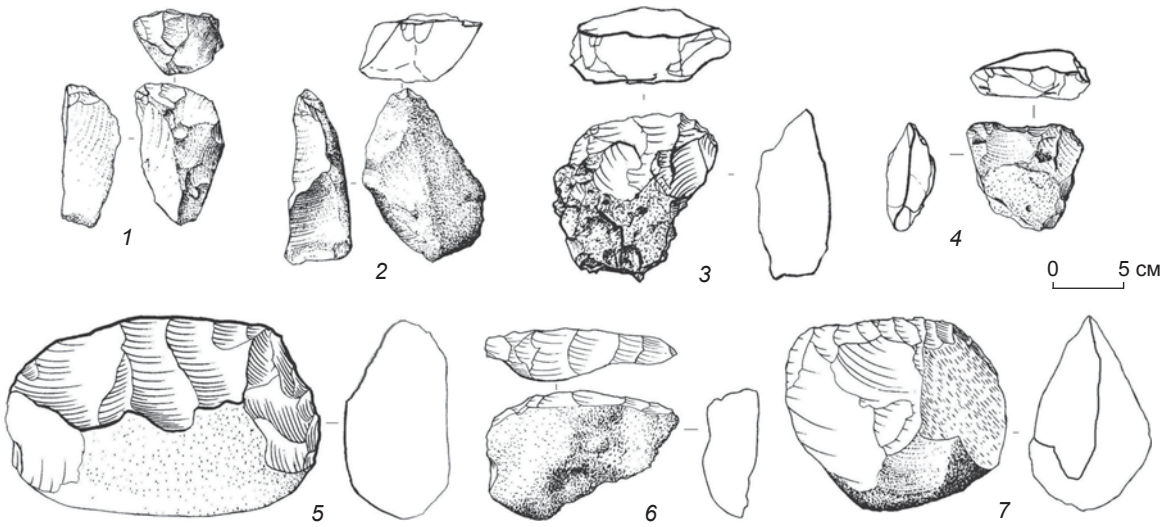


Рис. 7. Орудия с носиком (*1*, *2*) и скребла (*3–7*) со стоянки Года.

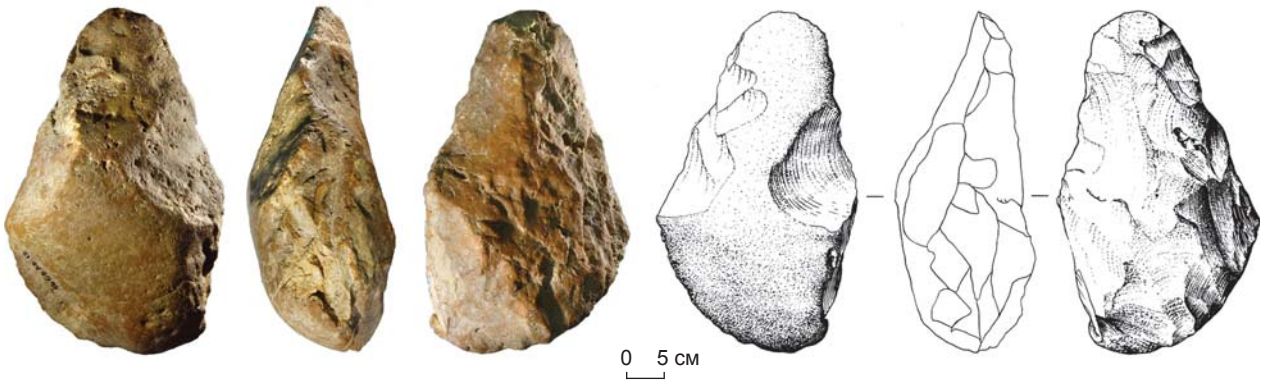


Рис. 8. Бифас со стоянки Года.

ными заготовками послужили крупные обломки (рис. 7, *3*, *4*), для четырех – крупные гальки (рис. 7, *5*, *7*). Оформление заключалось в регулярной оббивке и подправке крупнофасеточной ретушью. Привлекает внимание сделанное из крупного первичного скола скребло, рабочее лезвие которого оформлено на дистальном конце регулярной крутой крупнофасеточной ретушью (рис. 7, *6*).

Единичен частичный бифас треугольной в плане формы (рис. 8). При создании орудия учитывалась естественная форма исходной заготовки. Одна сторона изделия полностью покрыта негативами центростремительных сколов, другая – на 2/3 поверхности сохраняет естественную галечную корку.

Результаты исследования

Культуросодержащий шлейф на стоянке Года, как отмечалось ранее [Деревянко, 2018, 2019; Деревянко, Кандыба, Нгуен Кхак Шу и др., 2018], сформировался в основном в результате дефляции гранитного цоколя и небольшого переноса крупнообломочного материала с наиболее возвышенных участков поверхности. Образование шлейфа происходило в ходе делювиальных и эрозионных процессов, видимо, в условиях более прохладного климата, по сравнению с современным. Археологический материал обнаружен в подошве слоя и кровле коры выветривания. Латеритовые образования представлены линзами, приурочены к кровле шлейфа и частично включены в перекрывающие шлейф полигенетические отложения, в которых имеются также делювиальные, эоловые, глинистые фации, что указывает на многократность переотложения. На местонахождениях в пунктах Роктынг и др., расположенных на левом берегу Ба, культуросодержащий слой залегает в латеритах, перекрывающих и частично включенных в кору выветривания, образовавшуюся на гранитном цоколе. Предположение о более древнем возрасте стоянки Года, по сравнению с дру-

гими местонахождениями каменной индустрии анкхе, подтверждается тем, что тектит, по которому определен возраст 806 ± 22 тыс. лет, находился в кровле делювиального шлейфа, в то время как более 300 тектитов – в культуросодержащем слое памятников на левобережье Ба. С учетом этого наблюдения можно сделать предположение о появлении древних гоминин на стоянке Года раньше, чем образовалось австралазийское тектитовое россыпное поле (ок. 790 тыс. л.н.), покрывшее всю Юго-Восточную Азию и часть Австралии [Schneider, Kent, Mello, 1992]. Гоминины расселились в указанном районе в период, когда климат был более прохладный и аридный, чем современный, интенсивно развивался процесс дефляции и эрозии окружающей поверхности. Они продолжали расселяться здесь и позже, когда произошло существенное изменение природной обстановки: климат стал более теплым и влажным, началось формирование рыхлых отложений в виде латеритов.

Каменная индустрия памятника Года имеет все черты, характерные для индустрии анкхе других изученных археологических объектов. Значительное количество колотых галек свидетельствует об интенсивной апробации каменного сырья на стоянке. Такая особенность, как наличие четырех отбойников позволяет сделать предположение о поселенческом характере местонахождения Года. Расщепление характеризуется преобладанием простого параллельного скалывания при незначительной доле радиальной техники. В орудийном наборе наиболее представительны группы орудий типа пик и орудий с носиком. Группа чопперов и скребел так же многочисленна, при типологической близости морфологии данные инструменты обнаруживают различия в размерах и исходных заготовках. Эти характеристики скребел присущи всей группе памятников индустрии анкхе [Деревянко, Гладышев, Кандыба и др., 2020]. Спецификой анализируемой коллекции является наличие частичного бифаса. Необходимо отметить сильную окатанность граней негативов сколов и краев данного орудия; это качество свойственно всей коллекции памятника Года, но не характерно для каменных изделий остальных объектов с индустрией анкхе. Рассматриваемая индустрия выделяется на фоне других отсутствием унифасиальных изделий, нуклевидных скребков и чоппингов. Несмотря на это, стоянку Года с учетом геоморфологической позиции и стратиграфических наблюдений следует связывать с наиболее ранним эпизодом появления древнего населения в долине Ба.

Новые данные об освоении древними гомининами бассейна Ба были получены при проведении в марте 2020 г. археологической разведки в районе Футьен, в 50 км к юго-западу от г. Анкхе. На левом берегу р. Азун удалось обнаружить как в экспонированном, так и стратифицированном состоянии комплекс местонахождений Киньпэнг-1, -2, Чурунг и Футьен-1, -15. С каменной индустрией анкхе материалы указанного комплекса обнаруживают сходство по геоморфологической позиции, сырьевой базе, наличию таких типов артефактов, как простые параллельные нуклеусы, чопперы, поперечные скребла, орудия типа пик, бифасиальные изделия [Гладышев и др., 2020]. Систематические широкомасштабные раскопки на вышеназванных объектах не проводились. По предварительным геоморфологическим наблюдениям, комплекс памятников в районе Футьен, открытый в 2020 г., находится на нижнечетвертичной террасе Азуна, возраст которой определен в диапазоне 1 500–780 тыс. л.н. Геморфология этих объектов в комплексе с технико-типологическими характеристиками археологической коллекции позволяет отнести материалы памятников в районе Футьен к раннепалеолитической каменной индустрии анкхе. Вместе с тем отсутствие тектитов и латеритовых образований на стратифицированных местонахождениях в долине Азуна может указывать на более древний возраст их каменной индустрии по сравнению с коллекцией памятника Года.

Обнаружение новых местонахождений с бифасиально обработанными изделиями в Юго-Восточной Азии – не редкость для данного региона; в первой половине XX в. на островах Индонезии была открыта патжитанская индустрия. Каменные изделия патжитанской индустрии составляют своеобразный типологический ряд, в который входят чопперы, чоппинги, а также бифасиально обработанные изделия, названные ручными рубилами [Movius, 1944, 1949]. Х. Мовиус отмечал, что в этой индустрии бифасы, хотя их доля невелика, как и в индустрии анкхе, несомненно, являются типологическим маркером. Не углубляясь в дискуссию о линии Мовиуса, отметим, что исследователь был прав, определяя отличие каменных индустрии Юго-Восточной и Восточной Азии от палеолитических комплексов остальной части Евразии и Африки [Movius, 1956, 1958].

Наибольшее сходство по технико-типологическим характеристикам и абсолютному возрасту (ок. 800 тыс. л.н.) каменная индустрия анкхе находит, как указывалось в ранее вышедших публикациях, с археологическими материалами, обнаруженными на плато Байсэ в Китае [Деревянко, 2018; Деревянко, Кандыба, Нгуен Кхак Шу и др., 2018]. Это признается и китайскими исследователями [Lin, Xie, 2019]. Обнаруженные в стратифицированном положении бифасиально обработанные изделия, чопперы и чоппинги различных модификаций, возраст которых так же установлен по тектитам [Hou Yamei et al., 2000; Lycett, Norton, 2010], определяют уникальный облик раннего палеолита Юго-Восточной и Восточной

Азии [Xie, Bodin, 2007]. Однако несмотря на то, что некоторые исследователи относят данную каменную индустрию к ашельской [Zhang, Huang, Wang, 2010], археологический материал Байсэ отличается от классических ашельских форм по технико-морфологическим характеристикам. Кроме того, между данными технокомплексами имеется большой временной разрыв [Деревянко, 2019].

Ареал раннепалеолитических индустрий недавно расширился благодаря открытию более 60 местонахождений в долине р. Наньцзян (пров. Гуаньдун в Китае) [Xie, Lin, Li, 2019]. Каменная индустрия зафиксирована в экспонированном и стратифицированном состоянии; с учетом геоморфологии исследованного памятника Модаошань и технико-типологических характеристик артефактов возраст самой древней стадии заселения составляет 600–800 тыс. л.н. [Ibid.].

Обсуждение

Проблема заселения Евразии и ее освоение древними гомининами была и остается одной из актуальных в науке. Поисками следов пребывания человека в эпоху палеолита на территории Юго-Восточной Азии занимались многие исследователи, в их числе – Г.Х.Р фон Кеннигсвальд [Koennigswald, von, 1936; Koennigswald, von, Gosh, 1973], Х.Р. ван Геекерен [Van Heekeren, 1955, 1972], Р.П. Соейоно [Soejono, 1961], Г.Д. Бартстра [Bartstra, 1978, 1982, 1984, 1992]. Изучая археологические комплексы Индонезии, они на основе анализа форм бифасиально обработанных изделий, а также типологического ряда каменных индустрий стремились определить наличие или отсутствие ашельских традиций. Попытки рассмотреть с этой же целью экспонированные артефакты островов Индонезии (Суматра (Батурайджа), Ява (Патжитан, Сангиран), Сулавеси (Канбенгиан)) позднее предпринимались другими специалистами [Forestier, 2007; Keates, Bartstra, 2001; Sémah et al., 2014]. Несмотря на то, что возраст сангиранских комплексов, по предварительной оценке, составляет 800 тыс. л.н. [Mishra et al., 2010], а абсолютный возраст залегавших на сангиранском стратифицированном объекте Нгебунг-2 чопперов и сколов, часть которых определена как «кливеры», равняется 860–880 тыс. л.н. [Simanjuntak, Sémah, Gaillard, 2010], исследователи продолжали связывать патжитанские и сангиранские коллекции с ашельской волной миграции на территории Юго-Восточной Азии. При этом некоторые ученые признают, что на фоне очевидных изделий ашельских типов – бифасов, кливеров и орудий типа пик – артефакты из Индонезии выделяются специфично азиатским (индонезийским) обликом довольно архаичной морфологии [Simanjuntak, Forestier, 2008, 2009; Brumm, Moore, 2012].

За последние 30 лет на территории Юго-Восточной Азии были открыты более 200 местонахождений с артефактами как поверхностного залегания, так и в стратифицированном положении (рис. 9). Наиболее массовый и полно датированный археологический материал был обнаружен в Южном Китае (индустрии байсэ, наньцзян) и Центральном Вьетнаме (индустрии анкхе, футьен). Найденные здесь каменные индустрии представляют раннепалеолитическую бифасиальную линию развития, зародившуюся на местной основе, т.е. конвергентно. Материалы археологических исследований, которые проводятся в других местах этого обширного региона, дополняют картину обитания древних гоминин на рубеже нижнего и среднего плейстоцена. Несомненную близость к южно-китайским и вьетнамским коллекциям обнаруживают находки со стоянки Саодин на севере Таиланда [Zeitoun et al., 2012]. Причем авторы исследования этого объекта отмечают не только сходные черты (бифасиальная технология), но и специфику, характерную для раннепалеолитических каменных индустрий Юго-Восточной Азии [Ibid.]. На Филлипинских островах бифасиальные орудия единичны (местонахождения Хулуга, пещера Илле), это подъемный материал [Dizon, Pawlik, 2010]. Бифасы, за-

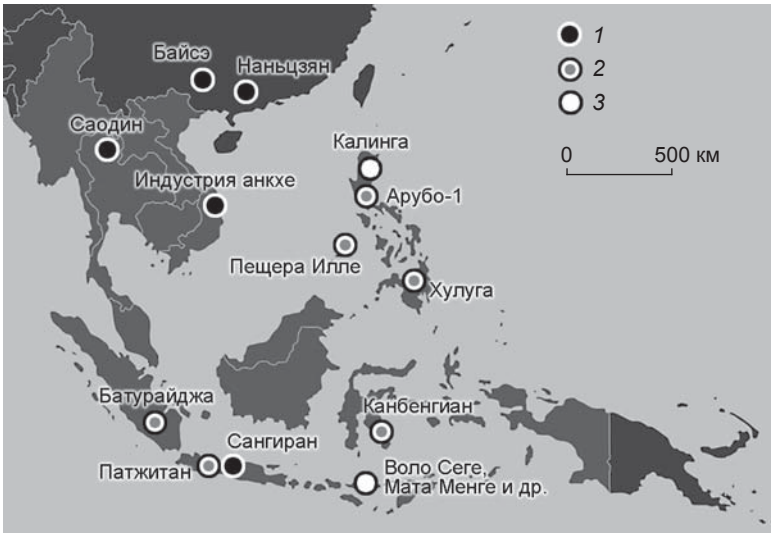


Рис. 9. Расположение раннепалеолитических комплексов в Юго-Восточной Азии.

1 – с бифасиально обработанными орудиями, найденными *in situ*; *2* – с бифасиально обработанными орудиями, найденными на поверхности; *3* – без бифасиально обработанных орудий.

легавшие в полупогребенном состоянии на стоянке Арубо-1 на о-ве Лузон [Pawlik, 2004], проявляют морфологическое сходство с бифасиальными изделиями анкхе и байсэ [Pawlik, 2019]. Открытие на севере о-ва Лузон стратифицированного памятника Калинга возрастом более 700 тыс. л.н. позволило удревнить границу первоначального заселения филиппинского архипелага, передвинув ее к началу среднего плейстоцена [Indicco et al., 2018]. Обнаруженный в культурном слое тектит, идентичный по минеральному составу австралазийскому [Ibid.], хронологически существенно сближает каменную индустрию Калинги с материковыми раннепалеолитическими технокомплексами. Каменные артефакты представлены в основном мелкими отщепами с утилизационной ретушью, использование которых подтверждается наличием костей носорога со следами разделки [Ibid.]. Как отмечает А. Павлик, комплексы Арубо-1 и Калинги объединяют система расщепления и сырьевая база [Pawlik, 2019]. Отсутствие бифасиальных орудий в коллекции Калинги, возможно, является следствием узкой специализации стоянки (место разделки туши носорога). Изделия этого типа не были обнаружены на памятниках Воло Сеге и Мата Менге возрастом ок. 1 млн лет в бассейне р. Соа на о-ве Флорес [Brumm et al., 2010]. Обращает на себя внимание наличие на стоянке Воло Сеге орудия типа пик [Brumm, Moore, 2012], морфологически близкого к таковым в индустриях анкхе и байсе. Все вышеотмеченное позволяет предположить, что на рубеже нижнего и среднего плейстоцена на территории Юго-Восточной Азии была обширная зона обитания древних гоминин с каменными индустриями, практически идентичными по технико-типологическим характеристикам.

Заключение

При характеристике раннепалеолитической индустрии стоянки Года важно отметить, что в ее основе лежит галечно-отщепное расщепление. Основным исходным сырьем служили кварцитовые гальки и валуны из руслового аллювия. В первичном расщеплении преобладают одноплощадочные монофрональные нуклеусы с галечными ударными площадками. Крайне редко встречаются двуплощадочные монофронтальные нуклеусы и радиальные разновидности ядрищ.

Среди орудий труда превалируют такие изделия, как пики, чопперы, изделия с носиком и поперечные скребла. Особо следует отметить бифасиально обработанное изделие, представленное частичным бифасом треугольной формы. В целом, археологический материал из раскопа на стоянке Года полностью идентичен каменному инвентарю как группы памятников Роктынг, так и других местонахождений на левом берегу р. Ба. Все вместе они характеризуют материальную культуру раннепалеолитической индустрии анкхе, которая возникла в Центральном Вьетнаме ок. 800 тыс. л.н.

Несмотря на редкую встречаемость бифасов в культурных слоях памятников индустрии анкхе (в раскопе на стоянке Года обнаружен только 1 экз.), они являются маркером, позволяющим отнести археологические комплексы индустрии анкхе к кругу раннепалеолитических бифасиальных культур Юго-Восточной Азии. Бифасиальные изделия на стоянках индустрии анкхе изготавливались в основном на крупных гальках, имеющих подтреугольную форму. Крупными глубокими сколами обрабатывалась только верхняя часть гальки, основание оставалось нетронутым. Изделия типа пик и другие остроконечники оформлялись такими же технологическими приемами. Называя эти изделия бифасами, рубилами, мы понимаем, что орудия из Вьетнама абсолютно не тождественны ашельским бифасам Африки и Европы. Бифасиальные комплексы Вьетнама сближает с ашельскими индустриями только наличие двусторонне обработанных орудий. На стоянках индустрии анкхе отсутствуют кливеры, признаки использования леваллуазской системы расщепления. Все это свидетельствует о том, что появление бифасиальной индустрии на территории Вьетнама, как и на пространствах Китая, было обусловлено технологической конвергенцией.

Открытие раннепалеолитической культуры анкхе с бифасиальными орудиями во Вьетнаме, относящейся к финалу раннего плейстоцена, позволяет с большой долей уверенности предполагать, что Юго-Восточная Азия в раннем палеолите была одним из регионов формирования бифасиальных индустрий.

Список литературы

Гладышев С.А., Кандыба А.В., Деревянко А.П., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Ле Хай Данг, Карпова С.О. Археологические разведки в провинции Залай во Вьетнаме в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 58–67.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. – 572 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. IV: Ашельская и бифасиальная индустрия в Китае, Ко-

рее, Монголии, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане и на Кавказе. – 948 с.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 79–83.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 84–88.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу. Раннепалеолитическая индустрия анкхе во Вьетнаме и проблема первоначального заселения человеком Юго-Восточной Азии // Stratum plus: археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 22–44.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 3–21.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу. Типологическая характеристика нуклеусов и орудий раннепалеолитической индустрии анкхе во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 86–94.

Bartstra G.J. The Patjitan culture: A preliminary report on new research // Early Paleolithic in South and East Asia. – The Hague: Mouton, 1978. – P. 29–35.

Bartstra G.J. Homo erectus erectus: The search for his artefacts // Current Anthropology. – 1982. – Vol. 23 (3). – P. 318–320.

Bartstra G.J. Dating the Pacitanian: Some thoughts // Courier Forschungsinstitut Senckenberg. – 1984. – Vol. 69. – P. 253–258.

Bartstra G.J. Pacitan and Sangiran, and Java Man's tools // Man and His Culture: A Resurgence. – New Delhi: Books and Books, 1992. – P. 93–103.

Brumm A., Jensen G., Bergh G.D., van den, Morwood M.J., Kurniawan I., Aziz F., Storey M. Hominins on Flores, Indonesia, by one million years ago // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 748–752.

Brumm A.A., Moore M.W.M. Biface distributions and the Movius Line: A Southeast Asian perspective // Australian Archaeol. – 2012. – Vol. 74 (1). – P. 34–46.

Dizon E., Pawlik A.F. The Lower Palaeolithic record in the Philippines // Quat. Intern. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 444–450.

Forestier H. Les éclats du passé préhistorique de Sumatra : une longue histoire des techniques // Archipel. – 2007. – Vol. 74 (1). – P.15–44.

Ingicco T., Bergh G.D., van der, Jago-on C., Bahain J.-J., Chacón M.G., Amano N., Forestier H., King C., Manalo K., Nomade S., Pereira A., Reyes M.C., Sémah A.-M., Shao Q., Voinchet P., Falguères C., Albers P.C.H., Lising M., Lyras G., Yurnaldi D., Rochette P., Bautista A., Vo J., de. Earliest known hominin activity in the Philippines by 709 thousand years ago // Nature. – 2018. – Vol. 557. – P. 233–237.

Hou Yamei, Potts R., Yuan Baoyin, Guo Zhengtang, Deino A., Wang Wei, Clark J., Xie Guangmao, Huang Weiwen. Mid-Pleistocene Acheulean-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // Sci. – 2000. – Vol. 287, iss. 5458. – P. 1622–1626.

Keates S.G., Bartstra G.J. Observations on Cabengian and Pacitanian artefacts from the island Southeast Asia // Quartär. – 2001. – Vol. 51/52. – P. 9–32.

Koenigswald G.H.R., von. Early Palaeolithic stone implements from Java // Bull. Raffles Museum. – Singapore, 1936. – Ser. B, N 1. – P. 52–60.

Koenigswald G.H.R., von, Gosh A.K. Stone implements from the Trinil Beds of Sangiran, central Java // Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Proceedings Series B 76 (N 1). – 1973. – P. 1–34.

Lin Q., Xie G.M. A comparative study of palaeolithic industries between Bose (Guangxi) and An Khe // International Symposium: The An Khe Paleolithic Industry within the Context of Bifacial Industries from ASIA. – An Khe, 2019. – P. 166–167.

Lycett S.J., Norton C.J. A demographic model for Palaeolithic technological evolution: The case of East Asia and the Movius Line // Quat. Intern. – 2010. – Vol. 211. – P. 55–65.

Mishra Sh., Gaillard C., Helter Ch., Moigne A.M., Simanjuntak T. India and Java: Contrasting Records, Intimate Connections // Quat. Intern. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 265–270.

Movius H.L. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. – 1944. – Vol. 19, N 3. – P. 389–399.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // Tran. Amer. Phil. Soc. New Ser. – 1949. – Vol. 38 (4). – P. 330–420.

Movius H.L. New Paleolithic sites, near Ting-T`sun in the Fen River, Shansi province, North China // Quaternaria. – 1956. – Vol. 3. – P. 13–26.

Movius H.L. Southern and Eastern Asia: Conclusions / ed. F. Ikawa-Smith // Early Paleolithic in South and East Asia. – The Hague: Mouton, 1958. – P. 351–355.

Pawlik A.F. The Palaeolithic site of Arubo 1 in Central Luzon, Philippines // Bull. of the Indo-Pacific Prehistoric Association. – 2004. – Vol. 24. – P. 3–12.

Pawlik A.F. Update on the Early Palaeolithic in the Philippines // International Symposium: The An Khe Paleolithic Industry within the Context of Bifacial Industries from ASIA. – An Khe, 2019. – P. 170–171.

Schneider D.A., Kent D.V., Mello G.A. A detailed chronology of the Australasian impact event, the Brunhes-Matuyama geomagnetic polarity reversal, and global climate change // Earth and Planetary Science Letters. – 1992. – Vol. 111, iss. 2–4. – P. 395–405.

Sémah F., Simanjuntak H.T., Dizon B., Sémah A.M. Insular Southeast Asia in the Lower Paleolithic // Encyclopedia of Global Archaeology. – N. Y.: Springer, 2014. – P. 3904–3918.

Simanjuntak H.T., Forestier H. Handaxe in Indonesia. A question on the Movius Line // Hum. Evol. – 2008. – Vol. 23 (1/2). – P. 97–107.

Simanjuntak H.T., Forestier H. Once upon a time in South Sumatra: the Acheulean stone tools of the Ogan River? // Proceedings of the International Seminar on Sharing our Archaeological Heritage, Penang, Malaysia. – Penang, 2009. – P. 233–241.

Simanjuntak H.T., Sémah F., Gaillard C. The Palaeolithic in Indonesia: Nature and chronology // Quat. Intern. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 418–421.

Soejono R.P. Preliminary notes on new finds of Lower Palaeolithic implements from Indonesia // Asian Perspectives. – 1961. – Vol. 5. – P. 217–232.

Van Heekeren H.R. New investigations on the Lower Palaeolithic Patjitanian culture in Java // Bull. of the Archaeological Service of the Republic of Indonesia. – 1955. – Vol. 1. – P. 1–12.

Van Heekeren H.R. The Stone Age of Indonesia. Verhandelingen van het koninklijk, instituut voor Tall-, Land- en Volkenkunde 61. – Hague: Martinus Nijhoof, 1972. – 266 p.

Xie G.M., Bodin E. Les industries Paléolithiques du bassin de Bose (Chine du Sud) // L'Anthropologie. – 2007. – Vol. 111. – P. 182–206.

Xie G.M., Lin Q., Li D. Bifacial industry in Nanjiang basin, South China // International Symposium: The An Khe Paleolithic Industry within the Context of Bifacial Industries from ASIA. – An Khe, 2019. – P. 144–147.

Zeitoun V., Forestier H., Auetrakulvit P., Khaokhiew C., Rasse M., Davtian G., Winayalai C., Tiamtinkrit C. Discovery of a prehistoric site at Sao Din (Nanoi, Nan province, Northern Thailand): Stone tools and new geological insights // Comptes Rendus Palevol. – 2012. – Vol. 11, iss. 8. – P. 575–580.

Zhang P., Huang W., Wang W. Acheulean handaxes from Fengshudao, Bose sites of south China // Quat. Intern. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 440–443.

Материал поступил в редколлегию 22.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.015-023
УДК 903.05

А.П. Забияко, Ван Цзюньчжэн
Амурский государственный университет
Игнатьевское шоссе, 21, корп. 7, Благовещенск, 675027, Россия
E-mail: sciencia@yandex.ru; junzhengbj@163.com

Палеолитические украшения из пещеры Сяогушань: формирование раннего символизма и его региональные особенности в Северо-Восточном Китае

В статье представлены результаты сравнительного изучения украшений из пещеры Сяогушань в межрегиональном и региональном контексте формирования поведения современного типа. Сяогушань – палеолитическая и неолитическая стоянка Северо-Восточного Китая. В ее верхнепалеолитических слоях выявлены не только орудия периода раннего верхнего палеолита, но и украшения – подвески из зубов животных и декорированный диск из кости. Дата стоянки является предметом дискуссии; обнаруженные в слоях 2 и 3 украшения отнесены к периоду ок. 30 тыс. л.н. Установлено, что эти предметы и другие костяные изделия (гарпун, иглы, остроконечник), а также особенности каменной индустрии и технологии обработки камня отражают локальный процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту. Большое внимание уделяется выявлению признаков сходства между украшениями из Сяогушань и подвесками верхнего палеолита из других регионов Евразии и Северного Китая. Материалы стоянки Сяогушань представляют поведение современного типа в период перехода от среднего к верхнему палеолиту, являются одним из важных маркеров распространения верхнепалеолитических новаций из центров их возникновения к периферии. Общность обитателей пещеры Сяогушань первой из известных в Северо-Восточном Китае формирует верхнепалеолитическую культуру, которая демонстрирует производственные навыки и символическое поведение человека, соответствующие раннему верхнему палеолиту. Подвески стоянки Сяогушань, отражая общие тенденции, обнаруживают локальные особенности развития символического поведения на востоке Евразии.

Ключевые слова: *украшения, символизм, религия, верхний палеолит, Китай, Сяогушань.*

A.P. Zabiyako and Wang Junzheng
Amur State University,
Ignatievskoye shosse 21, bldg. 7, Blagoveshchensk, 675027, Russia
E-mail: sciencia@yandex.ru; junzhengbj@163.com

Paleolithic Personal Ornaments from Xiaogushan Cave: The Formation of Early Symbolism and Its Regional Features in Northeast China

This article presents the results of a comparative study of personal ornaments from Xiaogushan Cave in the interregional and regional context of the formation of modern behavior. Xiaogushan is a Paleolithic and Neolithic site in Northeast China. In the Upper Paleolithic layers of the site, apart from tools, personal ornaments were found—pendants made from animal teeth, and a decorated bone disc. The date of the site is a matter of debate; ornaments from layers 2 and 3 date to ~30 ka BP. Like other bone artifacts (harpoon, needles, point), and together with types of stone tools and lithic technology, they mirror the local process of Middle to Upper Paleolithic transition. We focus on similarities between the Xiaogushan ornaments and Upper Paleolithic pendants from northern China and Eurasia in general, attesting to modern behavior during the transitional period and being an important marker of the spread of Upper Paleolithic innovations from the centers to the periphery. Xiaogushan is the first Upper Paleolithic industry in Northeast China known to date, and demonstrates skills and symbolic behavior typical of the initial Upper Paleolithic. The Xiaogushan pendants follow the general tendencies while being specific markers of the evolution of symbolic behavior in Eastern Eurasia.

Keywords: *Ornaments, symbolism, religion, Upper Paleolithic, China, Xiaogushan.*

© Забияко А.П., Ван Цзюньчжэн, 2021

Введение

В статье представлены результаты анализа украшений со стоянки Сяогушань в сравнении с украшениями, обнаруженными на других памятниках Евразии. Основой послужили материалы полевых исследований, проводившихся сотрудниками лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета в 2013–2014 гг. на территории, прилегающей к стоянке Сяогушань [Забияко, Ван Цзяньлинь, 2015]. Объектами этих изысканий были памятники Юйфошань, Цошишань, Чжунсиньбу и др. с чашечными знаками. Пещера Сяогушань на том этапе исследований выступала в качестве важного сопутствующего объекта. Результаты исследований по чашечным знакам опубликованы [Забияко, Ван Цзяньлинь, 2017]. На нынешнем этапе изучения символического поведения древнего населения Северо-Восточного Китая основной вектор нашего исследования обращен на украшения из пещеры Сяогушань. Предметом исследования являются общие тенденции формирования раннего символизма и его региональные особенности, нашедшие выражение в украшениях из пещеры Сяогушань.

Изучение палеолитических украшений в последние годы приобрело актуальность прежде всего в связи с открытиями в археологии и антропологии, существенно удревняющими дату символических изделий и допускающими причастность к их изготовлению разных видов *Homo*. Эти открытия стимулируют острые дискуссии о генезисе поведения современного типа и его антропологических основах.

История изучения, индустрии и даты стоянки

Стоянка Сяогушань находится в Северо-Восточном Китае, на Ляодунском п-ове, в 1 км к юго-востоку от пос. Сяогушань у. Хайчэн, на г. Цинъюньшань на правом берегу р. Хайчэнхэ. По геоморфологии Ляодунский п-ов относится к Ляодунскому горному району Северо-Восточного Китая. На полуострове расположен хребет Цяньшань (горная система Чанбайшань), его высота над уровнем моря составляет ок. 500 м. Стоянка Сяогушань находится на западных склонах хребта Цяньшань. Здесь много карстовых пещер в доломитовых мраморах.

Стоянка Сяогушань была открыта в 1972 г. после землетрясения: сотрудники Управления исторических памятников пров. Ляонин обнаружили рядом с ранее известной пещерой вход в новую полость. Пещера Сяогушань является частью пещерной системы Сяньжэньдун. Длина полости 19 м, ширина – ок. 6, высота – до 10 м; объект находится выше уровня реки на 6–7 м. В 1979 г. было организовано обследование пещерной полости [Чжан Сижун, Ван Сяобинь, 1981]. В 1981 г. начались раскопки пещерных отложений, удалось выявить плейстоценовые и голоценовые комплексы стоянки [Фу Жэньи, 1983]. В 1983 г. при вскрытии плейстоценовых отложений были обнаружены изделия из камня, кости и рога, в голоценовом слое найдены захоронение, отдельные человеческие кости, керамика, орудия; установлено, что некоторые участки плейстоценовых слоев содержат голоценовые включения [Чжан Чжэньхун и др., 1985; Хуан Вэйвэнь и др., 1986, с. 264]. В 1990 г. культуросодержащий горизонт памятника был разделен на пять слоев, слои 1–4 отнесены к позднему плейстоцену, слой 5 – к голоцену. Всего собрано ок. 10 тыс. артефактов из камня и кости, выявлены очаги, обугленные кости животных, фаунистические остатки. Наибольшая часть находок залегала в слоях 1–3 [Сяогушань…, 2009].

В слоях 1–4 обнаружены костные остатки ок. 40 видов животных [Jia-Fu Zhang et al., 2010, p. 516]. Основные представители фауны – северная красная лисица, мамонт, шерстистый носорог, китайский олень, северо-восточная косуля и др. [Фу Бо, 2010, с. 552]. Были найдены также фрагменты рыбьих костей. По палинологическим материалам установлены изменения климата и биоты региона. В начальный период освоения пещеры людьми (ок. 70 тыс. л.н.) в условиях относительно холодного и сухого климата преобладала хвойная растительность; ок. 60–30 тыс. л.н. при более теплом и влажном климате доминировала хвойно-широколиственная растительность; похолодание, достигшее максимума ок. 17 тыс. л.н., привело к очередной фазе изменения биоты региона [Дун Вэй, Фу Жэньи, Хуан Вэйвэнь, 2010].

Процесс изготовления каменных орудий представлен на стоянке заготовками, нуклеусами, орудиями, отходами производства, запасами сырья. В качестве сырья использовался преимущественно кварц; два предмета изготовлены из нефрита. Наряду с изделиями на отщепах имеются леваллуазские нуклеусы для получения пластин, остроконечники и другие орудия, изготовленные по пластинчатой технологии. Орудийный набор включает бифасы, острия разной формы, остроконечники, скребла, скребки (в т.ч. двойные), резцы, диски (в диаметре менее 50 мм), чопперы, зубчатые и выемчатые инструменты, проколки (острия) для перфорирования, сфероиды и т.д. В выборке из 551 изделия орудия с намеренно выделенный острием в виде носика (шипа) составляют 39 %, сфероиды – 18, проколки – 10, диски – 6, бифасы – 5, зубчатые и выемчатые инструменты – 5, изделия типа пик – 5, скребла – 4, чопперы – 2, остроконечники – 1 %. Обработка нуклеусов производилась преимущественно с применением биполярной ударной техники

жестким отбойником. Реже использовалась техника отжима, в основном для получения микропластин и ретуширования. Изделия из кости представлены гарпуном, наконечником копья, тремя иглами и украшениями [Хуан Юньпин, 1993]. Индустрия Сяогушань свидетельствует о сосуществовании средне- и верхнепалеолитических традиций [Сяогушань…, 2009, с. 113–148]. Это согласуется с региональной тенденцией развития верхнепалеолитических технологий, которая заключалась в использовании «старых приемов в первичном расщеплении и отщепов в качестве заготовок» и сохранялась на территории Китая вплоть до неолита [Деревянко, 2011, с. 116].

Возраст культуросодержащих слоев стоянки Сяогушань, хотя неоднократно определялся разными методами, пока остается предметом дискуссии. Основная проблема заключается в том, что на ряде участков культурные отложения смещены, поэтому их стратиграфическая позиция и даты небесспорны.

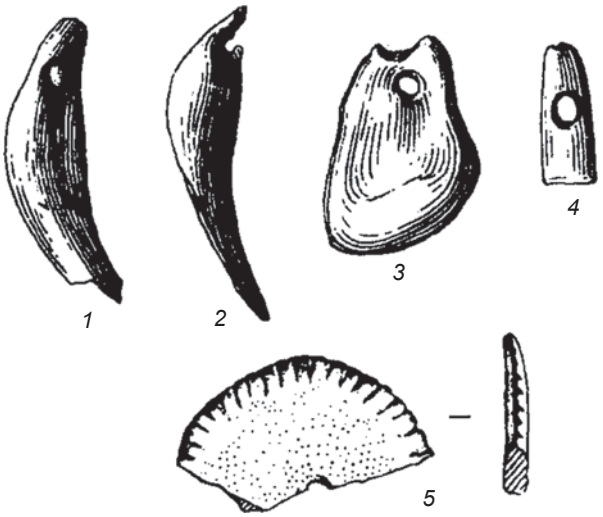
На основе дат, полученных ранее для слоев 2–5 по образцам угля и кости AMS-методом, и новых дат, определенных для слоев 1–3, 5 OSL-методом, выстроена хронологическая последовательность слоев: слой 1 – 70 тыс. л.н., слой 2 – 60–30 тыс. л.н., слой 3 – 30–20 тыс. л.н., слой 4 – 17 тыс. л.н., слой 5 – 10–4 тыс. л.н. Слой 4 относится к периоду низких температур, которые, судя по сокращению продуктов жизнедеятельности людей, заставили популяцию покинуть пещеру. Около 10 тыс. л.н. люди вернулись в пещеру, о чем свидетельствует слой 5, относящийся к голоцену и содержащий неолитический материал. Человеческие останки из захоронения, впущенного в слой 4 из слоя 5, датируются периодом ок. 6 кал. тыс. л.н. [Jia-Fu Zhang et al., 2010, p. 523].

Описание украшений

Украшения из пещеры Сяогушань включают четыре подвески и декорированный диск (см. *рисунок*).

Подвески № 1 и 2 обнаружены в слое 2, кв. D9 и D8. Подвеска № 1 изготовлена из верхнего клыка енотовидной собаки. Корень зуба сначала утончили строганием, затем с двух сторон в нем выскоблили небольшие углубления овальной формы с неровными краями. Далее в углублениях попытались высверлить отверстие, но не довели эту операцию до конца. Подвеска № 2 изготовлена из верхнего клыка представителя семейства кошачьих. Корень зуба сначала был утончен, затем в нем с обеих сторон проделано отверстие. Оно имеет круглую форму. В верхней части подвеска повреждена – отсутствует небольшой фрагмент высверленной кости.

Подвески № 3 и 4 обнаружены в слое 3, кв. G8 и F6. Подвеска № 3 изготовлена из верхнего клыка



Подвески из зубов животных (*1–4*), декорированный диск из кости (*5*), обнаруженные в пещере Сяогушань [Сяогушань…, 2009, с. 147, рис. 5.1].

оленя. Корень зуба сначала утончили, затем в нем с двух сторон было сделано отверстие округлой формы. Подвеска № 4 изготовлена из верхнего клыка хищного животного неопределенного вида. Она просверлена с двух сторон. Отверстие овальной формы, внутренняя поверхность его стенок неровная. Нижняя часть подвески отсутствует [Сяогушань…, 2009, с. 147–148]. Отверстия в образцах № 2 и 3 создавались по технологии перфорации. Образец № 4 после подготовки поверхности с двух сторон был просверлен. Образец № 1 подвергался сверлению с двух сторон до появления углублений.

Дискуссионным остается вопрос о нанесении на поверхность зубов краски. В отчете 1985 г., в котором впервые была представлена коллекция подвесок, нет информации о нанесенной на зубы краске [Чжан Чжэньхун и др., 1985]. Позднее Гу Юйцай указывал на наличие следов красной краски в отверстии образца № 3 [1994, с. 300]. В итоговой публикации результатов изучения стоянки подчеркивается, что на подвесках из зубов исследователи «не смогли увидеть красную краску» [Сяогушань…, 2009, с. 151].

Половина декорированного диска была найдена в слое 3 в центре пещеры, кв. G6 [Хуан Вэйвэнь и др., 1986, с. 263]. Предмет сделан из кости животного, видовая принадлежность которого не определена. Диаметр изделия ок. 25 мм, толщина ок. 2 мм. Предмет с обеих сторон отполирован, по краям – до блеска. Поверхность диска цвета слоновой кости слегка выпуклая. С противоположной стороны она слегка вогнутая, покрыта красным пигментом. По краю с одной стороны острым инструментом прорезаны небольшие радиальные линии. Линии отличаются по глубине и длине, в них сохранился красный пигмент. В центре диска –

отверстие диаметром 2,2 мм, на краях которого имеется красная краска [Сяогушань…, 2009, с. 148].

Стратиграфическая позиция отложений стоянки, как отмечено выше, вызывает вопросы. Украшения и костяные орудия относятся к слоям 2 и 3, между тем, как отмечают Чжан Цзяфу и соавторы, границы контактной зоны между слоями 2 и 3 неясны [Jia-Fu Zhang et al., 2010, p. 515]. По мнению исследователей, костяные артефакты следует датировать периодом 30–20 тыс. л.н. [Ibid., p. 523].

Подвески из Сяогушань в контексте древнейших украшений Европы, Сибири и Северного Китая

Западная Европа. К наиболее ранним подвескам из зубов животных относятся артефакты из пещеры Фумане (Северная Италия). В материалах пещеры выявлены костные остатки неандертальцев и людей современного анатомического типа. В «протооринья-ких» отложениях с датой ок. 42 тыс. л.н. обнаружены четыре резца благородного оленя, в верхней части которых имеются бороздки для крепления [Broglio et al., 2006, p. 3]. Секвенирование генома, извлеченного из человеческого зуба, показало, что обитавший в пещере ок. 40–41 тыс. л.н. человек относился к *Homo sapiens*, именно с этим видом *Homo* связаны «протоориньякские» слои пещеры [Benazzi et al., 2015].

Набор украшений из памятника Истюриц (Франция) насчитывает более 200 просверленных раковин, зубов, подвесок из камня. Слой 4d, в котором найдена часть украшений, принадлежит к «архаическому ориньяку» («протооринь-яку») возрастом более 37 тыс. л.н. [White, 2015, p. 147].

В пещере Грот-дю-Ренн (Франция) обнаружены подвески из перфорированных зубов животных и раковины (*Rhynchonella*). Их дата 45–32 тыс. л.н., а также принадлежность людям современного анатомического типа или неандертальцам являются предметом острой дискуссии [Vanhaeren, Julien, 2011; Caron et al., 2011; Zilhão, 2012; Prévost et al., 2021].

Центральная Европа. К ориньякскому времени относятся обнаруженные в пещере Младеч (Моравия, Чехия) 22 просверленных зуба животных (бобра, лося и др.). Часть из них находилась в погребениях с остеологическими материалами людей современного анатомического типа, датированными 30,68–31,5 тыс. л.н. [Oliva, 2017, p. 77–79]. Установлено, что большая часть костных остатков ранних обитателей пещеры Младеч принадлежит представителям *H. sapiens*, но некоторые мужские черепа имеют архаические черты, близкие к неандерталоидным. В центре продолжающейся дискуссии – проблема контактов сапиенсов и неандертальцев.

Декорированные диски из захоронения Броно 2 (Чехия) относятся к граветту, они датированы 23 680 ± ± 200 л.н. [Ibid., p. 104].

Юго-Восточная Европа. Мустьерские артефакты из пещеры Бачо Киро (Болгария), освоенной неандертальцами, датированы по ^{14}C временем ранее 51 тыс. л.н. [Fewlass et al., 2020]. В период начального верхнего палеолита пещеру заселили представители *H. sapiens* – древнейшие из ныне известных в Европе. Дата человеческого зуба и фрагментов костей 45,82–43,65 кал. тыс. л.н. [Hublin et al., 2020]. Среди артефактов начального верхнего палеолита из Бачо Киро – изделия из кости, в т.ч. подвески из зубов животных (пещерный медведь и представители копытных), некоторые подвески просверлены, имеют обработанную бороздками (рифленую) поверхность.

Восточная Европа. Ранние украшения в виде зубов животных (прежде всего песца) и раковин входят в коллекцию спицынской (костенковско-спицынской) культуры. Самые ранние даты спицынской культуры получены для горизонта, находящегося ниже «горизонта в вулканическом пепле», они относятся ко времени 42–36 тыс. л.н. (44–40 кал. тыс. л.н.). В состав предметов этой культуры (слой II Костенок-17) входят 37 подвесок из клыков и резцов песца, а также небольшая серия подвесок из белемнитов, кораллов и известковых трубок червей. К начальному верхнему палеолиту относятся находки из слоя IVw Костенок-14; среди них имеется серия украшений из раковин моллюсков [Синицын, 2016, с. 322]. Подвески из зубов животных отмечены в материалах памятников раннего верхнего палеолита Русской равнины [Там же, с. 326–327].

Известны украшения в виде просверленных зубов животных и диски из кости со стоянки Сунгирь, а также других стоянок Русской равнины, относящихся к раннему (43–29 тыс. л.н.) и следующему этапу верхнего палеолита [Житенев, 2007]. Украшения из раковин «ориньякского» периода выявлены на стоянке Сюрень-1 в Крыму [Синицин, 2016, с. 329].

Урал. На стоянке Заозерье на Среднем Урале, на границе Европы и Азии, найдены две перламутровые просверленные подвески из раковин пресноводного моллюска *Unio*, заготовка подобной подвески и бусины, а также костяной фрагмент подвески с двумя просверленными отверстиями. Стоянка Заозерье относится к начальной поре верхнего палеолита, для нее имеется дата 41 тыс. л.н. [Павлов, 2009, с. 16].

Сибирь. Наиболее ранняя в регионе серия украшений обнаружена в начале 2000-х гг. на Алтае в Денисовой пещере. Она включает подвески с биконическими отверстиями или прорезанными бороздками для крепления из зубов лисицы, бизона и оленя [Деревянко, Шуньков, 2004]. В ходе раскопок в пещере были найдены также изделия из бив-

ня мамонта, мягкого камня, скорлупы яйца страуса, зубов куницы, пещерной гиены, пещерного медведя и т.д. [Шуньков и др., 2016]. Согласно результатам прямого ^{14}C-датирования, самые ранние из этих артефактов – украшения из зубов благородного оленя *Cervus elaphus*, лося *Alces alces* – были изготовлены ок. 45 кал. тыс. л.н.; вместе с костяными остриями-проколками комплекс ранних изделий относится к 43–49 кал. тыс. л.н. [Douka et al., 2019].

В статье, посвященной исследованиям комплекса украшений из Денисовой пещеры, ее авторы [Shunkov et al., 2020] справедливо отмечают важность этих находок для понимания процесса формирования поведения современного типа. Коллекция украшений из Денисовой пещеры принадлежит к начальному и раннему верхнему палеолиту. Подвески с отверстиями из зубов животных и перфорированные плоские костяные бляшки, обнаруженные в центральном зале, восточной и южной галереях, на предвходовой площадке, были созданы 50–34 кал. тыс. л.н.; часть образцов по результатам прямого датирования отнесена ко времени ок. 45 кал. тыс. л.н. Коллекция включает одни из древнейших в Евразии и самые ранние в Северной и Центральной Азии предметы, представляющие символическую деятельность человека. Возможно, они были созданы денисовцами, следы пребывания которых в пещере стратиграфически и хронологически ближе всего к месту обнаружения украшений. Авторы исследования связывают решение вопроса о происхождении украшений с получением результатов исследования археологических и антропологических материалов пещеры. По мнению ученых, сходные с денисовскими самые ранние украшения в Восточно-Азиатском регионе выявлены в пещерах Шаньдиндун, Шуйдунгоу 2 и Мааньшань [Ibid.]. К ним следует добавить находки из пещеры Сяогушань, а также со стоянок Шуйдунгоу 7–9 и Чжиюй.

На Алтае верхнепалеолитические костяные подвески обнаружены в пещерах Малояломанская, Усть-Канская, Страшная, на открытой стоянке Кара-Бом. Просверленные подвески из зубов (2 экз.) и лучевой кости (1 экз.) животных, а также плоская галька со следами охристой краски со стоянки Кара-Бом датированы 48–46 кал. тыс. л.н. [Деревянко, Рыбин, 2003]. Коллекция каменных и костяных изделий пещеры Страшной включает обнаруженные в горизонте денисовского технокомплекса перфорированный зуб благородного оленя, подвеску из кости и костяные иглы возрастом ок. 44 тыс. л.н. В этом же слое в более позднем горизонте, датируемом периодом ок. 20 тыс. л.н., найдены другие украшения [Krivoshapkin et al., 2018].

За пределами Алтая на территории Сибири и Монголии подвески из зубов животных и других материалов, а также диски, бусины представлены на ряде памятников начального и раннего верхнего палеолита. Итоговые результаты их исследования и современные интерпретации изложены в статьях Л.В. Лбовой [2018; Lbova, 2021].

На Крайнем Северо-Востоке Евразии находится стоянка Янская (28 тыс. л.н.), в коллекцию украшений которой входят подвески в виде костяных дисков и перфорированных зубов животных (последние преобладают) [Питулько, Никольский, 2014].

В Забайкалье известно несколько памятников с украшениями: Подзвонковая, Хотык, Каменка (более 40 тыс. л.н.), а также Варварина Гора (35–28 тыс. л.н.) и Толбага (34–25 тыс. л.н.) [Lbova, 2021, tab. 1]. Следует отметить, что среди них только на поселении Варварина Гора для изготовления подвески использовался зуб животного. В Забайкалье подвески делали в основном из камня и скорлупы страусиных яиц. Последние особенно широко распространены. На Подзвонковой одно из таких изделий находилось в Нижнем комплексе (49 486–45 547 кал. л.н.), остальные – в Восточном (45–37 кал. тыс. л.н.) и Юго-Восточном (44–37 кал. тыс. л.н.) [Ташак, Антонова, 2019].

Восточная Азия, Северный Китай. В Северном Китае наибольшее количество украшений найдено на стоянке Шаньдиндун и в Верхней пещере Чжоукоудяня (Пекин). Стратиграфическая позиция и дата слоев, к которым относятся эти изделия, неоднократно уточнялись и корректировались. После очередной корректировки стратиграфической позиции методом ускорительной масс-спектрометрии по 11 образцам кости животных были получены следующие даты: украшения из костей животных 39,8–34,3 кал. тыс. л.н.; самые поздние даты слоев стоянки 35,1–33,5 кал. тыс. л.н. Морфология артефактов и технологии их изготовления соответствуют раннему верхнему палеолиту. Появление верхнепалеолитических традиций в Северном Китае Ли Фэн и соавторы связывают с миграцией с территории Сибири в Северную Евразию популяций *H. sapiens* [Li et al., 2018]. По мнению А.П. Деревянко, применявшиеся при изготовлении орудий на стоянке Шаньдиндун пластинчатые технологии расщепления камня зародились в Южной Сибири, отсюда они распространялись на сопредельные территории [Деревянко, 2011, с. 116].

В материалах стоянки Шаньдиндун имеются 125 подвесок из зубов животных: барсука – 60 экз., лисицы – 29, оленя – 17, енота – 9, желтого хорька – 2, тигра – 1, мелких хищных животных – 5 экз.; для 2 экз. видовая принадлежность животных не определена. Отверстия сделаны в корневой части зуба узким острым инструментом методом скобления с обеих сторон вглубь до проникновения в полость зуба. На некоторых образцах отверстия выполнены при

помощи скобления и «выкрашивания» мелких частиц кости. Отдельные отверстия имеют признаки изнашивания. На поверхность некоторых зубов-подвесок нанесена красная краска – гематит. В коллекции стоянки Шаньдиндун среди артефактов с отверстиями для подвешивания имеются просверленные трубчатые кости животных, морские раковины, каменные бусины и гальки [Цзя Ланьпо, 1951, с. 64–71].

Ли Фэн и соавторы, развивая идею о связи происхождения культуры Шаньдиндун с миграцией *H. sapiens* из Сибири, обращают внимание на сходство украшений со стоянки Шаньдиндун с подвесками, обнаруженными на стоянке Кара-Бом, и другими ранними изделиями такого типа с Алтая [Li et al., 2018]. Заметим, что обитатели Денисовой пещеры и стоянки Шаньдиндун использовали похожую технику создания отверстий в зубах-подвесках [Шуньков и др., 2017, с. 261; Shunkov et al., 2020, p. 53, fig. 5].

К югу от стоянки Шаньдиндун находится археологический комплекс Шуйдунгоу, включающий 12 памятников (пунктов), пункты 1, 5, 7–9, 12 раскопаны. В пунктах 2, 7–9, 12 обнаружены многочисленные подвески и плоские бусины. Украшения с отверстиями выполнены из скорлупы яиц страуса (они преобладают) и раковин пресноводного моллюска. Большая часть изделий находилась близ очагов [Wang et al., 2009]. Памятники Шуйдунгоу, оставленные людьми современного анатомического типа, относятся к раннему верхнему палеолиту и связаны с распространением пластинчатой индустрии из Сибири и Монголии [Деревянко, 2011, с. 121–128]. Последние даты получены AMS- и OSL-методами для слоев с украшениями. Шуйдунгоу 2 (в слоях 2 и 3 найдены фрагмент костяной иглы и более 70 украшений из скорлупы): возраст слоя 2 составляет 29 441–30 996 кал. л.н., слоя 3 – 32 665–30 695 кал. л.н.; Шуйдунгоу 7 (обнаружены орудия на пластинах и две бусины из скорлупы, подобные обнаруженным в Шуйдунгоу 2): возраст по двум образцам 34 364–33 667 и 28 342–27 763 кал. л.н.; Шуйдунгоу 8: возраст по фрагменту бусины из скорлупы 31 280–30 853 кал. л.н. [Li et al., 2019].

Отсутствие подвесок из зубов животных, использование скорлупы страусиных яиц в качестве основного материала, форма бусин, пластинчатые индустрии и орудийный набор сближают Шуйдунгоу с более ранними памятниками Забайкалья. Сходство усиливает наличие других свидетельств символической деятельности. В коллекции Шуйдунгоу 1 имеется гравированная плитка из кремнистого известняка возрастом ок. 30 тыс. л.н. [Peng et al., 2012]. По ряду признаков она близка к более ранним гравированным плиткам из Нижнего и Юго-Восточного комплексов Подзвонковой [Ташак, Антонова, 2019]. Есть основания считать аналогии в традициях, представленных на Шуйдунгоу и западных памятниках, следствием миграций с запада на восток человеческих групп и вместе с ними инноваций.

Между Шуйдунгоу и Шаньдиндун находится стоянка Чжиюй с датой ок. 30 тыс. л.н. Здесь в контексте формирования поведения человека современного типа «особого внимания заслуживает фрагмент округлой подвески из плитки графита», который напоминает подвески из Шаньдиньдун [Деревянко, 2011, с. 121].

Обсуждение

Древнейшие памятники с украшениями составляют цепь, которая протянулась в Евразии с запада на восток от Западной Европы до Китая, с юга на север от Ближнего Востока до Крайнего Севера. В Восточной Азии Сяогушань – самая северо-восточная палеолитическая стоянка с украшениями. В Азии к востоку от нее такие же артефакты были найдены только на Янской стоянке, расположенной много севернее. В Северо-Восточном Китае Сяогушань пока единственная известная палеолитическая стоянка с украшениями.

Орудия и технологии Сяогушань типологически близки к индустриям стоянок Шуйдунгоу, Чжиюй, Шаньдиндун в Северном Китае. Сяогушань входит в круг этих верхнепалеолитических памятников. Сходство объясняется распространением на северо-восток из более ранних центров Северного Китая, ближайшим из которых к Сяогушань является Шаньдиндун, пластинчатой технологии, ее сближением с местным отщеповым комплексом и постепенным формированием индустрии, совмещающей отщеповые и пластинчатые приемы обработка камня. Появление на северо-востоке Китая пластинчатой технологии, производства орудий из кости, украшений могло быть результатом как контактов локальных групп, так и миграционного процесса. Общность обитателей пещеры Сяогушань первой из известных в Северо-Восточном Китае формирует верхнепалеолитическую культуру, в которой получили отражение производственные навыки и символическое поведение, соответствующие раннему верхнему палеолиту.

Некоторые исследователи допускают, что слою 2 стоянки Сяогушань по возрасту соответствуют артефакты стоянки Шаньдиндун [Jia-Fu Zhang et al., 2010, p. 523]. Скорее всего, Шаньдиндун был более ранним, чем Сяогушань, очагом становления верхнего палеолита. С учетом результатов датирования стоянки Сяогушань и региональной динамики перехода от среднего к верхнему палеолиту формирование верхнепалеолитической традиции Сяогушань следует отнести к периоду ок. 30 тыс. л.н.

Дискуссия о видах *Homo*, потенциальных создателях или носителях поведения современного типа, для

ряда регионов Евразии далека от завершения [Prévost et al., 2021]. Признаки современного поведения, представленные на стоянке Сяогушань и в границах Северо-Восточного Китая, относятся к *Homo sapiens*.

Украшения Сяогушань по сырью, морфологии, семантике и функциям соответствуют общей палеолитической традиции изготовления и применения предметов личной орнаментации. Вместе с тем в границах Восточной Азии, Китая они обладают локальным своеобразием. В коллекции украшений Сяогушань отсутствуют предметы из скорлупы яиц страуса, камня и раковин моллюсков, типичные для китайских стоянок Шуйдунгоу, Чжиюй, Шаньдиндун, а также для близлежащих памятников на территории Забайкалья. Коллекция украшений Сяогушань ближе к коллекции подвесок Шаньдиндун, в которой преобладают изделия из зубов животных. Подвески из зубов Сяогушань отличаются от украшений Шаньдиндун отсутствием краски, а также техническими особенностями изготовления.

В общей коллекции китайских палеолитических украшений подвески из зубов животных количественно уступают другим разновидностям личных украшений. На памятниках финальной части верхнего палеолита Северного Китая (Шицзытань, Хутоулян) подвески из зубов животных отсутствуют [Гай Пэй, Вэй Ци, 1977, с. 287–300; Сун Яньхуа, Ши Цзиньмин, 2013, с. 54–55]. По материалу и технике изготовления украшения из этих стоянок близки к таковым более раннего периода из Забайкалья.

Среди артефактов Сяогушань имеются два изделия из нефрита – крупный отщеп и острие (10,77 × × 4,5 × 2,08 см), найденные в слое 3. Сырье было взято из источников, расположенных рядом с пещерой. На острие видны следы использования и подновления. По мнению Фу Жэньи и Чжоу Сяоцзин, острие, изготовленное из нефрита, хотя применялось как орудие, вместе с украшениями может свидетельствовать о зарождении у обитателей стоянки, оценивших красоту камня, эстетических представлений. Прямой связи между нефритами Сяогушань и неолитическими культурами Синлунва и Хуншань, в которых изделия из этого минерала играли большую роль, нет, однако важно, что уже в эпоху палеолита на северо-востоке Китая появляются признаки особого отношения к нему, на основе которого позднее возникнет впечатляющая «нефритовая культура» региона [Фу Жэньи, Чжоу Сяоцзин, 2010]. Восприятие цвета или формы камня как эстетической ценности и опредмечивание такого ценностного отношения в особых практиках его использования является, несомненно, одним из проявлений символической деятельности. На Алтае в материалах Денисовой пещеры оно очень рано обнаруживает себя в искусно изготовленных каменных украшениях, на северо-востоке Китая формируется позже, возможно, в процессе распространения верхнепалеолитических новаций с сопредельных территорий.

Известно, что в Древнем Китае острые предметы из нефрита служили не только как образцы искусства, но и как изделия религиозного назначения (ритуальные ножи, топоры и т.д.). Нельзя исключать, что эта традиция восходит к эпохе палеолита.

Стоянка Сяогушань – не единственный на Ляодунском п-ове памятник, в материалах которого проявились первые признаки поведения современного типа. Рядом с пещерой находятся памятники Юйфошань, Цошишань, Чжунсиньбу и другие объекты с чашечными знаками. Чашечные знаки широко распространены в Евразии, Северной Америке; одна часть объектов с такими знаками отнесена к верхнему палеолиту, другая – к раннему или даже к мустье (Ла Ферраси). Ляодунские украшения из кости и чашечные знаки, дополняя друг друга, представляют ранние формы символического поведения населения региона.

Палеолитические подвески выступали не только украшением, предметом персональной орнаментации, символом социального статуса, но и объектом, связанным с ранними формами религии. Данная тема заслуживает специального обсуждения.

Заключение

Стоянка Сяогушань – крайний восточный пункт ранней традиции использования подвесных символических объектов в Восточной Азии. Ее материалы фиксируют в пространстве и времени границы распространения поведения современного типа в период перехода от среднего к верхнему палеолиту. Они являются одним из важных маркеров динамики миграции верхнепалеолитических новаций от центров их возникновения к периферии. Коллекция подвесок памятника Сяогушань подтверждает общие тенденции и дает представление о локальных особенностях развития символического поведения на востоке Евразии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00408.

Список литературы

Гай Пэй, Вэй Ци. Открытие памятника позднего палеолита в Хутоляне // Гуцзичжуй дунъу юй гужэньлэй. – 1977. – № 4. – С. 287–300 (на кит. яз.).

Гу Юйцай. Технология просверливания украшений со стоянки Сяньжэньдун Хайчэна и связанные с ней проблемы // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1994. – № 4. – С. 294–301 (на кит. яз.).

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Дун Вэй, Фу Жэньи, Хуан Вэйвэнь. Фауна и палеосреда на стоянке Сяогушань в Хайчэн, Ляонин // Кэсюэ тунбао. – 2010. – № 14. – С. 1376–1383 (на кит. яз.).

Житенев В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). – М.: Дом еврейской книги, 2007. – С. 40–61.

Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. – 310 с.

Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Петроглифы Северо-Восточного Китая: новые памятники и интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 3. – С. 69–78.

Лбова Л.В. Предметы персональной орнаментации в контексте культурных феноменов и технологий раннего верхнего палеолита Сибири // Урал. ист. вестн. – 2018. – № 1. – С. 37–50.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. – 2009. – № 1. – С. 5–17.

Питулько В.В., Никольский П.А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН: ИИМК РАН, 2014. – С. 408–418.

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 320–337.

Сун Яньхуа, Ши Цзиньмин. Украшения из палеолитического памятника Шицзытань в Цзисянь, Шаньси // Каогу. – 2013. – № 8. – С. 46–57 (на кит. яз.).

Сяогушань: Ляонин Хайчэн шицянь дунсюэ ичжи цзунхэ яньцзю (Сяогушань: комплексное исследование доисторической пещерной стоянки в Хайчэн, Ляонин). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. – 192 с. (на кит. яз.).

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Палеолитические комплексы Подзвонковой на юге Западного Забайкалья: сравнительная характеристика // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 80–96.

Фу Бо. Культура позднего палеолита Ляонина и связанные с ней проблемы // Шэньян шифань дасюэ сюэбао. – 2010. – № 4. – С. 549–553 (на кит. яз.).

Фу Жэньи. Раскопки палеолитической стоянки Сяньжэньдун в Аньшане // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1983. – № 2. – С. 103 (на кит. яз.).

Фу Жэньи, Чжоу Сяоцзин. Анализ «изделий из нефрита» со стоянки Сяогушань и проблемы происхождения «нефритовых изделий» на Северо-Востоке // Чжунго вэньу бао. – 2010. – 24 дек. (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун, Фу Хэньи, Чэнь Баофэн, Лю Цзинюй, Чжу Минье, У Хункуань. Костяные изделия и украшения из Сяогушань, Хайчэн // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1986. – № 3. – С. 259–266 (на кит. яз.).

Хуан Юньпин. Изучение изготовления и использования костяных игл из Сяогушань // Каогу. – 1993. – № 3. – С. 260–268 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо. Шаньдиндун жэнь (Шаньдиндунский человек). – Шаньхай: Лунмэнь ляньхэ шуцзюй, 1951. – 95 с. (на кит. яз.).

Чжан Сижун, Ван Сяобинь. В Хайчэн обнаружена пещерная стоянка позднего палеолита // Ляонин вэньу. – 1981. – № 2. – С. 18–22 (на кит. яз.).

Чжан Чжэньхун, Фу Жэньи, Чэнь Баофэн, Лю Цзинюй, Чжу Минье, У Хункуань, Хуан Вэйвэнь. Отчет об археологических раскопках стоянки Сяогушань в Хайчэн, Ляонин // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1985. – № 1. – С. 70–79 (на кит. яз.).

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 259–264.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 221–224.

Benazzi S., Slon V., Talamo S., Negrino F., Peresani M., Bailey S.E., Sawyer S., Panetta D., Vicino G., Starnini E., Mannino M.A., Salvadori P.A., Meyer M., Pääbo S., Hublin J.-J. The makers of the Protoaurignacian and implications for Neandertal extinction // Sci. – 2015. – Vol. 348. – P. 793–796.

Broglio A., De Stefani M., Gurioli F., Peresani M. Le peintures aurignacien de la grotte de Fumane // Lettre internationale d'informations sur l'art rupestre. – 2006. – N 44. – P. 1–8.

Caron F., d'Errico F., Del Moral P., Santos F., Zilhão J. The Reality of Neandertal symbolic behavior at the Grotte du Renne, Arcy-sur-Cure, France // PLoS ONE. – 2011. – Vol. 6. – e21545.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Bronk Ramsey C., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644.

Fewlass H., Talamo S., Wacker L., Kromer B., Tuna T., Fagault Y., Bard E., McPherron Sh., Aldeias V., Maria R., Martisius N.L., Paskulin L., Rezek Z., Sinet-Mathiot V., Sirakova S., Smith G., Spasov R., Welker F., Sirakov N., Tsanova T., Hublin J.-J. A ^{14}C chronology for the Middle to

Upper Palaeolithic transition at Bacho Kiro Cave, Bulgaria // Nature Ecology & Evolution. – 2020. – Vol. 4. – P. 794–801.

Hublin J.-J., Sirakov N., Aldeias V., Bailey S., Bard E., Delvigne V., Endarova E., Fagault Y., Fewlass H., Hajdinjak M., Kromer B., Krumov I., Marreiros J., Martisius N.L., Paskulin L., Sinet-Mathiot V., Meyer M., Pääbo S., Popov V., Rezek Z., Sirakova S., Skinner M.M., Smith G.M., Spasov R., Talamo S., Tuna T., Wacker L., Welker F., Wilcke A., Zahariev N., McPherron S.P., Tsanova T. Initial Upper Palaeolithic Homo sapiens from Bacho Kiro Cave, Bulgaria // Nature. – 2020. – Vol. 581. – P. 299–302.

Jia-Fu Zhang, Wei-Wen Huang, Bao-Yin Yuan, Ren-Yi Fu, Li-Ping Zhou. Optically stimulated luminescence dating of cave deposits at the Xiaogushan prehistoric site, northeastern China // J. of Hum. Evol. – 2010. – Vol. 59 (5). – P. 514–524.

Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya cave in the Altai mountains // Antiquity. – 2018. – N 92 (365). – P. 1–7.

Lbova L. Personal ornaments as markers of social behavior, technological development and cultural phenomena in the Siberian early upper Paleolithic // Quaternary Intern. – 2021. – N 273. – P. 4–13.

Li F., Bae C.J., Bronk R.C., Chen F., Gao X. Re-dating Zhoukoudian Upper Cave, Northern China and its regional significance // J. of Hum. Evol. – 2018. – N 121. – P. 170–177.

Li F., Kuhn S.L., Bar-Yosef O., Chen F., Peng F., Gao X. History, chronology and techno-typology of the Upper Paleolithic sequence in the Shuidonggou Area, Northern China // J. of World Prehistory. – 2019. – N 32. – P. 111–141.

Oliva M. Palaeolithic and Mesolithic of the Czech lands (Moravia and Bohemia) in the European context. – Brno: Moravian Museum, 2017. – 194 p.

Peng F., Gao X., Wang H., Chen F., Liu D., Pei S. An engraved artifact from Shuidonggou, an Early Late Paleolithic Site in Northwest China // Chinese Sci. Bull. – 2012. – N 57. – P. 4594–4599.

Prévost M., Groman-Yaroslavski I., Crater-Gershtein K., Tejero J.-M., Zaidner Y. Early evidence for symbolic behavior in the Levantine Middle Paleolithic: A 120 ka old engraved aurochs bone shaft from the open-air site of Nesher Ramla, Israel // Quat. Intern. – 2021. – URL: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.01.002 (2021).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quat. Intern. – 2020. – N 559. – P. 47–67.

Vanhaeren M., Julien M. Parures et peintures corporelles: des indices // Dossier d'Archéologie. – 2011. – N 345. – P. 56–57.

Wang C., Zhang Y., Gao X., Zhang Siaoling, Wang Huimin. Archaeological study of ostrich eggshell beads collected from SDG site // Chinese Sci. Bull. – 2009. – N 54. – P. 3887–3895.

White R. Les parures de l'Aurignacien ancien et archaïque de la grotte d'Isturitz: perspectives technologiques et régionales // Aurignacian Genius: art, technologie et société des premiers hommes modernes en Europe. – P@lethnologie. – 2015. – N 7. – P. 138–164.

Zilhão J. Personal ornaments and symbolism among the Neanderthals // Developments in Quaternary Sci. – 2012. – Vol. 16. – P. 35–49.

Материал поступил в редколлегию 02.06.21 г.,
в окончательном варианте – 17.08.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.024-036
УДК 902.035(575.2)/551.794

И.Е. Дедов[1], Е.П. Кулакова[2], М.В. Шашков[1, 3], А.А. Жданов[3], Е.В. Пархомчук[1, 4], Т. Чаргынов[5], С.В. Шнайдер[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: 11.dedov.com@gmail.com; shashkov@catalysis.ru; ekaterina@catalysis.ru; sveta.shnayder@gmail.com
[2]Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН
ул. Б. Грузинская, 10, стр. 1, Москва, 123242, Россия
E-mail: ek.kula@yandex.ru
[3]Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 5, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aa.zhdanov@inbox.ru
[4]Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия» Новосибирского государственного университета–Новосибирского научного центра
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
[5]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Кыргызстан
Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети
Фрунзе көчөсу, 547, Бишкек шаары, 720033, Кыргыз Республикасы
E-mail: tima_chargynov@mail.ru

Междисциплинарное изучение пеплосодержащих прослоев на памятнике Сурунгур в Ферганской долине (Южный Кыргызстан)

Пеплосодержащие прослои являются важным источником информации о быте древнего человека, их изучение позволяет реконструировать размеры, интенсивность использования, функциональность древних кострищ, а также определить типы топлива, использовавшегося для поддержания огня. В статье приводятся результаты междисциплинарного изучения пеплосодержащих прослоев и вмещающих отложений многослойного голоценового памятника Сурунгур, расположенного в Ферганской долине на юге Кыргызстана. Методами петромагнитных исследований, газовой хромато-масс-спектрометрии и рентгенофлуоресцентного анализа изучены 16 образцов из пепловых и межпепловых отложений. Данные петромагнитного анализа всех образцов из пепловых прослоев указывают на антропогенное происхождение последних. Реконструированы типы топлива, использовавшегося во время функционирования стоянки. Установлено, что период ее первоначального заселения приходится на ранний голоцен, вмещающие отложения связаны, скорее всего, с недолговременными посещениями стоянки; топливом для кострищ служили дерево и травы/навоз. В среднем голоцене происходило активное обживание стоянки: зафиксированы максимальные температурные прогревы отложений, высокая концентрация пепловых прослоев; топливом были дерево и травы/навоз. В период позднего голоцена площадка под скальным навесом так же активно использовалась человеком, однако температурные прогревы не были столь значительными; топливом служили дерево и травы/навоз. Полученные результаты свидетельствуют о том, что древесная растительность была доступна человеку в изучаемом регионе в период голоцена.

Ключевые слова: *Ферганская долина, археологический памятник, кострище, рентгенофлуоресцентный анализ, газовая хромато-масс-спектрометрия, петромагнитный анализ.*

© Дедов И.Е., Кулакова Е.П., Шашков М.В., Жданов А.А., Пархомчук Е.В., Чаргынов Т., Шнайдер С.В., 2021

I.E. Dedov[1], E.P. Kulakova[2], M.V. Shashkov[1, 3], A.A. Zhdanov[3], E.V. Parkhomchuk[1, 4], T. Chargynov[5], and S.V. Shnaider[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: 11.dedov.com@gmail.com; shashkov@catalysis.ru; ekaterina@catalysis.ru; sveta.shnayder@gmail.com
[2]Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, Bolshaya Gruzinskaya 10, bldg. 1, Moscow, 123242, Russia
E-mail: ek.kula@yandex.ru
[3]Boreskov Institute of Catalysis, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Akademika Lavrentieva 5, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: aa.zhdanov@inbox.ru
[4]Accelerator Mass Spectrometry Center for Collective Use, Novosibirsk State University, Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
[5]Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, Frunze 547, Bishkek, 720033, Kyrgyzstan
E-mail: tima_chargynov@mail.ru

A Multidisciplinary Study of Burnt Deposits at Surungur, Fergana Valley, Southern Kyrgyzstan

Burnt deposits are an important source of information on ancient lifestyles, providing a possibility to reconstruct the size, intensity of use, and functions of fireplaces at prehistoric settlements, and to assess fuel sources. We outline the results of a multidisciplinary study of fireplaces and their contexts at Surungur—a stratified site in the Fergana Valley, in southern Kyrgyzstan. Sixteen samples from ash lenses and intermediate deposits were studied by magnetic susceptibility rock-magnetism, gas chromatography-mass spectrometry (GC-MS), and X-ray fluorescence (XRF). The magnetic susceptibility rock-magnetic analysis suggests that the origin of all samples from ash lenses was anthropogenic. Types of fuel were reconstructed. At the initial stage (Early Holocene), the encompassing deposits likely resulted from short-term occupation, and fuel consisted of wood and grass/dung. In the Middle Holocene, occupation became more long-term, as evidenced by maximal heating temperatures and high concentration of fireplaces. During the Late Holocene, habitation intensity on the platform under the stone ledge remained the same, but heating was less intense. Wood and grass/dung were used as fuel at all stages, suggesting that wood was available in the region throughout the Holocene.

Keywords: *Fergana valley, archaeological site, fireplace, X-ray fluorescence (XRF), gas chromatography-mass spectrometry (GC-MS), magnetic susceptibility rock-magnetism.*

Введение

Следы использования огня являются важным археологическим источником, их анализ позволяет реконструировать особенности быта и адаптационных стратегий человека. Применение междисциплинарного подхода к их изучению делает возможным определение таких характеристик очага, как площадь кострища, центр очага, температурный порог, а также тип топлива, использовавшегося для поддержания огня, и помогает в поиске термически измененных поверхностей и артефактов [Нестерова, 2019]. Физические и химические методы – важные составляющие геоархеологических исследований, доказавшие высокую результативность; их использование может быть полезно при проведении подобных исследований [March, 1996].

Петромагнитный метод неоднократно применялся в исследованиях термически измененных объектов из археологических памятников [Carrancho et al., 2009; Jrad et al., 2014]. Он базируется на представлениях о том, что вследствие нагрева в результате минералогических превращений зачастую происходит образование более сильных магнитных минералов из немагнитных или слабомагнитных [Aldeias et al., 2016]. Пеплы являются отложениями с повышенными значениями петромагнитных параметров. Исследование петромагнитных характеристик отложений с привлечением метода экспериментального моделирования кострищ позволяет определять температуры предшествующих прогревов нижележащего субстрата [Carrancho, Villalaín, 2011; Lagunilla et al., 2019] и тип топлива по магнитным свойствам пепла [Peters, Church, Mitchell, 2001; Peters et al., 2002].

В последние десять лет в качестве инструментов исследования пирогенных объектов на археологических памятниках применяются методы газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ/МС) и рентгенофлуо-

ресцентного анализа (РФА) [Braadbaart et al., 2017]. ГХ/МС-метод анализа дает возможность определить химический состав органических веществ и материалов на основе хроматографического разделения сложных смесей с последующим масс-спектрометрическим детектированием. Изучение соотношения органических соединений (алканы, спирты, стеролы), являющихся биомаркерами растительных остатков в пирогенных образцах, позволяет сделать предположение о типе топлива, который использовался для разведения костра [Han, Calvin, 1969]. Методом РФА определяется неорганический состав отложений и археологических материалов в целях реконструкции условий их формирования, динамики среды и корреляции горизонтов.

В настоящей работе рассматриваются исследования комплексных пеплосодержащих прослоев стратифицированного памятника Сурунгур, проводившихся с целью определения их генезиса (природные пожары, контролируемые поджоги, кострища), а также видов топлива, которые использовались человеком в период обживания стоянки.

Материалы

В 2017 г. участники российско-кыргызской археологической экспедиции на территории Ферганской долины на юге Кыргызстана обнаружили многослойную стоянку Сурунгур (рис. 1). Изучение стоянки дает представление о культурной динамике и процессах заселения Ферганской долины человеком в период голоцена [Шнайдер и др., 2021].

Памятник Сурунгур находится под скальным навесом, сложенным из известняковых глыб. Объект исследовался в 2018–2019 гг. [Оленченко и др., 2019; Шнайдер и др., 2021]. Раскопки проводились на площади размерами 0,8 × 1,5 м, на глубину 2,7 м.

На памятнике выделены три основных слоя (описание дается сверху вниз по разрезу) (рис. 2). Слой 1 (мощность 1 м) – пылеватые суглинки; обломочный материал кровли навеса (известняка) отсутствует. Отмечено восемь крупных прокалов, найдены мелкие фрагменты жженных костей и керамики чустской культуры бронзового века. Граница с нижележащим слоем нечеткая, выделена по изменениям плотности и количества обломочного материала. Слой 2 (мощность от 0,6 до 0,8 м) – серо-коричневые пылеватые суглинки; обломочный материал в виде известняка зафиксирован в средней части слоя. Отмечено шесть прокалов, обнаружены многочисленные каменные артефакты и кости животных, в т.ч. со следами обработки. Граница с нижележащим слоем так же нечеткая, выделена по изменениям плотности и цвета отложений. Слой 3 (мощность от 0,25 до 0,7 м) – коричневые пылеватые суглинки; обломочный материал (известняк) представлен в небольшом количестве. Отмечены три прокала, в т.ч. мощная прослойка жженой глины, генезис которой является предметом дискуссии и требует дальнейших полевых исследований; рядом залегали обожженные гальки. На основе результатов трасологической экспертизы установлено, что ранее гальки составляли обкладку очага и, вероятно, были перемещены в результате постдепозиционных процессов. В слое обнаружены малочисленные фрагменты костей. Ниже залегает скальная поверхность.

Впервые площадка под навесом была заселена в раннем голоцене; в отложениях, датируемых средним голоценом, обнаружены непрямые свидетельства присутствия злаков и продолжительного обитания под навесом травоядных животных. Среди остеологических материалов этого периода доминируют кости Ovicarpines. По мнению исследователей, индустрия стоянки относится к ранее не представленной

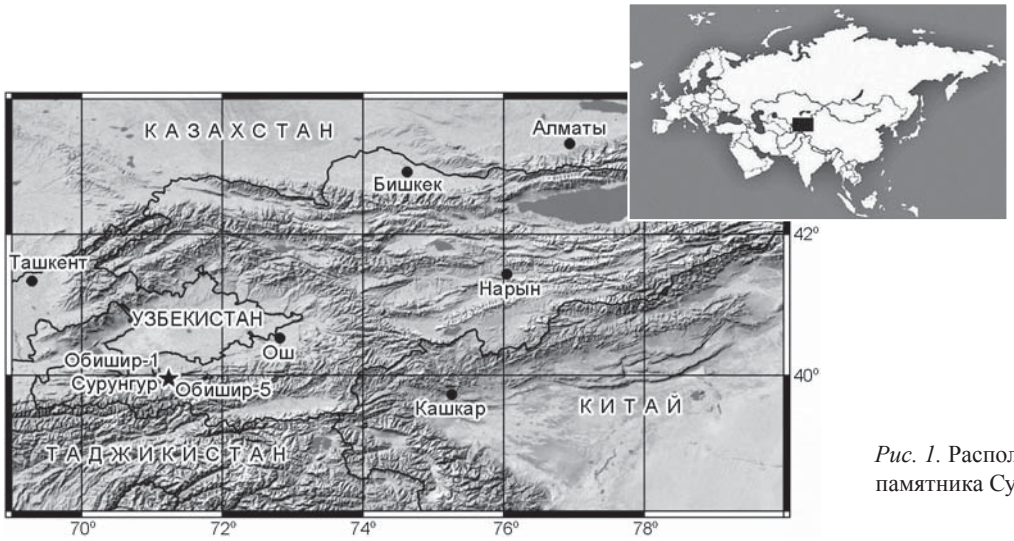


Рис. 1. Расположение памятника Сурунгур.

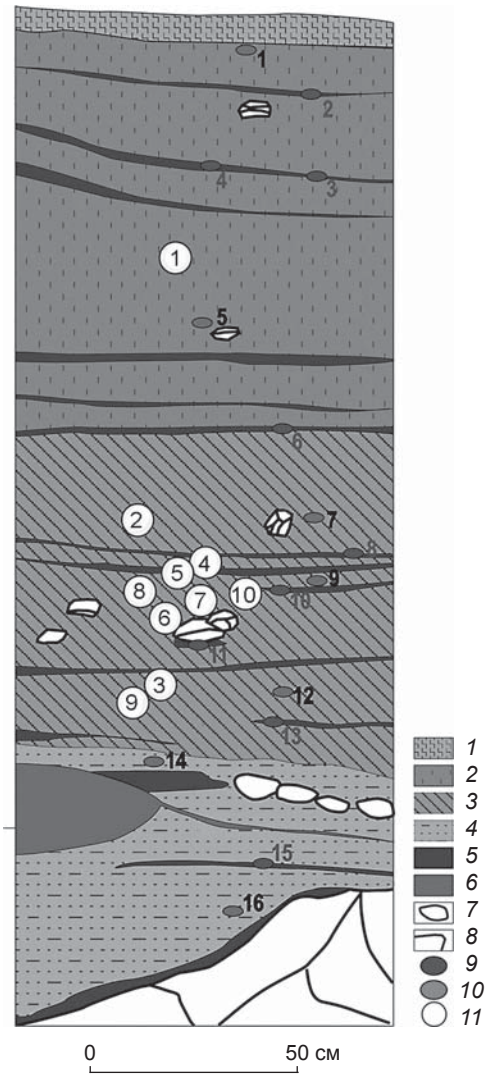


Рис. 2. Стратиграфический профиль памятника.
1 – бетон; *2* – слой 1; *3* – слой 2; *4* – слой 3; *5* – пеплосодержащий прослой; *6* – прослой жженой супеси; *7* – обломочный материал; *8* – крупные камни на поверхности коренных пород; *9* – место отбора образцов из пепловых горизонтов; *10* – место отбора образцов из межпепловых прослоев; *11* – место отбора образцов для абсолютного датирования.

в регионе гиссарской неолитической культуре [Шнайдер и др., 2021].

В ходе работ были выявлены 17 пеплосодержащих прослоев: шесть в слое 1, восемь в слое 2, три в слое 3. Их мощность колеблется от 1 до 7 см, протяженность – от 40 см до 1 м. По разрезу встречались отдельные крупные фрагменты углей. Для лабораторного изучения взяты образцы 2–4, 6, 8, 10, 11, 13, 15 с центральных участков девяти четко выраженных пепловых горизонтов из всех трех культурных слоев (рис. 2). Они отбирались из центральной, самой мощной части пепловых прослоев стратиграфического разреза памятника. В слоях без видимых следов термического воздействия с помощью каппаметра КТ-5 были выявлены участки с наибольшими значениями магнитнитной восприимчивости, с них отобраны образцы. Для определения степени загрязненности пеплом культурных отложений памятника из межпепловых прослоев были взяты образцы 1, 5, 7, 9, 12, 14, 16 (рис. 2). Для абсолютного датирования взяты десять образцов: один из слоя 1 и девять из слоя 2.

Методы

Абсолютное датирование

Радиоуглеродный анализ осуществлялся на базе Центра коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия» Новосибирского государственного университета–Новосибирского научного центра (ЦКП «УМС НГУ–ННЦ») (AMS Golden Valley). На исследование были направлены четыре костных фрагмента (GV-02123, GV-02797, GV-02798, GV-02799), три образца почвы (GV-02124, GV-02589, GV-02590) и три образца, представляющих собой смесь почвы и угля (GV-02588, GV-02800, GV-02801). Костные фрагменты были очень плохой сохранности, вероятно жженые, с содержанием коллагена не более 1 %. Коллаген удалось выделить только из образцов GV-02123 и GV-02798, из GV-02123 выделен также гумус, из GV-02797 – только гумус, из GV-02799 – гумус и уголь. Из образцов почвы GV-02124, GV-02589, GV-02590 выделен гумус, из образцов смеси GV-02588, GV-02800, GV-02801 – гумус и уголь. Каждый материал – коллаген, уголь, гумус – датировался отдельно.

Пробоподготовка проводилась в лаборатории изотопных исследований Института археологии и этнографии СО РАН по соответствующим методикам [Brock et al., 2010; Brock, Higham, Bronk, 2010]. Зауглероживание полученных проб каждого материала осуществлялось на абсорбционно-каталитической установке [Lysikov et al., 2018], содержание радиоуглерода определялось на уникальной научной установке «Ускорительный масс-спектрометр Института ядерной физики Сибирского отделения Российской Академии Наук» («УМС ИЯФ СО РАН») [Parkhomchuk, Rastigeev, 2011].

Петромагнитный анализ

Для исследуемых образцов были определены следующие магнитные параметры: магнитная восприимчивость при комнатной температуре на различной частоте (χ_{FD}), температурная зависимость магнитной восприимчивости (κ(t)), остаточная намагниченность материала (идеальная остаточная намагниченность (ARM) и остаточная намагниченность насыщения

(SIRM)), гистерезисные параметры и соотношение магнитных минералов различной магнитной жесткости (S-ratio). Комплекс измерений был выполнен в лаборатории Главного геомагнитного поля и петромагнетизма Института физики Земли РАН по общепринятой методике [Evans, Heller, 2003] в условиях, аналогичных принятым при исследовании костров на лессовом субстрате [Кулакова и др., 2021]. Измерения проводились на 3–4 дублях с последующим усреднением. Разброс значений дублей не был значимым и соответствовал нормальному распределению случайной величины.

Метод газовой хромато-масс-спектрометрии

Для анализа отбиралась навеска массой 2–3 г. Затем проводили экстракцию смесью дихлорметан – метанол в пропорции 9:1 объемом 5 мл с добавлением внутреннего стандарта (1 мг дифенила) в герметичных флаконах при температуре 80 °С в течение 3 ч. После охлаждения раствор фильтровали и отдували растворитель сухим азотом до объема 100 мкл.

Анализ подготовленных проб осуществлялся при помощи ГХ/МС-системы на основе трех квадруполей Agilent 7000B (производство США). Для разделения веществ, содержащихся в пробах, использовалась капиллярная колонка HP-5ms (30 м × × 0,25 мм × 0,25 μм). Анализ проводился в следующих условиях: температурная программа термостата колонок от 130 до 310 °С со скоростью 11 °С/мин; температура испарителя 310 °С, сброс 5:1; скорость потока газа-носителя (гелий) 1,2 мл/мин. Режим работы масс-спектрометра: детектирование в режиме сканирования в диапазоне масс 40–500 m/z, энергия ионизации 70 эВ, температура источника ионизации 250 °С.

Количественный расчет проводился по внутреннему стандарту (дифенил). Коэффициенты чувствительности дифенила к н-алканам и спиртам были определены в результате анализа смеси стандартов дифенила, докозана и додеканола.

Рентгенофлуоресцентный анализ

Все образцы с памятника Сурунгур перемешивались и усреднялись методом квартования. Отобранная навеска (0,250 г) измельчалась в течение нескольких минут в агатовой ступке, после чего к ней добавляли навеску химически чистого и прозрачного в рентгеновском диапазоне наполнителя (полиэтилен) массой 0,750 г. Смесь массой 1 г еще раз тщательно перемешивалась до однородного состояния, после чего из нее формировалась таблетка при помощи автоматического пресса Atlas T25 (Speciac) под нагрузкой в 21 т.

Определение состава таблетки проводилось на рентгенофлуоресцентном спектрометре ARL Perform'X (Thermo Scientific) с Rh-анодовой трубкой. Содержание элементов рассчитывали в программе UniQuant.

Поскольку образцы представляют собой смесь вмещающей породы и непосредственно золы, то для получения достоверного химического состава продуктов горения требовалось учитывать содержание определяемых компонентов в окружающем грунте. В качестве реперного использовался образец 14, представляющий собой чистый материал вмещающей породы. Рассчитанное для него соотношение основных компонентов (Al и Si) использовалось при дальнейшем определении химического состава золы.

Результаты

Абсолютное датирование

Результаты радиоуглеродного датирования образцов трех типов – костного коллагена, угля и гумуса – указывают на то, что объект был заселен в период голоцена (рис. 3). Наблюдается линейная корреляция между возрастом и глубиной залегания образцов, что свидетельствует о достаточно равномерном осадконакоплении в изучаемом регионе за последние 7–8 тыс. лет. Для слоя 1 получена дата по кости и гумусу; она указывает, что средняя часть слоя сфор-

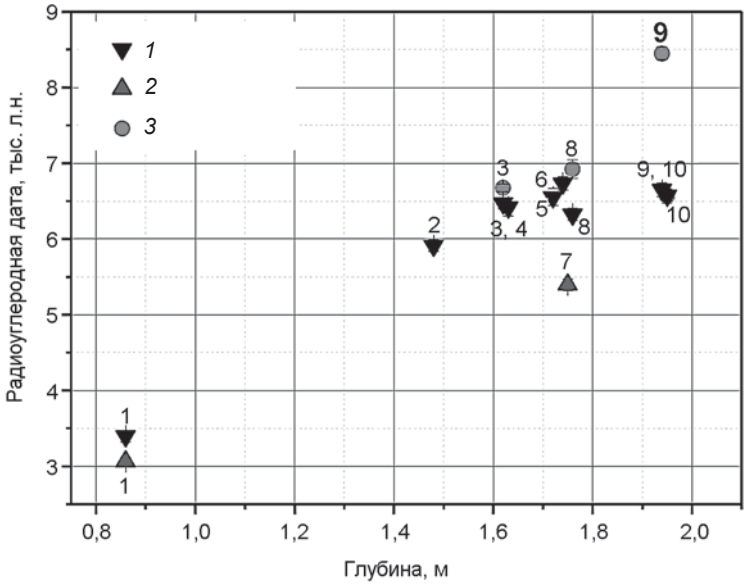


Рис. 3. График зависимости дат от глубины залегания образцов.
1 – гумус; *2* – коллаген; *3* – уголь.

мировалась ок. 3,0–3,5 тыс. л.н. Для слоя 2 получена серия дат, которые укладываются в диапазон 7,9–5,9 тыс. л.н. (рис. 3). Кусочки угля (образцы GV-02800 и GV-02588), находившиеся в разрезе в непосредственной близости друг от друга, обнаруживают большую разницу в возрасте – ок. 1,8 тыс. лет, что можно объяснить происходившими в то время пожарами с вовлечением древних объектов и перемешиванием грунтовых слоев в период интенсивного обживания стоянки.

Петромагнитный анализ

Пирогенные объекты антропогенного происхождения, по сравнению с таковыми природного генезиса, характеризуются более высокими температурами, вследствие чего здесь наблюдаются повышенные концентрации магнетита [Кулакова и др., 2021; Jrad et al., 2014]. Петромагнитным методом было исследовано 16 образцов из разреза стоянки Сурунгур (табл. 1). Среди образцов, отобранных из межпепловых прослоев, три – 1, 14 и 16 – имеют сходство по магнитным свойствам, им соответствуют самые низкие значения петромагнитных параметров. Температурные кривые магнитной восприимчивости этих образцов показывают наибольшие различия в исходном и конечном значениях магнитной восприимчивости после цикла нагрева/охлаждения до 700 ºС (рис. 4). Кривая охлаждения идет существенно выше кривой нагрева, что свидетельствует об образовании в ходе температурного испытания преимущественно магнетита (согласно температуре Кюри). Согласно значениям петромагнитных параметров и поведению термокривых, образцы 1, 14 и 16 не испытывали существенных прогревов в прошлом и не содержат пепел, поэтому могут быть приняты за вмещающие породы. Для указанных образцов в отличие от других характерны наиболее низкие значения параметра S-ratio$_{100мТл}$ (0,79–0,86); это говорит об относительном бóльшем содержании гематита/гетита по отношению к магнетиту/маггемиту и может отражать исходное соотношение магнитных минералов для вмещающих пород. По внешнему виду образец 14 выделяется среди прочих красноватым оттенком, что может быть связано с большей концентрацией гетита.

Остальным 13 образцам соответствуют величины магнитной восприимчивости от 1,37 до $5{,}2\times10^{-6}$ м^3/кг, значения частотной зависимости магнитной восприимчивости – от 12,0 до $49{,}3\times10^{-8}$ м^3/кг, значения SIRM – от 12,3 до 35,7 мАм^2/кг, значения ARM – от 0,11 до 0,39 мАм^2/кг. Это свидетельствует о повышенных концентрациях магнитных минералов. По гистерезисным данным основным магнитным минералом в составе этих образцов является магнетит. Присутствие гематита и гетита более характерно для состава образцов 5, 9 и 12 из межпепловых слоев. Увеличение концентрации магнетита/маггемита связано с присутствием либо термически измененного субстрата, либо пепла.

Оценка относительного содержания пепла производилась по разнице между исходными значениями магнитной восприимчивости рассматриваемых

Таблица 1. **Петромагнитные значения для образцов со стоянки Сурунгур**

Образец	χ, × 10^{-6} м^3/кг	χ_{FD}, × 10^{-8} м^3/кг	SIRM, мА м^2/кг	ARM, мА м^2/кг	S-ratio	
					100 мТл	300 мТл
SR-1	0,97	8,1	8,3	0,09	0,81	0,96
SR-2	2,95	27,9	22,2	0,24	0,93	0,99
SR-3	1,80	16,4	15,1	0,16	0,92	0,99
SR-4	1,37	12,0	12,3	0,11	0,89	0,98
SR-5	2,53	26,2	16,2	0,18	0,84	0,99
SR-6	3,06	26,2	26,6	0,29	0,90	0,99
SR-7	5,20	49,3	35,7	0,39	0,94	0,98
SR-8	2,71	25,4	21,7	0,23	0,90	0,99
SR-9	1,40	12,2	12,4	0,12	0,89	0,99
SR-10	2,98	27,0	23,5	0,27	0,92	0,99
SR-11	3,87	36,9	28,4	0,31	0,93	1,00
SR-12	2,73	24,7	21,6	0,22	0,91	1,00
SR-13	2,46	24,2	17,8	0,22	0,89	0,98
SR-14	1,06	9,0	8,8	0,09	0,79	0,92
SR-15	3,31	31,6	24,1	0,28	0,90	0,99
SR-16	0,99	9,0	8,9	0,10	0,86	0,98

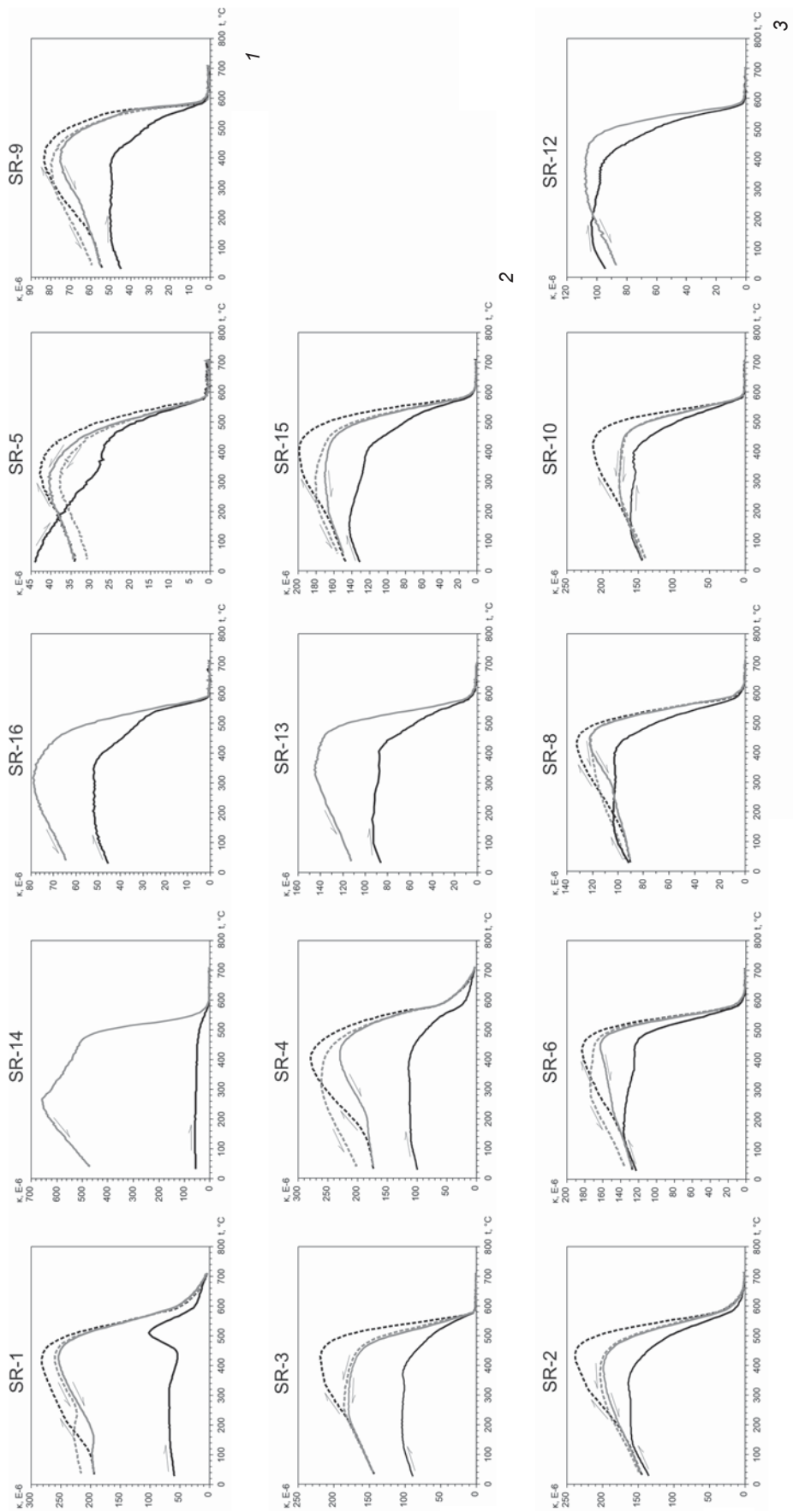


Рис. 4. Кривые температурной зависимости магнитной восприимчивости.

Сплошные линии соответствуют кривым нагрева (черные) и охлаждения (серые) первого цикла, пунктирные – второго цикла.

1 – образцы вмещающих пород SR-1, SR-14, SR-16 и образцы SR-5 и SR-9 из межпепловых прослоев, испытывавшие прогрев, но не содержащие пепла; *2* – образцы с необратимыми кривыми, где кривая охлаждения идет выше кривой нагрева; образцы испытывали ранее умеренные прогревы, содержание пепла различно (SR-3, SR-4 и SR-13 – небольшое содержание, SR-15 – значительное); *3* – образцы с обратимыми кривыми нагрева и охлаждения; *4* – образцы с необратимыми кривыми, где кривая охлаждения находится ниже кривой нагрева; возможны многократные температурные прогревы.

образцов и вмещающих пород на температурных кривых (рис. 4). Если исходные значения магнитной восприимчивости на термокривых соответствуют таковым вмещающих пород, то образец, вероятней всего, не содержит пепла. Относительное содержание пепла для остальных образцов условно было определено как небольшое (превышение магнитной восприимчивости до 2 раз), значительное (превышение в 2–3 раза) и наибольшее (превышение более чем в 4 раза).

Анализ методом газовой хромато-масс-спектрометрии

В результате анализа в образцах были найдены следы н-алканов C_{20}–C_{33}, четных спиртов C_{20}-ol, C_{22}-ol, C_{24}-ol, C_{26}-ol. Источником высокомолекулярных алканов и спиртов служат бактерии, водоросли и растения [Han, Calvin, 1969]. Характерными признаками высших растений являются значительное преобладание нечетных н-алканов над четными и наличие четных спиртов при полном отсутствии нечетных.

Для численного выявления степени преобладания нечетных н-алканов над четными и классификации таким образом отложений по степени присутствия в них остатков высших растений предложено использовать OEP-индекс, который учитывает углеводороды C_{26}–C_{33}, т.е. основные, входящие в состав восков растений [Zech et al., 2009]. Соотношение между н-алканами C_{27}, C_{29} и C_{31} для различных жизненных форм растений не совпадает. Считается, что н-алканы C_{27} и C_{29} доминируют в большинстве современных деревьев и кустарников, а н-алканы C_{31} и C_{33} – в травах [Ibid.]. Для численной характеристики таких зависимостей используется соотношение $C_{31}/(C_{29} + C_{31})$ [Bush, McInerney, 2013]. Что касается спиртов, то их можно рассматривать как дополнительный к н-алканам признак, соответствующий высшим растениям.

Анализ выявил значительные различия между образцами по содержанию спиртов и н-алканов (табл. 2). Наибольшее их содержание характерно для образцов 1, 2, 4, 7–9, 11. В образце 15, наоборот, очень низкое содержание алканов – 0,01 мг/кг, что на порядок ниже, чем в остальных образцах. Хотя суммарное содержание не дает необходимой информации, важно отметить, что образцы 1 и 2, содержащие наибольшее количество алканов, были отобраны достаточно близко от поверхности, на которой произрастают травы, поэтому при дальнейшем рассмотрении выводы об остатках растений по этим двум образцам, по нашему мнению, стоит делать с осторожностью.

Значение OEP-индекса для образцов 5, 7, 9, 16 составляет менее 1, что указывает на отсутствие в этих образцах остатков высших растений и микроорганизменное происхождение наблюдаемых биомаркеров. Указанные образцы не относятся к пепловыми прослоям, соответственно, не будут рассматриваться при оценке вида используемого топлива. Что касается ин-

Таблица 2. **Суммарное содержание найденных н-алканов и высокомолекулярных спиртов, а также обобщенные индексы в образцах со стоянки Сурунгур**

Образец	Содержание алканов, мг/кг	Содержание спиртов, мг/кг	$C_{31}/(C_{29} + C_{31})$	CPI	OEP
SR-1	6,57	0,28	0,61	7,135	8,822
SR-2	1,68	0,14	0,834	5,413	6,966
SR-3	0,04	0	0,479	2,377	3,637
SR-4	0,89	0,14	0,501	1,081	1,45
SR-5	0,1	0,09	0,408	0,916	0,913
SR-6	0,03	0,01	0,476	1,678	2,442
SR-7	1,81	0,33	0,281	0,809	0,659
SR-8	0,88	0,09	0,613	1,26	1,565
SR-9	0,6	0,77	0,225	0,832	0,526
SR-10	0,16	0,02	0,531	4,166	5,599
SR-11	0,67	0,09	0,425	1,613	1,893
SR-12	0,07	0,01	0,509	3,776	4,229
SR-13	0,06	0	0,525	1,683	2,327
SR-14	0,08	0,03	0,557	1,483	1,71
SR-15	0,01	0	0,483	1,404	1,696
SR-16	0,23	0,29	0,447	0,999	0,969

декса $C_{31}/(C_{29} + C_{31})$, то для образцов 1, 2, 8 характерны значения более 0,6; следовательно, наблюдаемые биомаркеры, вероятнее всего, травяного происхождения. Образцы 1 и 2, вероятно, загрязнены травами с поверхности, и только образец 8 можно отнести к остаткам трав.

Значение индекса $C_{31}/(C_{29} + C_{31})$ для остальных образцов (3, 4, 6, 10–15) близко к 0,5. Это указывает, скорее, на смешанное происхождение и использование смешанного топлива с некоторым превалированием доли древесины для образцов 3, 6, 11, 15 ($C_{31}/(C_{29} + C_{31})$-индекс менее 0,5).

Рентгенофлуоресцентный анализ

Наиболее выраженными маркерами используемого типа топлива среди неорганических компонентов, доступных для анализа, можно считать соединения кремния, кальция, фосфора и калия (табл. 3). Как правило, значительное содержание кремния, как и повышенное содержание калия и фосфора, в золе свидетельствует о преимущественном применении в качестве топлива травы или навоза. Большое содержание кальция характерно для продуктов сгорания древесных пород. Маркером был выбран кремний, т.к. на фактическое содержание кальция в образцах могут сильно влиять окружающие известняковые породы. Поскольку по анализу калия и фосфора не выявлено закономерностей, что можно объяснить неопределенностью вклада вмещающей породы, эти элементы не использовались для оценки характера топлива в данной работе.

Дискуссия

Петромагнитный анализ

Для интерпретации образцов, за исключением «пустых» 1, 14 и 16, был построен график зависимости магнитной восприимчивости (χ) от идеальной остаточной намагниченности ARM (рис. 5). Так как оба параметра являются концентрационно-зависимыми, можно говорить об увеличении концентрации магнитных минералов (представленных преимущественно тонкозернистым магнетитом) от образца 4 к образцу 7 (рис. 5).

Образцы 2–5 (слой 1) обладают меньшими концентрациями магнитных зерен по сравнению с образцами из слоя 2 (6–13) и пепловым прослоем из слоя 3 (15) (рис. 5). Анализ термомагнитных кривых (см. рис. 4) позволяет заключить, что образец 5 (из межпеплового пространства) не содержит пепла, однако он испытывал высокотемпературные прогревы ранее. Магнитная восприимчивость образцов 3 и 4 продолжает расти в ходе цикла нагрева до 700 °C и последующего охлаждения; на основании этого можно сделать вывод об умеренных прогревах субстрата (возможно, до 400 ºC), а также о наличии в образцах небольшого количества пепла. Образец 2 показывает обратимость кривых нагрева и охлаждения, что говорит о предшествующих высокотемпературных прогревах (600–650 ºC), и, вероятно, содержит значительное количество пепла. Неодинаковый прогрев образцов 2–4 может быть связан со сжиганием на них разного типа

Таблица 3. **Содержание основных неорганических компонентов в образцах со стоянки Сурунгур, определенное РФА-методом (без учета состава реперного образца), масс.%**

Образец	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Ti	Mn	Fe	Zn
SR-1	0,47	3,2	5,41	15,32	0,63	0,64	0,08	2,49	26,77	0,42	0,13	4,13	0,25
SR-2	0,37	4,87	4,62	18,86	1,17	0,21	–	2,65	21,3	0,32	0,12	3,37	0,17
SR-3	0,15	1,54	1,5	4,49	0,47	0,07	–	0,74	30,42	0,57	–	1,06	0,99
SR-4	0,5	3,45	4,79	14,44	1,89	0,19	0,08	2,31	28,62	0,34	0,11	3,28	0,13
SR-5	0,25	6,83	3,5	17,46	1,71	0,18	0,08	3,22	20,31	0,3	0,13	3,15	1,71
SR-6	0,23	5,26	2,8	10,09	0,83	0,1	0,07	2,32	17,99	0,2	0,1	2,02	0,89
SR-7	0,47	5,95	3,62	13,88	1,63	0,15	0,11	3,24	28,23	0,28	0,14	2,94	0,09
SR-8	0,4	5,52	3,26	12,47	1,11	0,11	–	2,8	31,95	0,33	0,27	3,3	0,36
SR-9	–	6,09	3,24	12,65	1,04	0,11	0,07	3,2	26,25	0,37	0,19	4,42	4,52
SR-10	0,07	5,72	3,59	12,96	1,05	0,09	–	2,79	28,91	0,42	0,16	3,76	2,15
SR-11	0,43	5,83	3,66	13,79	1,67	0,09	–	2,71	29,01	0,29	0,13	2,91	0,13
SR-12	0,26	4,62	2,59	9,24	0,9	0,06	–	2,12	19,76	0,21	0,1	2,47	0,53
SR-13	–	5,76	3,93	13,71	0,85	0,12	–	2,74	26,64	0,37	0,16	3,86	3,27
SR-14	–	3,33	6,19	14,79	0,22	–	–	3,18	11,87	0,46	0,1	4,61	2,56
SR-15	–	3	3,17	10,47	0,84	0,1	–	2,27	19,48	0,28	0,12	2,73	2,25
SR-16	–	3,09	3,16	11,25	0,58	0,1	–	1,85	19,17	0,27	0,1	2,87	2,02

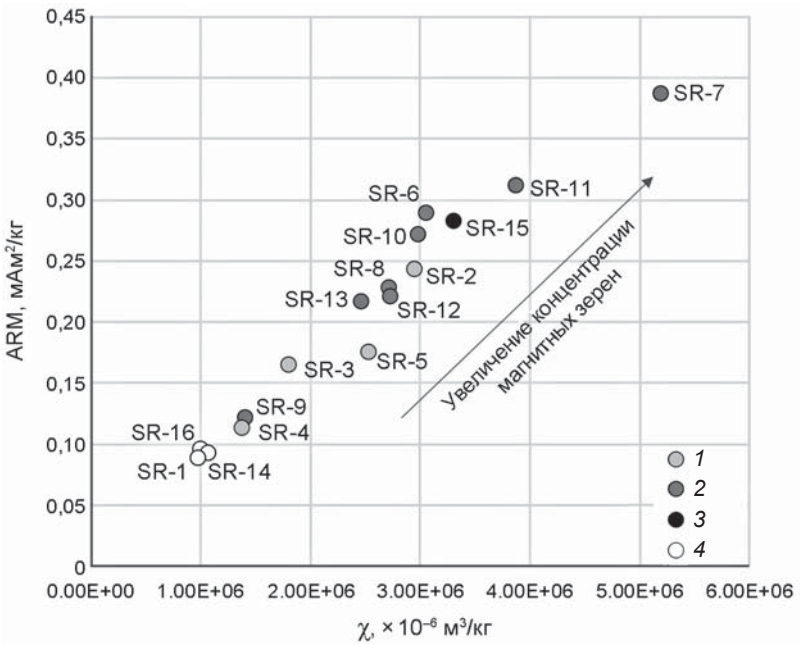


Рис. 5. График зависимости магнитной восприимчивости χ от идеальной остаточной намагниченности ARM.
1 – слой 1; *2* – слой 2; *3* – слой 3; *4* – вмещающие породы, не содержащие следов предшествующего прогрева и пепла.

топлива [Aldeias, 2017] либо с нахождением подложки на периферии или в центре участка возгорания [Carrancho, Villalaín, 2011].

Образцам 6–13 из культурного слоя 2 соответствуют наибольшие концентрации магнитных минералов (см. рис. 5). Образец 9 из межпеплового пространства не содержит пепла, однако он испытывал умеренные прогревы (до 500–600 ºС) (см. рис. 4). Образец 13 заключает в себе небольшое количество пепла, но его температурные кривые магнитной восприимчивости необратимы; он, скорее всего, относится к периферийной области кострища (вероятные прогревы 400–450 ºС). Образцы 6, 8, 10 и 12 обнаруживают сходство по поведению температурных кривых и показывают их обратимость, что свидетельствует о предшествующих прогревах выше 650–700 ºС. Содержание пепла в этих образцах разное: в образцах 6 и 10 значительное, в образцах 8, 12 небольшое. Образцы 7 и 11, которым соответствуют самые высокие значения магнитной восприимчивости и остаточной намагниченности, характеризуются уменьшением величины магнитной восприимчивости при исследовании ее температурной зависимости. Это связано с высокотемпературными трансформациями [Maki, Homburg, Brosowske, 2006] и свидетельствует о многократном разведении костров древним человеком на одном месте. Согласно петромагнитным данным, указанные образцы содержат наибольшее количество пепла. Отметим, что в образце 7 ГХ/МС-анализом не выявлены остатки высших растений, что объясняется их полным выгоранием.

Образец 15 из пеплового прослоя культурного слоя 3 показывает высокие значения петромагнитных параметров (см. рис. 5), но небольшое превышение кривой охлаждения над кривой нагрева на температурных кривых магнитной восприимчивости (см. рис. 4). Скорее всего, образец представляет собой термически измененный субстрат из зоны, близкой к центральной части кострища (возможные предшествующие прогревы до 600 ºС), со значительным содержанием пепла.

Химические анализы

По результатам ГХ/МС-анализа, в большей части образцов присутствуют четные спирты и нечетные н-алканы – маркеры высших растений, исключением являются образцы 5, 7, 9, 16, которые не содержат биомаркеров растений.

Образцы 1, 2 и 8 включают преимущественно остатки трав, только в образце 8 их можно связать с жизнедеятельностью человека и типом используемого топлива.

Образцы 3, 4, 6, 10–15 имеют смешанный состав (травы и древесина). Человек, вероятно, использовал в равной степени травы и древесину (зафиксировано преобладание древесины в образцах 3, 6, 11, 15).

РФА показал, что образцы 2, 7, 8, 10 и 13 содержат продукты горения преимущественно трав, а 3, 6, 12, 15 – преимущественно древесины (табл. 4).

Данные, полученные методами ГХ/МС и РФА, как показало их сопоставление, хорошо согласуются между собой, за исключением образца 11. Образец 11, скорее всего, загрязнен, поскольку был отобран в месте, примыкающем к зоне нахождения обломочного материала (см. рис. 2).

Сравнение результатов исследований петромагнитным и химическими методами позволило установить, что для образцов с высоким содержанием пепла характерны следы воздействия высокой температуры (табл. 5). Следовательно, имели место длительные и неединичные акты сжигания растительного материала. При этом химический состав указывает в основном на использование смешанного вида топлива, но температура прогревов от типа топлива не зависит.

Таблица 4. **Расчетное содержание кремния в золе образцов со стоянки Сурунгур и предполагаемый тип топлива по данным, полученным методам ГХ/МС и РФА**

Образец	Содержание Si в золе, масс.%	Предполагаемый тип топлива	
		по данным ГХ/МС	по данным РФА
SR-2	7,82	Преимущественно солома/навоз	Преимущественно солома/навоз
SR-3	0,91	Преимущественно дерево	Преимущественно дерево
SR-4	2,99	Смешанный тип	То же
SR-5	9,10	Нет растительных остатков	Преимущественно солома/навоз
SR-6	3,4	Преимущественно дерево	Смешанный тип
SR-7	5,23	Нет растительных остатков	То же
SR-8	4,68	Преимущественно солома/навоз	»
SR-9	4,91	Нет растительных остатков	»
SR-10	4,38	Преимущественно солома/навоз	»
SR-11	5,04	То же. Возможно загрязнение обломочным материалом	»
SR-12	3,05	Преимущественно дерево	»
SR-13	4,32	Преимущественно солома/навоз	»
SR-15	2,9	Преимущественно дерево	»

Примечание: под «смешанным» типом топлива подразумевается равное содержание продуктов горения древесины/кустарников и трав/навоза животных.

Таблица 5. **Результаты исследования образцов со стоянки Сурунгур**

Образец	Продолжительные прогревы грунта, t, °C	Содержание пепла	Тип топлива по данным ГХ/МС И РФА
SR-1	–	–	–
SR-2	600–650	Значительное	Смешанный
SR-3	До 400	Невысокое	
SR-4	До 400	»	Больше древесины
SR-5	> 600	–	–
SR-6	> 700	Значительное	Больше древесины
SR-7	Многократные > 700	Очень высокое	Больше соломы/навоза
SR-8	> 700	Невысокое	
SR-9	500–600	–	–
SR-10	> 700	Значительное	Больше соломы/навоза
SR-11	Многократные > 700	Очень высокое	
SR-12	> 700	Невысокое	Больше древесины
SR-13	400–450	»	Больше соломы/навоза
SR-14	–	–	–
SR-15	До 600	Значительное	Больше древесины
SR-16	–	–	–

В большей степени пепловые прослои в культурных слоях 1 и 2 содержат остатки сжигания трав и/или навоза животных, а также древесины. Топливом для пирогенного объекта в слое 3 служили преимущественно древесина и в меньшей степени травы.

Заключение

В процессе полевого изучения отложений памятника выявлены горизонты пепла, чередующиеся с отложениями суглинка. Радиоуглеродным анализом археологического материала (кости и угли) установлено, что заселение данного объекта человеком произошло в раннем голоцене.

Согласно петромагнитным параметрам (MB, частотной MB, ARM и SIRM) и данным палеотемпературных прогревов образцов 1–13, культурные слои 1 и 2 подвергались длительному воздействию высоких температур; самые высокие и многократные температурные прогревы (выше 650–700 °C) испытали образцы из отложений культурного горизонта 2. Методами ГХ/МС и РФА установлено, что источником длительного высокотемпературного воздействия в этот период могли служить древесные породы лиственных деревьев, травы, кустарники и навоз. Образец 1 из кровли слоя 1 не был подвержен прямому воздействию огня, он не загрязнен продуктами горения. Грунт, соответствующий образцам 5 (слой 1) и 9 (слой 2), подвергался в прошлом значительным температурным прогревам, но не был загрязнен пеплом.

Культурный слой 3 отличается по составу (характеристикам) от вышележащих. В нем зафиксировано всего три пеплосодержащих прослоя, вмещающий их грунт не был загрязнен пеплом (образцы 14 и 16). Это можно объяснить кратковременным проживанием человека под навесом; при длительном антропогенном воздействии пепел от кострищ должен был перемешиваться с почвой. Исследован один пирогенный объект (образец 15) из середины слоя. Согласно петромагнитным данным, отложения на этом участке подвергались высокотемпературному воздействию (до 600 ºС) – содержат значительное количество пепла, что позволяет сделать вывод об антропогенном происхождении пеплового прослоя. В качестве топлива, по результатам исследования методами ГХ/МС и РФА, человек использовал в основном древесину и в меньшей степени травы.

На основании данных междисциплинарного исследования можно составить представление об этапах обживания стоянки Сурунгур человеком. Так, в период формирования слоя 3 люди несколько раз жили под скальным навесом, в качестве топлива использовали древесину и травы. Времени образования слоя 2 соответствует этап самого активного и постоянного пребывания людей на площадке под навесом. Об этом свидетельствуют максимальные значения температурного прогрева отложений и крайне высокое содержание пепла в культурном слое. Топливом в этот период для обитателей стоянки служили преимущественно травы и/или навоз животных и древесина. Накопления слоя 1 фиксируют, вероятно, кратковременные эпизоды присутствия людей на площадке под скальным навесом – температурные прогревы отложений не были столь значительными. В качестве топлива использовались трава/навоз животных и древесина. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о доступности древесной растительности в районе стоянки в период ее обживания.

Благодарности

Коллектив авторов выражает благодарность Н.В. Вавилиной и С. Алишер кызы (Институт археологии и этнографии СО РАН) за помощь в подготовке иллюстраций, кандидату географичеких наук Р.Н. Курбанову (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) за помощь при проведении полевых и лабораторных работ.

Полевые работы и химические исследования выполнены в рамках проекта № 19-78-10053 РНФ, физические исследования – при поддержке проекта № 0329-2019-0008 НИР.

Список литературы

Кулакова Е.П., Дедов И.Е., Мещерякова О.А., Курбанов Р.Н. Опыт экспериментального изучения петромагнитных индикаторов археологических палеокострищ на примере лессов Киргизии // Геосферные исследования. – 2021. – № 1. – С. 104–122.

Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 271 с.

Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Осипова П.С., Козлова М.П., Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Чаргынов Т. Результаты геофизических исследований памятника Сурунгур (Южный Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 181–186.

Шнайдер С.В., Жилич С.В., Федорченко А.Ю., Рендю В., Пархомчук Е.В., Алишер кызы С., Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Сердюк Н.В., Зеленков Н.В., Чаргынов Т., Кривошапкин А.И. Сурунгур – новый памятник раннего голоцена в Ферганской долине // Stratum. – 2021. – № 2. – С. 319–337.

Aldeias V. Experimental approaches to archaeological fire features and their behavioral relevance // Cur. Anthropol. – 2017. – Vol. 58. – P. 191–205.

Aldeias V., Dibble H.L., Sandgathe D., Goldberg P., Mcpherron S.J.P. How heat alters underlying deposits and implications for archaeological fire features: A controlled experiment // J. of Archaeol. Sci. – 2016. – Vol. 67. – P. 64–79.

Braadbaart F., Brussel T., van, Van Os B., Eijskoot Y. Fuel remains in archaeological contexts: Experimental and archaeological evidence for recognizing remains in hearths used by Iron Age farmers who lived in peatlands // The Holocene. – 2017. – Vol. 27 (11). – P. 1682–1693.

Brock F., Higham Th., Ditchfield P., Bronk R.C. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford radiocarbon accelerator unit (ORAU) // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, N 1. – P. 103–112.

Brock F., Higham Th., Bronk R.C. Pre-screening techniques for identification of samples suitable for radiocarbon dating of poorly preserved bones // J. of Archaeol. Sci. – 2010. – Vol. 37. – P. 855–865.

Bush R.T., McInerney F.A. Leaf-wax n-alkane distributions in and across modern plants: implications for paleoecology and chemotaxonomy // Geochimica et Cosmochimica Acta. – 2013. – Vol. 117. – P. 161–179.

Carrancho Á., Villalaín J.J. Different mechanisms of magnetisation recorded in experimental fires: Archaeomagnetic implications // Earth and Planetary Science Letters. – 2011. – Vol. 312. – P. 176–187.

Carrancho Á., Villalaín J.J., Angelucci D.E., Dekkers M.J., Vallverdú J., Vergès J.M. Rock-magnetic analyses as a tool to investigate archaeological fired sediments: a case study of Mirador cave (Sierra de Atapuerca, Spain) // Geophys. J. Int. – 2009. – Vol. 179. – P. 79–96.

Evans M.E., Heller F. Environmental Magnetism – Principles and Applications of Enviromagnetics. – N.Y.: Academic Press, 2003. – 293 p.

Han J., Calvin M. Hydrocarbon distribution of algae and bacteria, and microbiological activity in sediments // Proc. of the National Academy of Sciences. – 1969. – Vol. 64 (2). – P. 436–443.

Jrad A., Quesnel Y., Rochette P., Jallouli C., Khatib S., Boukbida H., Demory F. Magnetic Investigations of Buried

Palaeohearths Inside a Palaeolithic Cave (Lazaret, Nice, France) // Archaeol. Prosp. – 2014. – Vol. 21. – P. 87–101.

Lagunilla Á.H., Carrancho Á., Villalaín J.J., Mallol C., Hernández C.M. An experimental approach to the preservation potential of magnetic signatures in anthropogenic fires // PLoS ONE. – 2019. – Vol. 14 (8): e0221592.

Lysikov A.I., Kalinkin P.N., Sashkina K.A., Okunev A.G., Parkhomchuk E.V., Rastigeev S.A., Parkhomchuk V.V., Kuleshov D.V., Vorobyeva E.E., Dralyuk R.I. Novel Simplified Absorption-Catalytic Method of Sample Preparation for AMS Analysis Designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok // Intern. J. of Mass Spectrometry. – 2018. – Vol. 433. – P. 11–18.

Maki D., Homburg J.A., Brosowske S.D. Thermally activated mineralogical transformations in archaeological hearths: Inversion from maghemite γFe2O4 phase to haematite αFe2O4 form // Archaeol. Prosp. – 2006. – Vol. 13 (3). – P. 207–227.

March R. L'étude des structures de combustion préhistoriques: une approche interdisciplinaire // XIII Intern. Congress of prehistoric and protohistoric sciences. – Forli, 1996. – P. 251–275.

Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. Accelerator mass spectrometer of the center for collective use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences // J. of Surface Investigation. – 2011. – Vol. 5, iss. 6. – P. 1068–1072.

Peters C., Church M.J., Mitchell C. Investigation of fire ash residues using mineral magnetism // Archaeol. Prosp. – 2001. – Vol. 8. – P. 227–237.

Peters C., Thompson R., Harrison A., Church M.J. Low temperature magnetic characterisation of fire ash residues // Physics and Chemistry of the Earth. – 2002. – Vol. 27 (25–31). – P. 1355–1361.

Zech M., Buggle B., Leiber K., Marcovic S., Glaser B., Hambach U., Huwe B., Stevens T., Sumegi P., Wiesenberg G., Zoller L. Reconstructing Quaternary vegetation in the Carpathian Basin, SE Europe, using n-alkane biomarkers as molecular fossils: problems and possible solutions, potential and limitations. – Eiszeitalter und Genwart // Quatern. Sci. J. – 2009. – Vol. 85 (2). – P.150–157.

Материал поступил в редколлегию 26.04.21 г.,
в окончательном варианте – 22.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.037-042
УДК 903.23

А.П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Ручки металлических котлов эпохи раннего железа на юге Западной Сибири

Статья посвящена характеристике ручек котлов из цветного металла эпохи раннего железа, найденных на юге Западной Сибири, и интерпретации их ритуального значения. Типологические особенности ручек (выступы на поверхности, аркообразная или подквадратная форма) являются датирующими признаками котлов. Среди находок выделены две хронологические группы: тагарского (середина I тыс. до н.э. – конец I тыс. до н.э.) и хунно-сяньбийского (рубеж I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) времени. В зависимости от контекста обнаружения ручек металлических котлов возможны различные интерпретации. В поселенческих комплексах (Туруновка-4) и некоторых кладах (Первый Джиримский) эпохи палеометалла они могут быть частью литейного лома, связанного с производственной деятельностью. Однако ручки котлов встречаются в долговременных культовых комплексах (Айдашенская пещера). Такой ритуальный контекст позволяет расширить интерпретацию кладов с этими предметами. Возможно, некоторые из них имели культовый характер, поскольку в хуннское время в восточно-европейских лесостепях достаточно часто фиксируется ритуал намеренного захоронения ручек котлов. Такие находки чаще всего локализуются у различных водных источников, где располагались летние стоянки кочевых скотоводов. Аналогичная ситуация наблюдается на территории юга Западной Сибири от Барабинской лесостепи до долины среднего Енисея.

Ключевые слова: *эпоха раннего железа, юг Западной Сибири, металлические котлы, ритуальные действия, ручки котлов, ранние кочевники.*

A.P. Borodovsky
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Handles of Early Iron Age Cauldrons from Southwestern Siberia

Handles of Early Iron Age bronze cauldrons from southwestern Siberia are described with reference to their ritual meaning. Typological features such as knobs, arcuate or square shape are relevant for dating. Two chronological groups are established: Tagar (second half of the 1st millennium BC) and Xiongnu-Xianbei (late 1st millennium BC to early 1st millennium AD). The interpretation of handles depends on the context. At settlements (Turunovka-4) and in certain hoards (First Dzhirim) of the Late Bronze Age, they can belong to foundry scrap. However, handles occur in longterm ritual sites such as Aydashenskaya Cave, suggesting a different interpretation. Indeed, at Eastern European forest-steppe sites of the Xiongnu era, handles of cauldrons had been intentionally buried, most often near water sources, where summer camps of nomadic herders were situated. A similar situation is observed in southwestern Siberia, from the Baraba forest-steppe to the Middle Yenisei valley.

Keywords: *Early Iron Age, southwestern Siberia, metal cauldrons, rituals, cauldron handles, early nomads.*

Введение

Фрагменты любых сложных металлических изделий представляют категорию артефактов, интерпретация которых позволяет рассматривать целый комплекс проблем, в т.ч. технологические особенности конструкции, ритуальное и семантическое значение этих изделий. К числу таких предметов относятся

© Бородовский А.П., 2021

Рис. 1. Металлический котел с утраченной ручкой (окрестности г. Канска Красноярского края).

металлические литые котлы, широко распространенные в I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на территории нескольких ландшафтных зон Евразии. Конструктивно они состоят из трех частей – поддона, тулова и ручек. Каждая из них формировалась отдельно, а перед отливкой они компоновались в одно изделие. Разрушение металлических котлов при их различном использовании (бытовом и ритуальном) чаще всего происходило именно на эти части (ручки, фрагменты тулова и поддон). Известны попытки ремонта котлов с обломанной ручкой (рис. 1). Достаточно часто в кладах эпохи раннего железа (Первый Джиримский, Четвертый Уйбатский, Пригорский, Идринский) на среднем Енисее [Бородовский, Оборин, 2018, с. 89, рис. 2, *2–6*] присутствуют фрагменты ручек, тулова и поддона металлических котлов. Однако обломки ручек котлов из цветного металла эпохи палеометалла составляют особую категорию таких находок. Они встречаются в составе поселенческих, погребальных, ритуальных, производственных комплексов, а также среди случайных находок от Обь-Иртышского междуречья до среднего Енисея. Интерпретации таких предметов на территории юга Западной Сибири эпохи раннего железа посвящена настоящая публикация.

Результаты исследований

Ручки металлических котлов эпохи раннего железа с территории юга Западной Сибири классифицированы по сохранности изначального конструктивного сопряжения с краем тулова. Среди находок представлены стенки котлов с ручкой и отдельно ручки. В первом случае наблюдается вариативность степени разрушения всего сосуда. Имеются как достаточно значительные обломки, например находка с берега р. Кан (рис. 2, *2*), так и небольшие фрагменты краев: из Туруновки-4 (рис. 2, *1*) [Молодин, 1985, с. 165; Степная полоса..., 1992, с. 471, табл. 121, *15*], Первого Джиримского клада (рис. 3, *4*, *5*) [Бородовский, Оборин, 2018, с. 89, рис. 2, *2–6*] и Айдашенской пещеры (рис. 4). Только ручки котлов представлены находками из Вознесенки, Подсопок (см. рис. 3, *1*, *2*), а также экземпляром из фондов Минусинского краеведческого музея (см. рис. 3, *3*). При этом ручки с гвоздевидными выступами (см. рис. 3, *1*, *2*) соответствуют характеру раз-

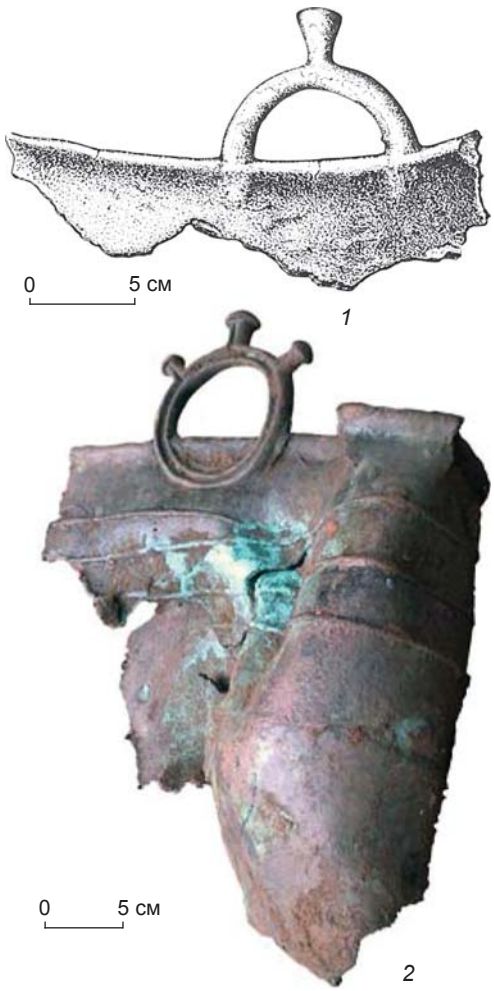


Рис. 2. Фрагменты стенок котлов с ручкой.
1 – Туруновка-4 (Барабинская лесостепь); *2* – берег р. Кан в 3 км к северо-западу от с. Терского (Канский р-н Красноярского края).

Рис. 3. Ручки металлических котлов эпохи раннего железа из южных районов Западной Сибири.
1 – Вознесенка (средний Енисей, Красноярский край); *2* – Подсопки (средний Енисей, Красноярский край); *3* – Минусинский краеведческий музей (МКМ, А ОФ-9702/1); *4, 5* – Первый Джиримский клад (средний Енисей, Красноярский край).

Рис. 4. Находки из Айдашенской пещеры (Кемеровская обл.).

рушения котла из окрестностей Канска (см. рис. 1). Интерпретация таких находок может иметь несколько вариантов. Ряд исследователей считает, что в археологии существует несколько способов, уровней, типов интерпретации [Гарден, 1983, с. 166; Клейн, 1991, с. 316]. По мнению Ж.-К. Гардена, в литературе часто представлены простые интерпретационные построения, заключающиеся в выявлении совпадений и возможных культурных влияний [1983, с. 153]. При таком подходе интерпретация является логической парафразой, устанавливающей сходство между археологическими комплексами, рассеянными в пространстве и времени. Составление перечня таких парафраз достаточно актуально для выявления целого ряда «закономерностей» в интерпретациях [Там же, с. 154]. При изучении случайно найденных ручек металлических котлов эпохи раннего железа эта процедура крайне важна для выяснения историко-культурного контекста, позволяющего перейти к попыткам реконструкции заключенных в них смыслов.

К уровню интерпретации относятся также описания артефактов и их комплексов, раскрывающие их смысл и функции [Клейн, 1991, с. 316], поскольку предназначение предмета или его части нередко может быть связано с определенными ритуальными действиями. В этой связи следует обратить внимание на интерпретацию помещения в землю некоторых знаковых деталей (ручек) металлических котлов. В частности, существует точка зрения, что намеренное захоронение фрагментов гуннских котлов с ручками у водных источников является отражением определенных обрядов [Менхен-Хельфен, 2014, с. 323]. Согласно гипотезе Ю.И. Спасской, древние кочевники, переходя весной на свои летники, совершали у воды ритуал «оставления инвентаря» (один котел или их серия), а вернувшись обратно осенью, использовали его снова (см.: [Менхен-Хельфен, 2014, с. 323; Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 114]). Анализ располо-

жения мест обнаружения котлов эпохи раннего железа как случайных находок в долине среднего Енисея и его притоков (рис. 5) действительно демонстрирует их связь с водными источниками (реки, ручьи и озера).

В свою очередь, случаи нахождения фрагментов металлических котлов интерпретируются как ритуальное «умерщвление» предметов в ходе обряда [Красильников, 2019, с. 270]. Однако это противоречит прагматическому смыслу ритуала «оставления инвентаря». Тем не менее факты возможного ритуального разрушения металлических котлов зафиксированы и в погребальных комплексах скифо-сарматского времени. Например, на донском левобережье в захоронении у с. Новая Чигла (Таловский р-н Воронежской обл.) обнаружен сильно поврежденный бронзовый котел. Тулово было основательно помято и разорвано. Оно лежало у юго-восточной стенки могильной ямы, а отбитые вертикальные ручки с тремя выступами – у северо-восточной. Поддон отсутствовал [Березуцкий, 2017, рис. 3, *7*, с. 22]. В Верхнем Приобье эпохи раннего железа признаки такого ритуального разрушения котла, очевидно, представлены в мог. 1, кург. 5 Новотроицкого-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 80]. Следует еще отметить сходство характера слома ручки этого котла и находки из саргатского поселения Туруновка-4 (см. рис. 2, *1*). На юге Западной Сибири ритуальное назначение обломанных ручек металлических котлов косвенно подтверждается их наличием в Айдашенской пещере (см. рис. 4) [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 48–50, 158, табл. XIV, *1–3*].

Размер ручек также достаточно информативен в отношении ритуального использования котлов, т.к. он соотносится с общим объемом и массой сосуда. Часть ручек имеют небольшой размер и явно соответствуют малым металлическим котлам эпохи раннего железа (см. рис. 2, *2*). Такие емкости вряд ли были приспособлены для обыденной варки мяса [Деми-

Рис. 5. Расположение мест обнаружения металлических котлов эпохи раннего железа как случайных находок на среднем Енисее.

1 – у с. Аскиз Аскизского р-на Республики Хакасии; *2* – у пос. Станция Камышта того же района; *3* – у пос. Оросительного Усть-Абаканского р-на Республики Хакасии; *4* – у с. Большая Тесь Новоселовского р-на Красноярского края; *5*, *6* – у с. Дрокино Емельяновского р-на Красноярского края; *7–11* – у с. Терского Канского р-на Красноярского края; *12*, *13* – с. Таштып Таштыпского р-на Республики Хакасии (МКМ, № 10108, ГЭ, № 1123.36); *14* – д. Маткечик Бейского р-на Республики Хакасии (ХНКМ, б/н); *15–17* – с. Сабинское того же района [Отчет…, 1893, с. 23] (МКМ, № 10076, 10098); *18*, *19* – г. Саяногорск Республики Хакасии (МКМ, № 10117, 10105); *20* – с. Очуры Алтайского р-на Республики Хакасии (МКМ, № 10074); *21* – с. Каптырево Шушенского р-на Красноярского края (МКМ, № 6659); *22–24* – с. Салба Ермаковского р-на Красноярского края [Tallgren, 1917] (МКМ, б/н, 10069); *25* – с. Казанцево Шушенского р-на Красноярского края (МКМ, № 10068); *26* – д. Нижняя Коя того же района (МКМ, № 10065); *27* – д. Средний Кужебар Каратузского р-на Красноярского края (МКМ, № 10141); *28*, *29* – пос. Изых Алтайского р-на Республики Хакасии (МКМ, № 10085, 10109); *30–32* – д. Кривая Минусинского р-на Красноярского края (МКМ, № 10062, 10119, 10071); *33* – д. Солдатово того же района (МКМ, № 10095); *34* – с. Тигрицкое того же района (МКМ, № 12845); *35* – г. Абакан Республики Хакасии (МКМ, № 10092); *36*, *37* – пос. Курагино Курагинского р-на Красноярского края (МКМ, № 10059, 10096); *38*, *39* – с. Брагино того же района (МКМ, № 10087, 10075); *40* – пос. Тагашет того же района (МКМ, № 10084); *41* – с. Бородино Боградского р-на Республики Хакасии [Tallgren, 1917, tab. XII]; *42*, *43* – с. Бол. Салба Идринского р-на Красноярского края (МКМ, № 10093, 10061); *44* – с. Бол. Телек того же района (МКМ, № 10086); *45*, *46* – с. Кныши того же района (МКМ, № 10066, 10072).

денко, 2008, с. 58, 59]. Тем не менее они выполняли ту же роль, что и большие котлы. Однако содержимое малого котла могло быть качественно иным [Ермоленко, 1998, с. 114]. Возможно, оно являлось пьянящим молочным или наркотическим напитком [Березуцкий, 2017, с. 24].

Весьма любопытен обломок стенки котла из Первого Джиримского клада. На нем имеется рельефный знак в виде трех вертикальных черт, окончание одной из которых загнуто (см. рис. 3, *5*; 6). По мнению переводчика С.Л. Савосина, если изображение этого знака развернуть на 180° (рис. 6, *2*), то он будет похож на иероглиф 川 (рис. 6, *3*) – chuan (*чуань*), обычно означающий «река» (как, например, в названии провинции Сычуань 四川 – «четыре реки»). Важно подчеркнуть, что данный иероглиф не входит в число фамильных, указывающих на личность мастера. Он может быть связан только с местом производства изделия. У этого иероглифа есть и другие значения: «путь», а также «варить», что согласуется с прямым назначением котла.

Перевернутость иероглифического изображения могла быть обусловлена технологическими особенностями производства котла. Перед его отливкой из глины лепился болван, определяющий внутренний объем тулова. Далее, после сушки, он облеплялся слоем воска, равным толщине стенки будущего котла. Затем все обмазывали глиной, воск вытапливали и заливали бронзу. Каждая деталь котла (тулово, поддон, ручки) изготавливалась отдельно и могла переворачиваться в разных направлениях. Вероятно, в ходе таких манипуляций иероглиф и был нанесен так, что оказался перевернутым на готовом изделии.

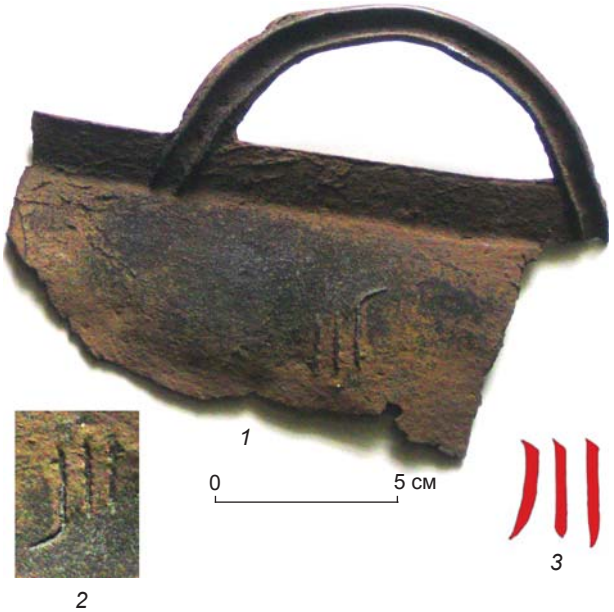


Рис. 6. Обломок котла с ручкой из Первого Джиримского клада.
1 – стенка со знаком; *2* – изображение знака; *3* – иероглиф 川 chuan (чуань) – «река».

Заключение

Ручки металлических котлов эпохи раннего железа с территории юга Западной Сибири представлены в нескольких вариантах: с фрагментом стенки тулова (Туруновка-4, находка из-под Канска, Идринский и Первый Джиримский клады, Айдашенская пещера), с частью венчика (Вознесенка, Подсопки) и только ручка (предмет из Минусинского музея, Первый Джиримский клад). Относительно последней разновидности следует заметить, что она встречается в основном среди случайных находок со среднего Енисея (котел с р. Ниня, у с. Камышта).

Картография ручек металлических котлов эпохи раннего железа на юге Западной Сибири позволяет выявить несколько особенностей локализации таких находок. Во-первых, они концентрируются преимущественно на периферии ареала основного производства металлических котлов тагарского времени и мест их случайного обнаружения в долине среднего Енисея и сопредельных территорий (Вознесенка, Подсопки, окрестности Канска). Во-вторых, только некоторые из этих находок (фрагмент стенки с ручкой с р. Кан) тяготеют к водным магистралям, где также найдены целые котлы (пять у с. Терского) и клады (Первый и Третий Терские) с ними [Бородовский, Оборин, 2021]. Возможно, ручки котлов, которые обнаружены в местах, связанных с водной средой, имеют ритуальное значение и символизируют целое изделие. В-третьих, ручки металлических котлов в составе производственных кладов эпохи раннего железа на среднем Енисее демонстрируют совершенно другую топографию. Эти комплексы (Первый Джиримский, Идринский клады) расположены, как правило, далеко от водных источников – на возвышенных участках местности. В-четвертых, рассматриваемые находки являются фрагментами импортных изделий с сопредельных или более удаленных территорий. Это характерно как для Барабинской (Туруновка-4) и Мариинско-Ачинской (Айдашенская пещера) лесостепи, так и для долины среднего Енисея (фрагмент котла из Первого Джиримского клада, на стенке которого имеется знак 川, возможно соотносимый с определенным китайским иероглифом, связанным с водной стихией).

Морфология обломков металлических котлов с ручками отражает практически все типологическое и хронологическое разнообразие таких изделий за весь период их бытования в эпоху раннего железа. Следует также отметить, что среди рассматриваемых

находок представлены и «тагарские» (Туруновка-4, Айдашенкая пещера, Березняки, Подсопки, находка у Канска), и «хуннские» бронзы (Первый Джиримский клад). Этот факт может свидетельствовать как о длительности существования традиции ритуального захоронения ручек от металлических котлов, так и о более позднем использовании ранних металлических котлов до их повреждения вследствие естественного износа или преднамеренной поломки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008. Автор признателен О.А. Митько, Ю.В. Оборину и С.Л. Савосину за консультации по тематике исследований.

Список литературы

Березуцкий В.Д. Бронзовые котлы из сарматского погребения Новочигольского курганного могильника // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 2. – С. 21–25.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 86–98.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Котлы и клады среднего Енисея эпохи раннего железа // Вестн. Новосиб гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021 (в печати).

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – 296 с.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). – М.: ЛКИ, 2008. – 328 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О символике металлических котлов в эпоху ранних кочевников // Самар. науч. вестн. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 114–116.

Ермоленко Л.Н. О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М.: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 110–116.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: Ленингр. фил. Центра науч.-техн. деятельности, исслед. и социал. инициатив; Ленингр. науч.-исслед. археол. об-ние, 1991. – 448 с.

Красильников К.И. Закрытый сакральный гуннский комплекс Мечетное-2 на Донбассе (предварительный обзор) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском пространстве (новые данные и концепции). – СПб.: ИИМК РАН, 2019. – Т. 1. – С. 269–271.

Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. – М.: Центрполиграф, 2014. – 478 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.В. Айдашенская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 год. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1893. – 91 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr Karl Hedman a Vasa: Chapitres d'archéologie sibérienne. – Helsingfors: Société Finlandaise d'Archéologie, 1917. – 93 p., XII pl.

Материал поступил в редколлегию 22.06.21 г.,
в окончательном варианте – 08.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.043-056
УДК 903.5(571.151+510)

Н.В. Полосьмак
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Пазырыкский стиль

В статье обосновывается положение о том, что отдельные элементы сходства между предметами быта, одежды, вооружения, представленные в погребальных комплексах пазырыкцев Алтая и жителей Синьцзянских оазисов (могильники Субаши, Янхай, Джумбулак Кум, Вупу, Зангхонлук) и южных склонов Алтайских гор, не могут являться свидетельствами их культурного единства. Похожие черты в базовых вещах указывают только на территориальную близость и существовавшие между этими людьми контакты. В качестве более значимых культуроопределяющих признаков предлагается рассматривать украшения людей, предметов быта и вооружения, упряжи коней, а также татуировки, которые было бы правильнее назвать опознавательными знаками. Доказывается, что каждый член пазырыкского общества, от мала до велика, обладал набором внешних признаков, отличавшим его от соседей. К этому набору относятся украшения – на его теле, одежде, головном уборе, поясе, коне. Традиция резьбы по дереву, достигшая высокого мастерства у носителей пазырыкской культуры, давала возможность создавать для всех членов общества равноценные по значимости украшения, благодаря им, а также татуировкам образ каждого пазырыкца был узнаваемым. Предлагается ввести понятие «пазырыкский стиль», под которым понимается единство всех элементов культуры. Сделан вывод о том, что «пазырыкский стиль» является наиболее точным выражением этой культуры, хотя ее носители по образу жизни, системе жизнеобеспечения и др. могут совершенно не отличаться от соседей.

Ключевые слова: *пазырыкская культура, культуры раннего железного века Синьцзяна, одежда, татуировка, украшения, пазырыкский стиль.*

N.V. Polosmak
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia,
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

The Pazyryk Style

This study demonstrates that certain similarities in domestic artifacts, clothing, and weapons in the Pazyryk burials of the Altai, those in the oases of Xinjiang (Subashi, Yanghai, Jumbulak Kum, Wupu, Keriya, etc.), and those in the piedmont of southern Altai Mountains do not evidence a single culture. Such parallels in basic items are caused by spatial proximity and contacts. Personal ornaments, decoration of utensils, weapons, and horse harness, and signs such as tattoos are more reliable cultural indicators. Every member of the Pazyryk society regardless of age was marked by a set of outward signs, distinguishing him or her from the neighbors. This set included tattoos and ornaments worn on the clothing, headgear and belt, and decorating the horse. The elaborate Pazyryk traditions of woodcarving enabled everyone to have equally meaningful ornaments, which, like the artistic tattoos, made him or her recognizable. The term "Pazyryk style" is proposed. Being the most exact cultural indicator, it extends to all elements of culture, uniting the Pazyryk people despite the fact that their lifestyle, subsistence, etc., were identical to those of their neighbors.

Keywords: *Pazyryk culture, Early Iron Age, Xinjiang cultures, clothing, tattoo, ornaments, Pazyryk style.*

© Полосьмак Н.В., 2021

Введение

Вопрос о том, была ли культурная близость между носителями пазырыкской культуры и синхронным населением синьцзянских оазисов, известным по материалам могильников Субаши, Шанпула, Янгхай, Джумбулак Кум, а также по ряду погребальных комплексов, которые исследованы в последние годы в ок. Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района, актуален и напрямую связан с определением южной границы ареала данной археологической культуры. За последние десятилетия территория распространения памятников пазырыкской культуры расширилась благодаря исследования З. Самашева и А.-П. Франкфора в Восточном Казахстане [Самашев, Франкфор, 1999; Samashev et al., 2000] и В.И. Молодина, Г. Парцингера, Д. Цэвээндоржа в Монголии [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012]. Могильник Берель, как справедливо пишет З. Самашев, относится к локальной группе носителей пазырыкской культуры, кочевавших в этом регионе и оставивших там могильное поле с захоронениями людей разного статуса – от самых высокопоставленных в кург. 1 и знати среднего ранга в кург. 11 до рядовых [2011, с. 206–207]. В Монгольском Алтае (северо-запад Монголии), согласно исследованиям, немногочисленные погребальные памятники принадлежали указанной общности людей, основные зимние пастбища и места захоронений которых находились на плоскогорье Укок [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012]*. Можно предполагать, что южная граница ареала пазырыкской культуры проходит по высокогорью Укок, хотя отдельные элементы этой культуры, часто принимаемые за саму культуру, распространены шире, например на т.н. пазырыкских памятниках на территории Синьцзяна. В последнее время в связи с интенсивными раскопками китайских коллег появились данные об открытии и исследовании памятников на территории, непосредственно примыкающей к Российскому Алтаю, в частности к плато Укок, известному своими пазырыкскими могильниками [Полосьмак, 1994, 2001]. Многие из курганных захоронений, в которых находились останки людей и лошадей, китайские коллеги безоговорочно относят к пазырыкской культуре, вероятно, учитывая близость зоны распространения последней [Му, 2020]. Обзору этих памятников посвящена статья, которая называется «Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне», однако в ней автор не проявляет категоричности при оценке культурной принадлежности этих объектов, он допускает, что рассматриваемые памятники «могут быть отнесены к пазырыкской культуре» [Там же, с. 138], и признает наличие различий между перечисленными им объектами и классическими памятниками пазырыкской культуры [Там же, с. 144]. Более взвешенно к выделению пазырыкских погребальных комплексов на территории ок. Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного р-на подошли российские исследователи Д.П. Шульга, П.И. Шульга [2017]. Они рассматривали весь комплекс признаков, который позволил бы связать те или иные погребения с завершающим этапом пазырыкской культуры. Такой подход помог установить, что памятники, которые похожи на пазырыкские только по одному признаку, на самом деле пазырыкскими не являются. Причислять их к данной культуре, как считают эти исследователи, можно только с оговорками. К «пазырыкским» они относят не только «классические» погребения, но и все когда-либо зафиксированные в цепочках пазырыкских курганов Алтая (их появление в этих цепочках все еще не нашло однозначного объяснения). К ним относятся т.н. кара-кобинские погребения людей в каменных ящиках и без лошадей; захоронения с западной, южной, юго-западной ориентацией погребенных; погребения с захоронениями коней на перекрытии, а не внутри погребальной камеры; курганы, в которых в одной могильной яме могло находиться до четырех погребенных (подобное не фиксируется в пазырыкских могилах), а также погребения т.н. коргантасского типа с многочисленными черепами домашних животных. Кроме того, прослежено, что в некоторые могилы Синьцзяна подхоранивали умерших, это также не типично для пазырыкской культуры. Д.П. Шульга и П.И. Шульга объясняют такое отклонение от «пазырыкского стандарта» местной спецификой; сам обряд, по их мнению, носит «промежуточный характер» [Там же, с. 25–27]. Сравнение показало, что с «классическими» пазырыкскими погребениями у синьцзянских погребальных комплексов указанного региона больше различий, чем совпадений. Скорее всего, в Северном Синьцзяне (на границе с Россией и Казахстаном) существовало культурное образование, и, вероятно, не одно, не имевшее отношения к пазырыкской культуре. При выделении памятников пазырыкской культуры, по нашему мнению, следует учитывать прежде всего наиболее полно представляющие ее «замерзшие» могилы, поскольку если судить только по сохранившимся вещам из неорганических материалов, то культурные общности и культурное единство можно найти

*В этой части Монгольского Алтая нет больших и средних курганов, маленькие бедные курганы расположены на небольших могильниках, например Олон-Курен-Гол-6, -10. В 200 км к югу от этих памятников французско-монгольской экспедицией на могильнике Бага-Турген-Гол-6 были исследованы такие же бедные захоронения чандманьской культуры лишь с некоторыми чертами, которые находят аналогии в пазырыкской культуре, как и в саглынской культуре Тувы [Турбат и др., 2007].

и на более широкой территории*. С нашей точки зрения, исследованные на территории Северного Синьцзяна, в Джунгарии между Тянь-Шанем и Алтаем курганные могильники не имеют отношения к пазырыкской культуре в ее классическом (и наиболее верном) понимании. По комплексу признаков, которые выделили П.И. Шульга и Д.П. Шульга, эти объекты, вероятно, относятся к другому культурному образованию, основные черты которого достаточно подробно описаны [Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017, с. 25–27]. Появление подобных погребений в пазырыкских могильниках можно связывать с проникновением жителей восточной части южного склона Алтайского хребта на горноалтайские пастбища, а не наоборот. Пазырыкцы, зимовавшие на Укоке, скорее всего, знали о переходах через перевалы Канас и Бетсу-Канас, по которым можно было попасть в восточную часть южного склона Алтайского хребта, но это не значит, что они пользовались такой возможностью. Была ли в этом необходимость – пока неочевидно. Похожая, на наш взгляд, картина сложилась в древности на территориях, прилегающих к хребту Чихачева, который разделяет Горный Алтай и Туву; в настоящее время их связывает автомобильная дорога, которая проложена через перевал Бугузун на высоте 2 068 м. Если с алтайской стороны хребта имеются пазырыкские могильники у д. Кокоря – Узунтал I, III, V, VI [Савинов, 1978, 1986, 1993; и др.], то с другой стороны хребта памятники этой культуры отсутствуют. Под руководством Вл.А. Семёнова силами большой комплексной экспедиции в 1994 г. была предпринята попытка выявить на территории Монгун-Тайгинского р-на курганы пазырыкского типа, но обнаружить их не удалось. Не дали искомого результата и раскопки большого кургана на могильнике Холаш в 1995 г. По результатам работ экспедиции Вл.А. Семёнов сделал справедливый вывод о том, что в этом районе в скифское время жили по преимуществу представители т.н. культуры безынвентарных погребений [Семёнов, 1997, с. 7–9, 35]. Близкая во всех отношениях к алтайским горным долинам, эта высокогорная территория, которая сегодня является зоной скотоводства, не была обжита пазырыкцами, они туда не кочевали, им незачем было уходить из «скотоводческого рая», каким был и остается Алтай [Радлов, 1989, с. 144–145]*.

Цель данной работы – показать, что отдельные элементы пазырыкской культуры в погребальном обряде и предметах вещевого комплекса на памятниках Северного Синьцзяна не могут рассматриваться как свидетельства распространения этой культуры в данном регионе. Отождествление с пазырыкскими памятниками мало похожих курганов на основе только некоторых элементов сходства – это способ размывания культурной идентичности. Если идти в этом направлении, то можно ожидать, что пазырыкскими будут называться все памятники, имеющие хотя бы отдаленное сходство с оригиналом. Китайские коллеги находят «следы» пазырыкской культуры и на территории, которая значительно удалена от Алтайских гор, – в районах Хами и Или [Му, 2020, с. 143]. Следы там могут быть, но не культура.

Культурная общность или территориальная близость?

Разнообразие пазырыкской популяции впервые было установлено методами физической антропологии в начале XXI в. [Баркова, Гохман, 2001]**. Сегодня этот вывод подтверждается данными палеогенетического анализа [Пилипенко, Молодин, Романенко, 2012; Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015]. Антропологические и генетические характеристики погребенных в данном случае не являются основаниями для отне-

*Отметим, что ни на останках погребенных в могильниках Северного Синьцзяна, считающихся пазырыкскими, ни на мумиях людей, захороненных в могильниках Субаши, Вупу, Шанпула и др., не обнаружены следы искусственной мумификации, являвшейся одной из важных особенностей погребального обряда пазырыкцев, которую удалось проследить по захоронениям не только в «царских» могилах, но и в рядовых погребениях Укока [Полосьмак, 1996, 2000; 2001, с. 238–256]. В женских погребениях Синьцзяна не найдены остатки характерных для пазырыкских женщин головных уборов-париков, которые обычно представлены мощным черным пятном под черепом [Кубарев, 1991, с. 37]; открытие непотревоженного «замерзшего» женского погребения на Укоке позволило определить, что пятна – это следы парика, и реконструировать его [Полосьмак и др., 1997; Полосьмак, 2001, с. 143–153].

*В настоящее время на территории Республики Алтай проживает ок. 221 тыс. чел. И все, кто продолжает вести традиционное скотоводческое хозяйство, покрывают потребность в корме за счет зимних и летних пастбищ. Во времена пазырыкцев численность населения здесь была значительно меньше и мест для выпаса скота и перекочевок достаточно для всех.

**В данной статье на антропологических материалах из больших Пазырыкских курганов и кургана Шибе было показано антропологическое разнообразие пазырыкской элиты, однако мнение авторов статьи о том, что погребенные в т.н. царских курганах значительно отличались от основной части носителей пазырыкской культуры [Баркова, Гохман, 2001, с. 89], в настоящее время представляется неверным. В последние годы активно изучается антропологический материал из рядовых погребений пазырыкской культуры Алтая. Исследованиями, главным образом Т.А. Чикишевой, доказано, что в антропологическом составе элиты получило отражение все разнообразие пазырыкского общества, которое формировалось из тех же источников [Чикишева, 1996, 1997, 2003].

Рис. 1. Сосуды из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*, *4*) и могильников Синьцзяна (*2*, *3*, *5*). Роговые: *1* – кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *4* – кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина); *5* – погр. 92 могильника Янхай [Синьцзян…, 2019, т. III, с. 303, рис. 1]; керамические: *2* – местонахождение Хонгшаван, северный отрезок Шелкового пути, уезд Манас в составе Чанцзи-Хуэйского автономного округа [The ancient culture…, 2008, p. 308, *1*]; *3* – погребение в могильнике Джумбулак Кум [Debaine-Francfort, Francfort, 2001, p. 209, fig. 99].

Рис. 2. Деревянные палочки-мешалки из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 на Алтае (*1*) и могильника Янхай в Синьцзяне (*2–4*) [Синьцзян…, 2019, т. III, с. 172, рис. 1–3, рис. 5; с. 307].

сения тех или иных погребальных комплексов к пазырыкской культуре. Критерием по-прежнему является общность территории, погребального обряда, материальной культуры и предметов искусства.

Единая территория – горная система Алтай, образ жизни скотоводов и охотников объединяли разных людей, создавших свой неповторимый стиль, характеризующий пазырыкскую культуру. Пазырыкцы – носители определенного стиля, который проявляется во всем: от одежды до украшений упряжи коней и жилищ*. Важная часть их образа – татуировка, как несмываемое клеймо она закрепляет принадлежность этих людей к определенному обществу.

Открытие погребальных комплексов в оазисах Синьцзяна с предметами из органических материалов позволяет увидеть, в чем состояло главное внешнее отличие одной культуры от другой, и лучше понять, что имеется в виду, когда речь идет о пазырыкском стиле. Как выяснилось, люди, проживавшие в разных природно-климатических зонах, различавшиеся по образу жизни и системе жизнеобеспечения, имели один набор предметов одежды и во многом сходные бытовые предметы. Близость прослеживается между деревянными ковшами, кружками, блюдами-столиками. Однако похожие деревянные изделия бытуют и в других регионах и культурах. Они известны и в раннескифских комплексах, например, в погр. 5 кург. Аржан-2 в Туве обнаружен деревянный ковш, конец ручки которого оформлен в виде конского копыта [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 406, табл. 68], как у ковша из Второго Пазырыкского кургана и других подобных изделий из рядовых курганов [Руденко, 1953, табл. XXI; Кубарев, 1987, с. 49]. Аналогичные предметы использовались и позднее: столики-блюда и другая деревянная посуда находились в погребениях конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. могильника Кокэль [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 187, табл. X]. Многие вещи этой категории доживают до этнографического времени, поскольку это универсальные формы, удобные в быту. Среди посуды из погребений Синьцзяна имеются единичные предметы, похожие на пазырыкские роговые сосуды (рис. 1), керамические изделия, близкие по форме пазырыкским образцам. В могилах жителей Синьцзяна встречаются такие же палочки-мешалки, как в женском погребении кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, что позволяет предполагать употребление жителями этих районов одинакового молочного (?) напитка (рис. 2). Идентичными являются простые по форме деревянные пластины жесткости налучий; возможно, налучья были одинаковые по устройству и форме. Некоторые синьцзянские

*Мы можем говорить о жилищах, поскольку погребальные камеры пазырыкцев являются их имитацией, а иногда и реальными срубами.

Рис. 3. Деревянные каркасы жесткости на налучьях из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*, *2*) и могильников Синьцзяна (*3–5*).
1 – кург. 1 могильника Ак-Алаха-1; *2* – кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина); *3–5* – погребения Янхая [Синьцзян…, 2019, т. I, с. 169, рис. 1; т. III, с. 293, рис. 4, 5].

образцы покрыты резным орнаментом, не имеющим ничего общего с пазырыкским (рис. 3).

Комплекты одежды жителей оазисов Синьцзяна и пазырыкцев* близки по цветовой гамме (красный, белый, черный, меньше – синий и желтый) и по категориям вещей (шубы, рубахи, штаны и юбки). Женщины носили юбки из узких разноцветных полос шерстяной ткани, сшитых по горизонтальной линии (рис. 4), рубахи, отделанные по швам красными шнурками и тесьмой, с длинными рукавами (рис. 5), плетенные из шерстяных

Рис. 4. Юбки из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*, *3*) и погребений Синьцяна (*2*, *4–8*).
1 – шерстяная юбка с поясом-шнуром и схема изделия, кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *2*, *6*, *7* – фрагменты шерстяных юбок, могильник Шанпула [Bunker, 2001, p. 25, pic. 15; fig. 63, 64, 93]; *3* – фрагмент шерстяной юбки, Второй Пазырыкский курган; *4* – реконструкция шерстяной юбки по материалам из погребения в могильнике Джумбулак Кум (бассейн р. Керия на южном участке древнего Шелкового пути) [Desrosiers, 2001b, p. 193]; *5*, *8* – фрагменты шерстяных юбок, могильник Янхай [Синьцзян…, 2019, т. III, с. 269, рис. 4, 5].

*Мы узнали о комплектах одежды пазырыкских мужчин и женщин в ходе исследований неразграбленных захоронений на Укоке, в которых находились останки погребенных *in situ*: на мумиях мужчины и женщины сохранилась их одежда [Полосьмак, Баркова, 2005; Полосьмак и др., 2006]. При исследовании «царских» пазырыкских курганов достоверной информации о костюме пазырыкцев получено совсем немного, т.к. на обнаруженных в двух из пяти Больших Пазырыкских курганов мумиях людей не было одежды, ее сняли с умерших грабители. Обрывки, как позже выяснилось, юбок и штанов представляли собой неидентифицируемые фрагменты; таковыми они считались до открытия погребений Укока. Какие-либо следы одежды отсутствовали на погребенных в Катандинском кургане. Известные катандинский фрак и кафтан были обнаружены в виде узла на деревянном перекрытии, очевидно, грабители планировали их забрать.

Рис. 5. Рубахи из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*) и могильников Синьцзяна (*2–4*).
1 – шелковая рубаха и схема ее кроя, кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *2* – фрагмент рубахи и ее реконструкция, могильник Янхай [Синьцзян…, 2019, т. III, с. 276, рис. 2, 3]; *3* – шерстяная рубаха, могильник Шанпула II [Bunker, 2001, p. 34, fig. 35]; *4* – фрагмент шерстяной рубахи и ее реконструкция, погребение в могильнике Джумбулак Кум [Desrosiers, 2001d, p. 196–197].

нитей пояса-шнуры. В синьцзянских погребениях встречаются и длинные войлочные и кожаные чулки, похожие на пазырыкские (рис. 6). Мужчины носили близкие по крою штаны из шерстяной ткани: две штанины, соединенные прямоугольным куском ткани. Разумеется, такое очень простое по крою изделие могло появиться в разных местах независимо (рис. 7). Этого не скажешь о верхней одежде – шубах. У пазырыкцев каждая шуба – уникальное изделие, настоящее произведение портновского искусства, для которого характерны сочетание разнообразных мехов (от овчины до соболя), украшения из окрашенного меха, кисточки из конского волоса и аппликации из кожи. Кроме того, эти шубы необычны по крою: сзади у них имеется длинная отдельно пришитая деталь – своего рода хвост. У жителей синьцзянских оазисов верхняя одежда – это очень простая функциональная вещь, ее можно назвать овчинным тулупом (рис. 8).

Как видно из приведенных примеров, предметы одежды,

Рис. 6. Сапоги-чулки из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*, *2*) и погребений Синьцзяна (*3*, *4*).
1 – мужские войлочные, кург. 3 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина); *2* – мужские войлочные, кург. Олон-Курен-Гол-6; *3* – кожаные, могильник Янхай [Синьцзян…, 2019, т. III, с. 220, рис. 6]; *4* – войлочный чулок, погребение в Джумбулак Кум [Desrosiers, Francfort, 2001, p. 164].

Рис. 7. Штаны из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*, *4*) и могильников Синьцзяна (*2*, *3*, *5*).
1 – шерстяные штаны, погр. 1 могильника Ак-Алаха-1; *2*, *3* – штаны и схема их кроя, могильник Янхай [Синьцзян…, 2019, т. II, с. 928; т. III, с. 270, рис. 5; с. 272, рис. 2]; *4* – шерстяные штаны и схема их кроя, кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина); *5* – фрагмент шерстяных штанов и схема их кроя, погребение в могильнике Джумбулак Кум [Desrosiers, 2001c, p. 195].

Рис. 8. Мужские шубы из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1*) и могильников Синьцзяна (*2*).
1 – кург. 3 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина); *2* – погребение могильника Вупу [Hami ancient civilization, 1997, p. 24, fig. 49].

в которых погребены мумии в том и другом регионе, похожи. Нередко совпадают не только фасон, крой, цвет, но и отделка. Из исторических примеров известно, что такого рода совпадений было трудно добиться даже тогда, когда они были крайне необходимы. Например, в эпоху Средневековья, если вассалам, проживавшим на значительном расстоянии от замка своего сеньора, было необходимо выехать в его свите в одежде определенных цветов и фасонов, им заблаговременно рассылались ткани и инструкции по пошиву

Рис. 9. Украшения головных уборов и пояса мужчин из погребальных комплексов пазырыкцев Алтая (*1–6*) и Синьцзяна (*7–9*).
1–4, *6* – украшения мужского головного убора, кург. 1 могильника Ак-Алаха-1; *5* – деревянные накладки на пояс, кург. 1 могильника Ак-Алаха-1; *7* – бронзовое украшение мужского головного убора, погребение в могильнике Джумбулак Кум [Francfort, Lacoudre, 2001, p. 205–206, fig. 92]; *8* – украшение головного убора, погребение в оазисе Кэрия [The ancient culture…, 2008, p. 33, fig. 5]; *9* – мумия мужчины в головном уборе, Кэрия [Ibid., p. 32, fig. 3].

платья. Тогда удавалось достичь очень приблизительного сходства, но и оно воспринималось современниками как идентичность. Разительное сходство одежды жителей Синьцзянских оазисов и пазырыкцев, возможно, является результатом контактов.

Найти различия между населением, оставившим акалахинские курганы, и жителями Синьцзянских оазисов с первого взгляда было бы трудно, если бы у первых не было украшений, которые, по нашему мнению, правильнее называть опознавательными знаками*.

Понятно, что сходство базового костюма еще не признак родства культур. Возможно, это свидетельство близости, но территориальной в данном случае. Однотипный покрой плечевой и поясной одежды, головных уборов и обуви является, как было прослежено в процессе изучения народного костюма Средней Азии и Казахстана, региональной особенностью, но не этнодифференцирующим признаком; он даже не свидетельствует об общих корнях в культуре народов региона [Лобачева, 1989, с. 35; 2001, с. 70–71, 92]. Только детали могут служить культурно дифференцирующими признаками.

Костюмы жителей Синьцзянских оазисов и пазырыкцев (только их мы и можем сравнивать, поскольку они примерно одинаковы по сохранности, это равноценное сопоставление) при общем сходстве составляющих их предметов мужской и женской одежды имеют различия, которые определяются украшениями. Украшениями мужского пазырыкского костюма служили деревянные фигурки коней с рогами козерога и фигурки оленей на головном уборе, гривна с изображениями хищников, накладки на пояс с вырезанными фигурами животных (рис. 9). В костюме пазырыкских женщин это украшавшие парик фигурка лежащего оленя, т.н. эгрет, металлическая шпилька с навершием в виде оленя, накосники с резным орнаментом, изображения птиц, гривны и диадемы с изображениями животных (рис. 10) – все то, чего нет в костюме жительниц Синьцзяна, включая прическу-парик.

Когда мы говорим о стиле пазырыкцев, то имеем в виду не только стиль личных украшений, но и все, что окружало людей, – украшения бытовых предметов и упряжи коней, колод, войлоков, предметов вооружения. Одним их главных отличительных признаков принадлежности к пазырыкской культуре является татуировка. Татуировки на телах – это то, что объединяло всех пазырыкцев, их несмываемые знаки, указывающие на родство более крепкое, чем кровное; то, что позволяет опознать своего в этом и в ином мире. Различия в количестве знаков, местах нанесе-

*Под украшениями в данном случае мы имеем в виду не только то, что было надето на человеке сверх одежды, украшало саму одежду, но все, что объединяет собой слово «искусство», применительно к конкретной культуре, включая татуировки.

Рис. 10. Женские головные уборы и украшения из погребальных комплексов Алтая (*1–3*, *5–9*) и могильника Синьцзяна (*4*).

1–3 – войлочные колпаки, Второй Пазырыкский курган (*3* – реконструкция Д.В. Позднякова); *4* – войлочный головной убор на мумии женщины, могильник Субаши [Desrosiers, 2001a, p. 155, fig. 12]; *5–8* – деревянные украшения, кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *9* – головной убор с украшениями (реконструкция), кург. 1 могильника Ак-Алаха-3.

ния рисунков, композициях лишь подчеркивают индивидуальность каждого. На теле человека «записывалась» его собственная история, но образы и знаки, как буквы одного алфавита, были одними и теми же для всех. И, если бы он прожил дольше, то на его теле появились бы и другие знаки и рисунки. Татуировки различались в деталях в зависимости от пола, статуса и возраста людей [Баркова, Панкова, 2005]. В татуировках повторялись образы тех же зверей, птиц, рыб, фантастических существ и знаки, которые вырезались из дерева, изготавливались из войлока и кожи (рис. 11). И если татуировка мужчины из Второго Пазырыкского кургана интерпретируется как «зодиакальная» [Марсадолов, 2021], то так же следует рассматривать и все искусство пазырыкской культуры, а готов ли автор выдвинутой гипотезы приписывать зодиакальное значение всему пазырыкскому бестиарию? Если на руке женщины из Пятого Пазырыкского кургана воспроизведена композиция, которую мы не видели ранее, это не основание считать погребенную представительницей другой культуры [Азбелев, 2017]. Сегодня мы располагаем информацией о небольшом числе пазырыкцев с татуировками, хотя уже точно знаем, что татуировки были у всех носителей культуры. И, как показал весь предыдущий опыт, делать выводы, опираясь на небольшой объем материала, преждевременно.

Совсем иные знаки воспроизведены на тыльных сторонах кистей рук и пальцах жителей оазисов Синьцзяна. По исполнению и композиции они абсолютно не похожи на встречающиеся у пазырыкцев. В рисунках на теле пазырыкцы, как уже отмечалось, с большим мастерством воплощали традиционные для своей культуры образы зверей, птиц, рыб. Татуировки на кистях рук синьцзянских мумий*

*Не исключено, что татуировки были и на теле, но сведения об этом отсутствуют.

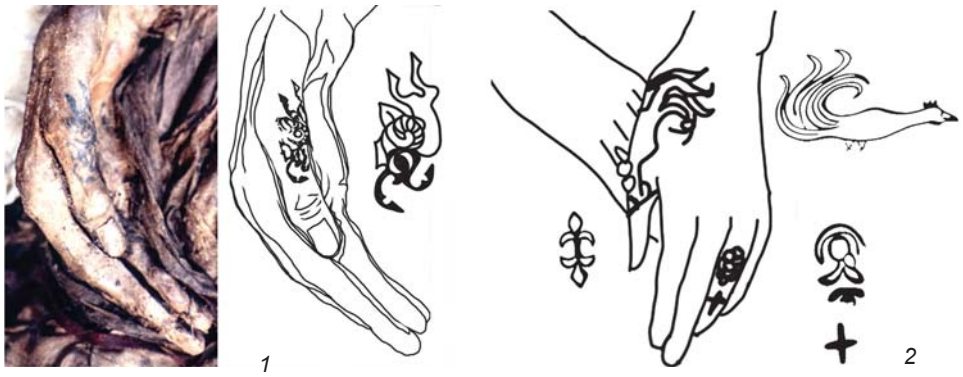


Рис. 11. Татуировки на пазырыкских мумиях Алтая.
1 – на кистях рук и пальцах женщины, кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *2* – на пальцах рук женщины, Пятый Пазырыкский курган.

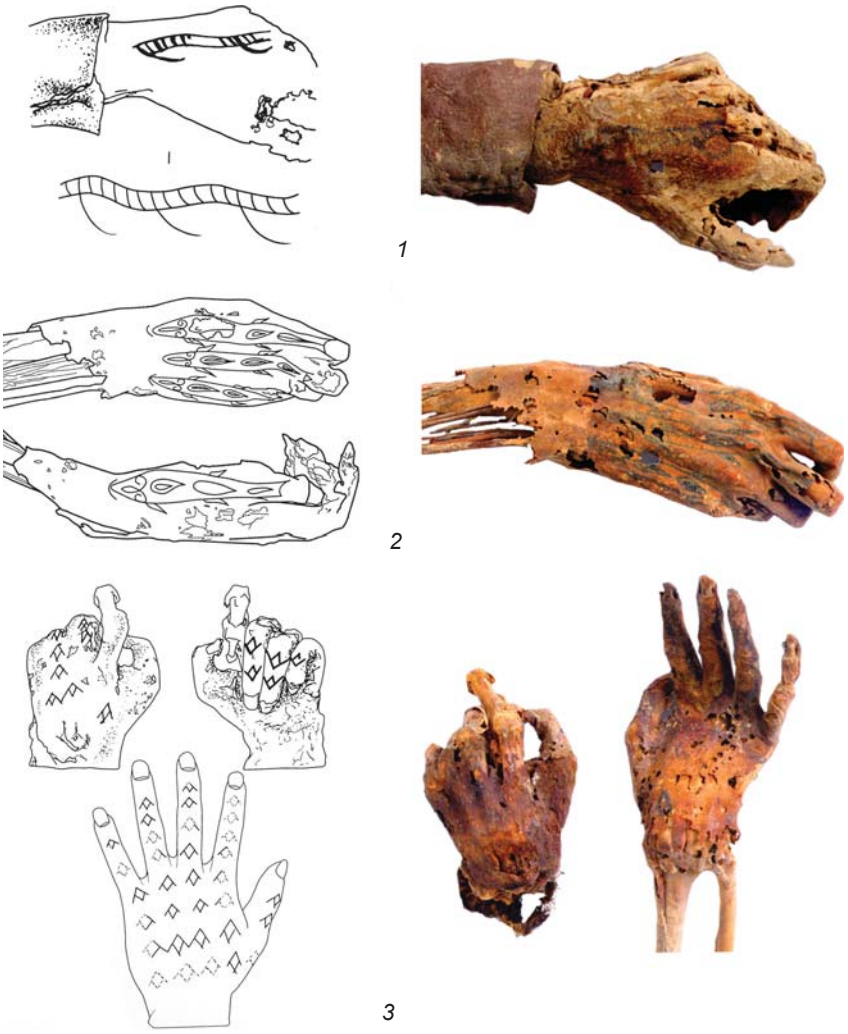


Рис. 12. Татуировка на кистях рук мумий Синьцзяна. Могильник Янхай [Синьцзян…, 2019, т. I, рис. 1, *2*, *9*; т. III, с. 211, рис. 1, *5*].

просты по исполнению и состоят из одного многократно повторяющегося знака (это, как правило, геометрические фигуры, в одном случае представлены стилизованные изображения рыбок) (рис. 12). Татуировки на кистях рук, выглядывавших из-под рукавов рубах и шуб, дают значительно больше информации о человеке, чем его физический тип. Вряд ли смысл этих изображений станет нам когда-либо доступен, но одно из назначений татуировок вполне очевидно – обозначить принадлежность человека к определенной общности.

Пазырыкцы были многосоставным и разноэтничным образованием. Так что же их объединяло и выделяло среди окружавших культур и народов? Среда обитания, система жизнеобеспечения, образ жизни были такими же, как у их соседей на Саянах, в Забайкалье, в монгольских степях и горах. Своеобразие культуры сформировали не эти базовые составляющие, а присущий только ей культурный багаж, исторический бэкграунд. На его фундаменте пазырыкцы создали собственную картину мира, которая нашла отражение в их стиле, под которым мы понимаем единство всех компонентов культуры – татуировки на теле, украшения на одежде и на упряжи коней, аппликации на войлоках и посуде, их прически, приемы мумификации и т.п., то, чего не могло быть у других.

Заключение

Были ли деревянные изделия – фигурки животных, птиц и фантастических существ*, одни из главных признаков «пазырыкского стиля», – созданы для повседневного ношения? Многие специалисты сомневаются в этом. Но поскольку ни в одном пазырыкском захоронении не обнаружено металлических (золотых) аналогов хотя бы одного деревянного изделия из украшений этого ряда, то, вполне вероятно, все эти прекрасно сделанные из кедра вещи служили своим хозяевам не только при погребении, но и в обычной жизни**. Данные предметы можно было многократно воспроизводить. Скорее всего, они использовались как постоянные украшения, легкие и удобные в носке. Их можно было потерять, сломать, починить или сделать снова в любых количествах***. У рядового члена общества могли быть такие же прекрасные украшения, как и у высокопоставленного; все зависело только от мастерства резчика. В рядовых погребениях нередко встречаются деревянные украшения, выполненные с исключительным мастерством и талантом [Кубарев, 1991, с. 116, рис. 29; с. 122, рис. 32; 1992, с. 96, рис. 28; с. 105, рис. 33; и др.]. Эти так много значившие фигурки, которые были у всех членов общества, в т.ч. у детей, служили опознавательными знаками пазырыкцев, определявшими их стиль. Важно отметить, что данные изделия и в рядовых, и в «царских» курганах были покрыты чаще всего золотой фольгой, реже – оловянной. Золотой блеск характерен для предметов пазырыкской культуры, но при этом полновесные золотые украшения в погребениях отсутствуют, и этот факт нельзя связывать только с действиями грабителей. На наш взгляд, пазырыкская культура не была расточительна: для придания изделию золотого сияния пазырыкцы применяли золотую фольгу. Почти невесомая, она использовалась везде и в больших количествах, уравнивая всех членов общества*[4].

Культура определяется не количеством и богатством импортных предметов, а тем, что представляли собой люди – носители этой культуры. Картина мира, созданная пазырыкцами, исчезла вместе с ними. Единственную возможность воссоздать эту картину дает трактовка созданных ими образов. За что ценили их создатели своеобразного искусства, мы не знаем, но пытаемся определить, опираясь на мифологию, фольклор и эпос. Мы можем прочитать любой «текст», состоящий из образов животных, птиц, рыб, фантастических существ, и нам кажется, что найден ключ к разгадке этого языка. Но так ли это? Мифологию пазырыкцев, к сожалению, мы создаем сами. Относительно пазырыкской культуры это стало понятно после выхода в свет работы Д.В. Черемисина «Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры» [2008], в которой автор блестяще применил исследовательский подход к изобразительным памятникам звериного стиля как к источнику, содержащему некий «мифологический текст», переданный языком изображений. И сам подход, и авторская гипотеза, согласно которой «сюжеты изображений в зверином стиле, манифестированные в ансамблях ритуальной атрибутики, определены мифом и являются частью языка погребального комплекса, которым прокламированы идеологемы, единые для всего общества», не вызывают возражений [Там же, с. 5]. Но анализ самих образов показал, что каждый из них амбивалентен, и какое место займет тот или иной персонаж в картине мира пазырыкцев, зависит только от эрудиции и воли автора концепции. А ведь образы животных, птиц и рыб могут отражать неведомые нам понятия, не связанные с их животной природной сущностью.

Оставив в стороне семантику образов пазырыкского искусства, мы хотели бы акцентировать внимание на стиле. В отличие от семантики, которая всегда будет служить камнем преткновения в силу недостаточности наших знаний в этой области, порождающей много интерпретаций, стремление свести все образы и сюжеты к единой схеме (верхний, средний и нижний миры, сцены терзания, символизирующие круговорот жизни-смерти), стиль – это то, что очевидно. Он ничего не объясняет, но пазырыкская культура выделена и существует как на бумаге – в научных трудах, так и в реальности благодаря именно этому стилю. Произведения прикладного искусства пазырыкцев стали

*Речь идет и о конских украшениях.

**На этом всегда настаивал С.И. Руденко. Он писал: «Изучение ныне уже многочисленных седел и узд в Пазырыкских и других курганах показало, что в могилах мы находим настоящие бытовые предметы, часть которых долго была в употреблении и неоднократно чинилась» [1960, с. 239].

***Вне зависимости от статуса погребенного, в могилах находятся чиненые вещи. Например, в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, в котором была погребена знатная женщина, были обнаружены треснувшая и сшитая кожаным шнурком деревянная кружка, таким же образом починенное деревянное блюдо; во многих захоронениях найдена штопаная одежда.

*[4]Золотая серьга, серебряные пряжки со сценой терзания львом лани из Второго Пазырыкского кургана, а также драгоценные шерстяные ткани и ковер из Пятого Пазырыкского кургана могут быть частью награбленного в Ахеменидских сокровищницах во время македонской экспансии. Драгоценности Древнего Востока в этот период перемещались на гигантские расстояния и вместе с захватчиками попадали в Центральную Азию [Литвинский, Пичикян, 1993, с. 88].

их опознавательным знаком. Совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем [Леви-Стросс, 1984, с. 78]. Стиль – это визуализация культуры (рис. 13). Не будет преувеличением сказать, что пазырыкца мы бы узнали сразу, но почему? Потому что внешний облик любого из них – мужчины или женщины, от мала до велика, знатного или рядового – стилистически выдержан; в главном они все одинаковы, несмотря на различия в статусе. Почему так важен стиль? Сопоставление пазырыкской культуры с культурой населения оазисов Синьцзяна наглядно показало: отдельные категории вещей обнаруживают безусловное сходство и позволяют говорить о родстве культур и людей, но когда вводится понятие стиля, то становится очевидным, что перед нами совершенно разные люди с разными культурными традициями. Изображения зверей, птиц и рыб, реальных и фантастических, повторяющиеся в оригинальных сочетани-

Рис. 13. Пазырыкцы. Визуализация пазырыкского стиля.
Реконструкции Д.В. Позднякова.

ях и орнаментальных композициях на всем – от посуды (ручка деревянного сосуда из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, кожаные аппликации на глиняных и кожаных сосудах и т.д.) до украшений людей, лошадей, колод, войлоков, одежды, татуировок на телах мужчин и женщин – делают пазырыкцев членами одного сообщества, неповторимыми, уникальными в своей узнаваемости во всем.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Искусство и художественная культура Древнего мира. – 2017. – № 7. – С. 51–60.

Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // АСГЭ. – 2001. – Вып. 35. – С. 78–90.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировка на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Тр. Туркестан. комплексн. археол.-этногр. экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – Т. II. – С. 185–291.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Леви-Стросс К. Печальные тропики. – М.: Мысль, 1984. – 220 с.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса // ВДИ. – 1993. – № 4. – С. 67–89.

Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности и традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 5–39.

Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Наука, 2001. – Вып. IV. – С. 69–97.

Марсадолов Л.С. «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из Пазырыка-2 // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. – С. 265–273.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. «Замерзшие» погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – 566 с.

Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. История и археология. – 2020. – Т. 30, № 2. – С. 138–147.

Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Палеогенетический анализ останков носителей пазырыкской культуры из памятников Олон-Курин-Гол-6 и Олон-Курин-Гол-10 в Западной Монголии // «Замерзшие» погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – С. 345–363.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 138–145.

Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 122 с.

Полосьмак Н.В. Традиция пазырыкского бальзамирования (некоторые аспекты проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 210–212.

Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: (Палеоэкология, антропология, археология). – М.: Изд-во ГИМ, 2000. – С. 67–73.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.

Полосьмак Н.В., Балакина Г.Г., Васильев В.Г., Власов А.А., Довлитова Л.С., Карпова Е.В., Краевская И.Л., Королюк Е.А., Кундо Л.П., Малахов В.В., Маматюк В.И., Царёва Е.Г. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 267 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 5).

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмаков А.Н., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Исследование вещественного состава находок из «замерзших» могил Горного Алтая (Ак-Алаха-3. Пазырыкская культура) // РА. – 1997. – № 1. – С. 181–192.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1989. – 752 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Ранние кочевники. – М.: Наука, 1978. – С. 48–55. – (КСИА; вып. 154).

Савинов Д.Г. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1986. – С. 10–13.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1993. – С. 4–18.

Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

Самашев З.С., Франкфор А.-П. Древности казахстанского Алтая // Изв. Мин-ва образования и науки Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1 (219). – С. 33–37.

Семёнов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – 100 с.

Синьцзян Янхай муди (Могильник Янхай в Синьцзяне). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2019. – Т. I. – 455 с.; Т. II. – 97 с.; Т. III. – 350 с. (на кит. яз.)

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Жордана Х., Жискар П.Х. Бага-Тургенй-Гол VI пазырыкийн уейн цогцолборын археологи, палеоантропологийн судалгаа // Археологийн судлал. – 2007. – Т. XXIV (IV). – С. 188–215.

Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 24–29.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и антропологические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 249–252.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 314–320.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы по данным археологии, антропологии и генетики. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – Вып. 1. – С. 63–120.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 500 с.

Bunker E.C. The Cemetery at Shanpula, Xinjiang, Simple burials, Complex textiles // Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian Woolen textiles from the Second BC to the Second Century AD. – Riggisberg: Abegg-stiftung, 2001. – P. 15–47. – (Riggisberger Berichte; N 10).

Debaine-Francfort C., Francfort H.-P. Pot en céramique à décor de coutures // Keriya: Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001. – P. 209.

Desrosiers S. L'évolution des techniques textiles // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001a. – P. 153–155.

Desrosiers S. Jupe faite de bandes tissées rouges et marron cousues les unes aux autres // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001b. – P. 193–194.

Desrosiers S. Haut de pantalon avec ceinture et fragment de chemise // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001c. – P. 195.

Desrosiers S. Épaule et côté droits de tunique en toile de laine décorée de tresses rouges // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001d. – P. 196–197.

Desrosiers S., Francfort H.-P. Feutre beige décoré d'appliques de feutre rouge et bleu aux bords rebrodés // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001b. – P. 164.

Francfort H.-P., Lacoudre N. Ornements de coiffure // Keriya. Mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Findakly, 2001. – P. 205–206.

Hami ancient civilization / ed. by Administrative Office of Cultural Relics of Hami Prefecture and Hami Museum. – Hami: Xinjiang Fine Arts and Photographing Press, 1997. – 87 p.

Samashev Z., Bazarbaeva G.A., Zhumabekova G.S., Francfort H.-P. Le kourgane de Berel' dans l'Altaï kazakhstanais // Arts Asiatiques. – 2000. – January. – N 55 (1). – P. 5–20.

The ancient culture in Xinjiang along the Silk Road. – Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House, 2008. – 431 p.

Материал поступил в редколлегию 20.09.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.057-068
УДК 904

А.Е. Астафьев[1], Е.С. Богданов[2]
[1]Мангистауский государственный историко-культурный заповедник, Казахстан
Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорығы
3-ші шағынаудан, 66, Ақтау, 130001, Қазақстан Республикасы
E-mail: aasta@list.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Элитное погребение гуннского времени на могильнике Каракабак (Мангистау, Казахстан)

Статья продолжает серию публикаций, посвященных результатам раскопок на могильнике гуннского времени в урочище Каракабак (п-ов Мангышлак). Вводятся в научный оборот материалы погр. 11, где была захоронена девушка в костюме, имитирующем царское облачение. Реконструирован головной убор, который состоял из накидки, украшенной круглыми золотыми бляшками, и налобной повязки-диадемы из красного текстиля с бляхами-личинами. Центральная налобная бляха в подражание горгонейонам выполнена по эллинистическим образцам. Она дополняет серию подобных личин с территории Поволжья и Северного Причерноморья. Вырезанные из дерева височные бляхи-личины с обкладкой из золотой фольги не находят аналогий, но выполнены в архаической скифской традиции. Поясные и обувные пряжки не имели креплений к ремням и не использовались в быту. Золотая обкладка деревянной основы с тисненым геометрическим орнаментом по своим стилистическим и технологическим особенностям входит в круг древностей т.н. шиповского горизонта. Рамки пряжек выполнены в виде стилизованных хищных птиц с раскрытыми крыльями. Налобная бляха и детали обувных ремешков имеют аналоги на Алтынказгане. Вводимые в научный оборот материалы уникальны для Арало-Каспийского региона и являются еще одним доказательством тесных культурных связей с гуннским миром. Все детали костюма, скорее всего, были изготовлены в близлежащем ремесленном центре (Каракабакское городище) во второй половине V – первой половине VI в. для погребения представительницы кочевой элиты.

Ключевые слова: *Мангистау, Каракабак, гуннские древности, шиповский горизонт, костюм, диадема.*

A.E. Astafyev[1] and E.S. Bogdanov[2]
[1]Mangystau State Historical and Cultural Reserve,
3rd Microdistrict 66, Aktau, 130001, Republic of Kazakhstan
E-mail: aasta@list.ru
[2]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Burial of a Hunnic Period Noblewoman at Karakabak, Mangystau, Kazakhstan

This study continues a series of publications describing the findings of excavations at the Karakabak cemetery on the Mangyshlak Peninsula, dating to the Hunnic period. Burial 11 was that of a girl dressed in an outfit imitating a royal vestment. The reconstructed headdress consisted of a cape decorated with round, gold plaques and a diadem-type headband of red cloth with mask-shaped plaques. The central forehead plaque is a replica of Hellenistic gorgoneia. Similar masks were found in the Volga basin and the Northern Black Sea region. Temporal mask-plaques, carved of wood and covered with gold foil, have no parallels but follow the archaic Scythian tradition. Belt and shoe buckles were not attached to belts and were not used in everyday life. In terms of style and technique, the gold casing with an embossed geometric design on a wooden base belongs to a series of

© Астафьев А.Е., Богданов Е.С., 2021

artifacts of the so-called Shipovo horizon. The buckle frames are shaped as stylized birds of prey with spread wings. The forehead plaque and details of the shoe straps are paralleled by those from Altynkazgan. The Karakabak artifacts are unique for the Aral-Caspian region, providing yet another indication of close cultural ties with the Hunnic world. All details of the outfit were likely manufactured at a nearby workshop (the Karakabak settlement) in the second half of the 5th or first half of the 6th century for the burial of a nomadic noblewoman.

Keywords: *Mangystau, Karakabak, Hunnic artifacts, Shipovo horizon, outfit, diadem.*

Введение

В 2019 г. российско-казахстанская экспедиция провела раскопки на могильнике гуннского времени около городища Каракабак в Тупкараганском р-не Мангистауской обл. Республики Казахстан (рис. 1). Было исследовано 12 сооружений (рис. 2), из которых семь содержали погребения. Результаты изучения объектов № 1–3, 10 частично опубликованы [Астафьев, Богданов, 2020а, б]. Разнообразие полученного материала, его неоднозначность, а главное, уникальность для всего Арало-Каспийского региона предопределили его постепенный ввод в научный оборот в виде серии статей. Настоящая публикация посвящена итогам исследования объекта № 11 в составе могильника Каракабак-10, расположенного на западном борту одноименного каньона.

Рис. 1. Расположение могильника Каракабак-10.

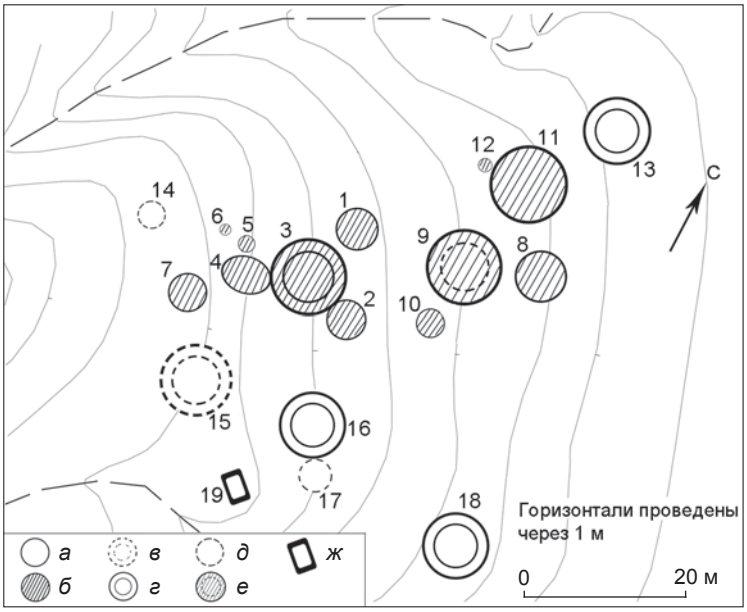


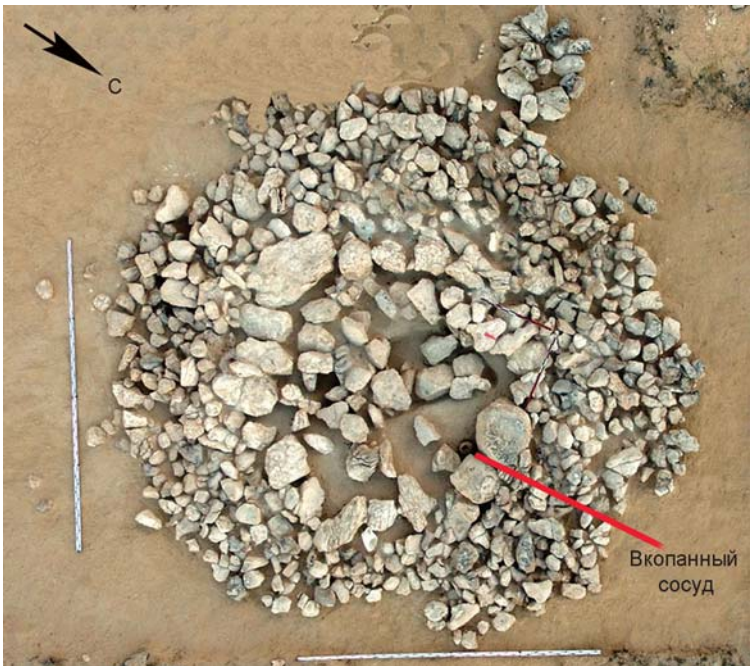
Рис. 2. Топографический план могильника. *а* – насыпь, курган; *б* – исследованные объекты; *в* – каменная наброска (?) с западиной в центре; *г* – кольцевидная каменная наброска; *д* – каменная наброска аморфных очертаний; *е* – курганы с западиной в центре; *ж* – погребальное сооружение этнографического времени.

Погребальный комплекс и обряд захоронения

Объект № 11 был сооружен на склоне с перепадом высот до 0,5 м на протяжении 6,5 м и представлял собой кургановидную наброску диаметром 6 м (рис. 3). Куски известняка и кремня лежали на древней поверхности в один-два слоя. Основной массив камня был сосредоточен в южном секторе и представлял собой выброс, образовавшийся после «грабительских» раскопок. В центре сооружения хорошо просматривалась круглая в плане выкладка диаметром 4,2 м из крупных блоков, уложенных в один ряд. В северном секторе внутри нее у одного из блоков стоял вкопанный наполовину лепной сосуд с отбитой горловиной. Слегка вогнутое дно было пробито, когда сосуд находился уже в земле. В 0,3 м к востоку от него располагалась пустая ямка диаметром 0,25 м и глубиной 0,15 м.

После удаления кольцевой выкладки были определены очертания могильной ямы, отчасти разрушенной «грабительским» шурфом. Она изначально имела вытянутую форму с расширением в южном секторе и была ориентирована по линии ССВ – ЮЮЗ. Вероятные габаритные размеры ямы 1,8 × 0,95 м при средней

Рис. 3. Наземное сооружение над погр. 11.



глубине относительно уровня древней поверхности 1,9 м. Северо-западный сектор разрушен шурфом 1,6 × 0,9 см, прорезавшим ямное заполнение и свод погребальной камеры подбойного типа. Остатки ее каменного заклада обнаружены у западной стенки могильной ямы на уровне дна (рис. 4). Установленные вертикально (под углом) плиты располагались в три ряда. Внутренний и второй ряд стояли на дне погребальной камеры, третий – на дне могильной ямы, чем точно маркировал ступень высотой 16–27 см. По высоте заклада реконструируется высота свода погребальной камеры, которая составляет 0,6 м. Судя по консистенции грунта и характерным признакам обрушения свода, погребальная камера после похорон не была засыпана. В «грабительском» перекопе, ближе ко дну могильной ямы, встречались ребра, позвонки и обломки костей рук человека. Там же найдены золотая обкладка деревянной поясной пряжки и «пряслице» из стенки лепного сосуда.

На дне погребальной камеры (2,6 × × 0,7÷1,0 м) обнаружены остатки потревоженного человеческого скелета. В анатомическом порядке сохранились кости ног, кисти правой руки, предплечья и кисти левой руки. Умершая девушка была погребена в вытянутом положении на спине (руки вытянуты вдоль тела, ноги лежали свободно), головой на север (рис. 5). В области головы *in situ* найдены остатки головного убора (рис. 5, 6) в виде локальных скоплений из 40 мелких штампованных бляшек (рис. 7, *1*), двух бляшек-личин с фрагментами шелковой красноватой ткани (рис. 7, *2*, *6–9*). Золотая серьга (рис. 7, *5*) и бляха-личина (рис. 7, *8*) были обнаружены в потревоженном состоянии в области головы, но на 10–20 см выше дна могилы. Местонахождение несохранившегося черепа маркируют золотая серьга (см. рис. 6; 7, *4*) в положении *in situ* (аналогичная найденной в «грабительском» перекопе)

Рис. 4. Вид на могильную яму и перегородку (заклад) из меловых плит.

Рис. 5. Скелетные останки и инвентарь на дне могильной ямы.

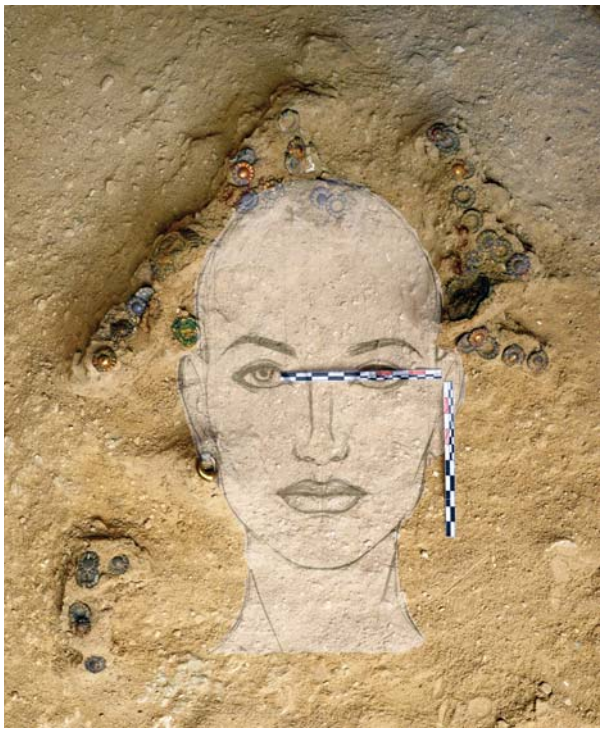


Рис. 6. Расположение золотых бляшек *in situ* в районе головы погребенной.

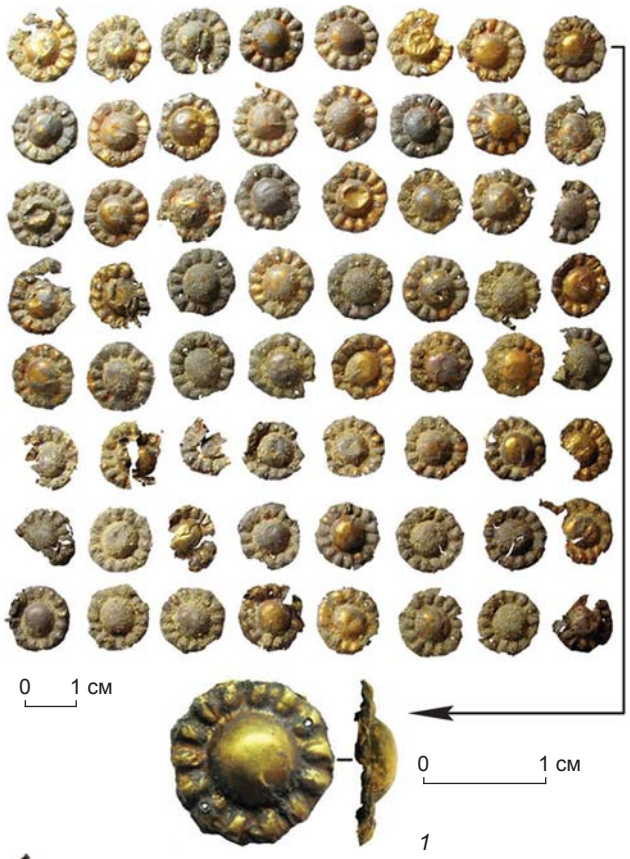


Рис. 7. Детали головного убора.
1 – золотые нашивные бляшки; *2* – фрагменты текстиля; *3* – пластинчатая подвеска; *4*, *5* – серьги; *6*, *7* – обкладки бляшек–личин; *8*, *9* – основа украшений; *10* – налобная бляха.
1, *3–7*, *10* – золото; *8*, *9* – дерево.

Рис. 8. Реконструкция головного убора.

и две личины в области височных костей (см. рис. 6; 7, *6–9*). Находившиеся *in situ* мелкие бляшки лежали полукругом в пределах свода черепа (см. рис. 6). Судя по их расположению, первоначально они были нашиты на тонкую ткань в два ряда с вероятным интервалом 12–13 мм и в шахматном порядке. Только при сползании с головы тонкой ткани бляшки могли залегать подобным образом. Вероятно, изначально они были нашиты по кромке. Ниже правой личины найдена каплевидная пластинка-подвеска (см. рис. 6; 7, *3*) в перемещенном состоянии. На основании всех полученных данных удалось реконструировать головной убор (рис. 8).

В районе голеностопов сохранились детали двух обувных ремешков (рис. 9). На одном конце каждого располагалась золотая тисненая обкладка деревянной пряжки (сохранились мелкие фрагменты основы с рельефом) (рис. 10, *2*, *3*), на другом – пластинчатый наконечник (рис. 10, *4*, *5*). Пряжки были направлены в противоположные друг от друга стороны. Между костями голени под половинкой бронзового зеркала (рис. 11, *3*) сохранился фрагмент плетеного изделия из растительных волокон (рис. 11, *5*). Рядом под россыпью бусин и пронизей (рис. 11, *7–10*) лежали наконечник дротика (или двухлезвийный нож ?) (рис. 11, *4*) и «пряслице» из стенки станкового сосуда (рис. 11, *2*).

Полученные при раскопках данные позволяют предположить, что погребальный комплекс был нарушен с целью изъятия головы захороненной девушки, поскольку остальные кости так или иначе сохранились (*in situ* и в перекопе) и золотые предметы оставлены.

Описание погребального инвентаря

Круглые бляшки (64 экз.) изготовлены из золотой фольги методом тиснения по основе (см. рис. 7, *1*). Диаметр 12–14 мм. Рельефный декор: высокая полусфера, обрамленная по периметру выпуклыми овалами-лепестками.

Малые личины (2 экз.) имеют форму овальных медальонов. Деревянная резная основа обложена тонкой золотой фольгой с продавленным изображением человеческого лица в обрамлении восходящих «лучей»

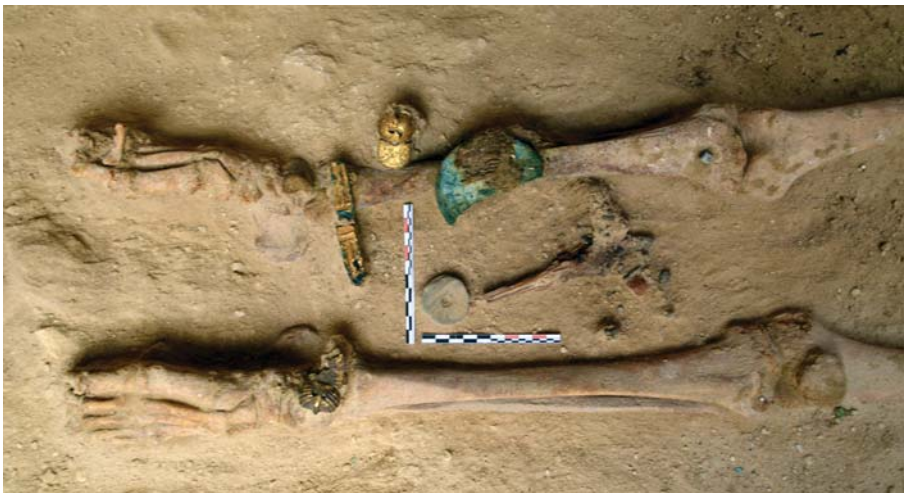


Рис. 9. Кости ног с остатками обувных ремешков и сопроводительного инвентаря.

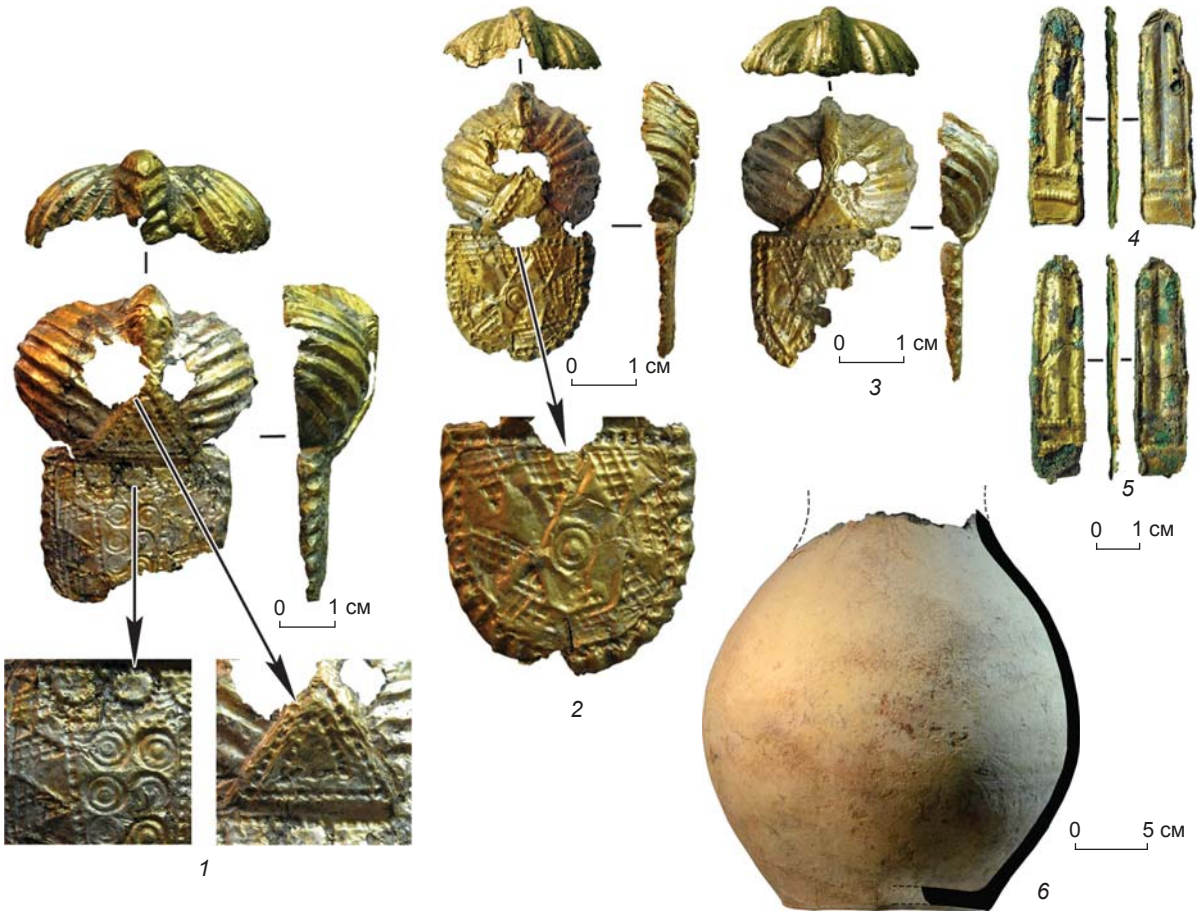


Рис. 10. Находки из погребения.
1 – обкладка поясной пряжки; *2*, *3* – обкладки обувных пряжек; *4*, *5* – наконечники обувных ремней; *6* – сосуд.
1–3 – золото; *4*, *5* – медь и золотая фольга; *6* – глина.

Рис. 11. Находки из погребения.
1 – «пряслице» из стенки лепного сосуда; *2* – «пряслице» из стенки станкового сосуда; *3* – фрагмент зеркала;
4 – нож(?)/наконечник дротика(?); *5* – фрагмент плетеного изделия; *6–10* – бусины.
1, *2* – глина; *3* – бронза; *4* – железо; *5* – растительные волокна; *6* – камень; *7–10* – стекло.

(см. рис. 7, *6–9*). Представлены два типа маски «с закрытыми глазами»: условно «мужская» и «женская» (на головном уборе они находились соответственно с левой и правой стороны). «Мужское» лицо европеоидных очертаний вырезано полурельефом в перевернутой каплевидной форме. Брови слегка изогнуты с наклоном, основание закрытого верхнего века прямое и наклонное, нос прямой, рот небольшой с увеличенной нижней губой. По краям медальона имеются четыре отверстия (вверху, внизу и по бокам). Размер по обкладке 34 × 25 × 7 мм. «Женское» лицо в сердцевидном контуре обладает явными монголоидными чертами. Брови дугообразные, основание закрытого верхнего века изогнутое и практически горизонтальное, нос длинный, с широкими ноздрями, рот удлиненный, с большими губами. Утрачена пятая часть медальона. Размер по обкладке 42 × 23 × 9 мм.

Большая личина – медный диск диаметром 58 мм, обложенный золотой фольгой с пуансонно-матричным тиснением (см. рис. 7, *8*). Рельефно изображено лицо монголоидного типа с раскосыми глазами, широкими выступающими скулами, крупным носом и узкими вытянутыми губами. Подбородок раздвоен. Рот полураскрытый, с четырьмя сильно выступающими клыками. Личина оконтурена тиснением в виде сильно перевитого шнура.

Пластинчатая подвеска-имитация каплевидной формы изготовлена пуансонно-матричной штамповкой из медного листка с чуть загнутым краем (см. рис. 7, *3*). Имеет непробитую петельку. Размер 25 × 16 мм. Внешняя поверхность подвески позолоченная. На плоскости пластины имеется рельефный валик с шнуровым декором, имитирующий каст с каменной вставкой.

Цельнолитые золотые серьги калачиковидной формы (2 экз.) имеют размеры 18 × 16 и 17 × 15 мм. Концы сомкнутых в кольцо стержней с утолщением в средней части за счет кольцевидного валика диаметром 6 мм сильно заужены (см. рис. 7, *4*, *5*).

Фрагменты тонкой красноватой ткани от головного убора (см. рис. 7, *2*) позволяют судить о способе ее изготовления. Просматривается принцип полотняного переплетения, в котором нить основы значительно тоньше уточной.

Фольгированная обкладка деревянной основы – имитация поясной пряжки с овальной рамкой, язычком и плоским четырехугольным щитком (см. рис. 10, *1*). Габаритные размеры 61 × 45 × 18 мм. Рамка с неподвижным язычком декорирована рельефным тиснением, изображающим хищную птицу с полуопущенными раскрытыми крыльями и распушенным хвостом. «Головой птицы» выступает загнутый конец язычка. Другой его конец («хвост птицы») оформлен в технике точечной чеканки в виде двух вписанных один в другой треугольников. Поле щитка декорировано треугольниками из ложной зерни и фигурами из концентрических окружностей. Края щитка скошены и орнаментированы косыми насечками. С двух сторон от язычка имеются повреждения фольги.

Фольгированные обкладки деревянных основ (2 экз.) – имитация обувных пряжек (см. рис. 10, *2*, *3*). Представляют собой изделия, схожие по типу и орнаменту с поясной пряжкой, только меньших размеров: 42/44 × 25/27 × 9 мм. Фольга плохой сохранности, есть утраты.

Наконечники обувных ремней (2 экз.) – медные пластины вытянутой формы с одним чуть зауженным и скругленным концом, обложенные с двух сторон золотой фольгой (см. рис. 10, *4*, *5*). Размеры 43 × 13 мм. По центру пластин вдоль всей длины идет широкий валик, ограниченный на прямом конце двумя поперечными гофрированными тонкими валиками. Крепежные элементы отсутствуют.

Половина бронзового зеркала имеет валик по краю и уплощенный выступ-петлю по центру (см. рис. 11, *3*). Диаметр 82 мм. Декорировано рельефным орнаментом в виде кольца, разделенного на множество секторов радиальными лучами.

Наконечник дротика (или двухлезвийный нож?) имеет короткое ромбовидное двухстороннее лезвие (54 × 28 мм) и длинный сужающийся черешок (70 × × 13 мм). На черешке с напуском на лезвие сохранились остатки тлена от деревянной рукояти (см. рис. 11, *4*).

Керамические «пряслица» (2 экз.) имеют шайбовидную форму. Одно изготовлено из стенки лепного сосуда (см. рис. 11, *1*). Его диаметр 46 мм, толщина 13 мм, диаметр отверстия 8 мм. Другое «пряслице» сделано из стенки станкового сероглиняного сосуда (см. рис. 11, *2*). Его диаметр 39 мм, толщина 8 мм, диаметр отверстия 7 мм.

Стеклянные бусины и пронизи сильно патинированные. Представлено несколько разновидностей бусин: кубовидная с выпуклой и вогнутой торцовыми гранями, размер 9 × 8 × 8 мм (см. рис. 11, *7*); каплевидная с продольным отверстием, длина 11 мм, диаметр 8 мм (см. рис. 11, *8*); кругло-уплощенные диаметром 3,0–4,5 мм (см. рис. 11, *10*). Одна пронизь спиралевидная, длиной 6 мм и диаметром 4 мм (см. рис. 11, *9*), остальные в виде нерасчлененных столбиков (целые и в обломках), их длина 5–16 мм, диаметр 3 мм.

Шаровидная бусина из красного полупрозрачного камня (сердолик?) имеет диаметр 17 мм (см. рис. 11, *6*). Ее третья часть сколота.

Интерпретация материала

Материалы из каракабакских захоронений не противоречат мнению о том, что большая часть позднесарматских особенностей в погребальных ритуалах

сохранялась и в гуннское время на обширной территории евразийских степей, в т.ч. и в Арало-Каспийском регионе [Астафьев, Богданов, 2020а, с. 84]. Это наличие кольцевидных выкладок в составе могильника, захоронение под индивидуальной насыпью в могиле с подбоем в западной стенке, заклад из плит, погребение человека в вытянутом положении на спине, головой на север, наличие в женском косметическом наборе «пряслиц» из стенок керамических сосудов и обломка зеркала с радиально-лучевым орнаментом. Маркерами же гуннской эпохи можно считать отсутствие заупокойной пищи в могиле и закопанный около наземного сооружения (причем к северу!) керамический сосуд (см. рис. 10, *6*) с ямкой поблизости. Этот аспект погребального ритуала, связанный с «подношением» (жидкости), выступает явлением одного порядка с обрядами, зафиксированными в каменных сооружениях Алтынказгана (см.: [Астафьев, Богданов, 2018а, с. 355–361]). Мы наблюдаем также поразительное сходство не только в формах сосудов, но и во многих категориях погребального инвентаря. Например, найденная в рассматриваемом погребении большая личина и детали обувных ремешков (формы пряжек и язычков) имеют аналоги в составе «клада» № 3 из ограды № 158 [Астафьев, Богданов, 2018б, рис. 6, *10–14*]. Анализ данных предметов подтверждает высказанное нами ранее предположение о том, что украшения для кочевой элиты могли изготавливаться в Каракабаке мастерами-ювелирами [Астафьев, Богданов, 2020а, с. 87], одинаково хорошо работавшими как с литьем, так и с чеканкой. В этом смысле погр. 11 не выбивается из общей картины, полученной при раскопках могильника Каракабак-10: датировка в пределах второй половины V – начала VI в. и принадлежность к алано-сарматской кочевой элите, тесно связанной с каракабакским ремесленно-торговым центром. Однако есть один очень важный нюанс. В отличие от других исследованных на могильнике захоронений мы не видим в костюме погребенной девушки влияний «понтийской моды». И при этом все его детали являются имитациями настоящих вещей*. Они были сделаны на заказ для конкретного события (погребение умершего человека).

Первое, что мы видим, – это отсутствие четких хроноиндикаторов. По поводу каракабакских золотых калачиковидных сережек и их аналогов мы уже писали [Астафьев, Богданов, 2020б, с. 188]. Такой же обширный ареал имеют шайбовидные «пряслица» из стенок керамических сосудов и зеркала с радиально-лучевым орнаментом и выступом-петелькой по центру (IX и X типы по классификации А.М. Хазанова [1963, с. 67–69, рис. 4] или «типа Березовка–Анке-2» по терминологии А.В. Мастыковой [2009, рис. 91, 92]). Широкий круг аналогий пластинчатой подвеске с имитацией каста лишь подчеркивает популярность подобных украшений и в кочевой среде, и среди оседлого населения гуннского и постгуннского времени. Наконечники ремней в виде удлиненной пластинки с рубчатыми валиками и обкладкой из золотой фольги (и без нее) встречаются в материалах памятников Венгрии, Северного Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья [Werner, 1956, Taf. 64, *11–14*; Засецкая, 1994, табл. 1, *9*; 17, *16*; 22, *1*; 26, *1*; Габуев, 2014, рис. 66, *6*; Курган с «усами»..., 1999, рис. 23; Бисембаев, 2020, рис. 1, *15*]. Но поясные и обувные пряжки из каракабакского погр. 11 типологически не укладываются в классификационные схемы гуннских древностей (В.Б. Ковалевской [1979, с. 15–48], А.К. Амброза [1989, с. 63–81], И.П. Засецкой [1994, с. 77–99], А.В. Комара [2000, с. 23–32] и др.). Безусловно, нужно учитывать, что это имитации (золотые обкладки деревянных основ), чего до сих пор ни разу не встречалось. Приемы декорирования щитка и сам орнамент в виде концентрических кругов, треугольников и псевдозерни характерны именно для гуннской и постгуннской эпохи. Эти орнаментальные мотивы можно наблюдать на обкладке ножен меча из Волниковского «клада» [Волниковский «клад»..., 2014, с. 88–90]. Причем композиция на щитке каракабакской поясной пластинки повторяет схему расположения инкрустированных элементов на щитке портупейной пряжки [Там же, с. 36–37], только выполнена более небрежно. Складывается впечатление, что мастер, изготовивший каракабакские предметы, видел какие-то оригинальные образцы и «имитировал» их доступными для себя методами. Также очень интересна параллель каракабакских образцов с поясными пряжками из погребений у с. Шипова (Поволжье) [Засецкая, 1994, с. 90–91, табл. 40, *3*; 42, *6*; рис. 19, *в*], катакомбы 10 у Лермонтовской скалы [Рунич, 1976, рис. 3, *9*] и катакомбы 40 Мокрой Балки [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 58, *7*] (Северный Кавказ), особенно если учитывать факт нахождения обувных пряжек «шиповского типа» в погр. 2 Каракабака-10 [Астафьев, Богданов, 2020а, рис. 4, *3*]. Самая интересная деталь – это наличие на рамках рифленых полос-насечек, чрезвычайно напоминающих стилизацию художественного оформления каракабакских пряжек в виде крыльев птицы. Такие рамки встречаются только в материалах памятников «шиповского горизонта» [Мастыкова, 2009, с. 60–61] или группы С5 [Комар, 2000, с. 35–36]. Это выводит нас на серию вопросов. Самый главный: что же в данном случае является дериватом? Мангышлакские находки, что вроде бы логично, учитывая расположение региона

*Показательно, что бóльшая часть золотых и серебряных изделий, найденных на Алтынказгане в составе «кладов»-подношений, была также изготовлена специально для ритуала и не использовалась в быту.

далеко от основных производственных центров и путей передвижения гуннских орд, или же наоборот?

Некоторую ясность может внести анализ погребального костюма из каракабакского погр. 11. По мнению А.В. Мастыковой, «протитип престижного головного убора с золотыми аппликациями стоит искать в древностях эллинизированного населения позднеантичных центров Северного Причерноморья» [2014, с. 137]. Поскольку сам принцип украшения одежды нашивными бляшками не был распространен в Европе в гуннское время, нет ничего удивительного в том, что расшитый головной убор отсутствует в ее реконструкциях кочевнических костюмов [Там же, рис. 119–125]. При этом круглые бляшки с полусферой по центру достаточно широко представлены в материалах IV–VI вв. от Боспора [Айбабин, Хайрединова, 1997, рис. 13, *1*; Тайна золотой маски..., 2009, с. 39, кат. 25, 26; Ермолин, 2009, рис. 3, *8*], Северного Кавказа [Габуев, 2005, с. 40, кат. 82] до Южного Урала и Приуралья [Боталов, 2013, с. 212; Бисембаев, 2020, рис. 1, *3*]. Но, во-первых, за исключением головного убора женщины из кург. 22 могильника Соленый Дол [Боталов, 2013, с. 232], они украшали ворот платья и/или рукава; во-вторых, края бляшек декорированы псевдозернью – точками, а не «лепестками», как у каракабакских. Последнее позволяет говорить о «солярности» изображения и видеть параллели в сарматских и даже скифских материалах. Но об этом чуть позже. Самая удивительная деталь головного убора каракабакской девушки – налобная повязка с масками-личинами (см. рис. 8). Тут мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Десятки страниц в монографиях и статьях различных исследователей посвящены анализу пряжек (язычков, рамок), фибул и других предметов быта, с яростными спорами о типологии и хронологии. Но о феномене появления «гуннских» масок-личин в степи мы встречаем лишь упоминания в контексте рассмотрения украшений конской сбруи, хотя данное предположение является умозрительным в связи с разграбленностью и неоднородностью комплексов. Тисненные на золотых обкладках (уложенные на медную пластину-основу) антропоморфные изображения хронологически показательны именно для гуннских древностей (древняя Интерциза, Венгрия) [Амброз, 1989, рис. 30, *12*]. Удивительно, но их основная локализация – это Волжский регион (кург. 17 и 18 у г. Покровска, разрушенное погребение Покровск-Восход, кург. 4 у с. Владимирского), Северное Причерноморье (мог. VII у Новогригорьевки), Северный Кавказ (Верхняя Рутха) [Bona, 1991, S. 28, fig. 9], погребение на территории г. Уфы (ул. Тукаева) [Амброз, 1989, рис. 34, *5*] с крайней восточной точкой на Мангышлаке (Алтынказган, Каракабак). Учитывая условность при прорисовке современными художниками смятой золотой фольги обкладок, мы можем констатировать лишь имеющуюся вариативность образов. Сходство с мангышлакскими личинами наблюдается только в оформлении («шнуровой» орнамент по краю) и технологии (медный диск на клепках в основе). О. Менчен-Хелфен предполагал иранское происхождение некоторых гуннских масок с изображением бороды, основываясь на том, что «большие бороды, по Аммиану Марцеллину (XXXI. 2), не могут характеризовать гуннов, они обычны у скифов и сарматов» [Maenchen-Helfen, 1973, p. 281–284]. По мнению А.К. Амброза, «появление масок на сбруе кочевников можно связать с влиянием Рима или Ирана» [1989, с. 73]. М.М. Казанский, приводя суждение К. фон Карнап-Борнхайма о том, что поволжские маски-личины являются дериватом позднеримских и германских образцов, совершенно справедливо указывает на необъяснимую удаленность основной массы находок от границ римско-германского мира [2020, с. 100]. Что мы имеем на Западе?

1. Группа брошей со стеклянными вставками-личинами из сарматских комплексов III–IV вв. Паннонии [Grumeza, 2014]. Предметы, изготовленные в данной специфической традиции, через два столетия обнаружились на Северном Кавказе (Харбас-1, Камунты и две случайные находки) [Садыков, Курганов, 2016, рис. 18, с. 219].

2. Небольшие по размерам литые маски-личины на золотых украшениях эпохи Великого переселения народов с территории Германии, Италии, Скандинавии, выполненные в римской технике ювелирного искусства (см.: [Balint, 2016, fig. 1, 3, 7, 34]).

3. Различного рода изображения божественных ликов, портретов римских императоров на золотых нашивных бляшках, монетах, фаларах, фалерах и т.п., восходящие к античным традициям и изготовленные в римских и византийских производственных центрах.

Огромная масса таких предметов циркулировала среди варварской элиты, где каждый правитель мог ощутить свою причастность к высшим божествам. В этом смысле показательна бронзовая пластина, украшавшая деревянное ведро из Гибервиле (Франция), которое датируется IV в. «Слева направо изображены: профиль римского императора (Валентиниана?) – имитация монеты, далее следует сцена охоты, которую заключает фигура стоящего императора, поражающего врага, – вероятно, также имитация монеты, за этим следует изображение лица в фас, точная аналогия масок гуннской эпохи» [Иштванович, Кульчар, 1998, рис. 5]. Алтынказганский фалар и налобное украшение головного убора из каракабакского погр. 11 по изобразительным моментам даже ближе к античным (скифским) образцам, чем к позднеримским. В качестве примера можно привести золотые нашивные бляшки из Деева кургана (Северное Причерноморье) [Алексеев, 2012, с. 238–239] или различные изображения горгонейонов

(в т.ч. и с клыками) из скифских курганов [Русяева, 2002, рис. 1, *4*; 2]. Особенно показательны в этом смысле изображения горгон из Вани (Грузия): лишенные декоративных «эффектов», широколицые, со стилизованными волосами, с раскрытым ртом, нахмуренным лбом, передающим негативную эмоцию [Авалиани, 2012, ил. 1]. По своему изобразительному канону они стоят в одном ряду с личинами из Поволжья и Северного Причерноморья.

Причина «кустарного» изготовления на местах и популярность масок-личин на восточной периферии «гуннского» мира, как нам представляется, кроются отнюдь не в их использовании в качестве «военных знаков», «символизировавших отрубленные головы врагов», что было присуще гуннам, как считают, например, Э. Иштванович и В. Кульчар [1998, с. 9]*.

В 274 г. н.э. император Аврелиан провел религиозную реформу, целью которой было идеологическое единство Римской империи: культ Sol Invictus Imperii Romani был объединен с культом Митры [Куликова, 2020, с. 13]. То есть солнце официально стало почитаться как одно из главных божеств. Этот «эллинизированный культ», прошедший трансформацию в Малой Азии, имел лишь отдаленное отношение к иранскому Митре, но тем не менее, как считает Р. Зуевский, в III–IV вв. достиг потрясающих размахов – от Испании до Германии, от Британии до восточных и североафриканских провинций Римской империи [2009, с. 28]. Таким образом, Арало-Каспийский регион оказался в зоне влияния как западных религиозно-философских веяний, так и восточных (культ Митры при Сасанидах). С точки зрения изобразительных канонов появляется новый элемент: лучистый венец вокруг головы божества (и царя). В качестве примера можно привести изображение на двухфасадном рельефе из Рима [Там же] или барельеф с изображением Арташира II и Митры [Луконин, 1969, рис. 19]. Золото – солнце – правитель. Возможно, именно такой «лучистый венец» вокруг головы пытался изобразить мастер на личинах из каракабакского погребения (см. рис. 7, *6–9*). И «волосы» на личинах из Поволжья и Северного Кавказа именно поэтому показывались столь характерными уходящими вверх широкими рельефными полосами.

Таким образом, мы можем констатировать, что налобная повязка с личинами из погр. 11 каракабакского могильника представляла собой имитацию диадемы – знака царского достоинства. «Упрощенные» формы таких повязок-диадем с налобной круглой бляхой можно увидеть на портретах римских и византийских императоров (см.: [Засецкая, 2011, с. 48, ил. 20]), а иногда с еще двумя дополнительными на висках. Если говорить о территориально ближайших аналогиях, то можно упомянуть налобную повязку, украшенную нашивными полушарными бляшками из позднесарматского клада с побережья оз. Батырь (Восточный Прикаспий) [Скалон, 1961, рис. 4, *4–6*]. Но если каракабакская бляха по своим стилистическим и технологическим канонам, несомненно, является подражанием позднеримским (эллинистическим) образцам, то височные личины с головного убора, выполненные в высоком рельефе с проработкой портретных черт, как это ни странно, ближе к пазырыкским аналогам (см.: [Руденко, 1953, табл. XLIII, LXXX, 6, 7]). Здесь нужно учитывать, что мастер, изготовивший мангышлакские бляхи, имел достаточный опыт работы с деревом. Однако сам Прикаспийский регион полупустынь не может похвастаться обилием лесов и предполагает более традиционные литье и металлопластику. Возможно, в каракабакском погр. 11 захоронена иноземка, и именно этим объясняется столь радикальное отличие ее костюма и погребального инвентаря от вещевых комплексов из других погребений могильника. Что касается самих антропоморфных изображений, то их разделение («мужское» и «женское», «отец» и «мать», «монголоид» и «европеоид») будет достаточно условным и бездоказательным. Обоснованная интерпретация затруднительна, поскольку в данном случае дихотомия левый–правый не связана с какой-то этнической дифференциацией. Известные по археологии и этнографии стереотипы не работают, т.к. для большинства традиционных костюмов (головных уборов) характерна зеркальность образов на предметах. Только изображение закрытых глаз в контексте погребального ритуала и показ некой (возможно!) этнической составляющей в лицах может в дальнейшем (при обнаружении еще подобных находок) позволить нам выйти на иной, более подробный уровень интерпретации.

Выводы

Предпринятый в данный статье анализ погребального комплекса и инвентаря позволяет нам обозначить несколько важных положений.

---

*Данная теория крайне уязвима. Так, на сасанидском блюде из Кулагыша [Иштванович, Кульчар, 1998, рис. 7] на конской сбруе изображена именно бляха-личина, а не отрубленная голова. Мнение Б. Брентьеса о том, что на поясной пластине из Орлатского могильника, на которой показана свисающая с коня отрубленная голова, изображены «центрально-азиатские гунны», в настоящее время не поддерживается исследователями (подробнее см.: [Литвинский, 2002, с. 189–191]). Что касается сообщения Аммиана Марцеллина (XXXI.2) «об аланах, гордо украшающих своих боевых коней скальпами врага» [Иштванович, Кульчар, 1998, с. 9], то и здесь не идет речь о головах. Опять же алтынказганская бляха-личина была помещена на лоб лошади, а идентичная ей каракабакская – на лоб девушки. Это указывает на совсем иное семантическое содержание данных изображений.

1. Погребение 11 могильника Каракабак-10 датируется в пределах второй половины V – начала VI в. и принадлежит представительнице кочевой элиты.

2. Особенности погребального обряда характерны для позднесарматского круга памятников, а погребального инвентаря – для постгуннского, «шиповского горизонта».

3. Идентичность каракабакских и алтынказганских находок объясняется близко расположенным ремесленным центром – поселением Каракабак (о нем подробнее см.: [Астафьев, Богданов, 2019]).

4. Поясные и обувные пряжки, детали головного убора были сделаны специально для ритуала и не использовались в повседневной жизни.

5. Костюм девушки из погр. 11 не связан с «понтийской модой», влияние которой зафиксировано в материалах других исследованных на Каракабаке захоронений. С одной стороны, головной убор (расшитая золотыми бляшками накидка и налобная повязка-диадема с антропоморфными изображениями) представлял собой имитацию царского облачения в подражание позднеримским (эллинистическим) образцам. В этом смысле не прав С.А Яценко, утверждавший, что «диадемы кочевников не сопровождаются головным убором, являясь самостоятельным элементом костюма» [1986, с. 14]. С другой стороны, определенные стилистические особенности резных деревянных личин указывают на некий центрально-азиатский контекст. Это позволяет предположить, что в погр. 11 была похоронена иноземка, девушка не сармато-аланского происхождения. Данное предположение, несомненно, будет в дальнейшем скорректировано после проведения генетических исследований.

Благодарность

Статья подготовлена по плану НИР ИАЭТ СО РАН в рамках Программы XII.186.2.1, проект № 0329-2018-0003.

Список литературы

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1997. – Вып. 6. – С. 274–311.

Авалиани Э. Монстры эллинского мифа и их периферийные варианты // ΣΧΟΛΗ (Философское антиковедение и классическая традиция). – 2012 – Т. 6, вып. 2. – С. 306–322.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 272 с.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. – М.: Наука, 1989. – 134 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. – 2018а. – № 4. – С. 347–369.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018б. – Т. 46, № 2. – С. 68–78.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. – 2019. – № 4. – С. 17–38.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Полихромный стиль на Мангышлаке (Республика Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. –2020а. – Т. 48, № 2. – С. 80–88.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // Stratum plus. – 2020б. – № 3. – С. 179–192.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. – М.: Науч. мир, 2001. – Вып. 1: Дневник раскопок. – 252 с.

Бисембаев А.А. Новые памятники эпохи Великого переселения народов степного Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Великое переселение народов: диалог культур: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.Г. Боталов. – Челябинск, 2020. – С. 116–125.

Боталов С.Г. Гунны, болгары, тюрки: Великое переселение народов: Первая волна // Комплексы кочевой аристократии Южного Урала: альбом. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2013. – С. 184–245.

Волниковский «клад»: Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э.: каталог коллекции. – М.: Голден-Би, 2014. – 200 с.

Габуев Т.А. Аланский всадник: Сокровища князей I–XII веков: каталог выставки. – М.: Гос. музей искусства народов востока, 2005. – 74 с.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. – Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2014. – 184 с.

Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 70–77.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). – СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. – 224 с.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач: Новочеркасский клад. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – 328 с.

Зуевский Р. Римский митраизм // SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. – 2009. – № 4. – С. 22–38.

Иштванович Э., Кульчар В. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир: мат-лы 6-го археол. семинара. – Краснодар, 1998. – Ч. 2. – С. 3–27.

Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – Вып. 25. – С. 90–167.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв.: Пряжки. – М.: Наука, 1979. – 112 с. – (САИ; вып. Е1-2).

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Дон. нац. ун-т, 2000. – Т. 1. – С. 19–52. – (Труды по археологии).

Куликова Ю.В. Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 11–27.

Курган с «усами» Солончанка I: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – 144 с.

Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // Зап. Вост. отд-ния Рос. археол. общества. Нов. сер. – 2002. – Т. I (XXVI). – С. 181–213.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана: Иран в III–V вв.: Очерки по истории культуры. – М.: Наука, 1969. – 244 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. – М.: ИА РАН, 2009. – 502 с.

Мастыкова А.В. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 136–150.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 402 с.

Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. – 1976. – № 3. – С. 256–266.

Русяева М.В. Горгонейоны на произведениях торевтики из скифских курганов // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья (III Боспорские чтения): мат-лы Междунар. науч. конф. – Керчь, 2002. – С. 216–218.

Садыков Т.Р., Курганов Н.С. Подземные склепы памятника Харбас 1 в Приэльбрусье // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – СПб.: ИИМК РАН, 2016. – С. 205–220. – (Тр. ИИМК РАН; т. 46).

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 114–140.

Тайна золотой маски: каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 204 с.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. – 1963. – № 4. – С. 58–71.

Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. – 1986. – Вып. 186. – С. 14–20.

Balint L.T. Small mask on Migration period jewellery: Replication traditions of Germanic, Roman, Etruscan, and Greek goldsmiths // J. of Archaeology and Ancient History. – 2016. – N 18. – P. 2–70.

Bona I. Das Hunnenreich. – Stuttgart: Theiss, 1991. – 294 S.

Grumeza L. Disc brooches with anthropomorphic depiction glass intaglios in the sarmatian environment of the Great Hungarian Plain // J. of Ancient History and Archeology. – 2014. – N 1.4. – P. 76–84.

Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. – Berkeley: University of California Press, 1973. – XXIX, 602 p.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches: (B. Tafelteil). – München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. – 83 S.

Материал поступил в редколлегию 20.05.21 г.,
в окончательном варианте – 24.06.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.069-079
УДК 902.21

О.А. Позднякова[1], Е.В. Балков[2], П.Г. Дядьков[2], Ж.В. Марченко[1], А.Е. Гришин[1], Н.Д. Евменов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com; afrika_77@mail.ru; grishin@archaeology.nsc.ru
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: BalkovEV@ipgg.sbras.ru; DyadkovPG@ipgg.nsc.ru; evmennik@mail.ru

Комплексные геофизические исследования курганного могильника Новая Курья-1 (Кулундинская степь)

В статье представлены результаты комплексного исследования курганного могильника Новая Курья-1 (юг Западной Сибири) с помощью дистанционных методов, включающих аэрофотосъемку, наземную магнитометрию, высокоточную аэромагнитную съемку, электромагнитное профилирование и электротомографию. При обработке данных использованы оригинальные методики по построению карт относительного рельефа и инверсии данных разновысотной наземной магнитной съемки. Первая из них снижает влияние естественного рельефа местности и подчеркивает высотные аномалии, связанные с деятельностью человека, что повышает эффективность анализа цифровой модели рельефа. Вторая позволяет оценить мощность и глубину залегания аномальных магнитных тел или горизонтов, предоставляя не только планиграфическую информацию, но и возможность оценки двух- и трехмерной геометрии исследуемых объектов. В результате проведенных исследований в составе могильника выявлено не менее 14 курганов, шесть из которых не имеют выраженных рельефных признаков. Особенности строения позволяют отнести большинство из них к раннескифскому времени (VIII–V вв. до н.э.). По итогам интерпретации данных, полученных высокопроизводительными методами с использованием беспилотных технологий, позволивших провести съемку большой площади (ок. 25 га), дана оценка границ памятника. Обнаружено несколько объектов, для идентификации которых требуется провести дополнительные исследования.

Ключевые слова: *магнитометрия, аэромагнитная съемка, аэрофотосъемка, электромагнитное профилирование, электротомография, курганный могильник.*

O.A. Pozdnyakova[1], E.V. Balkov[2], P.G. Dyadkov[2], Z.V. Marchenko[1], A.E. Grishin[1], and N.D. Evmenov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com; afrika_77@mail.ru; grishin@archaeology.nsc.ru
[2]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Koptuga 3, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: BalkovEV@ipgg.sbras.ru; dyadkovpg@ipgg.nsc.ru; evmennik@mail.ru

Integrative Geophysical Studies at the Novaya Kurya-1 Cemetery in the Kulunda Steppe

We outline the results of prospection studies at the Novaya Kurya-1 cemetery in the south of Western Siberia, using remote sensing methods such as aerial photography, ground-based magnetometry, high-precision aeromagnetic survey, electromagnetic profiling,

© Позднякова О.А., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Евменов Н.Д., 2021

and electrotomography. Original techniques were used to construct relative relief maps, and an inversion of data from ground-based magnetic survey at various altitudes was carried out. The first technique reduces the effect of natural relief, and highlights anthropogenic altitudinal anomalies, making the analysis of digital elevation models more efficient. The second technique is helpful for assessing the thickness and depth of anomalous magnetic bodies or horizons, not only providing planigraphic information but enabling us to evaluate two- and three-dimensional geometric properties of the detected objects. As a result of the analyses, at least 14 kurgans were identified at the cemetery, six of which lack salient outward features. Structural details suggest that most of them date to the Early Scythian time (800–400 BC). On the basis of the interpretation of the results of highly efficient prospection analyses using the UAV platform, offering the possibility of surveying a large area (about 25 ha), the boundaries of the site were determined. Several features were detected. To identify these, further studies are needed.

Keywords: *Magnetometry, aeromagnetic survey, aerial photography, electromagnetic profiling, electrotomography, burial mounds.*

Введение

В мировой археологической практике использование геофизических методов имеет длительную историю. Применение геоэлектрики насчитывает уже более 80 лет, магниторазведки – более 60 [Коробов, 2016]. Приобретенный опыт показывает, что задачи, связанные с поиском и диагностикой структуры археологических памятников, успешно решаются с помощью неразрушающих геофизических методов. В настоящее время археолого-геофизические исследования являются одним из наиболее динамично развивающихся направлений междисциплинарного сотрудничества. Эта динамика во многом обусловлена постоянным совершенствованием методов и аппаратурно-программных разработок геофизики, открывающих новые возможности для археологии. Другим фактором устойчивого продуктивного развития являются многолетние и многоцелевые исследования, которые проводятся в рамках сотрудничества специализированных учреждений. Это позволяет постоянно совершенствовать методику археолого-геофизических работ за счет апробации новых подходов и проверки результатов геофизических построений раскопками. Одним из примеров такого взаимодействия является сотрудничество Института археологии и этнографии и Института нефтегазовой геологии и геофизики (ИНГГ) СО РАН, которое продолжается уже более 20 лет. За прошедшее время с использованием магнитометрии, электромагнитного профилирования, электротомографии, георадиолокации проведены исследования археологических памятников в степных и лесостепных районах юга Западной Сибири, а также в Горном Алтае, Монголии, Хакасии, Приаралье, Индии (штат Джамму и Кашмир). В полной мере удалось раскрыть преимущества комплексирования разных методов, что позволяет получить исчерпывающую информацию о подповерхностном расположении объектов, их параметрах и строении (см., напр.: [Epov et al., 2012; Эпов, Молодин, Манштейн и др., 2016]).

В последние годы в области археогеофизики открываются новые перспективы, связанные с развитием беспилотных технологий. Монтаж геофизической аппаратуры на беспилотные аппараты существенно увеличивает производительность работ и дает возможность обследовать обширные территории в короткие сроки. Учитывая инновационный характер этих технологий, для внедрения в практику археолого-геофизических исследований необходимо проводить их апробацию с верификацией полученных результатов традиционными геофизическими методами. Такие работы были выполнены в 2019 г. на территории распаханного курганного могильника Новая Курья-1, расположенного на гриве Горячий Дол, в 3 км к юго-западу от одноименной деревни в Карасукском р-не Новосибирской обл. (север Кулундинской степи) [Марченко и др., 2019] (рис. 1). Некрополь представлен восемью рельефно выраженными насыпями диаметром 20–35 м, высотой 0,2–0,8 м. В ходе работ вместе с давно

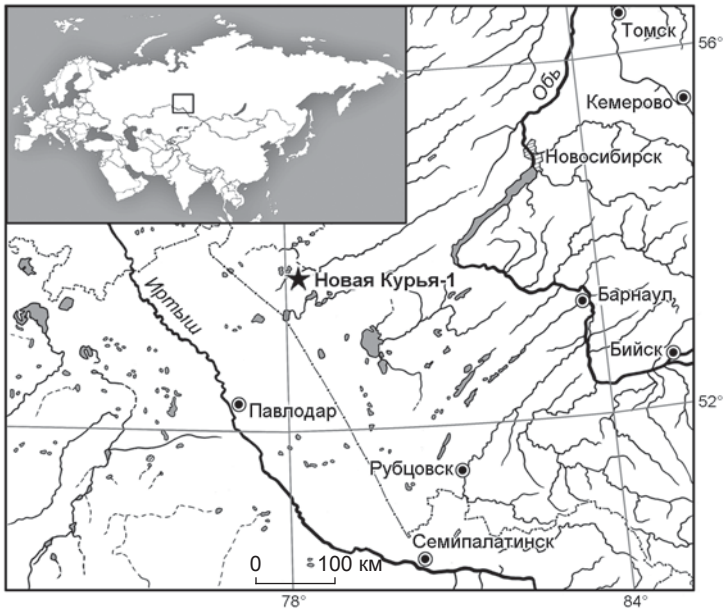


Рис. 1. Расположение памятника Новая Курья-1.

известными методами наземной магнитной съемки, электротомографии и электромагнитного профилирования применялась аэромагнитная съемка и аэрофотосъемка. Помимо решения задач, связанных с апробацией новых технологий, целью комплексных геофизических исследований была детализация внутреннего устройства курганов, поиск археологических объектов в межкурганном пространстве, а также определение границ памятника.

Методика и методы геофизических исследований

Наземная магнитная съемка. Магнитометрия является одним из наиболее востребованных в археологии геофизических методов, поскольку при благоприятных условиях позволяет получить фактически план памятника. Для проведения наземной магнитной съемки на площади могильника Новая Курья-1 была размечена сеть квадратов размером 30 × 30 м. Поскольку задачи исследования включали поиск небольших объектов, для общего повышения качества работ все участки проверили с помощью металлоискателя в режиме низкой чувствительности, чтобы убрать из пашенного слоя только крупные современные железные предметы, которые создают очень большие градиенты аномалий магнитного поля и мешают распознаванию археологических объектов.

Съемка модуля индукции геомагнитного поля проводилась с помощью цезиевого магнитометра-градиентометра G-858G (Geometrics, США) методом вертикального градиента. Датчики располагались на высоте 40 и 115 см от поверхности Земли. Движение оператора вдоль параллельных профилей осуществлялось со скоростью ок. 4 км/ч, что при частоте съемки 10 Гц позволяло производить замеры через 10–12 см. Расстояние между профилями составляло 1 м. Общая площадь магнитного картирования 23 550 м^2. Обработка данных выполнялась с помощью программы Surfer (Golden Software, США), после чего были построены карты вертикального градиента модуля вектора магнитной индукции.

По результатам съемок вдоль профилей, проходящих через центр выявленных археологических объектов, производилась оценка их параметров посредством численного моделирования [Евменов и др., 2020]. Для этого были использованы данные об аномальном магнитном поле на двух уровнях высоты наземной съемки (40 и 115 см) и проведены дополнительные измерения еще на двух высотах (175 и 250 см). При построении карт и графиков аномального поля для исключения вклада внешних геомагнитных вариаций использовались данные вариационной протонной станции МВ-07М (Геомер, Казахстан).

Аэромагнитная съемка и аэрофотосъемка. Аэромагнитная съемка при поиске и разведке полезных ископаемых применяется достаточно давно и дает хорошие результаты. Зарубежные (Geometrics, GEM, Scintrex, Bartington) и отечественные (Геоскан) фирмы производят серийную аппаратуру для монтажа на платформу беспилотного летательного аппарата (БПЛА) [Балков, Карин, Позднякова, Дядьков, 2020]. Однако опыт выполнения подобных работ для решения археологических задач пока невелик [Эпов, Молодин, Позднякова и др., 2016; Тишкин и др., 2017; Гоглев, 2018; Фирсов и др., 2018; Татаурова и др., 2018; Schmidt, Becken, Schmalzl, 2020]. Поэтому весьма актуальными остаются исследования, направленные на определение возможностей метода по изучению разнотипных археологических памятников.

Аэромагнитная съемка могильника Новая Курья-1 выполнялась с использованием комплекса «Геоскан 401 Геофизика» (Геоскан, Россия). Замеры производятся с помощью высокоточного квантового магнитометра оригинальной конструкции. В качестве носителя использован квадрокоптер промышленного класса, способный выполнять полеты по заданному маршруту. Преимуществом данного комплекса является то, что на базе одного и того же носителя можно выполнять как аэромагнитную съемку, так и аэрофотосъемку [Гоглев, 2018].

Общая площадь аэромагнитной съемки составила ок. 10 га (500 × 200 м), суммарная длина профилей – ок. 100 км. Движение вдоль профилей осуществлялось со скоростью ок. 5 м/с, что при частоте съемки 10 Гц позволяло производить замеры через 0,5 м. Средняя высота съемки ок. 5 м, расстояние между профилями ок. 1 м. По итогам обработки данных, выполненной специалистами ИНГГ СО РАН [Балков и др., 2019], были построены карты распределения модуля вектора индукции аномального магнитного поля с учетом внешних геомагнитных вариаций.

В отличие от аэромагнитной съемки, аэрофотосъемка все чаще используется для поиска и изучения археологических памятников. Получаемые в результате ортофотопланы и цифровые модели рельефа имеют высокую степень детальности и в некоторых случаях дают не менее значимую информацию об археологических объектах, чем геофизические методы [Vavulin et al., 2021]. Общая площадь аэрофотосъемки на памятнике Новая Курья-1, выполненной с помощью комплекса «Геоскан 401 Геофизика», составила почти 25 га (700 × × 350 м). При обработке данных использован оригинальный подход к построению карт относительных высот, который снижает влияние естественного рельефа местности и подчеркивает высотные аномалии, связанные с деятельностью человека [Балков, Карин, Позднякова и др., 2020].

Измерения магнитной восприимчивости грунтов. Для повышения достоверности интерпретации результатов магнитной съемки на территории памятника Новая Курья-1 были проведены измерения магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород. Замеры выполнялись с помощью каппаметров МП-01 (Казгеофизприбор, Казахстан) и SM-30 (ZHinstruments, Чехия). Средние значения для почв составили 60–80·10^{-5} СИ, для подстилающих пород – 20–35·10^{-5} СИ. Такая контрастность (30·10^{-5} СИ) является достаточной для генерации отчетливых аномалий над археологическими объектами при условии наличия в их заполнении значительных объемов почвенного вещества [Позднякова, 2020].

Электротомография. Метод сопротивлений в варианте электротомографии позволяет изучать строение археологических объектов при наличии контраста по удельному электрическому сопротивлению (УЭС) с вмещающей средой [Балков и др., 2012]. В ходе исследований была использована современная отечественная разработка Скала-64К15 (КБ Электрометрии, Россия), которую отличает высокая производительность за счет использования 15 параллельных измерительных каналов. На памятнике Новая Курья-1 измерено шесть профилей. Расстояние между электродами вдоль каждого составляло 0,5 м. Профиль № 5 (длина 80 м) был проложен через центр визуально видимых кург. 3, 4. Остальные (длина 31,5 м) предназначались для детализации устройства выявленных магнитной съемкой объектов без внешних признаков.

Электромагнитное профилирование. Аппаратура ЭМС, разработанная в ИНГГ СО РАН, представляет собой многочастотный трехкатушечный индукционный зонд с компенсацией первичного поля генераторной катушки двумя встречно включенными приемными катушками [Манштейн, Панин, Тикунов, 2008]. Измеряемые сигналы обрабатываются путем трансформации в кажущиеся сопротивления, а результаты представляются в виде карт распределения кажущихся величин УЭС. С помощью данного метода продублированы все профили электротомографии, а также выполнено частотное зондирование на двух площадках размерами 14 × 16 и 6 × 10 м. Расстояние между замерами вдоль профилей составляло 0,5 м, между профилями – 1 м. Площадки, как и профили, были выбраны и размечены на основании данных наземной магнитной съемки.

Результаты исследования

Наземная магнитная съемка. На построенной карте (рис. 2) отчетливо выделяются небольшие интенсивные аномалии градиента магнитного поля с амплитудой более 30 нТл, связанные с железными предметами. На общем достаточно спокойном магнитном фоне (до 1 нТл) хорошо фиксируются следы распашки в виде чередующихся положительных и отрицательных линейных аномалий магнитного поля, достигающих, за вычетом сигнала от железных предметов, значений 9 и –3 нТл. Небольшая величина позволяет предположить, что появление положительных аномалий связано с локальным увеличением мощности гумусированного слоя. Это подтверждают и результаты измерений магнитной восприимчивости грунтов.

Все рельефно выраженные сооружения хорошо прослеживаются по положительным аномалиям. Большинство из них характеризуется общим комплексом признаков. Отчетливо выделяются кольцеобразные рвы с проходами по линии З–В. Амплитуды связанных с ними аномалий достигают 5 нТл. Внешний периметр рвов хорошо коррелирует с визуально зафиксированными границами насыпей. В центре практически всех курганов выделяются округлые аномалии диаметром 8–14 м, по-видимому отражающие структурные различия насыпей. Некоторые из них характеризуются повышенными значениями до 4 нТл (кург. 2, 3). Магнитные параметры остальной части пространства, ограниченного рвом, близки к фоновым. В центре курганов отчетливо фиксируются аномалии с амплитудой до 9 нТл, которые можно связать с последствиями грабительских проникновений. В пространстве между рельефно выраженными сооружениями выявлены аналогичные по устройству малые курганы диаметром от 8–9 до 17 м (кург. 9–13). Общность признаков свидетельствует о том, что все эти объекты представляют собой единовременный могильник.

Из визуально зафиксированных сооружений принципиально иной организацией внутреннего устройства отличался только кург. 5. Итоги раскопок [Марченко и др., 2019], а также радиоуглеродное датирование костей лошади из погр. 1 (1 029 ± 21 л.н., MAMS-46646) позволили отнести его к финалу раннего Средневековья, представленного в региональной истории периодом кимако-кыпчакского объединения [Кишкурно, Марченко, Гришин, 2020]. Сопоставление археолого-геофизических данных показало, что объекты кург. 5 отчетливо выделились на картах благодаря наличию в заполнении значительных объемов гумусированного грунта.

В межкурганном пространстве зафиксировано несколько положительных аномалий с амплитудами 4–5 нТл, которые можно уверенно связать с захоронениями или ямами. Три из них расположены рядом с кург. 8 (объекты № 1–3), одна – между кург. 6 и 10 (объект № 4). Стоит отметить также две аналогичные аномалии у южного края рва кург. 3 (объекты № 5, 6). Амплитуды остальных аномалий практически не отличаются от фоновых значений. С наибольшей веро-

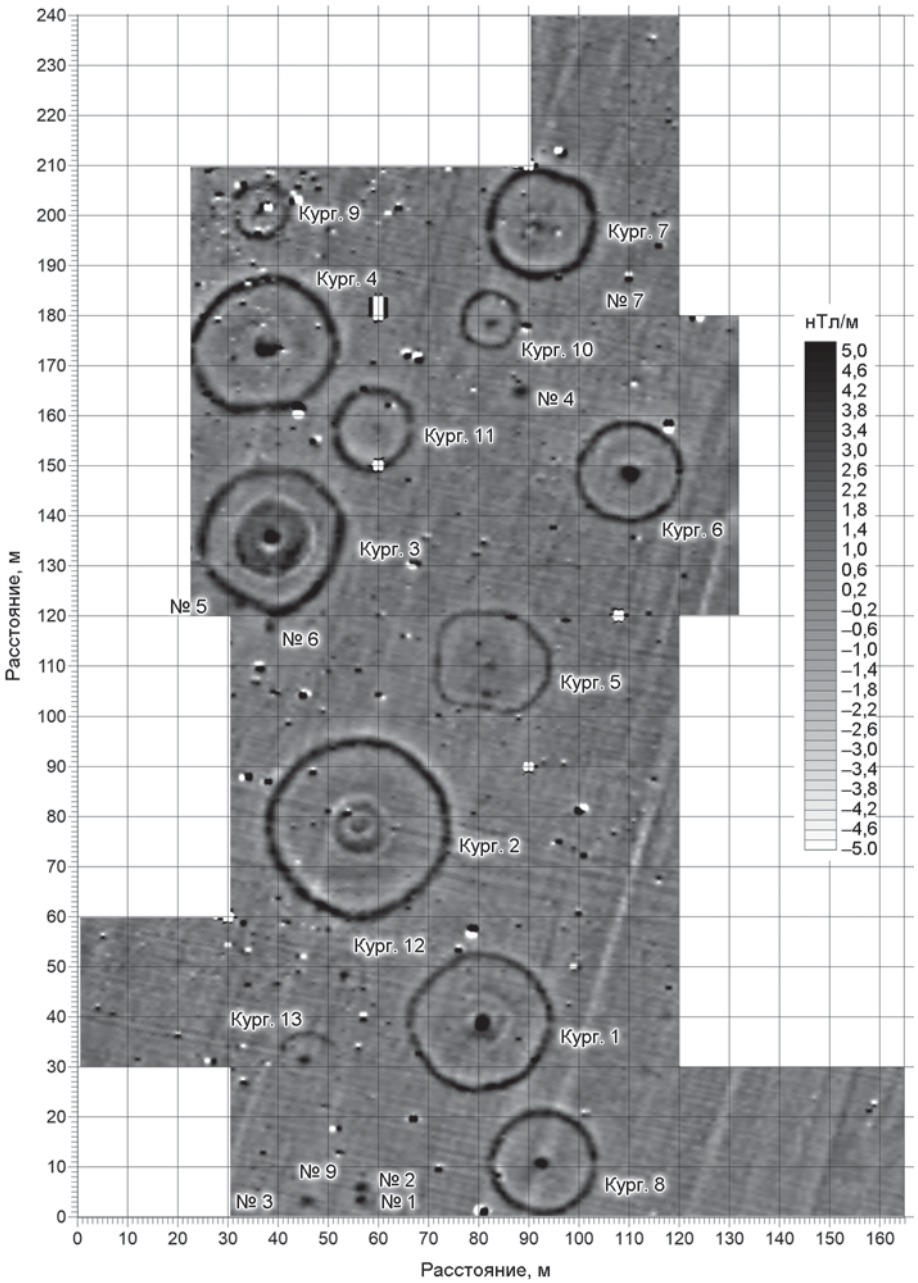


Рис. 2. Распределение градиента магнитного поля (модуля вектора магнитной индукции) по результатам наземной магнитной съемки.

ятностью выделяется только одна структура, расположенная между кург. 6 и 7 (объект № 7). По форме она близка к овалу, ориентирована по линии ЮЗ–СВ и имеет размеры ок. 7 × 11 м.

Аэромагнитная съемка и аэрофотосъемка. На построенных картах (рис. 3, *б*; 4) на фоне региональных изменений магнитного поля (до 20 нТл) отчетливо выделяются локальные кольцевые структуры с амплитудой до 10 нТл, соответствующие кург. 1–4, 6–11. Можно отметить высокую степень корреляции с результатами наземной магнитной съемки и хороший уровень детальности. Удалось зафиксировать аномалии, связанные со рвами, грабительскими ямами, а также структурными различиями насыпей. Достаточно отчетливо прослеживаются аномалии от объектов № 1, 2, 4 (см. рис. 2; 3, *б*). Остальные объекты выявить не удалось по причине незначительного контраста их заполнений с вмещающей средой.

Анализ полной карты аэромагнитной съемки (см. рис. 4) позволяет утверждать, что за пределами участка наземных работ отсутствуют магнитные ано-

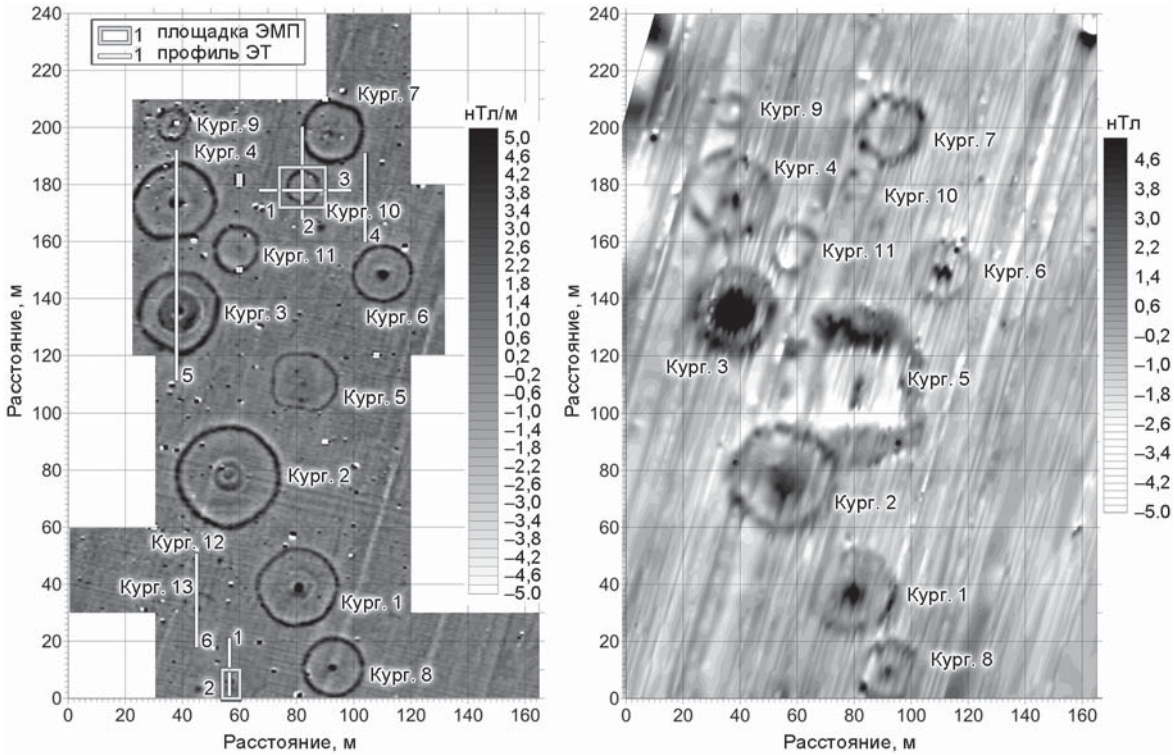


Рис. 3. Результаты комплексных исследований памятника Новая Курья-1.

а – схема электроразведочных наблюдений методами электромагнитного профилирования (ЭМП) и электротомографии (ЭТ) на карте наземной магнитной съемки; *б* – фрагмент карты распределения аномального магнитного поля (модуля вектора магнитной индукции) по результатам аэромагнитной съемки с БПЛА.

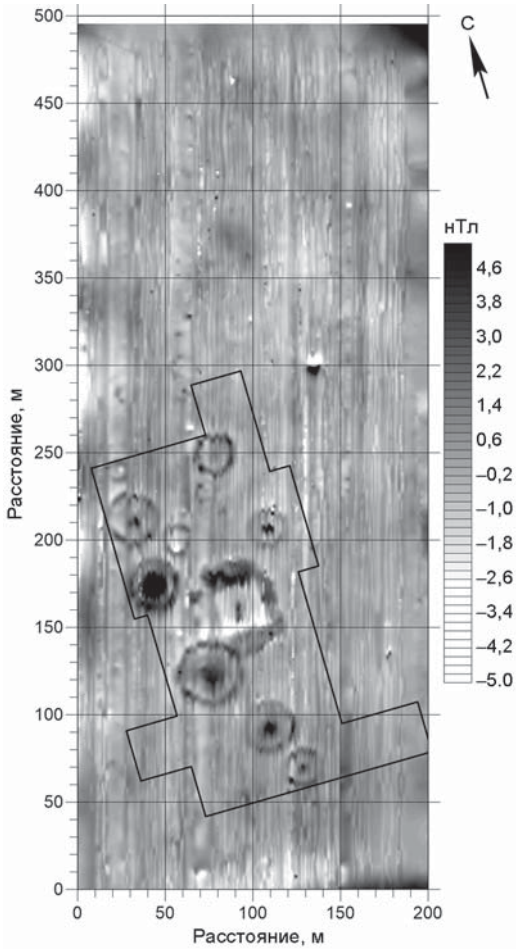


Рис. 4. Распределение аномального магнитного поля (модуля вектора магнитной индукции) по результатам аэромагнитной съемки с БПЛА.

малии, которые можно уверенно сопоставить с курганами. Обращает на себя внимание наличие точечных положительных аномалий на протяжении 50–100 м к северу от границы участка наземной съемки. Предварительно они могут быть интерпретированы как археологические объекты.

По результатам обработки данных аэрофотосъемки была построена цифровая модель рельефа. На карте абсолютных высот (рис. 5, *а*) четко выделяются все рельефно выраженные курганы. Для участка их концентрации дополнительно была построена карта относительных высот (рис. 5, *б*), что позволило существенно дополнить информацию, полученную по результатам магнитных съемок. На месте кург. 11, а также объектов № 1–3 (см. рис. 2; 5, *б*) удалось выделить остатки распаханных насыпей диаметром ок. 15 и 25 м. Кроме того, в 50 м к северу от границы участка

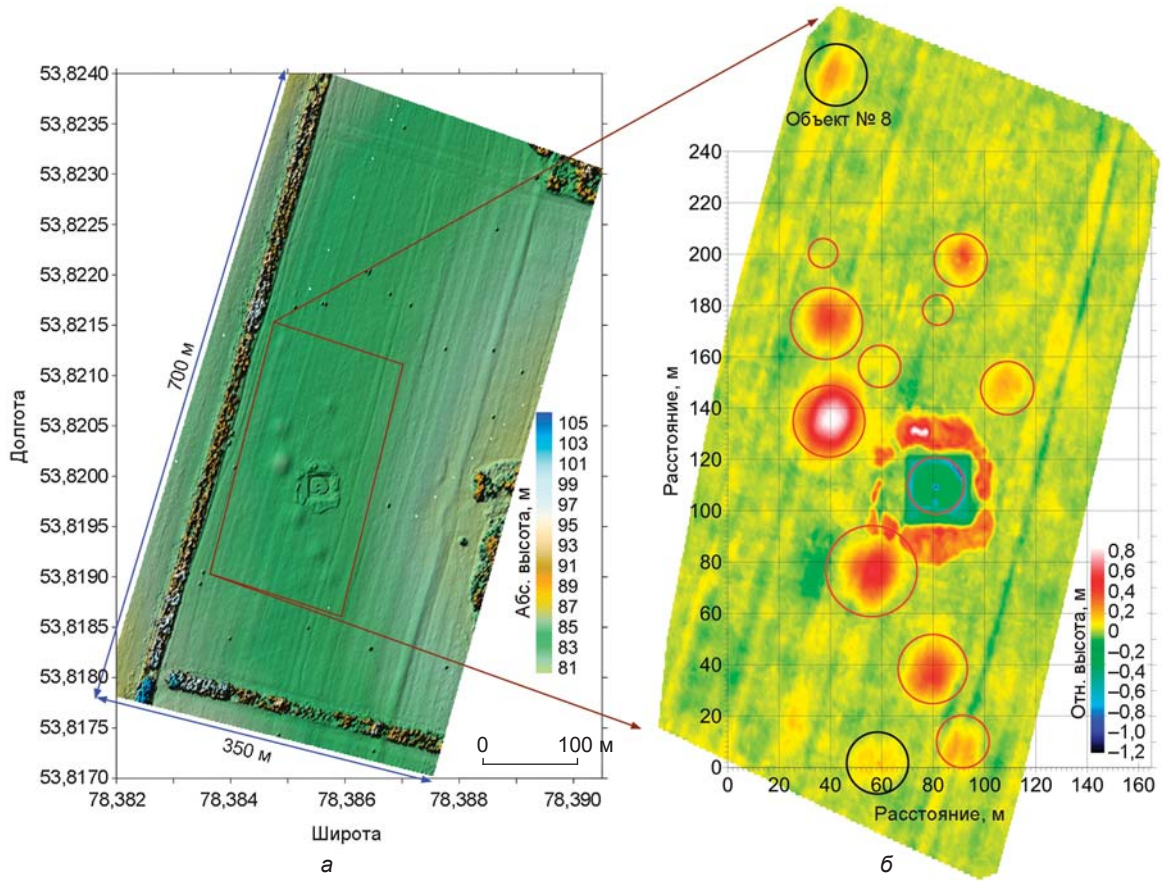


Рис. 5. Цифровая модель рельефа памятника Новая Курья-1 по результатам аэрофотосъемки.
а – карта абсолютных высот; *б* – карта относительных высот (черным цветом обозначены распаханные курганы, выявленные с помощью аэрофотосъемки).

наземной съемки можно предположить наличие еще одного кургана (объект № 8).

Электроразведочные работы. Согласно результатам электроразведочных работ, спланированных по данным наземной магнитной съемки (см. рис. 3, *а*), исследуемые археологические объекты имеют достаточно хороший контраст по УЭС с вмещающей средой. С учетом априорной информации можно полагать, что верхняя часть разреза до глубины 0,5 м представляет собой слой черноземной почвы (диапазон сопротивлений 130 Ом·м и выше). Под ним до глубины 2 м залегают суглинки (диапазон сопротивлений 130–150 Ом·м), а ниже – вероятно, слой глин различной водонасыщенности (диапазон сопротивлений 130–200 Ом·м).

Согласно результатам электроразведочных работ на распаханном кург. 10, наибольший контраст проявился в фазе сигнала, регистрируемого аппаратурой ЭМС. На карте, построенной по данным электромагнитного профилирования (рис. 6, *а*), прослеживаются контуры рва, однако не столь четкие, как на магнитограмме (рис. 6, *б*). Аномалия в центре кургана имеет не просто овальную форму (как на магнитной карте), а состоит из трех частей, что, вероятно, связано с тремя отдельными нарушениями верхнего слоя. На геоэлектрическом разрезе по данным электротомографии (рис. 6, *в*) в местах пересечения рва и центре кургана фиксируются аномалии повышенного УЭС. Центр кургана характеризуется тремя локальными повышениями УЭС от 200 до 300 Ом·м. Эти аномалии по форме аналогичны центральной на карте электромагнитного профилирования (ее протяженность 4,5 м, глубина до 0,7 м). Ров кургана приурочен к вертикальным высокоомным (до 500 Ом·м) нарушениям проводящего слоя, имеющим протяженность в плане 2,5 м и глубину до 0,9 м. Близкие значения получены также для кург. 13, южная часть которого существенно нарушена распашкой (см. рис. 2; 3, *а*).

На рис. 7 представлены результаты инверсии данных электротомографии и разновысотной магнитной съемки рельефно выраженных кург. 3, 4 в виде двухмерных разрезов. На геоэлектрическом разрезе (рис. 7, *б*) во всех четырех местах пересечения рвов отчетливо выделяются аномалии повышенного УЭС (200–500 Ом·м) шириной ок. 5 м, глубиной не более 1,5 м. Насыпи сложены высокоомными грунтами (200–

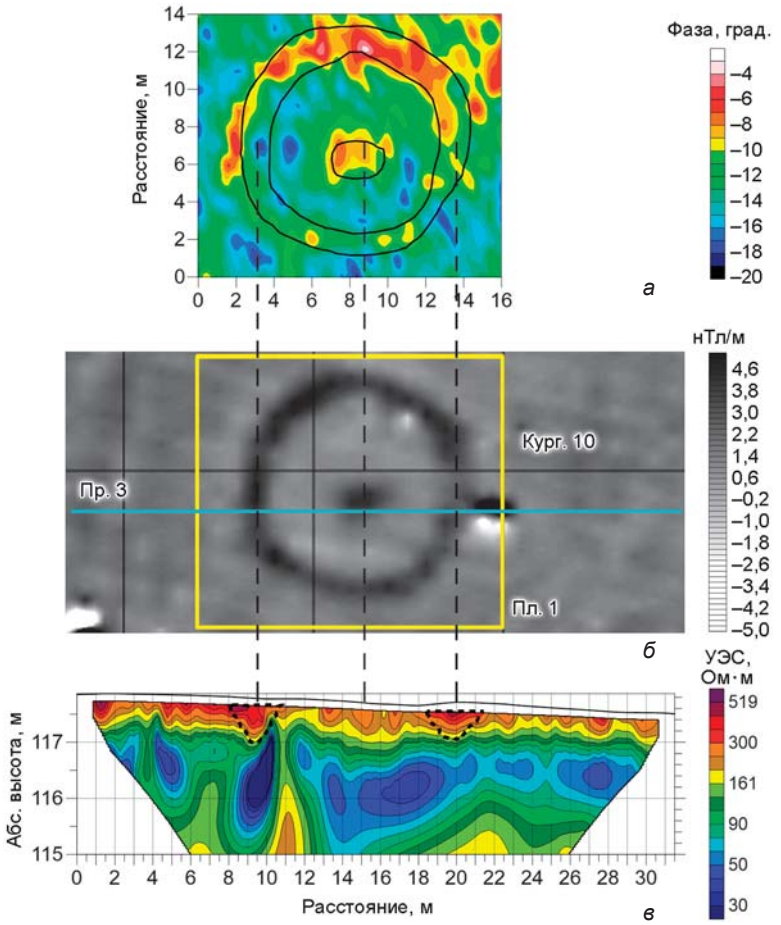


Рис. 6. Результаты электроразведочных работ на кург. 10.
а – распределение фазы разностного сигнала по данным электромагнитного профилирования аппаратурой ЭМС на частоте 5 кГц; *б* – фрагмент карты градиента магнитного поля; *в* – геоэлектрический разрез по данным электротомографии аппаратурой Скала-64К15.

400 Ом·м) мощностью не более 1 м. В центральной части кург. 4 верхний слой более углублен (до 0,7 м). Разрез, построенный по данным разновысотной магнитной съемки (рис. 7, *в*), показывает, что глубины рвов достаточно хорошо коррелируют с результатами электротомографии, а центральных аномалий – больше, чем на геоэлектрическом разрезе, что может быть связано с завышенной оценкой их мощности из-за использования двухмерного подхода к инверсии трехмерного локального тела.

Объектам № 1, 2 (см. рис. 2; 3, *а*) соответствуют аномалии УЭС, ширина которых составляет 1,0 и 2,5 м соответственно, глубина – 1,5 и 1,0 м. По итогам электроразведки рядом с ними выделен еще один объект (№ 9). Его ширина ок. 1 м, глубина 1,8 м. Аномалии от объектов № 1, 9 выглядят атипично по сравнению с остальными. Они имеют выраженную вертикальную структуру, обусловленную углублением верхнего слоя высокого сопротивления в нижележащие слои. Поскольку третий подстилающий слой по УЭС близок к верхнему, точ-

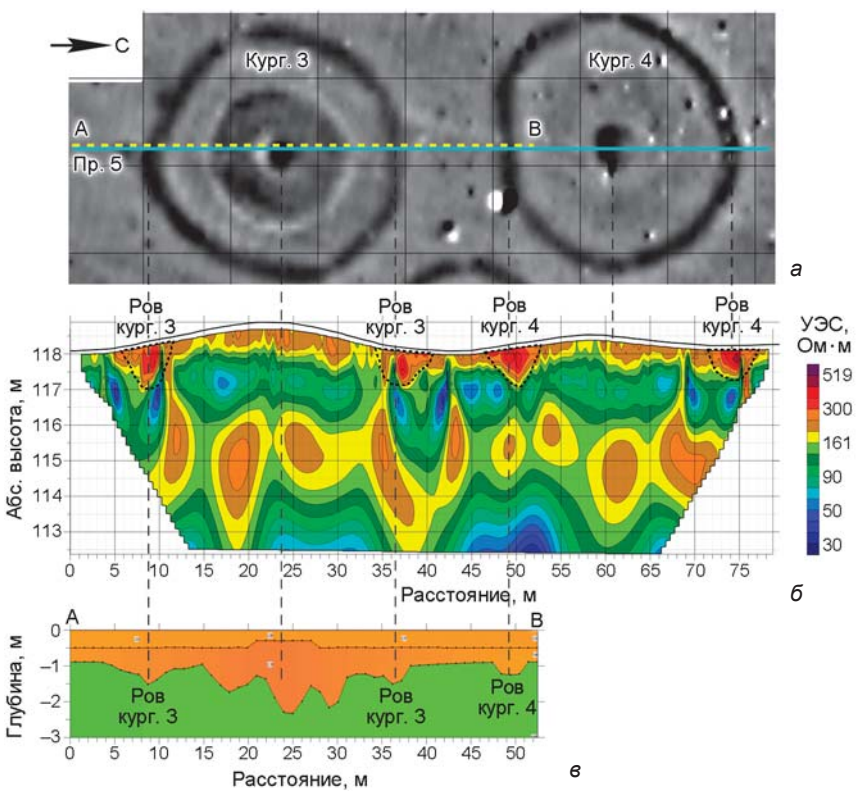


Рис. 7. Результаты комплексных исследований кург. 3 и 4.
а – фрагмент карты градиента магнитного поля; *б* – геоэлектрический разрез по данным электротомографии аппаратурой Скала-64К15; *в* – разрез, полученный в результате решения обратной задачи для модели слоистой среды по данным разновысотной магнитной съемки.

но определить нижнюю границу этих объектов затруднительно. Дополнительной информации по объекту № 7 получить не удалось. Это согласуется с магниторазведочными данными, согласно которым он, вероятнее всего, имеет небольшую глубину.

Характеристика курганного могильника Новая Курья-1 по данным комплексных геофизических исследований

На основании визуального осмотра в составе памятника Новая Курья-1 было выделено восемь курганов. Последствия многолетней распашки не позволяли определить особенности их устройства, оценить планировку и границы могильника. Результаты проведенных работ дают возможность охарактеризовать этот памятник на принципиально ином уровне.

Наиболее значительный объем сведений получен с помощью наземных методов магнито- и электроразведки. По совокупности данных установлено, что все рельефно выраженные курганы (кроме кург. 5) представляют собой единый комплекс. Наиболее своеобразными элементами их устройства являются округлые объекты диаметром от 8–10 до 14 м в центре насыпей. Они хорошо проявились на магнитных картах, но не зафиксированы электроразведкой. Таким образом, по УЭС эти объекты не отличаются от остальной части насыпи, но характеризуются выраженными различиями магнитных свойств. Анализ данных об аномальном магнитном поле на двух уровнях высоты наземной съемки показал, что амплитуды связанных с ними аномалий разнятся довольно существенно: от близких к фоновым до 8–12 нТл для кург. 2, 3. Повышенные значения сопоставимы с показателями для рвов, которые, судя по электроразведочным данным, заполнены продуктами эрозии почвенного слоя. С учетом вышесказанного, наиболее вероятно, что эти объекты представляют собой конструкции из грунта, где в разной концентрации присутствует гумусированный материал. По-видимому, они сооружались непосредственно над погребальной площадкой, после чего перекрывались насыпью. Значительно углубленных в материк ям, которые можно связать с захоронениями, под курганами не зафиксировано.

Помимо рельефно выраженных кург. 1–4, 6–8, к могильнику однозначно можно отнести кург. 9–11. Они были полностью распаханы, поскольку имели небольшие размеры (11–17 м в диаметре). Благодаря анализу цифровой модели рельефа удалось выявить остатки насыпи кург. 11.

Весьма вероятно, что остальные объекты, обнаруженные в межкурганном пространстве, также относятся к данному комплексу. Однако однозначно судить об этом нельзя. Магнитные аномалии у южного края кург. 3 (объекты № 5, 6), который выделяется своим устройством, могут быть предварительно интерпретированы как сопутствующие ритуальные сооружения. Курганы 12, 13 диаметром 8 и 12 м удалось идентифицировать благодаря остаткам неглубоких рвов. Возвышенность, выявленная над объектами № 1–3, 9 по карте относительных высот, вероятнее всего, является остатками насыпей двух небольших курганов. Сходные с ними характеристики имеет и аномалия между кург. 6 и 10 (объект № 4). Наиболее сложно интерпретировать овальную структуру, зафиксированную между кург. 6 и 7 (объект № 7). Она содержит очень мало магнитного материала и, скорее всего, незначительно углублена в материк. Данные цифровой модели рельефа позволяют предположить наличие сильно распаханной насыпи, что дает возможность предварительно интерпретировать этот объект как погребальный комплекс.

По результатам комплексных геофизических исследований основной массив обнаруженных объектов достаточно уверенно можно отнести к раннескифскому времени. С учетом выявленной специфики устройства курганов и месторасположения памятника (Северная Кулунда) весьма вероятна его принадлежность к тасмолинской историко-культурной общности (VIII–V вв. до н.э.). В ее ареал принято включать районы Центрального (тасмолинская культура), Северного (улыбай-тасмолинская культура) Казахстана и Южного Зауралья (бобровско-тасмолинская культура) [Таиров, 2017, с. 20; Бейсенов, 2017]. Недавно появились сведения о наличии памятников тасмолинской культуры на территории Новосибирской обл. [Автушкова, Плахута, 2020]. Насыпь тасмолинских курганов возводилась над одним захоронением. Известны погребения, совершенные на дневной поверхности или в ямах, слегка углубленных в материк. Характерным признаком является наличие над могилой куполовидной конструкции, которая могла сооружаться в т.ч. из дерна и грунтовых блоков (вальков). Сверху она перекрывалась грунтом, взятым с прилегающей территории. Вокруг кургана нередко присутствует двойное кольцевое ограждение из камней или рвов: одно кольцо по основанию насыпи, другое – на расстоянии 2–5 м от него. В связи с этим интересно отметить, что по краю центральных конструкций в кург. 1–3 отчетливо фиксируются аномалии, близкие к отрицательным значениям. Их можно предварительно интерпретировать как внутренние рвы.

Результаты аэромагнитной и аэрофотосъемки позволяют рассмотреть и вопрос о границах памятника. Поскольку крупные курганы хорошо выделяются на построенных картах, можно сделать вывод, что за границами участка наземной съемки таких со-

оружений больше нет. Возможно, еще один курган (объект № 9) выявлен по карте относительных высот, но эти сведения нуждаются в проверке. Сопоставление данных магнитных съемок показывает, что небольшие археологические объекты (курганы, ямы) не всегда обнаруживаются посредством аэромагнитного картирования. Основной причиной является их слабый контраст с вмещающей средой, а также значительная высота замера. С учетом этого нельзя исключить наличие подобных объектов за пределами площадки наземной съемки. Целесообразно планировать проведение дальнейших наземных геофизических работ. По данным аэромагнитной разведки наиболее перспективным представляется расширение участка исследований в северном направлении.

Заключение

Результаты археолого-геофизических работ на курганном могильнике Новая Курья-1 со всей очевидностью продемонстрировали преимущества комплексного подхода к исследованию. Подтверждена высокая эффективность наземной магнитной съемки, а также целесообразность планирования сети электроразведочных наблюдений по магнитным картам. Подобный подход позволяет оптимизировать работы, связанные с выявлением планировки памятника, определением пространственных параметров и строения отдельных объектов. Опыт верификации результатов разновысотных магнитных съемок методами геоэлектрики показал, что данное направление перспективно для дальнейшего развития. Это позволит расширить возможности магниторазведки по дистанционному определению параметров залегания археологических структур.

Удалось доказать высокую эффективность и перспективность использования метода аэромагнитной съемки для изучения курганных могильников. Его применение значительно увеличивает производительность магнитной съемки, однако существует проблема с выявлением небольших, слабоконтрастных по отношению к вмещающей среде археологических объектов. Техническая точность приборов, устанавливаемых на БПЛА, не уступает характеристикам аппаратуры для наземной съемки, но для достижения требуемой для археологических работ детальности необходимо использовать дифференциальные GPS-приемники. В этом случае пространственная точность измерения приблизится к субдециметровой, что повысит детализацию наблюдаемых аномалий. Тем не менее даже на нынешнем этапе своего развития метод аэромагнитной съемки позволяет успешно обнаруживать и идентифицировать курганы, определять их общее устройство. Его внедрение может существенно изменить ситуацию с изучением и охраной распаханных курганных могильников, которые представляют собой самую обширную категорию памятников на территории евразийских степей.

Очень хорошие результаты дает совместное использование аэромагнитной съемки и аэрофотосъемки. Оба метода являются высокопроизводительными и позволяют получить разноплановую информацию о памятнике в короткие сроки. Построение карт относительных высот дает возможность обнаружить сильно распаханные курганы, которые не удается выделить визуально или с помощью геофизических методов. Основываясь на приобретенном опыте, можно рекомендовать применение аэромагнитной съемки и аэрофотосъемки на начальном этапе исследований, что позволяет оптимизировать наземные геофизические работы. Для изучения курганных могильников, особенно распаханных, это весьма актуально, поскольку они занимают обширные площади.

Полученные результаты определяют хорошие исследовательские перспективы для памятника Новая Курья-1 и в качестве площадки для дальнейших методических работ, и как объекта археологического изучения. Даже небольшие, точечные раскопки могут существенно дополнить наши представления об истории региона в раннескифское время, в частности, позволят рассмотреть вопрос о восточной границе ареала тасмолинской историко-этнографической общности.

Благодарности

Аэрофотосъемка, аэромагнитная съемка и электроразведочные полевые работы проведены при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-29-04314). Наземная магнитная съемка выполнена за счет средств гранта РФФИ–ННИО № 18-09-12067а. Аппаратурно-методические разработки для электроразведки и магниторазведки ведутся в ИНГГ СО РАН в рамках проектов ФНИ № 0331-2019-0015 и 0331-2019-0012.

Список литературы

Автушкова А.Л., Плахута Д.О. Памятники тасмолинской культуры на территории Новосибирской области (по материалам 2014–2017 гг.) // РА. – 2020. – № 2. – С. 142–150.

Балков Е.В., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Кулешов Д.А., Евменов Н.Д., Карин Ю.Г., Гоглев Д.А. Высокоточная магнитная съемка с использованием БПЛА при поиске и исследовании курганов археологического памятника Новая Курья в Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 5–12.

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Гоглев Д.А., Шапаренко И.О. Ортофотосъемка в поисковых

задачах археологии: обзор и практические примеры использования // Геофизические технологии. – 2020. – № 3. – С. 38–47.

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Дядьков П.Г. Современные беспилотные технологии при археолого-геофизических исследованиях // Инженерная и рудная геофизика 2020: мат-лы науч.-практ. конф. – М.: ЕАГЕ Геомодель, 2020. – doi:10.3997/2214-4609.202051087.

Балков Е.В., Панин Г.Л., Манштейн Ю.А., Манштейн А.К., Белобородов В.А. Электротомография: аппаратура, методика и опыт применения // Геофизика. – 2012. – № 6. – С. 54–63.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – С. 59–100.

Гоглев Д.А. Маловысотная аэромагнитная съемка с применением беспилотных воздушных систем на базе квадрокоптера в археологии // Геопрофи. – 2018. – № 6. – С. 20–22.

Евменов Н.Д., Воронин В.В., Дядьков П.Г., Позднякова О.А. Оценка точности определения параметров погребенных археологических объектов по данным разновысотной магнитной съемки на основе численного моделирования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 16–26.

Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Биоархеологические аспекты изучения средневековых материалов курганного могильника Новая Курья (Северная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 453–461.

Коробов Д.С. Современные подходы в полевой археологии // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). – М.: ИА РАН, 2016. – С. 312–342.

Манштейн А.К., Панин Г.Л., Тикунов С.Ю. Аппаратура частотного электромагнитного зондирования «ЭМС» // Геология и геофизика. – 2008. – Т. 49, № 6. – С. 571–579.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 448–456.

Позднякова О.А. Оценка перспектив применения магниторазведки для изучения археологических памятников // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 44–57.

Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. – Астана: Казах. науч.-исслед. ин-т культуры, 2017. – 392 с.

Татаурова Л.В., Быков Л.В., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В., Колесов А.С., Шеремет А.С., Светлейший А.З. Археология, геодезия и геофизика как источники для реконструкции планиграфии русских поселений Нового времени в Сибири // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): мат-лы Междунар. форума. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – С. 244–254.

Тишкин А.А., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В., Колесов А.С., Шеремет А.С. Магнитометрическая съемка «царского» кургана и ближайшей территории на археологическом памятнике Урочище Балчикова-3 с помощью беспилотного летательного аппарата // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 4. – С. 103–111.

Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Позднякова О.А., Савлук А.В., Василевский А.Н. Магнитная съемка с БПЛА: новые возможности в археологии // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): мат-лы Междунар. форума. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – С. 256–264.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Бортникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2016. – Т. 57, № 3. – С. 603–614.

Эпов М.И., Молодин В.И., Позднякова О.А., Злыгостев И.Н., Фирсов А.П., Савлук А.В., Колесов А.С., Дядьков П.Г. Опыт магнитометрического картирования археологических памятников с использованием беспилотных летательных аппаратов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 478–282.

Epov M.I., Balkov E.V., Chemyakina M.A., Manshtein A.K., Manshtein Yu.A., Napreev D.V., Kovbasov K.V. Frozen mounds in Gorny Altai: geophysical and geochemical studies // Russian Geology and Geophysics. – 2012. – Vol. 53. – P. 583–593.

Schmidt V., Becken M., Schmalzl J. A UAV-borne magnetic survey for archaeological prospection of a Celtic burial site // First Break. – 2020. – Vol. 38, iss. 8. – P. 61–66.

Vavulin M.V., Chugunov K.V., Zaitseva O.E., Vodyasov E.V., Pushkarev A.A. UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia) // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2021. – Vol. 20. – doi:10.1016/j.daach.2021.e00172.

Материал поступил в редколлегию 01.06.21 г.,
в окончательном варианте – 30.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.080-090
УДК [902/904.67+571.471.3] (470.6)"–0–1"

А.Н. Бабенко[1], М.В. Добровольская[1], Е.Е. Васильева[2], Д.С. Коробов[1]

[1]Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия
E-mail: mnemosina_a@mail.ru; mk_pa@mail.ru; dkorobov@mail.ru
[2]Государственный Эрмитаж
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191181, Россия
E-mail: xygaida@mail.ru

Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II

Системы расселения и хозяйствования населения предгорий Центрального Кавказа в железном веке и раннем Средневековье отражают сложные региональные культурные процессы. Палеоэкологические подходы, основанные на анализе изотопного состава углерода и азота в местных экосистемах, являются новой перспективой изучения природно-климатических условий, антропогенного воздействия, традиций землепользования и питания. Рассмотрен изотопный состав коллагена костей 19 человек и 11 животных из могильника Кичмалка II, оставленного носителями кобанской и аланской культур, а также населением сарматского времени. Изотопный состав углерода погребенных аланской эпохи указывает на практически исключительное использование людьми и домашними животными растений С3-типа фотосинтеза. Люди кобанского и сарматского времени включали в свой рацион С4-растения (просо, Panicum miliaceum), что обусловило превышение трофического шага по углероду ($\Delta\delta^{13}C_{человек–животное}$). Установлены статистически достоверные различия в составе углерода, отражающие, вероятно, две пищевые модели в среде кобанского населения. Значения $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ находятся в пределах трофического шага и свидетельствуют о значительном потреблении мясо-молочной продукции всеми рассматриваемыми группами. Сравнение с данными по могильнику Клин-Яр III выявило различия в изотопных подписях людей и домашних животных кобанского времени. К основным причинам этого можно отнести изменение климата в раннем железном веке и разную долю проса в питании кобанцев. Низкое содержание $\delta^{15}N$ (менее 4 ‰) в коллагене костей коз, овец и лошадей аланского времени, возможно, отражает практику отгонного альпийского скотоводства.

Ключевые слова: *изотопный состав углерода и азота, Северный Кавказ, кобанская культура, сарматское время, аланы, трофические связи.*

A.N. Babenko[1], M.V. Dobrovolskaya[1], E.E. Vasilyeva[2], and D.S. Korobov[1]

[1]Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russia
E-mail: mnemosina_a@mail.ru; mk_pa@mail.ru; dkorobov@mail.ru
[2]State Hermitage Museum,
Dvortsovaya nab. 34, St. Petersburg, 191181, Russia,
E-mail: xygaida@mail.ru

© Бабенко А.Н., Добровольская М.В., Васильева Е.Е., Коробов Д.С., 2021

Reconstructed Paleodiets and Subsistence Strategies of the Central Ciscaucasian Population (1000 BC to 1000 AD), Based on Collagen Isotope Analysis of Bone Samples from the Kichmalka II Burial Ground

Settlement and economy patterns of the Iron Age and early medieval population of the Central North Caucasus evidence complex cultural processes in the region. The ecological approach including the evaluation of carbon and nitrogen isotopes in the local biota opens up new prospects in the study of environments, climate, anthropogenic effect, land use, and nutrition. We analyze the isotopic composition of collagen in 19 human and 11 animal bone samples from Kichmalka II—a cemetery successively used by the Koban people, those of the Sarmatian stage, and Alans. The isotopic composition of the Alanian sample indicates a heavy predominance of plants with the C3-type photosynthesis in the diet of humans and animals. People who lived during the Koban and Sarmatian stages consumed also C4-plants, such as common millet (Panicum miliaceum), suggesting the rise of the trophic step for carbon ($\Delta\delta^{13}C_{human\text{-}animal}$). Statistically significant differences in the isotopic composition of carbon were found within the Koban population, apparently evidencing two dietary models. The $\Delta\delta^{15}N_{human\text{-}animal}$ values fall within the trophic step, mirroring a focus on meat and dairy products in the diet of all groups. Comparison with respective data on the Klin-Yar III cemetery revealed differences in isotopic signatures in the diet of both humans and domestic animals during the Koban period. The possible reason is climatic change in the Iron Age and the variable share of millet in the diet of the Koban people. The low proportion of $\delta^{15}N$ (below 4 ‰) in the bone collagen of goat, sheep, and horse of the Alanian period may attest to vertical transhumance.

Keywords: *Carbon and nitrogen isotopic composition, North Caucasus, Koban culture, Sarmatian period, Alans, trophic relations.*

Введение

Изотопный состав биологических останков людей, животных и растений запечатлевает обстоятельства их жизни, в связи с чем анализ этих параметров получил столь широкое распространение в археологической науке. В задачи нашего исследования входило выяснение традиций питания и хозяйственной деятельности у населения предгорий Северного Кавказа в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на основе данных об изотопном составе углерода и азота в коллагене костной ткани людей и животных из погребений могильника Кичмалка II, а также данных, полученных при изучении растительных материалов из помета современного мелкого рогатого скота (МРС). Как известно, реконструкции рационов человека и животных базируются на общей закономерности динамики (фракционирования) изотопного состава азота и углерода в трофических цепях экосистем: при переходе с одного уровня на другой он закономерно меняется [Ambrose, 1993]. От обоснованности наших знаний о величине трофического шага зависит достоверность реконструкции [Добровольская и др., 2020]. Также важно отметить, что как общие изотопные характеристики экосистем, так и размеры трофических шагов внутри этих систем не могут быть выражены едиными величинами. Поэтому каждое исследование изотопного состава биологических материалов из археологических памятников сочетает в себе общую характеристику древней экосистемы с индивидуальными биоархеологическими реконструкциями.

Население предгорий Северного Кавказа с древности практиковало комплексное сельское хозяйство, сочетающее занятия скотоводством и земледелием [Калоев, 1981, с. 7–32]. Однако сведения об особенностях его ведения в определенных сообществах имеют достаточно общий характер и зачастую лишены конкретного наполнения. Так, например, долгое время бытовало представление о том, что основным занятием носителей кобанской культуры было скотоводство, а земледелие являлось вспомогательным [Козенкова, 1989, с. 65; Марковин, Мунчаев, 2003, с. 166–168]. Более подробные характеристики давались хозяйствованию аланского населения в поздний период его истории на Северном Кавказе. Основным видом деятельности алан в этот период считалось земледелие в сочетании с отгонным скотоводством [Кузнецов, 1971, с. 47–147].

В последние годы более детально изучены свидетельства занятия земледелием и скотоводством населения Кисловодской котловины на протяжении длительного времени – с начала I тыс. до н.э. по конец I тыс. н.э. Почвенно-археологические исследования земледельческих угодий разных форм (террасы, пахотные наделы, участки с межевыми стенками), изучение сохранившихся в горах каменных загонов для скота позволили более подробно охарактеризовать практики интенсивного земледелия носителей кобанской культуры [Борисов, Коробов, 2013, с. 182–195], а также комплексность хозяйства аланских племен, в котором важную роль помимо земледелия играло и отгонное скотоводство [Коробов, 2017, с. 199–227; Коробов и др., 2018]. Эти исследования подкрепляются результатами анализа остеологического материала с раннесредневековых городищ I тыс. н.э. и макроостатков культурных злаков с поселений и сельскохозяйственных угодий в их окрестностях [Коробов, 2017, с. 202–204, 214–215; Сергеев, 2021].

Изучение хозяйственной деятельности и питания населения различных исторических эпох региона с использованием подходов изотопной биогеохимии составляет особое направление. Статья Т. Хайэма с соавторами [Higham et al., 2010] посвящена выяснению причин значительного резервуарного эффекта, обнаруженного при датировании костных останков из могильника Клин-Яр III в Кисловодской котловине. В качестве инструмента исследования авторы используют величины трофических шагов в экосистемах, привлекая данные по археологическим памятникам и современным материалам. В том же году были опубликованы результаты изучения изотопного состава углерода и азота в коллагене костной ткани индивидов из погребений энеолита и бронзового века на Северном Кавказе [Hollund et al., 2010]. В работе обсуждалась роль локальной среды, способной существенно повлиять на его специфику у местных обитателей (как людей, так и животных). Итоги масштабных изотопных исследований опубликованы международным коллективом, изучавшим питание и образ жизни некоторых групп населения различных периодов бронзового века на Северном Кавказе [Knipper et al., 2018, 2020]. В этом многоплановом исследовании, в частности, подтверждено значительное влияние локальных экосистем на величины как изотопных соотношений, так и трофических шагов в данных системах.

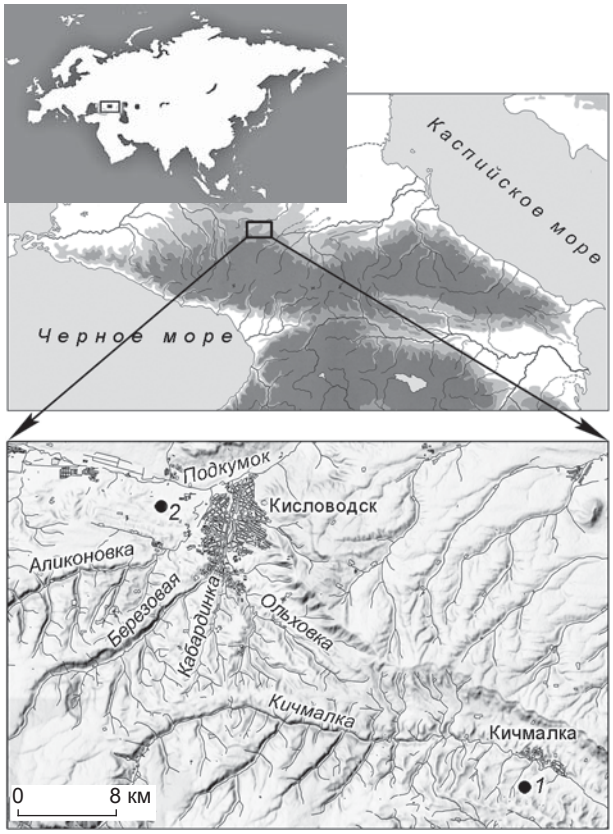


Рис. 1. Расположение могильников Кичмалка II (*1*) и Клин-Яр III (*2*) на Северном Кавказе.

Наша гипотеза состоит в том, что традиции носителей кобанской культуры, групп сарматского времени и аланов проявлялись и в особенностях ведения сложного неспециализированного хозяйства. Это можно установить по данным об изотопном составе коллагена костной ткани людей и животных из погребений.

Материалы

В основу исследования положены материалы могильника Кичмалка II, исследованного в 2006–2010 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Е.Е. Васильевой [Васильева, 2009, 2010, 2012; Васильева, Ахмедов, 2015]. Образцы костной ткани были отобраны из погребений кобанской культуры (VII – начало V в. до н.э.), сарматского времени (I–II вв. н.э.) и раннего Средневековья (вторая половина V – начало VI в. н.э.). Могильник расположен в предгорьях Северного Кавказа (Зольский р-н Кабардино-Балкарской Республики), на высотах чуть более 1 000 м (рис. 1).

В анализ вошло 32 образца: 8 от скелетных останков мужчин (индивид из погр. 24 представлен двумя образцами – губчатой и компактной костной ткани, что позволяет оценить стабильность изотопного состава коллагена в тканях с разной скоростью костных перестроек), 10 – женщин (индивид из погр. 28 также представлен двумя образцами), 3 – детей в возрасте 5–7 лет и ок. 12 лет; 5 от костей МРС, 4 – лошадей, 2 – мелких землеройных зверьков, не имеющих отношение к древности (табл. 1, 2). Кроме того, получены данные по четырем современным образцам помета овец, собранного на разных высотах: на плато Бермамыт (Карачаево-Черкесская Республика) и в окрестности г. Кисловодска (табл. 3). Для анализов отбирались средние образцы из пяти – семи пометин.

Методы

Пробоподготовка проводилась в лаборатории контекстуальной антропологии Института археологии РАН. Фрагменты костной ткани промывались в дистиллированной воде, доводились до постоянного веса. Сухой фрагмент помещали в 1М соляную кислоту в соотношении не менее 1 г на 50 мл и оставляли при температуре +3 °С до полной деминерализации. Далее образец многократно промывался дистиллированной водой до pH = 7. На следующем этапе его на 24 ч помещали в 0,1М раствор щелочи, после чего вновь промывали. Затем образец помещали в раствор соляной кислоты с pH = 2,5 (10 мл) и переносили в термостат,

Таблица 1. **Индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов коллагена костной ткани погребенных из могильника Кичмалка II**

Год раскопок	Номер погребения/скелета	Пол	Возраст	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	%C	%N	C/N atom.
Кобанская культура								
2007	3	Муж.	Старше 40	–16,84	10,28	43,3	15,2	3,3
2008	8	»	30–39	–17,66	8,78	41,9	15,4	3,2
2008	10	Жен.	20–25	–18,26	10,07	41,9	15,3	3,2
2009	20	Муж.	Старше 50	–18,16	10,23	42,6	15,7	3,2
2009	21	Жен. (?)	10–12	–18,66	10,11	44,7	15,9	3,3
2009	24 (а)	Муж.	Старше 45	–18,61	9,62	43,3	15,0	3,4
2009	24 (б)	»	Старше 45	–18,78	9,77	43,5	14,9	3,4
2009	25	Жен.	Около 20	–16,68	9,42	41,8	15,1	3,2
2009	26	»	Старше 50	–17,91	10,43	44,7	15,7	3,3
2009	23	?	5–7	–16,97	9,39	36,3	12,3	3,4
2010	30	Муж. (?)	Около 12	–17,32	9,85	41,4	14,2	3,4
Сарматское время								
2010	29/1	Муж.	Старше 50	–17,92	9,32	42,0	15,2	3,2
2010	29/2	Жен.	Старше 60	–18,07	8,72	42,2	15,3	3,2
2009	22	»	Около 20	–17,91	9,26	42,4	15,1	3,3
2010	31	»	30–49	–16,03	10,88	43,7	15,5	3,3
Аланская культура								
2010	28 (а)	»	40–49	–18,16	9,45	38,7	13,9	3,3
2010	28 (б)	»	40–49	–17,73	9,42	44,0	15,3	3,3
2010	33/1	Муж.	17–20	–18,30	9,15	42,4	15,7	3,2
2010	33/2	Жен.	16–18	–18,86	9,99	42,6	15,6	3,2
2010	34/1	Муж.	20–25	–18,04	11,18	43,6	15,8	3,2
2010	34/2	Жен.	30–39	–18,10	9,63	42,6	15,2	3,3

Таблица 2. **Индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов коллагена костной ткани животных из могильника Кичмалка II**

Год раскопок	Место обнаружения	Животное	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	%C	%N	C/N atom.	Культурная принадлежность погребения
2010	Погр. 34	Норный зверек	–23,80	5,36	47,7	12,9	4,3	Аланское
2010	Погр. 34, разруш. часть	МРС	–19,95	3,73	40,1	14,4	3,3	»
2010	Погр. 33	»	–19,91	3,80	41,7	15,1	3,2	»
2010	Рядом с погр. 31	Лошадь	–20,34	5,52	46,2	15,1	3,6	Сарматское
2010	Погр. 29	МРС	–19,77	4,75	42,4	15,3	3,2	»
2009	Рядом с погр. 24	Лошадь	–20,46	4,67	41,9	14,4	3,4	Кобанское
2009	То же	»	–20,84	4,90	42,9	15,2	3,3	»
2009	Погр. 24	МРС	–20,37	5,57	41,2	15,0	3,2	»
2007	Погр. 3	Лошадь	–20,68	5,22	41,2	14,8	3,2	»
2009	Погр. 24	Норный зверек	–18,73	7,09	39,5	13,3	3,5	»
2010	Погр. 32	МРС	–20,01	5,79	32,1	11,2	3,4	»

Таблица 3. **Значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов современного помета МРС**

Высота над ур. м.	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	%C	%N	C/N atom.
2 048	–28,68	2,54	43,29	2,36	21,40
2 123	–28,35	2,45	43,10	1,89	26,61
2 217	–28,66	2,69	42,87	2,33	21,48
940	–27,91	4,44	42,81	2,37	21,05

где при температуре +65 °С происходит растворение коллагена. Жидкость центрифугировали для очистки коллагена. Раствор выпаривали в термостате при температуре +40 °С. Масса навески для проведения анализа составляла ок. 400 мкг. Сохранность коллагена оценивалась по соотношению C/N (2,9–3,6) [DeNiro, 1985] и содержанию углерода (от 30 до 47 %) и азота (от 11,0 до 17,3 %) в образце [Ambrose, 1993; Van Klinken, 1999].

Пробы современного помета обрабатывались горячим 5%-ым раствором HCl и промывались через сито (0,25 мм) для удаления минеральных зерен и крупных растительных остатков с целью наилучшего усреднения материала. Далее образцы многократно промывались дистиллированной водой и высушивались. Таким образом, полученные результаты будут отражать содержание стабильных изотопов углерода и азота непосредственно в усредненной пробе растительных остатков. Анализируемая навеска составляла ок. 1 500 мкг.

Изотопный состав образцов определялся с помощью масс-спектрометра (Thermo Finnigan Delta V Plus, Центр коллективного пользования Института проблем экологии и эволюции РАН, Москва). Для статистического сравнения выборок использовался критерий Манна–Уитни *U*, т.к. распределение параметров носит ненормальный характер.

Для определения вклада растительной и животной пищи в рацион человека необходимо оценивать разницу между изотопными данными человека, культурных растений и животных, которых он мог употреблять в пищу. Разница между изотопными подписями ($\Delta\delta^{13}C$ и $\Delta\delta^{15}N$) продуцентов (растения)/консументов первого порядка (травоядные), а также консументов первого (травоядные) и второго (хищники) порядков является трофическим шагом. Величина $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в коллагене костей с каждым трофическим уровнем увеличивается на 0–2 ‰ [Bocherens, Drucker, 2003] и 3–5 ‰ (у человека даже до 6 ‰) [Ambrose, 1993; O'Connell et al., 2012] соответственно. По тому, на сколько $\Delta\delta^{13}C_{человек–животное}$ и $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ отличаются от величины трофического шага, можно оценить вклад того или иного компонента в рацион человека. Малые значения показателей чаще всего свидетельствуют о незначительной доле мясо-молочных продуктов, употребляемых человеком. Значения, превышающие величины трофического шага, могут указывать на другие источники питания [Ambrose, 1993; O'Brien, 2015].

Отсутствие изотопных данных по растительной пище древнего и средневекового человека в рассматриваемом регионе ограничивает возможности реконструкции его питания, поэтому мы можем лишь исходить из общепринятых положений об изотопных сигналах растений C3- и C4-типа фотосинтеза. Величина $\delta^{13}C$ –18 ‰ маркирует начало употребления растений C4-типа [Pearson et al., 2007].

При сравнении с современными изотопными данными необходимо иметь в виду изменение в индустриальную и постиндустриальную эпоху изотопного состава атмосферы, которая обогащена древним углеродом с низкими величинами $\delta^{13}C$ (эффект Зюсса). Значение $\delta^{13}C$ атмосферного CO_2, восстановленного по пузырькам керна льда, снизилось с –6 ‰ ок. 11 тыс. л.н. [Indermühle et al., 1999], до ок. –8 ‰ сегодня [White, Vaughn, Michel, 2015]. Этот сдвиг на 2 ‰ необходимо учитывать при интерпретации изотопного состава углерода археологических образцов.

Результаты

Углерод. Индивидуальная изменчивость изотопных соотношений углерода в коллагене костной ткани людей варьирует от –18,86 до –16,03 ‰ (см. табл. 1). Значения $\delta^{13}C$ у погребенных кобанского и сарматского времени варьируют в довольно широких пределах – от –18,78 до –16,68 ‰ и от –18,07 до –16,03 ‰ соответственно. Носители аланской культуры характеризуются небольшой изменчивостью этого показателя – от –18,86 до –17,73 ‰.

Значения $\delta^{13}C$ у травоядных домашних животных варьируют от –20,84 до –19,77 ‰ (см. табл. 2). Коллаген лошадей и МРС характеризуется единообразием изотопного состава углерода (от –20,84 до –20,34 ‰ и от –20,37 до –19,77 ‰ соответственно).

Азот. Значения $\delta^{15}N$ в коллагене людей варьируют в пределах 8,72–11,18 ‰. Индивидуальная изменчивость показателя наименьшая у кобанцев (8,78–10,43 ‰). Диапазоны у аланов (9,15–11,18 ‰) и людей сарматского периода (8,72–10,88 ‰) шире (см. табл. 1). Группы статистически не различаются.

Изотопные соотношения азота в коллагене травоядных домашних животных варьируют от 3,73 до 5,79 ‰. Диапазон значений $\delta^{15}N$ у лошадей 4,67–5,52 ‰. У МРС кобанского времени этот показатель составляет 5,57–5,79 ‰. Содержание же изотопа ^{15}N в коллагене костей МРС аланского периода минимально и не превышает 4 ‰ (см. табл. 2).

Индивидуальная изменчивость изотопных параметров не связана с полом и возрастом. Значимых различий не обнаружено.

Величина $\delta^{13}C$ растительных остатков из современного помета изменяется от –27,91 до –28,68 ‰, а $\delta^{15}N$ – от 2,45 до 4,44 ‰ (см. табл. 3).

Обсуждение

Варьирование в коллагене костной ткани носителей кобанской культуры $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в широких пределах свидетельствует об индивидуальном разнообразии пищевых рационов. Изменчивость $\delta^{13}C$ составляет 2,1 ‰. Можно выделить два облака данных (рис. 2): группа 1 (погр. 3, 8, 23, 25, 30) достоверно отличается от группы 2 (погр. 10, 20, 21, 24, 26) высокими значениями $\delta^{13}C$ (> –17,7 ‰, $p = 0{,}006$). По $\delta^{15}N$ они изменчивы, но статистически не различаются ($p > 0{,}05$). Следовательно, в основе питания каждой группы лежат разные растительные компоненты. Между выделенными группами можно провести условную границу, которая будет проходить в районе значения $\delta^{13}C$ –18 ‰. Это позволяет считать основой этих различий употребление С4-растений.

Разница между средними значениями $\delta^{13}C$ индивидов группы 1 и травоядных животных составляет более 2 ‰, а $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ – менее 5 ‰. Следовательно, первая больше трофического шага, а вторая находится в его пределах (рис. 2). Для части индивидов (группа 2, $\Delta\delta^{13}C_{человек–животное}$ и $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$) мы можем реконструировать диету, основу которой составляли С3-растения и в достаточном количестве мясные продукты. В состав же пищи первой группы, в отличие от второй, вероятно, входило больше продуктов растительного происхождения с высоким содержанием изотопа ^{13}C. Согласно археоботаническим данным, на территории Кисловодской котловины, в непосредственной близости от которой расположен памятник Кичмалка II, в кобанское время культивируемым С4-растением было просо (*Panicum miliaceum*) [Reinhold, Korobov, Belinskij, 2017, S. 242; Сергеев, 2021, табл. 8]. Можно предположить, что в рамках одной культуры существовали две пищевые модели, а не одна.

Между группами сарматского и аланского времени наблюдается значительное сходство ($p > 0{,}05$): у основной части индивидов значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ варьируют в пределах менее 1 ‰. Среди образцов людей сарматского времени один отличается более высокими значениями $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$. К сожалению, в нашем распоряжении лишь два изотопных сигнала домашних животных (МРС и лошадь) этого времени. Как и в случае с кобанцами, $\Delta\delta^{13}C_{человек–животное}$ составляет более 2 ‰, а $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ – менее 5 ‰ (рис. 3). Полученные данные указывают на употребление в пищу людьми сарматского времени в основном С3-растений

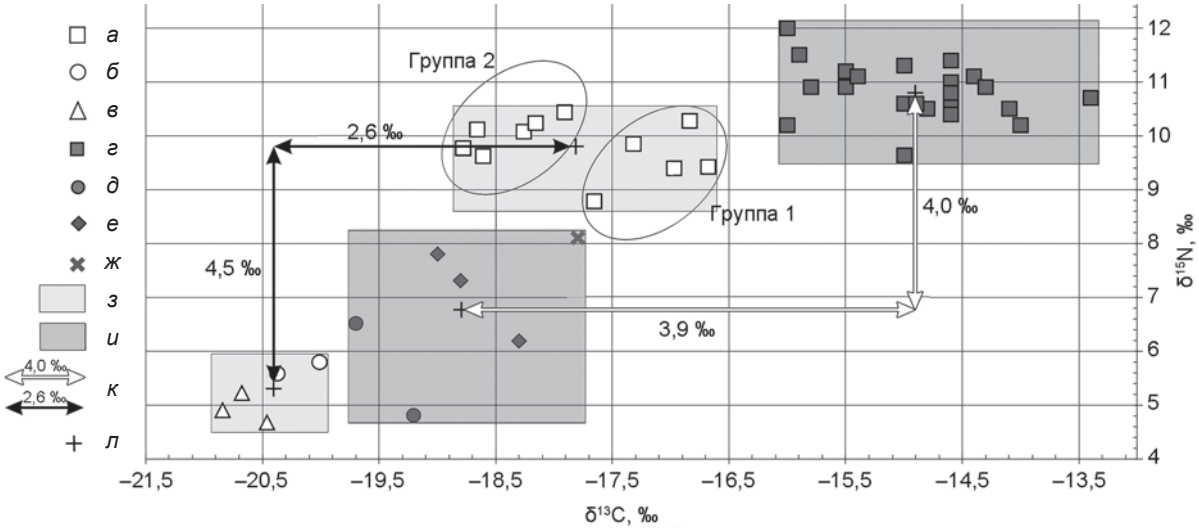


Рис. 2. Индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов коллагена костной ткани людей и животных кобанского времени из могильников Кичмалка II и Клин-Яр III.

а–в – Кичмалка II: *а* – человек, *б* – МРС, *в* – лошадь; *г–ж* – Клин-Яр III: *г* – человек, *д* – МРС, *е* – КРС, *ж* – свинья; *з*, *и* – область изотопных сигналов коллагена костей из могильников соответственно Кичмалка II и Клин-Яр III; *к* – трофический шаг; *л* – среднее значение.

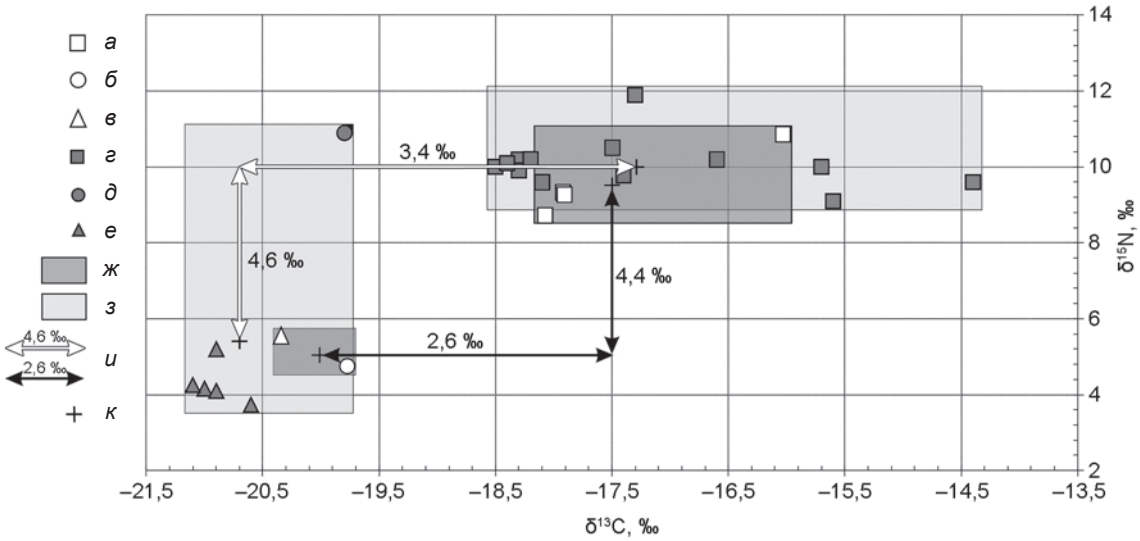


Рис. 3. Индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов коллагена костной ткани людей и животных сарматского времени из могильников Кичмалка II и Клин-Яр III.

а–в – Кичмалка II: *а* – человек, *б* – МРС, *в* – лошадь; *г–е* – Клин-Яр III: *г* – человек, *д* – МРС, *е* – лошадь; *ж*, *з* – область изотопных сигналов коллагена костей из могильников соответственно Кичмалка II и Клин-Яр III; *и* – трофический шаг; *к* – среднее значение.

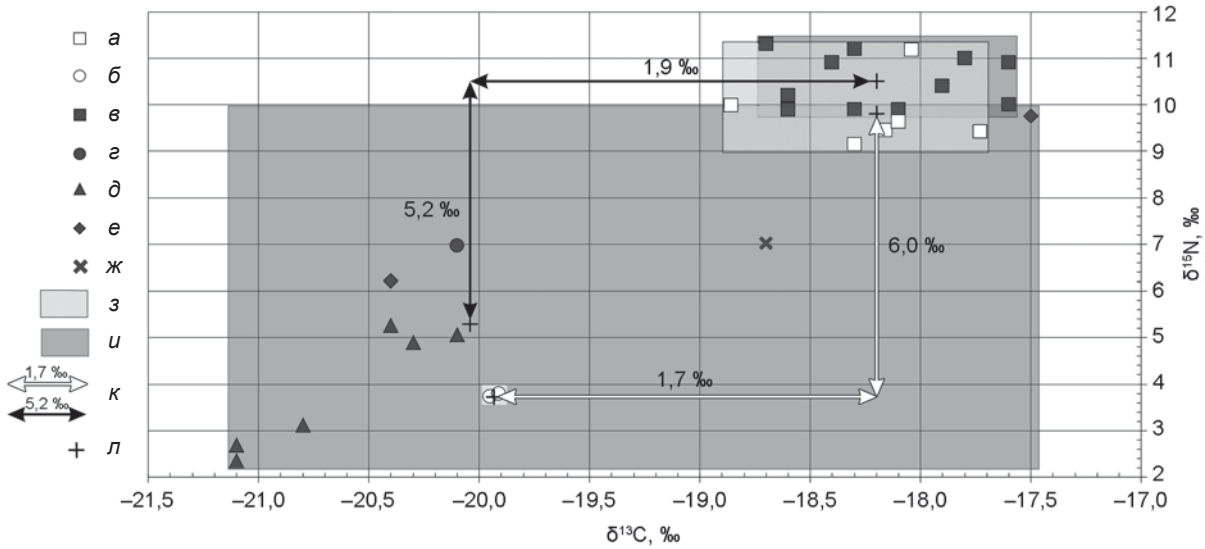


Рис. 4. Индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ образцов коллагена костной ткани людей и животных аланского времени из могильников Кичмалка II и Клин-Яр III.

а, *б* – Кичмалка II: *а* – человек, *б* – МРС; *в–ж* – Клин-Яр III: *в* – человек, *г* – МРС, *д* – лошадь, *е* – КРС, *ж* – свинья; *з*, *и* – область изотопных сигналов коллагена костей из могильников соответственно Кичмалка II и Клин-Яр III; *к* – трофический шаг; *л* – среднее значение.

и в достаточном количестве мяса и/или молока животных, питающихся ими. В рационе отдельных индивидов, возможно, была некоторая доля С4-растений (погр. 31).

В отличие от двух рассмотренных периодов, разница между средними значениями $\delta^{13}C$ в коллагене костей людей и животных аланского времени не превышает трофического шага (рис. 4). Величины $\delta^{13}C$ практически всех образцов (за исключением одного, погр. 28 (б)) указывают на диету, основанную на С3-растениях. Полученные данные не противоречат результатам археоботанических исследований на аланских поселениях V–VIII вв. н.э., расположенных на близлежащей к памятнику Кичмалка II территории Кисловодской котловины. В региональном археоботаническом комплексе этого времени преобладают пшеницы (65 %), а доля проса составляет лишь 9 % [Сергеев, 2021]. Можно констатировать до-

минирование С3-растений в рационе аланского населения V–VIII вв. н.э.

Еще одним отличием раннесредневековых образцов является бóльшая разница между средними значениями $\delta^{15}N$ людей и животных – 6 ‰. Она находится в пределах трофического шага [O'Connell et al., 2012]. Следует отметить, что кости МРС из погребений алан характеризуются самым низким азотным соотношением (менее 4 ‰). К сожалению, у нас нет достаточного количества изотопных данных по домашним животным. Однако нужно принять во внимание поселенческие материалы с территории Кисловодской котловины, где на многочисленных обследованных поселениях V–VIII вв. присутствовали в качестве кухонных остатков кости не только мелкого, но и крупного рогатого скота, лошадей и свиней [Коробов, 2017, с. 202–203]. Поэтому можно с уверенностью говорить, что разница в 6 ‰ обусловлена недостатком изотопных данных. Итак, аланская группа оказывается наиболее компактной по характеристикам изменчивости источников пищевых ресурсов.

Изучение изотопного состава коллагена костей людей и животных на памятниках Северного Кавказа находится на начальном этапе, который сводится к накоплению данных и попытке их интерпретации, что в условиях разнообразных ландшафтов является непростой задачей. Для реконструкции рациона человека необходимо учитывать большой набор изотопных сигналов различных ресурсов. В связи с этим важно сравнить наши результаты с опубликованными ранее. Сопоставительным материалом послужили данные об изотопном составе коллагена костной ткани людей и животных из могильника Клин-Яр III в Кисловодской котловине [Higham et al., 2010]. Памятник расположен на высоте 800 м над ур. м. на расстоянии ок. 25 км от Кичмалки II (см. рис. 1). На могильнике Клин-Яр III также представлены погребения трех культурно-хронологических периодов. Однако, в отличие от Кичмалки II, остеологический материал, относящийся к кобанской культуре, датируется более ранним временем – X–VII вв. до н.э. [Белинский, Дударев, 2015, с. 386–397].

Расположение индивидуальных данных на диаграмме соотношения значений $\delta^{13}C/\delta^{15}N$ позволяет оценить особенности каждой из культурно-хронологических групп двух погребальных памятников (см. рис. 2–4). Индивиды из кобанских погребений Кичмалки II и Клин-Яра III достоверно отличаются друг от друга величинами и $\delta^{15}N$ (p = 0,000028), и $\delta^{13}C$ (p = 0,000003). Области индивидуальных значений $\delta^{13}C$ двух этих групп даже не перекрываются (см. рис. 2). Люди сарматского периода, захороненные на могильниках Кичмалка II и Клин-Яр III, характеризуются примерно одинаковыми величинами ($p > 0,05$) и большим диапазоном изменчивости изотопного состава углерода (от –18,4 до –15,7 ‰). Изотопные показатели аланов из погребений обоих памятников схожи по составу углерода ($p > 0,05$), однако значения $\delta^{15}N$ у индивидов из Клин-Яра III статистически выше (p = 0,035).

Отличия изотопных показателей людей и животных кобанского времени из двух могильников выражены четко, что может быть обусловлено различными ландшафтными и климатическими условиями в окрестностях памятников [Marshall, Brooks, Lajtha, 2007] и/или разницей в питании [Ambrose, 1993]. Однако Кичмалка II и Клин-Яр III расположены недалеко друг от друга в сходных ландшафтах, поэтому различия изотопного состава не связаны со средой обитания. В пользу последнего говорит и то, что в других группах аналогичных отличий не наблюдается. Надежные климатические реконструкции для изучаемой территории X–V вв. до н.э. отсутствуют. Однако синхронность динамики ледников Северного Кавказа и Альп в последнем тысячелетии [Solomina et al., 2016] позволяет рассматривать климатические изменения региона, опираясь на зарубежные работы. Согласно исследованиям ледников и уровня озер в Альпах [Holzhauser, Magny, Zumbuühl, 2005; Ivy-Ochs et al., 2009; Wirth et al., 2013], вторая половина I тыс. до н.э. характеризуется холодными и влажными условиями. Степень увлажненности, однако, на севере и юге Альп различна в связи со смещением к югу западного переноса в это время. Однозначно нельзя утверждать, но можно предположить, что в конце рассматриваемого периода (время погребения кобанцев на могильнике Кичмалка II) количество осадков в регионе могло увеличиться, как и на юге Альп [Wirth et al., 2013]. При возрастании увлажненности $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в С3-растениях уменьшаются [Marshall, Brooks, Lajtha, 2007]. То есть изотопные сигналы коллагена костей людей и животных кобанского времени с памятника Кичмалка II должны отличаться более низкими значениями этих показателей, что можно наблюдать на рис. 2. Косвенным аргументом в пользу данного предположения является прекращение существования кобанских поселений в Кисловодской котловине в середине I тыс. до н.э. вследствие спровоцированных увлажнением климата катастрофических изменений агроландшафтов [Борисов, Коробов, 2013, с. 191–195].

Индивидуальная изменчивость внутри обеих групп кобанского населения (Кичмалка II и Клин-Яр III) по величинам $\delta^{13}C$ высока и, возможно, предполагает различные растительные пищевые ресурсы. Разница между средними значениями $\delta^{13}C$ людей и домашних животных с памятника Клин-Яр III в 2 раза больше трофического шага. Если рассмотреть опубликованные данные по содержанию изотопов углерода в коллагене костей людей с других памятников Север-

ного Кавказа эпохи бронзы [Knipper et al., 2020, tab. 3], то можно отметить, что среднее значение $\delta^{13}C$ у носителей кобанской культуры из Кичмалки II (–17,8 ‰) близко к литературным данным (–18,4 ÷ –19,4 ‰), а из Клин-Яра III – значительно выше (–14,3 ‰). Последнее свидетельствует о бóльшей доли проса в питании людей. Таким образом, различия изотопных подписей индивидов из кобанских погребений двух памятников связаны как с разными климатическими условиями, так и с пищевыми предпочтениями отдельных групп людей.

Среднее значение $\delta^{13}C$ у погребенных на могильнике Клин-Яр III в сарматский период более чем на 3 ‰ превышает среднее содержание изотопа ^{13}C у травоядных животных того же времени (см. рис. 3). Такой трофический шаг, как и на памятнике Кичмалка II, может свидетельствовать о присутствии в рационе отдельных индивидов растений С4-типа фотосинтеза. Разница между средними значениями $\delta^{15}N$ людей и животных находится в пределах трофического шага. Следует отметить аномальный для этого региона изотопный сигнал МРС ($\delta^{15}N$ = 10,9 ‰) (см. рис. 3). Такое высокое содержание тяжелого изотопа азота может указывать на пригон животного из более засушливого степного региона [Schulting, Richards, 2016; Shishlina, Sevastyanov, Kuznetsova, 2018]. Так как $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ находится в пределах трофического шага, можно сказать, что роль пригонного скота в питании людей сарматского времени была небольшой.

Показатели индивидов из аланских погребений обоих могильников свидетельствуют о сходстве растительных пищевых ресурсов. Среднее значение $\delta^{13}C$ в коллагене костей алан из Клин-Яра III более 18 ‰. Как и на памятнике Кичмалка II, $\Delta\delta^{13}C_{человек–животное}$ (1,9 ‰) не превышает трофического шага (см. рис. 4), а $\Delta\delta^{15}N_{человек–животное}$ более 5 ‰ (5,2 ‰). Разница в питании людей аланского времени из Кичмалки II и Клин-Яра III выражается в большем содержании тяжелого изотопа азота у последних (на 0,8 ‰). Установить причину различий сложно из-за ограниченного количества данных по изотопной подписи домашних животных, особенно из могильника Кичмалка II. Возможно, это объясняется большей доступностью пищевых ресурсов животного происхождения у алан из Клин-Яра III.

Более высокие значения $\delta^{15}N$ у людей могут быть связаны с их социальным положением [Knipper et al., 2015]. По данным исследователей, погребенные в сарматский и аланский периоды происходят с одного участка элитных погребений могильника Клин-Яр III [Belinskij, Härke, 2018, p. 32–34]. В связи с этим можно предположить, что разнообразие домашнего скота, доступность мясо-молочной продукции являются свидетельством высокого социального положения погребенных. Высказанные предположения требуют дальнейших исследований.

Согласно результатам изотопного анализа среднее значение $\delta^{13}C$ современного помета составляет –28,4 ‰ (см. табл. 3), а в коллагене костей домашних животных с памятников Кичмалка II и Клин-Яр III – соответственно –20,26 и –20,02 ‰ (изотопные подписи пригонных животных с высоким содержанием тяжелого изотопа азота не учитывались). Разница между изотопными подписями растений и коллагена травоядного ($\Delta\delta^{13}C_{растение–животное}$) составляет 5 ‰ [Ambrose, 1993]. В нашем случае, с учетом эффекта Зюсса, трофический шаг больше – ок. 6 ‰.

Можно отметить разницу ок. 2 ‰ между пометом, собранным на высотах ок. 2 000 и 900 м над ур. м. Образцов недостаточно, чтобы делать выводы, однако это не противоречит литературным данным об уменьшении содержания тяжелого изотопа азота в растениях с высотой [Huber et al., 2007]. Возможно, низкие значения $\delta^{15}N$ МРС аланского периода из Кичмалки II (3,73–3,8 ‰) и лошадей того же времени из Клин-Яра III (2,36–3,12 ‰) (см. рис. 4) связаны с существованием в раннем Средневековье отгонного скотоводства, т.е. с сезонным выпасом этих животных на альпийских лугах, растительность которых содержит азот, обогащенный изотопом ^{14}N [Макаров и др., 2020, табл. 3].

Предположение о существовании отгонного скотоводства подкрепляется также археологическими данными. Результаты проведенных Кисловодской экспедицией Института археологии РАН комплексных исследований каменных загонов для скота на высотах 2 100–2 200 м над ур. м. южнее Кисловодской котловины позволяют датировать эти сооружения ранним Средневековьем и поздним бронзовым – ранним железным веками [Коробов и др., 2018]. Отсутствие образцов коллагена животных кобанского времени, обогащенных легким изотопом азота, на обоих памятниках может быть связано с недостаточным количеством анализируемого материала.

Заключение

Исследование изотопного состава коллагена костной ткани людей и животных из могильника Кичмалка II позволило охарактеризовать особенности источников питания и ресурсных зон носителей кобанской культуры, людей сарматского времени и алан. Ввиду малочисленности изученных групп индивидов мы можем констатировать лишь наиболее значимые различия между пищевыми ресурсами представителей разных эпох. Люди кобанского и сарматского времени использовали в пищу С3- и С4-растения. Судя по величинам $\delta^{13}C$, представители раннего Средневековья и их животные были включены в трофические связи, базировавшиеся в большей степени на С3-растениях.

Сопоставление наших данных с опубликованными ранее результатами изучения остеологических материалов из могильника Клин-Яр III подтвердило важную роль проса в хозяйстве и питании носителей кобанской культуры. Различия между изотопными показателями кобанцев, погребенных на этих двух могильниках, вероятно, обусловлены расхождением в хронологии их формирования. Кобанские погребения Кичмалки II относятся к VII – началу V в. до н.э. – времени повышения увлажнения.

Привлечение данных об изотопном составе современного помета, собранного на разных высотах, позволило связать низкие величины $\delta^{15}N$ раннесредневековых МРС (Кичмалка II) и лошадей (Клин-Яр III) с использованием аланами отгонных форм скотоводства.

Список литературы

Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – 446 с.

Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. – М.: Таус, 2013. – 272 с.

Васильева Е.Е. Могильник Кичмалка II – новый памятник кобанской культуры на Северном Кавказе // Лавровский сборник: мат-лы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2008–2009 гг.: К столетию со дня рождения Л.П. Лаврова: Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 42–44.

Васильева Е.Е. Исследования кобанского могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Магас: Пилигрим, 2010. – С. 80–82.

Васильева Е.Е. Погребальный комплекс аланской культуры на Северном Кавказе: Вторая половина V – первая половина VI века н.э. // Кочевники Евразии на пути к империи: Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – С. 176–179.

Васильева Е.Е., Ахмедов И.Р. Новое погребение аланской знати постгуннского времени из Кабардино-Балкарии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: мат-лы Междунар. науч. конф. (Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г.). – М.: ИА РАН, 2015. – С. 13–16.

Добровольская М.В., Тиунов А.В., Крылович О.А., Кузьмичева Е.А., Решетова И.К., Савинецкий А.Б., Свиркина Н.Г., Смирнов А.Л. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // РА. – 2020. – № 3. – С. 79–95.

Калоев В.Б. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

Козенкова В.И. Кобанская культура: Западный вариант. – М.: Наука, 1989. – 196 с.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – Т. 1. – 384 с.

Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В. Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска // РА. – 2018. – № 2. – С. 113–129.

Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971. – 248 с.

Макаров М.И., Онипченко В.Г., Тиунов А.В., Малышева Т.И., Кадулин М.С. Почвы и азотное питание растений альпийских экосистем Северо-Западного Кавказа при многолетнем повышении доступности биофильных элементов // Почвоведение. – 2020. – № 8. – С. 1016–1024.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. – Тула: Гриф и К., 2003. – 240 с.

Сергеев А.Ю. Зерно и уголь на древних и средневековых пашнях // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: Таус, 2021. – Вып. 5. – С. 308–336.

Ambrose S.H. Isotopic analysis of Paleodiets: methodological and interpretive considerations // Investigations of ancient human tissue: chemical analyses in anthropology. – N. Y.: Gordon and Breach Science Publisher Ltd., 1993. – P. 59–130.

Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018. – 446 p.

Bocherens H., Drucker D. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: Case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems // Intern. J. of Osteoarchaeology. – 2003. – Vol. 13. – P. 46–53.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of invivo bone-collagen isotope ratios in relation to paleodietary reconstruction // Nature. – 1985. – Vol. 317. – P. 806–809.

Higham T., Warren R., Belinskij A., Härke H., Wood R. Radiocarbon dating, stable isotope analysis, and diet-derived offsets in ^{14}C ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, iss. 2. – P. 653–670.

Hollund H.I., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // J. of Archaeol. Sci. – 2010. – Vol. 37, iss. 12. – P. 2971–2983.

Holzhauser H., Magny M., Zumbuühl H.J. Glacier and lake-level variations in west-central Europe over the last 3 500 years // The Holocene. – 2005. – Vol. 15. – P. 789–801.

Huber E., Wanek W., Gottfried M., Pauli H., Schweiger P., Arndt S.K., Reiter K., Richter A. Shift in soil–plant nitrogen dynamics of an alpine–nival ecotone // Plant and Soil. – 2007. – Vol. 301. – P. 65–76.

Indermühle A., Stocker T.F., Joos F., Fischer H., Smith H.J., Wahlen M., Deck B., Mastroianni D., Tschumi J., Blunier T., Meyer R., Stauffer B. Holocene carbon-cycle dynamics based on CO2 trapped in ice at Taylor dome, Antarctica // Nature. – 1999. – Vol. 398, iss. 6723. – P. 121–126.

Ivy-Ochs S., Kerschner H., Maisch M., Christl M., Kubik P.W., Schluchter C. Latest Pleistocene and Holocene

glacier variations in the European Alps // Quarter. Sci. Rev. – 2009. – Vol. 28. – P. 2137–2149.

Knipper C., Held P., Fecher M., Nicklisch N., Meyer C., Schreiber H., Zich B., Metzner-Nebelsick C., Hubensack V., Hansen L., Nieveler E., Alt K.W. Superior in life-superior in death dietary distinction of Central European Prehistoric and Medieval elites // Current Anthropology. – 2015. – Vol. 4. – P. 579–589.

Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Belinskij A., Alt K.W. Economic strategies at Bronze Age and Early Iron Age upland sites in the North Caucasus: Archaeological and stable isotope investigations // Isotopic Investigations of Pastoralism in Prehistory. – L.; N. Y.: Routledge, 2018. – P. 123–140.

Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Berezina N., Gerling C., Pichler S.L., Buzhilova A.P., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Lyakhov S.V., Kalmykov A.A., Belinskiy A.B., Hansen S., Alt K.W. Diet and subsistence in Bronze Age pastoral communities from the southern Russian steppes and the North Caucasus // PLOS One. – 2020. – Vol. 15, iss. 10. – URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239861 (дата обращения: 15.03.2021).

Marshall J.D., Brooks J.R., Lajtha K. Sources of variation in the stable isotopic composition of plants // Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science. – Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2007. – P. 22–60.

O'Brien D.M. Stable Isotope Ratios as Biomarkers of Diet for Health Research // Annual Review of Nutrition. – 2015. – Vol. 35, iss. 1. – P. 565–594.

O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G.C. The diet-body offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2012. – Vol. 149. – P. 426–434.

Pearson J.A., Buitenhuis H., Hedges R.E.M., Martin L., Russel N., Twiss K.C. New light on early caprine herding strategies from isotope analysis: a case study from Neolithic Anatolia // J. of Archaeol. Sci. – 2007. – Vol. 34. – P. 2170–2179.

Reinhold S., Korobov D., Belinskij A.B. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. – Bonn: Habelt Verlag, 2017. – 514 S.

Schulting R.J., Richards M.P. Stable isotope analysis of Neolithic to Late Bronze Age populations in the Samara Valley // A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: the Samara Valley Project. – Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, 2016. – P. 127–148.

Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2018. – Vol. 21. – P. 1247–1258.

Solomina O., Bushueva I., Dolgova E., Jomelli V., Alexandrin M., Mikhalenko V., Matskovsky V. Glacier variations in the Northern Caucasus compared to climatic reconstructions over the past millennium // Global and Planetary Change. – 2016. – Vol. 140. – P. 28–58.

Van Klinken G.J. Bone collagen quality indicators for Palaeodietary and radiocarbon measurements // J. of Archaeol. Sci. – 1999. – Vol. 26, iss. 6. – P. 687–695.

White J., Vaughn B., Michel S. Stable Isotopic Composition of Atmospheric Carbon Dioxide (^{13}C and ^{18}O) from the NOAA ESRL Carbon Cycle Cooperative Global Air Sampling Network, 1990–2014, Version: 2015-10-26. – 2015. – URL: https://gml.noaa.gov/aftp/data/trace_gases/co2o18/flask/surface/README_surface_flask_co2o18.html (дата обращения: 15.03.2021).

Wirth S.B., Glur L., Gilli A., Anselmetti F.S. Holocene Flood Frequency across the Central Alps – Solar Forcing and Evidence for Variations in North Atlantic Atmospheric Circulation // Quarter. Sci. Rev. – 2013. – Vol. 80. – P. 112–128.

Материал поступил в редколлегию 25.05.21 г.,
в окончательном варианте – 05.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099
УДК 904

Н.П. Матвеева, Е.А. Третьяков, А.С. Зеленков
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
gor-tom@mail.ru; qvimen@hotmail.com

Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1)

Рассматриваются 15 погребений курганного могильника Воденниково-1, расположенного на севере Курганской обл. в среднем течении р. Исеть. Памятник интересен для изучения миграционных процессов раннего Средневековья. На основании широких аналогий в материалах синхронных памятников Урало-Сибирского региона комплекс датирован концом VII – VIII в. н.э. Большая часть одиночных и коллективных захоронений совершена по обряду ингумации в прямоугольных могильных ямах с северо-западной ориентировкой покойного, размещением керамики у изголовья, посудой с резной и накольчатой орнаментацией. Данные черты погребального обряда характерны для раннесредневековой бакальской культуры Тоболо-Ишимья и находят параллели среди материалов Перейминского и Усть-Суерского-1 могильников. Вместе с тем на памятнике встречены впускные погребения, а также захоронения в деревянных колодах и гробовищах, западная ориентировка умерших и установка сосудов рядом с могильными ямами. Новации отражают иную традицию, находящую параллели среди погребальных комплексов потчевашской культуры Ишимо-Иртышья, таких как Окунево III, Лихачевский, Викуловское кладбище. Кроме того, отмечены совместное залегание керамики потчевашского и бакальского типов, а также синкретичные кувшинные формы сосудов с мелкогребенчатой и желобчатой орнаментацией. На сегодня могильник Воденниково-1 является самым западным памятником с материалами потчевашской культуры, позволяющим говорить о переселении части южно-таежного населения Ишимо-Иртышья на Урал.

Ключевые слова: *лесостепь, Зауралье, раннее Средневековье, бакальская, потчевашская культуры, погребальные комплексы.*

N.P. Matveeva, E.A. Tretyakov, and A.S. Zelenkov
Tyumen State University,
Volodarskogo 6, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
gor-tom@mail.ru; qvimen@hotmail.com

Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery

We describe 15 burials at the Vodennikovo-1 group of mounds in the northern Kurgan Region, on the Middle Iset River, relevant to migration processes during the Early Middle Ages. On the basis of numerous parallels from contemporaneous sites in the Urals and Western Siberia, the cemetery is dated to the late 7th and 8th centuries. Most of single and collective burials are inhumations in rectangular pits with a northwestern orientation, with vessels, decorated by carved or pricked designs, placed near the heads. These features, typical of the Early Medieval Bakalskaya culture of the Tobol and Ishim basins, are also observed at the Pereyma and Ust-Suerskoye-1 cemeteries in the same area. However, there are innovations such as inlet burials, those in blocks of solid wood and plank coffins, western orientation of the deceased, and placing vessels next to the burial pits. These features attest to a different tradition, evidenced by cemeteries of the Potchevash culture in the Tobol and Ishim

© Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С., 2021

basins (Okunevo III, Likhacheva, and Vikulovskoye). Also, Potchevash and Bakalskaya vessels co-occur at Vodennikovo-1, and some of them (jugs with comb and grooved designs) are typologically syncretic. To date, this is the westernmost cemetery of the Potchevash culture, suggestive of a migration of part of the southern taiga population from the Ishim and Tobol area to the Urals.

Keywords: *Forest-steppe, Trans-Urals, Early Middle Ages, Bakalskaya culture, Potchevash culture, burial complexes.*

Введение

В конце VI – VIII в. н.э. в Западной Сибири существенным образом изменилась историко-культурная ситуация. Главным фактором перемен была тюркская экспансия в долины Тобола, Иртыша и Оби [Троицкая, Новиков, 1998, с. 85–86; Чиндина, 1991, с. 129; Могильников, 1987, с. 234; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 86–87]. Экстенсивная экономика и военная политика кочевых государств толкали часть местного населения на поиск новых мест обитания. Одним из направлений был путь за Урал.

Исследователи неоднократно ставили вопрос об участии сибирских мигрантов в формировании кушнаренковско-караякуповской культуры [Матвеева Г.И., 2007; Генинг, 1972, с. 270–272; Иванов В.А., 1999, с. 68–71; Мажитов, 1981, с. 27–28] Южного Урала, при этом обращали внимание на потчевашскую, бакальскую культуры и памятники «молчановского» типа Западной Сибири. Главными аргументами в пользу миграционной гипотезы считались некоторые общие признаки в способах погребения, форме и технике орнаментации посуды. Однако единичность таких совпадений не позволяла конкретизировать время переселения и детализировать механизм взаимодействия групп раннесредневекового населения Западной Сибири в его процессе.

Представляемые материалы могильника Воденниково-1 отражают один из этапов переселения носителей потчевашской культуры Ишимо-Иртышья на Урал и демонстрируют результат их взаимодействия с представителями бакальской культуры.

Источники

Могильник Воденниково-1 расположен в Курганской обл. на коренной террасе правого берега Исети при впадении в нее р. Миасс. Памятник был открыт М.П. Вохменцевым, в 2019 г. изучался Е.А. Третьяковым, в 2020 г. – Н.П. Матвеевой. Некрополь состоит из 54 курганных насыпей высотой 0,3–0,9 м, диаметром 5–10 м, расположенных плотными цепочками на расстоянии 3–10 м друг от друга. Зафиксированы два периода его функционирования: ранний железный век и Средневековье. Здесь обсуждаются материалы последнего. Исследовано восемь курганов, содержавших от одного до четырех захоронений, как индивидуальных, так и коллективных, в т.ч. впускных (табл. 1, 2)*.

Погребение 2 впускное детское, останков не сохранилось. Совершено в прямоугольном деревянном коробе, установленном в край полы. Ящик высотой 17 см сделан из плах шириной 6–7 см, крышка – из продольно положенных досок толщиной 1,5–2,0 см, дно было устлано широкими полотнами бересты. В юго-западном углу короба находилась миска (рис. 1, *13*), а в центральной части – бедренная кость крупного рогатого скота. В 0,3 м к югу от погребения стоял горшочек (рис. 1, *12*). От стенки короба была взята проба для радиоуглеродного анализа, давшая диапазон VII–VIII вв. Миска с тальком в тесте украшена по венчику пояском оттисков гребенчатого штампа. Круглодонный горшочек без орнамента, с отогнутым наружу венчиком, прямой шейкой. Он весьма сходен с бакальской керамикой из погр. 60 VIII–IX вв. Хрипуновского могильника [Костомарова, 2007, рис. 1, *2*] и из горизонта обитания IV–VIII вв. Коловского городища [Матвеева Н.П., 2016, рис. 82, *2*]. Таким образом, погр. 2 может быть датировано VII–VIII вв.

Погребение 3 разграблено, останки не сохранились. В западной части ямы находился сосуд (рис. 1, *10*), в восточной – трубчатая кость и суставы животного. Приземистый круглодонный горшок с прямым, слегка скошенным внутрь бортиком, наклоненной внутрь шейкой украшен по бортику наклонными оттисками гребенки и двумя шнуровыми линиями, по шейке – поясом «жемчужин» и чередующимися поясами из наклонных оттисков гребенки и шнуровых линий, по плечику – штампованными ромбами. Сосуд находит аналогию в материалах Каранаевского могильника IX–XI вв. на Южном Урале [Казаков, 1992, рис. 100, *1*]. Сходную орнаментальную композицию встречаем на керамике из погр. 28 Большетиганского могильника второй половины VIII – IX в. [Халикова, Халиков, 2018, табл. XXII, *23*], за исключением того, что там прочерченные желобки, а в нашем случае – оттиски шнура.

Погребение 4 находок не содержало.

Погребение 5 полностью разграблено.

Погребение 6 содержало в западной части заполнения коренной зуб взрослого человека** и четыре

*Нумерация погребений последовательная по порядку раскопок в рамках всего могильника.

**Здесь и далее определения антрополога А.В. Слепцовой, которой выражаем признательность.

Таблица 1. **Характеристика изученных курганов**

№	Размеры, м	Высота, м	Номера погребений	Объекты на подкурганной площадке
6	10 × 9	0,4	2	Горшок в 0,3 м южнее погр. 2
7	12 × 11	0,9	9, 10	Прокал, горшок с наклонными оттисками гребенчатого штампа и кости животного у западного края насыпи
8	7 × 4	0,25	3–5	–
20	6 × 7	0,3	6	Челюсть жеребенка и сосуд с декором из горизонтальных рядов наклонных коротких оттисков гребенчатого штампа под западной полой
21	6 × 7	0,3	18	Сосуд с гребенчатыми узорами, поясом ямок и горизонтальными оттисками шнура, туша мелкого рогатого скота на перекрытии
29	7 × 7	0,4	7, 8	Скопление фрагментов пяти керамических сосудов в 0,5 м от погр. 8
31	8 × 9	0,5	12	Два кувшина с гребенчатыми узорами и кости животных под северо-западной полой
33	8 × 9	0,4	13, 15–17	Скопления керамического боя, костей животных и целых сосудов у мог. 13, 16, 17; миска за пределами насыпи с ЮВ

Таблица 2. **Характеристика погребений**

№	Форма	Место в кургане	Размеры, м	Глубина от материка, м	Ориентировка
2	Прямоугольная	Впускное	1,02 × 0,73	–	СЗ–ЮВ
3	»	Периферийное	2,00 × 0,85	0,35	З–В
4	»	Центральное	2,9 × 1,2	0,65	»
5	»	Периферийное	1,86 × 0,72	0,25	»
6	»	Центральное	2,5 × 0,84	0,70–0,66	»
7	»	»	2,46 × 0,93	0,6	СЗ–ЮВ
8	»	Периферийное	2,5 × 0,8	0,23–0,24	»
9	»	Впускное	2,0 × 0,6	–	»
10	?	»	2,15 × 0,65	0,25	З–В
12	Трапециевидная	Центральное	4,40 × 2,75	0,45	СЗ–ЮВ
13	Прямоугольная	Периферийное	1,90 × 0,95	0,3	»
15	»	»	1,9 × 1,1	0,2	ССЗ–ЮЮВ
16	»	»	1,20 × 0,63	0,2	СЗ–ЮВ
17	Овальная	Центральное	3,8 × 2,8	0,5	З–В
18	Прямоугольная	»	2,45 × 0,80	0,68	СЗ–ЮВ

ребра животного. Вдоль стенок имелись полосы древесного тлена длиной до 0,65 м. От человека сохранились длинные кости ног. У южной стенки собраны обломки железного ножа (рис. 1*, 4*) и бусина (рис. 1*, 8*), в середине были раздавленный сосуд (рис. 1, *9*) и пряжка. Ножи с прямой спинкой широко представлены в инвентаре средневековых захоронений Западной Сибири [Викторова, 2008, с. 51–55; Матвеева Н.П., 2016, с. 171]. Стеклянная бусина яйцевидная, светло-коричневая, полупрозрачная (рис. 1*, 8*), типа IIIA2 по классификации Е.В. Голдиной, находит аналогии в материалах могильников Неволинский, Сухой Лог [Голдина Е.В., 2010, с. 29–30]. Круглодонный горшок (рис. 1, *9*) с прямой шейкой декорирован в бакальской манере по бортику гребенкой, по шейке – поясом ямок и горизонтальными рядами наклонных коротких оттисков гребенки. Железная бесщитковая трапециевидная пряжка (рис. 1*, 7*) с подвижным язычком, не заходящим за край, находит аналогии в материалах могильников Приуралья: Старохалиловского IX–X вв. (погр. 15 кург. 6), Каранаевского IX–XI вв. (погр. 4 кург. 7) [Мажитов, 1981, с. 102, рис. 55, *16*; с. 115, рис. 61, *3*], Верх-Саинского VI–IX вв. (погр. 19 и 61) [Голдина Р.Д., Перевозчикова, Голдина Е.В., 2018, табл. 146, *10*; 179, *2*]. Пряжки из Неволинского могильника VII–IX вв. несколько больше по размерам

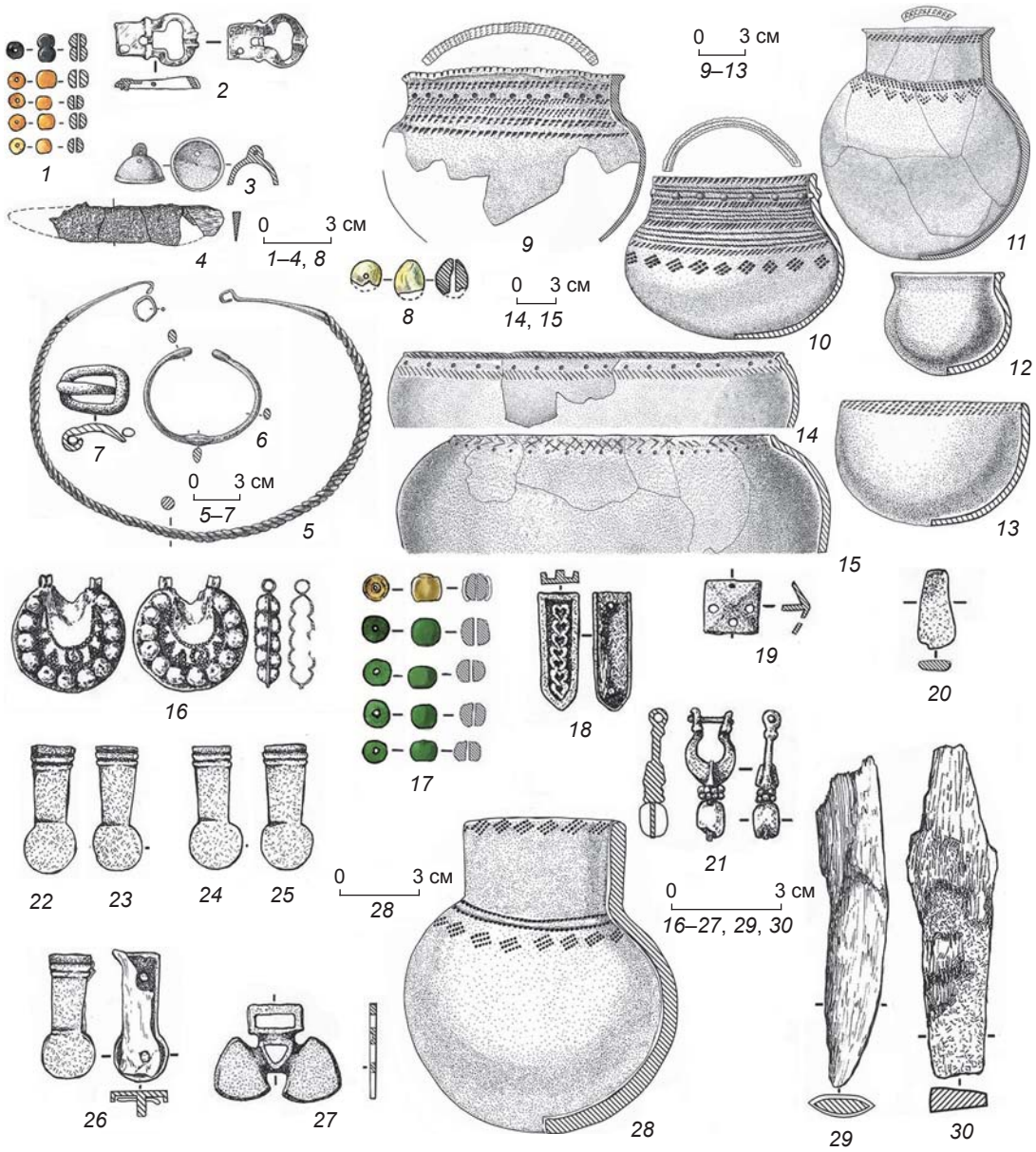


Рис. 1. Вещи из погребений.
1, *8*, *17* – бусины; *2*, *7* – пряжки; *3* – полубубенчик; *4, 29, 30* – ножи; *5* – гривна; *6* – браслет; *9–15*, *28* – сосуды; *16* – колт; *18* – наконечник ремня; *19*, *22–26* – накладки; *20* – долото; *21* – серьга; *27* – ременный распределитель.
1, 3, 5, 6 – погр. 9; *2* – погр. 10; *4, 7–9* – погр. 6; *10* – погр. 3; *11* – кург. 7; *12*, *13* – погр. 2; *14*, *15* – кург. 29; *16*, *17* – погр. 18; *18–20*, *27* – погр. 12; *21* – погр. 16; *22–26, 28, 30* – погр. 13; *29* – погр. 17.
1, *8*, *17* – стекло; *2, 3, 5, 6*, *18*, *19*, *21–27* – бронза; *4*, *7*, *20*, *29*, *30* – железо; *9–15*, *28* – глина; *16* – золото.

[Голдина Р.Д., 2012, табл. 76, *1*; 86, *5*; 156, *3*]. На основании аналогий кург. 20 датируем VIII–IX вв.

Погребение 7 изрыто, обнаружены длинные кости скелета взрослого человека.

Погребение 8 содержало скелетные останки женщины 25–35 лет, причем кости ног находились *in situ*. Рядом с правой бедренной костью погребенной лежал железный нож, при извлечении рассыпавшийся. Посуда с подкурганной площадки представлена маленькими горшочками и котловидными емкостями (рис. 1, *14*, *15*), типичными для бакальской культуры, их характерными признаками являются насечки по бортику, резная «елочка» и пояс ямок. Аналогичные сосуды встречены на городищах Усть-Терсюк IV–IX вв. [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008, рис. 17], Коловское IV–VIII вв. [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, рис. 113, *3*], Большое Бакальское III–VIII вв. [Боталов и др., 2008, рис. 4, *10*, *13*] и др. В насыпи кург. 29 найден кувшинчик (рис. 2, *12*) с гребенчатым зигзагом по венчику и шнуровыми линиями по шейке. Его ана-

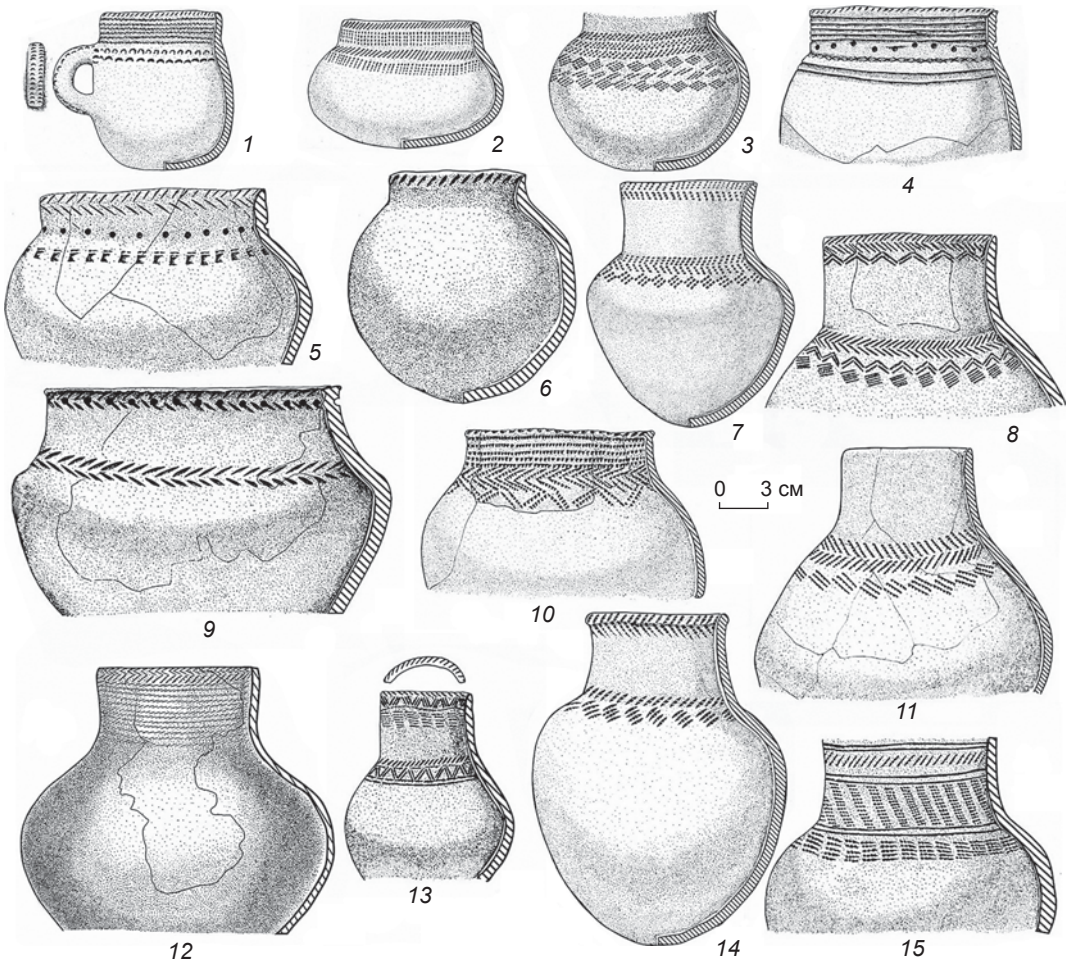


Рис. 2. Керамический комплекс могильника Воденниково-1.
1–4 – погр. 12; *5*, *6*, *8*, *9*, *11*, *13*, *15* – насыпь кург. 33; *7*, *14* – насыпь кург. 31; *10* – погр. 17; *12* – насыпь кург. 29.

лог зафиксирован в материалах Манякского могильника VII–VIII вв. на Южном Урале [Мажитов, 1977, табл. XXVIII, *1*]. Таким образом, кург. 29 может быть датирован VII–VIII вв.

Погребение 9 отмечено на уровне материка. В колоде высотой ок. 0,25 м, изготовленной из цельного массива дерева, с перекрытием из плотно сложенных в продольном направлении жердей и бересты находились останки женщины 35–45 лет, захороненной в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Под нижней челюстью обнаружены гривна и бусины, на костях запястья правой руки – браслет, рядом – крупный полубубенчик. Бронзовый прутковый браслет имеет утолщения на концах и по центру (см. рис. 1, *6*). Аналогичное украшение из Неволинского некрополя датируется VII в. [Голдина Р.Д., 2012, табл. 172, *16*]. Браслеты этого типа известны в материалах могильников Перейминский [Чернецов, 1957, табл. XIII, *1*], Лихачевский [Генинг, Зданович, 1987, рис. 3, *11*], Окунево III [Могильников, Коников, 1983, рис. 9, *10*]. Бронзовая витая гривна с конусовидными окончаниями (см. рис. 1, *5*) близка таким украшениям из инвентарных комплексов VIII в. Неволинского некрополя [Голдина Р.Д., 2012, табл. 212, *13*]. Стеклянные бусины бочковидные, одна сдвоенная черная непрозрачная, четыре золоченые (см. рис. 1, *1*). Они относятся к типам IA51, IB21 и датируются концом VII – VIII в. [Голдина Е.В., 2010, рис. 20, 21, с. 57]. Бронзовый литой полубубенчик с петелькой для подвешивания (см. рис. 1, *3*) находит аналогии в вещевых комплексах конца VII – VIII в. Неволинского [Голдина Р.Д., 2012, табл. 172, *4–7*, *10*], Манякского и Лагеревского [Мажитов, 1981, рис. 6, *13*; 7, *13*, *14*; 11, *11*, *12*] могильников, а также в инвентаре погребения VIII в. Поломского I [Иванов А.Г., 1997, рис. 18, *15*]. Таким образом, погр. 9 датируется концом VII – VIII в.

Погребение 10 разграблено. Сохранились *in situ* бедренные кости взрослого человека, пол которого не удалось определить. У правой кости находилась бронзовая пряжка с неподвижным прямоугольным щитком, лировидной рамкой и штифтом для крепления к ремню (см. рис. 1, *2*). Аналогичные изделия из-

вестны в неволинских, агафоновских и поломских комплексах VII–VIII вв. [Голдина Р.Д., 2012, табл. 206, *29*, табл. 223, *7*; Иванов А.Г., 1997, рис. 18, *15*], что позволяет считать это погребение синхронным предыдущему. Такие пряжки обнаружены в могильниках Манякский [Мажитов, 1981, рис. 3, *1*], Окунево III [Могильников, Коников, 1983, рис. 2, *1*, 4, *4*, 9, *18*], Лихачевский [Генинг, Зданович, 1987, рис. 2, *16*].

Круглодонный горшок с площадки кург. 7 имеет прямую шейку и отогнутый наружу венчик, украшен наклонными оттисками гребенки и двойным зигзагом (см. рис. 1, *11*). Все это характерно для бакальской керамики [Матвеева Н.П., 2016, рис. 81].

Погребение 12 – коллективное захоронение четырех человек, уложенных в ряд поперек могилы. Индивид 1 (возраст *senilis*, пол не определен) занимал крайнюю позицию в узком конце ямы. Он был уложен на спине, головой на северо-восток. У черепа со следами искусственной деформации находились кружка с ручкой (см. рис. 2, *1*) и приземистый горшок (см. рис. 2, *2*). В области пояса обнаружены остатки кожи и наконечник ремня. От индивида 2 (возраст *adultus*, пол не определен) у широкого торца ямы сохранились разбитый череп и бедренная кость. Рядом лежали два сосуда (без декора и с гребенчатым орнаментом), а также кости конечностей копытного животного. Там же зафиксированы обломки черепа индивида 3 (возраст *maturus*, пол не установлен). В середине могилы лежали часть посткраниального скелета и кости черепа индивида 4, мужчины в возрасте *maturus*. Череп был искусственно деформирован, а также имел следы травматического повреждения (разруб?). Здесь же находились горшочек с гребенчатым узором (см. рис. 2, *3*), железное изделие наподобие лезвия долота (см. рис. 1, *20*), кости животного, бляшка-накладка с отверстиями. В изголовье индивида 4 был поставлен горшок с резным декором (см. рис. 2, *4*), рядом обнаружен ременной распределитель.

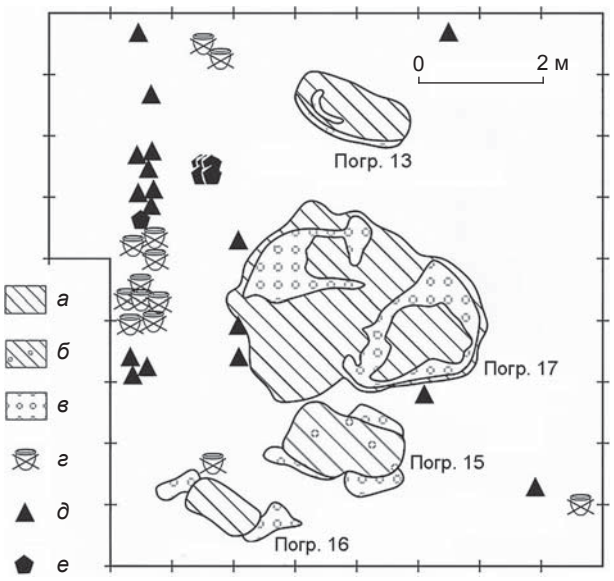


Рис. 3. План подкурганных сооружений кург. 33.
а – темно-серое заполнение; *б* – то же мешаное; *в* – выброс суглинка; *г* – развал сосуда; *д* – фаунистические остатки; *е* – фрагменты керамики.

В насыпи кург. 31 найдены два кувшина с яйцевидным туловом и вогнутой шейкой, орнаментированные горизонтальной гребенчатой «елочкой» и ромбами (см. рис. 2, *7*, *14*). Они находят аналогии в комплексе Перейминского могильника VII–VIII вв. [Матвеева Н.П., 2016, рис. 77, *2*, *5*]. Посуда из погр. 12 разнородная: круглодонный горшок с тремя поясами наклонных оттисков гребенки и тремя рядами ромбов (рис. 2, *3*); кружка цилиндрической формы с ручкой, орнаментированная по бортику насечками, ниже – шестью рядами коротких наклонных отпечатков гребенки (псевдошнура) и поясом «подковок» и уголков (см. рис. 2, *1*); приземистый круглодонный горшочек с оттисками гребенки (см. рис. 2, *2*); сосуд с округлым дном и прямой шейкой, декорированный насечками по бортику, многорядными горизонтальными прочерченными желобками, поясом ямок и решеткой (см. рис. 2, *4*); неорнаментированный горшок. Можно констатировать синкретичность данных емкостей – сочетание бакальских узоров и потчевашской техники исполнения.

Бронзовый ременный распределитель с прямоугольной петлей и двумя сердцевидными лопастями (см. рис. 1, *27*) находит аналогии в материалах Кушнаренковского могильника VI–VII вв. на Южном Урале [Гавритухин, 1996, рис. 4, *79*]. Бронзовый наконечник вытянуто-трапециевидной формы со штифтами для крепления к ремню (см. рис. 1, *18*), декорированный цепочкой из сердцевидных звеньев и бордюром по краю, аналогичен таким изделиям VII–VIII вв. из Неволинского могильника [Голдина Р.Д., 2012, табл. 184, *11–14*]. В эти же рамки укладывается датировка бронзовых квадратных четырехгранных поясных накладок с отверстиями в середине каждой грани и штифтом для крепления к ремню (см. рис. 1, *19*). Они известны в материалах Манякского могильника VIII в. [Мажитов, 1981, рис. 7, *32*] и Усть-Суерского-1 VII–VIII вв. [Маслюженко, Шилов, Хаврин, 2011, рис. 6, *18*]. Таким образом, кург. 31 может быть датирован VII–VIII вв.

Все четыре погребения кург. 33 были совершены до возведения насыпи (рис. 3). На площадке неоднократно проводили поминки у могил. Два бакальских сосуда соотносятся с погр. 13, располагаясь в 1,5 м к западу от него (см. рис. 2, *9*). Один горшочек стоял у изголовья погр. 16 снаружи (см. рис. 2, *6*). Десять сосудов связаны с погр. 17, располагаясь в 1,5 м к западу от него. В одной группе находились три разбитых кувшина. Три бакальских горшочка (см. рис. 2, *5*)

и чаша наряду с тремя потчевашскими кувшинчиками (см. рис. 2, *8*, *13*, *15*) составляли другое скопление керамики. Под юго-восточной полой найдена раздавленная миска, под северо-западной, на 15–20 см глубже, чем вышеуказанные развалы, обнаружены фрагменты горловин и стенок сосудов с гребенчатыми узорами, а также кости животных. Вероятно, они были помещены после поминок в ямки, ныне не читающиеся. Тот факт, что часть сосудов представлена в виде боя, а часть – целые, говорит о разновременности поминальных действий возле могил.

Восемь сосудов с подкурганной площадки – это круглодонные горшки и банки с пояском ямок под венчиком, отпечатками гребенки или насечками в виде решетки и «елочки». Декор разреженный, тесто с примесью шамота. Широкие аналогии данная посуда находит как в погребальных, так и поселенческих комплексах бакальской культуры IV–VIII вв. Тоболо-Ишимья [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008, рис. 14–17; Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, рис. 113–118; Боталов и др., 2008, рис. 4–7]. Шесть тонкостенных кувшинов с узким высоким прямым горлом и шаровидным туловом, с декором в виде ромбов, «елочки», сдвоенного зигзага, выполненным прочерчиванием и тонкой гребенкой (см. рис. 2, *8*, *11*), сходны с перейминскими VII–VIII вв. Один кувшин (см. рис. 2, *15*) по орнаментальной схеме относится к типичной потчевашской традиции [Илюшина, 2009, рис. 3, *4*, 4, *8*].

Погребение 13 – кенотаф, поскольку кости скелета отсутствовали, а вещи находились на обычных местах. В середине ямы лежали пять поясных накладок, около них – короткий железный нож со следами древесины на черешке (см. рис. 1, *30*). В юго-восточном торце стоял кувшинчик с высокой прямой шейкой и округлым туловом (см. рис. 1, *28*), с поясами горизонтальных оттисков гребенки и ромбов, похожий на перейминский экземпляр [Матвеева Н.П., 2016, рис. 77, *5*]. Трапециевидные с округлым окончанием бронзовые поясные накладки с двумя штифтами для крепления к ремню (см. рис. 1, *22–26*) аналогичны усть-суерским [Маслюженко, Шилов, Хаврин, 2011, рис. 6, *17*, *19*, *20*], что позволяет датировать захоронение VII–VIII вв.

Погребение 15 разграблено. Сохранились только фрагменты длинных костей индивида в возрасте *adultus–senilis* (пол не установлен).

Погребение 16 содержало останки ребенка 3–4 лет, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. У правой височной кости находилась бронзовая с позолотой серьга лировидной формы с зернью и привеской-бусиной (см. рис. 1, *21*). Она датируется VII–VIII вв. на основании аналогии в материалах могильника Кудыргэ в Восточном Алтае [Kenk, 1982, Abb. 14, *22*].

Погребение 17 разграблено, дно ямы изрыто, вещи и кости скелета перемещены. Они принадлежали индивиду в возрасте 35–45 лет (пол не определен). Уцелели лишь железный нож (см. рис. 1, *29*) и фрагменты сосудов (см. рис. 2, *10*). Судя по сочетанию керамики с потчевашским мелкогребенчатым декором и бакальской (горшок с карнизиком и горизонтальными гребенчатыми поясами, миска с ямками под бортиком и линией насечек), это погребение синхронно трем вышеописанным. Таким образом, кург. 33 может быть датирован VII–VIII вв.

Погребение 18 содержало кости ног мужчины в возрасте *adultus–senilis*. В головном конце могилы найдены височное украшение и пять стеклянных бусин, лежавших рядом с ним. Золотой двухсоставный колт с двумя петельками для крепления несохранившейся дужки декорирован «жемчужинами» по краю и пирамидками зерни в центре (см. рис. 1, *16*). Близкие аналогии обнаружены в комплексе VII в. могильника Кудыргэ в Восточном Алтае [Гаврилова, 1965, табл. IX, *3*, *4*]. Подобные украшения известны и в материалах памятников VII в. на Кавказе и в Карпатской котловине [Balogh, 2016]. С этим согласуется датировка VII–VIII вв. четырех зеленых и коричневой непрозрачных бочковидных бусин (см. рис. 1, *17*), относящихся к типу IA47 [Голдина Е.В., 2010, рис. 31]. Таким образом, кург. 21 датируем также VII–VIII вв.

Обсуждение

Инвентарь позволяет относить комплекс раннесредневековых погребений могильника Воденниково-1 ко второй половине VII – VIII в. Радиоуглеродная дата погр. 2, полученная по древесине гроба И.Ю. Овчинниковым в ИГМ СО РАН, указывает на интервалы 660–769 гг. (вероятность 68,3 %) и 641–880 гг. (вероятность 94,5 %). Таким образом, могильник Воденниково-1 заполняет лакуну в материалах восточного склона Урала, существовавшую для периода второй половины VII – VIII в.

Результаты исследования 15 погребений демонстрируют инновации в погребальном обряде бакальской культуры. Традиционными для лесостепного населения Западной Сибири мы считаем следующие признаки: ингумации под низкими курганными насыпями в узких мелких ямах, ориентированных по линии СЗ–ЮВ, коллективные погребения, сосуды в могилах, остатки тризны в насыпи кургана в виде костей животных и посуды [Матвеева Н.П., 2016, с. 210]. В данном случае новыми чертами являются захоронение в деревянных колодах, западная ориентировка части умерших, впускные погребения, совместное залегание бакальской и потчевашской посуды в одних поминальных комплексах (как, например, в кург. 33), появление синкретических форм керамики, штампованных и желобчатых декоров (см. рис. 2). Аналогии отдельным характеристикам Воденникова-1 находим

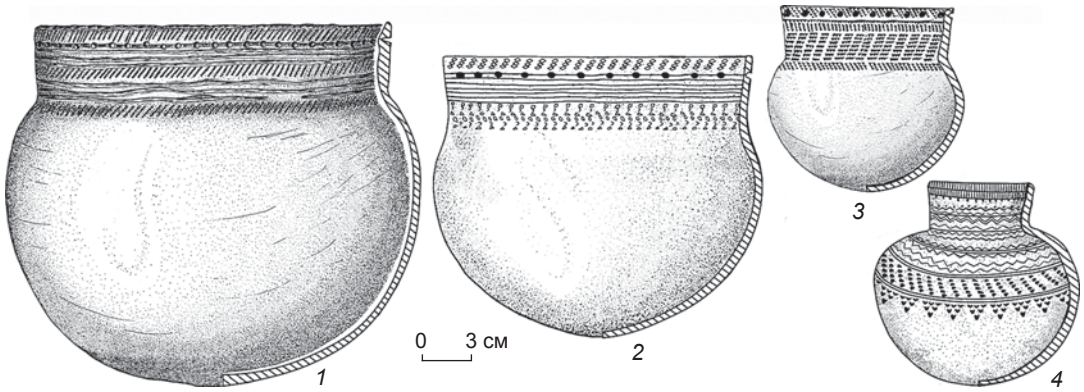


Рис. 4. Керамика из потчевашских могильников.
1 – Окунево III; *2* – Викуловский; *3* – Лихачевский; *4* – Бобровский.

в упоминавшихся выше синхронных некрополях Зауралья. Так, расстановка разнокультурной керамики возле могил встречена в Перейминском, западная ориентировка и деревянные колоды – в Хрипуновском и Усть-Суерском-1. Однако приведенные выше инновации являются традиционными характеристиками погребений потчевашской культуры, известных по могильникам Лихачевский, Окунево III, Викуловскому кладбищу, где также найдены аналоги сосудов с желобчатой и мелкогребенчатой орнаментацией (рис. 4). Интересно, что недавнее смешение разнокультурного населения на Исети отражено в размещении у могил однотипных сосудов группами.

Ранее в литературе отмечались факты передвижения южно-таежных групп населения Прииртышья VI–VIII вв. н.э. в Барабинскую лесостепь [Молодин, Соловьев, 2004, с. 5–6] и степь Северного Казахстана по Иртышу [Арсланова, 1983, рис. 1; Смагулов, 2006, с. 91]. Материалы могильника Воденниково-1 позволяют предполагать еще один миграционный маршрут носителей потчевашской культуры – на Урал по северной границе лесостепи. Здесь в результате взаимодействия с бакальскими группами сформировалась синкретичная «кушнаренковская» керамика кувшинных форм с резным, желобчатым и мелкогребенчатым орнаментом [Зеленков, 2019], происхождение которой связываем с подражанием престижной посуде из Средней Азии [Матвеева Н.П., 2019, с. 51–52]. Вероятно, компоненты данных культурных традиций при участии тюркоязычных кочевников определили облик караякуповских комплексов, что не противоречит идеям о культурогенезе населения Южного Урала в раннем Средневековье [Иванов В.А., 1999, с. 66].

Заключение

Раннесредневековые материалы могильника Воденниково-1 демонстрируют инновации в погребальном обряде бакальской культуры и маркируют культурный импульс из южной тайги Прииртышья в конце VII – VIII в. н.э. Переселение групп потчевашского населения к западу и востоку из их первоначального ареала отразилось в синкретичности культурных образований всей лесостепи Западной Сибири, Северного Казахстана и Южного Урала. Можно констатировать, что наконец удалось получить более надежные свидетельства влияния потчевашцев на культурогенез на Урале и в Зауралье и их контактов с кочевниками Казахстана. Они дополняют и развивают доказательства, которые приводили В.Ф. Генинг, Г.И. Матвеева, Ф.Х. Арсланова, Н.А. Мажитов, В.А. Могильников. Обнадеживает обнаружение следов взаимодействия потчевашского и бакальского населения как весьма вероятных носителей селькупского и угорского языков, что повлияло на лексику формировавшихся в зоне их расселения мадьяр. Как известно, словарный запас последних включает довольно много слов самодийской лингвистической группы, которые они могли заимствовать только в Зауралье [Хелимский, 1982, с. 123–125]. Вероятной причиной широтной миграции на западе Западной Сибири могло быть продвижение кимако-кыпчакских кочевников в VIII в., сведения о чем основаны на нескольких источниках. Разработка данной гипотезы, конечно, нуждается в дополнительных аргументах, в частности, антропологических и генетических.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии», проекты № 19-59-23006 и 20-49-720001.

Список литературы

Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–

XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 105–117.

Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследования Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 6–41.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – 208 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – 144 с.

Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара: Самар. гос. пед. ин-т, 1996. – С. 115–134.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 221–295.

Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1987. – С. 119–133.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2010. – 264 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2012. – 472 с. – (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 21).

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2018. – 720 с. – (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 19).

Зеленков А.С. О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего средневековья // AB ORIGINE: археол.-этногр. сб. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2019. – Вып. 11. – С. 24–44.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 309 с.

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – 123 с.

Илюшина В.В. Потчевашские погребения из грунтового могильника Викуловское кладбище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 74–83.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

Костомарова Ю.В. Погребение средневекового времени с Хрипуновского могильника // AB ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири: [археол.-этногр. сб.]. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – Вып. 1. – С. 53–63.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. – 346 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.

Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Хаврин С.В. Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Притоболье // AB ORIGINE: археол.-этногр. сб. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2011. – Вып. 3. – С. 72–86.

Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология Евразийских степей. – Самара: Самар. гос. пед. ин-т, 2007. – Т. II. – С. 75–86.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. – 267 с.

Матвеева Н.П. Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр // AB ORIGINE: археол.-этногр. сб. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2019. – Вып. 11. – С. 44–60.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235. – (Археология СССР).

Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. – 1983. – № 2. – С. 162–182.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.

Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В. Керамические комплексы раннего железного века Усть-Терсюкского городища // AB ORIGINE: археол.-этногр. сб. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 85–114.

Смагулов Т.Н. Памятники потчевашского типа в Казахстанском Прииртышье // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2006. – Вып. 1. – С. 85–91.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1998. – 152 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). – Казань: Фэн, 2018. – 144 с. – (Археология евразийских степей; вып. 25).

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М.: Наука, 1982. – 164 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: обзор и классификация материала // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136–245. – (МИА; № 58).

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Balogh Cs. A Mezőszilas type pendant from Grave 14 of the Mélykút–Sánc-dűlő cemetery // Thesaurus Avarorum: Régészeti tanulmányok Garam Éva tiszteletére / Szerk. T. Vida. – Budapest: ELTE, 2016. – P. 269–286.

Kenk R. Früh- und hochmittelalterliche Gräber von Kudyrge im Altai: Nach der Arbeit von A.A. Gavrilova. – München: Verl. C.H. Beck, 1982. – 73 S.

Материал поступил в редколлегию 01.02.21 г.,
в окончательном варианте – 12.05.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.100-108
УДК 904

Н.Н. Серегин[1], В.В. Тишин[1, 2], Н.Ф. Степанова[3]
[1]Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru
[2]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: tihij-511@mail.ru
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай)

В статье представлены результаты изучения серебряной монеты, обнаруженной в ходе раскопок одного из объектов некрополя Горный-10 на Северном Алтае. Памятник исследовался экспедициями Алтайского государственного университета в 2000–2003 гг. Монета находилась в разрушенном детском захоронении (мог. 46), содержавшем довольно яркий для погребений представителей данной возрастной группы инвентарь. По результатам анализа предметов конского снаряжения и украшений комплекс датирован концом VI – началом VIII в. н.э. Установлено, что серебряная монета представляет собой имитацию драхм сасанидского шаха Пēрōза I. Она идентифицирована как тип (или эмиссия) 287 по классификации Р. Гёбля. Отличительной характеристикой данного изделия, относящегося к одному из наиболее распространенных типов эфталитских монет, является высокий процент серебра и отсутствие золота в составе сплава. К настоящему времени монета не имеет аналогов в исследованных памятниках Северной и Центральной Азии. Одним из вероятных объяснений появления данного изделия на территории лесостепного Алтая являются контакты местного населения с тюрками в период их активного противоборства с эфталитами в первые десятилетия второй половины VI в. н.э.

Ключевые слова: *монета, имитация, эфталиты, Северный Алтай, раннее Средневековье, хронология.*

N.N. Seregin[1], V.V. Tishin[1, 2], and N.F. Stepanova[3]
[1]Altai State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru
[2]Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sakhyanovoy 6, Ulan-Ude, 670047, Russia
E-mail: tihij-511@mail.ru
[3]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Hephthalite Coin from an Early Medieval Burial at Gorny-10, Northern Altai

We describe a silver coin found in one of the burials at Gorny-10 cemetery in northern Altai, excavated by expeditions from the Altai State University in 2000–2003. The coin was discovered in a destroyed burial of children (No. 46) along with other informative artifacts, which are rather uncommon in such burials. Judging by horse harness and ornaments, the assemblage falls in the interval from the late 6th to early 8th century AD. The coin is an imitation of the drachm of the Sasanian shah Pērōz I to classify as type

© Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф., 2021

or emission 287, according to R. Göbl, that is one of the most common types of Hephthalite coins. The elemental concentration of the specimen has a high content of silver and no gold. The specimen has no analogs in North or Central Asia. It could have been brought to the forest-steppe Altai by Türks, who conquered the Hephthalite Empire in the first decades of the late 6th century AD.

Keywords: *Coins, imitation, Hephthalites, northern Altai, Early Middle Ages, chronology.*

Введение

Образцы среднеазиатской нумизматики исключительно редко встречаются в археологических комплексах Северной и Центральной Азии раннего Средневековья. Такие находки являются свидетельством различного рода прямых и опосредованных контактов населения этих регионов в западном направлении, получивших довольно фрагментарное отражение в материальной культуре кочевников обозначенного периода. Кроме того, монеты, как и многие другие предметы импорта, используются в качестве важных хронологических маркеров, а также нередко обоснованно рассматриваются в качестве «престижного» элемента предметного комплекса, некоторым образом демонстрирующего статус владельца. Поэтому каждая новая подобная находка среднеазиатского происхождения привлекает большое внимание специалистов, как археологов и историков, обращающихся к реконструкции этнокультурных и социальных процессов, так и нумизматов, исследующих специфику распространения конкретных типов изделий и особенности их использования местным населением.

В настоящей статье в научный оборот вводится уникальная для Северной и Центральной Азии среднеазиатская монета, найденная в ходе раскопок некрополя Горный-10 эпохи тюркских каганатов. Учитывая большое значение контекста обнаружения изделия, представляем общую культурно-хронологическую интерпретацию всего комплекса, в составе которого данная находка выявлена. Детальный анализ монеты, включающий нумизматическую характеристику, определение состава металла и уточнение круга аналогий, стал основанием для предварительных заключений, связанных с реконструкцией ряда аспектов истории периферии кочевых империй в эпоху тюркских каганатов.

Результаты раскопок

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западо-северо-западу от устья р. Карагуж, в 0,6 км к северо-западу от пос. Горного Красногорского р-на Алтайского края (рис. 1, 2). В 2000–2003 гг. экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой на площади некрополя раскопано 75 захоронений. По различным причинам результаты исследований памятника до сих пор опубликованы весьма фрагментарно [Абдулганеев, 2001; Степанова, Абдулганеев, 2003; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019; Серегин, Степанова, 2020; и др.]. Между тем яркие материалы некрополя Горный-10 важны для изучения как частных аспектов истории населения, оставившего данный комплекс, так и процессов, происходивших на юге Западной Сибири в начале раннего Средневековья. Особое значение в этом плане имеют отдельные показательные объекты, к которым относится публикуемое погребение.

Могила 46, исследованная в 2001 г., локализована в северо-восточной части раскопа № 3, где расположена южная группа объектов некрополя Горный-10. Захоронение прослежено с глубины 0,5 м. Юго-восточная часть могилы разрушена современной ямой. Размеры сохранившейся части 0,7 × 0,85 м. Могила имела овально-вытянутую форму и была ориентирована длинной осью по линии ВЮВ – ЗСЗ. Дно зафиксировано на глубине 0,65 м от современной поверхности. В заполнении могилы на разном уровне и без определенного порядка обнаружены два зуба ребенка, обломок трубчатой кости, железные стремя и удила, две пастовые бусины, три бронзовые подвески, в т.ч. ажурная, две бронзовые и одна серебряная монеты (рис. 3).

Таким образом, публикуемый комплекс представляет собой разрушенное детское захоронение с сопроводительным инвентарем, довольно редким для

Рис. 1. Расположение памятника Горный-10.

Рис. 2. Вид на Горный-10 *(фото М.Т. Абдулганеева).*

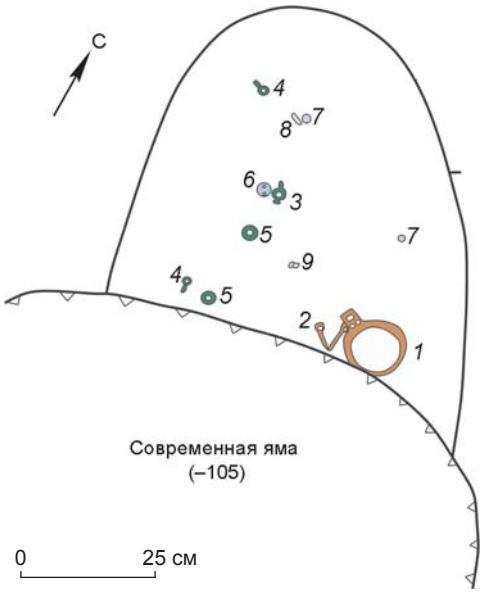


Рис. 3. План мог. 46 некрополя Горный-10.
1 – железное стремя; *2* – железные удила; *3*, *4* – бронзовые подвески; *5* – бронзовая монета; *6* – серебряная монета; *7* – бусина; *8* – фрагмент кости человека; *9* – зубы человека.

погребений представителей данной возрастной группы и показательным как в плане датирования объекта, так и с точки зрения анализа и интерпретации отдельных находок.

Анализ предметного комплекса

Сопроводительный инвентарь детского погребения включает предметы конского снаряжения и украшения (к последним, судя по всему, можно отнести также монеты). Несмотря на отсутствие животного, в мог. 46 обнаружены железные стремя и удила. Традиция помещения отдельных элементов конского снаряжения в одиночные погребения довольно редко фиксируется в одинцовских комплексах лесостепного Алтая. Несколько чаще такая практика отмечается в памятниках раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона [Серегин, 2013, с. 104]. В частности, она известна по материалам комплекса Кудыргэ, который в целом демонстрирует сходство с захоронениями некрополя Горный-10 по ряду характеристик [Гаврилова, 1965, с. 22–23, табл. VIII, IX].

Железное стремя (рис. 4, *1*) относится к группе пластинчатых. Характерными признаками данного экземпляра, определяющими время его изготовления, являются узкая (2,0 см) плоская подножка и широкая невыделенная пластина без шейки. Проем, образованный дужками, имеет округлую форму. К редким показателям стремени следует отнести наличие в пластине помимо прямоугольного проема для ремня путлища двух дополнительных отверстий. Схожие варианты оформления пластины выявлены у двух изделий: из кург. 1 комплекса Курай VI на Алтае [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 26], относящегося к VII в. н.э., и из погребения могильника Шахидон в Таджикистане [Соловьев, 2018, рис. 4, *4*], предварительно датированного второй половиной VII – первой половиной VIII в. н.э. Судя по морфологическим характеристикам стремени из мог. 46 некрополя Горный-10, оно могло быть изготовлено в конце VI – VII в. н.э.

Железные удила имеют гладкие стержни звеньев, крюковое соединение и однокольчатые окончания (рис. 4, *2*). По мнению С.В. Неверова, осуществивше-

го детальный анализ значительного объема материалов, крюковые удила бытовали на территории Южной Сибири на протяжении всего I тыс. н.э. и подобные находки из раннесредневековых комплексов региона демонстрируют продолжение развития местных форм изделий хунно-сяньбийского времени [1992, с. 150–151]. В целом такие удила получили широкое распространение и не являются датирующими.

К украшениям костюма относятся две бронзовые подвески (рис. 4, *4*, *5*). Подобные предметы, характеризующиеся некоторой вариабельностью оформления, обнаружены как в комплексах одинцовской культуры лесостепного Алтая [Абдулганеев, 2001, рис. 1, *11*, *12*; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. XI, 6], так и в памятниках на сопредельных территориях – в Горном Алтае, Томском и Новосибирском Приобье, Кемеровской обл. и др. [Гаврилова, 1965, табл. XX, 18–26; Чиндина, 1977, рис. 11, *6*; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 79, *12*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16, *48*, *52–53*; Илюшин, 1999, рис. 16, *15*, *18*; 25, *13*, *14*; 27, *20*]. Эти находки выявлены в объектах, датируемых в пределах конца VI – первой половины VIII в. н.э. Оригинальной является бронзовая сердцевидная плоская подвеска (рис. 4, *3*), аналоги которой нам не известны.

Наиболее ярким элементом предметного комплекса из мог. 46 некрополя Горный-10 являются монеты. Судя по имеющимся материалам, данные изделия служили украшениями костюма у населения лесостепного Алтая и сопредельных территорий. Две китайские монеты (рис. 5) относятся к типу *у-чжу* 五銖. Подобные находки известны в целом ряде раннесредневековых комплексов Северной Азии [Масумото, 2001; Кузнецов, 2007; и др.]. Изделия из рассматриваемого погребения по отличительным типологическим характеристикам датируются периодом империи Суй (581–618) [Peng Xinwei, 1994, p. 194–196, 201, fig. 6]. Анализу представительной коллекции китайских монет из некрополя Горный-10 будет посвящена отдельная публикация. В настоящей статье подробно остановимся на серебряной монете, уникальной не только для памятников юга Западной Сибири, но и для комплексов Северной и Центральной Азии в целом.

Рис. 4. Предметы конского снаряжения и украшения костюма из мог. 46 (*1*, *2* – железо; *3–5* – бронза).

Рис. 5. Китайские бронзовые монеты из мог. 46.

Рис. 6. Серебряная монета из мог. 46.

Комплексная характеристика монеты

Монета из мог. 46 (рис. 6) имеет диаметр 22,5–24,0 мм, массу 3,18 г. Штемпели аверса и реверса смещены относительно друг друга на 90°. На противоположных краях находки проделаны два отверстия, очевидно предназначенные для подвешивания изделия.

Монета может быть идентифицирована как тип (или эмиссия) 287 по классификации Р. Гёбля [Göbl, 1967, Bd. I, S. 197, 198–199; Bd. II, S. 90–91, 149;

Bd. III, Taf. 78, 79]. Это одна из наиболее распространенных групп монет т.н. иранских гуннов, начало производства которой связано с политическим объединением эфталитов. Подобные изделия представляют собой имитации драхм сасанидского шаха Пēрōза I (457–484) с «третьей короной» или «короной третьего типа» (по Р. Гёблю). На поле аверса имеются четыре точки (или «гранулы»); справа от крылатой короны нанесена бактрийская надпись ηβ [ēb] (на некоторых экземплярах читается ηβο [ēbo] и даже предположительно ηβοδ [ēbod]), что расшифровывают как ηβοδαλο [ēbodalo], т.е. наименование эфталитов; иногда слева от крылатой короны изображена тамга типа S 2 (по Р. Гёблю). На реверсе слева от изображения огненного алтаря просматривается знак, напоминающий пехл. /m/ (*мēм*) 𐬨, что трактуется различно: исходная лигатура для /m/ и /p/, изначально обозначавшая *MLK' pylwcy* (хотя это вызывает возражения с точки зрения синтаксиса), либо тождество идеограмме *MLK'*, т.е. арамейск. *malkā*, передающей среднеперсидское *šāh* 'правитель, царь' [Curtis, 1999, p. 305; Schindel, 2004, S. 294; Alram, 2008, S. 255–256; Alram, Pfisterer, 2010, p. 28; Heidemann, 2015, p. 332; Rezakhani, 2017, p. 138, notes 29, 30]. Справа от алтаря помещена бактрийская надпись βαχλο [bahlo], т.е. Балх – место чеканки.

Выпуск оригинальных драхм, ставших прототипом для рассматриваемых имитаций, относится к периоду правления Пēрōза I после поражения, нанесенного ему эфталитами, и возвращения из плена, согласно пересмотру даты, в 474 г. [Schindel, 2004, S. 390–392, 395–399; Alram, 2008, S. 255; Alram, Pfisterer, 2010, p. 22–23]. По-видимому, именно такие драхмы в значительной степени служили предметом дани эфталитам [Alram, Pfisterer, 2010, p. 27, 31; Heidemann, 2015, p. 331–332; Rezakhani, 2017, p. 137–138]. Пēрōз I погиб в очередном походе в 484 г. Хождение его оригинальных драхм за пределами империи сасанидов продолжалось и в последующем. Начало создания имитаций типа 287 относится к указанному времени, хотя ведутся дискуссии, началось ли их производство уже после 474 г. или же лишь после смерти шаха [Heidemann, 2015, p. 333–334]. Верхняя дата периода создания таких изделий может быть ограничена концом самостоятельного существования эфталитской державы (60-е гг. VI в.), однако их циркулирование в Средней Азии и сопредельных районах продолжалось довольно длительное время. Монеты данной группы найдены в Афганистане (Кабул и Газни), южных районах Узбекистана и Таджикистана, а также в китайской пров. Шаньси [Вайнберг, 1972, с. 138–139; Alram, 2008, S. 253–258, 265–266, pl. 2–30; Alram, Pfisterer, 2010, p. 27–32; Baratowa, Schindel, 2012, S. 43–45; Heidemann, 2015, p. 331, 332, 337]. Насколько нам известно, в закрытых комплексах, исследованных в Центральной и Северной Азии, такие изделия ранее не были обнаружены.

Внутри группы монет типа 287 выделяют несколько вариантов (подтипов) [Alram, 2008, S. 255; Alram, Pfisterer, 2010, p. 27–33; Baratowa, Schindel, 2012, S. 43–44; Heidemann, 2015, p. 331, 340]. К сожалению, имитация из некрополя Горный-10 деформирована, поэтому сохранность изображений, которые должны содержать идентифицирующие типологические признаки, недостаточная (в особенности на аверсе). В соответствующих местах видны следы надписей, однако их палеографические особенности неясны. Можно предполагать наличие на аверсе трех точек между крылатой короной и ободом монеты, но в то же время допускать, что это часть изображения. Таким образом, точно определить, к какому варианту должен быть отнесен рассматриваемый экземпляр, нельзя. Следы надчеканов на монете не просматриваются.

В каталоге Р. Гёбля наравне с монетой в 4,21 г отмечены образцы массой от 2,77–2,78 до 3,39 г, т.е. в среднем 2,96 г [Göbl, 1967, Bd. II, S. 42]. Сегодня известны многочисленные изделия, близкие по этому параметру к оригиналам, – от 3,84 до 4,24 г. М. Алрам полагает, что ранняя серия отличается от последующей более детальным исполнением изображений и надписей, а также несколько бóльшей средней массой [Alram, 2008, S. 256; Heidemann, 2015, p. 334]*. Однако выделяемые палеографические особенности нанесения легенд и иконографические характеристики не дают надежной корреляции с данными о массе монет того или иного варианта. Серебряные образцы, приводимые в каталоге Л.С. Баратовой и Н. Шинделя, имеют массу от 2,76 до 3,10 г [Baratowa, Schindel, 2012, n. 446–448]**. Все они относятся к варианту 2 (по М. Алраму). Цельные билонные монеты типа 287 характеризуются уже меньшей массой – от 2,05 до 2,50 г, за исключением одного экземпляра (2,90 г) [Ibid., S. 450, 532–541]***. Из-за недостаточной сохранности облика их типологическая характеристика затруднена.

С учетом важности изучения состава сплава для полноценной характеристики монеты был выполнен рентгенофлюоресцентный анализ находки из некрополя Горный-10 с помощью спектрометра INNOV-X SYSTEMS ALPHA series™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с карманным перенос-

*М. Алрам исходит из данных о модальной массе монет Пēрōза I 4,10–4,14 г (см.: [Schindel, 2004, S. 106, Taf. 35, S. 112–113]).

**Монета № 445 относится к типу 287а (по Б.И. Вайнберг).

***Без учета образцов № 449, 451, которые должны быть отнесены к типу 287а [Heidemann, 2015, p. 335, note 31].

ным компьютером и испытательным стендом. Получены следующие результаты (%):

	Аверс	Реверс
Ag	97,20	97,01
Cu	1,90	2,18
Pb	0,74	0,69
Fe	0,16	0,12

Данные свидетельствуют о том, что монета серебряная с довольно незначительными примесями других элементов (медь, свинец, железо). Показатель доли серебра сближает рассматриваемый экземпляр с сасанидскими оригиналами, отличающимися, однако, обязательным присутствием золота.

К сожалению, данные о составе сплавов других имитаций типа 287 весьма фрагментарны. Анализ металла двух таких монет из Пенджикента и двух из Афрасиаба показал, что они изготовлены из серебра (ок. 80 %) с добавлением меди [Смирнова, 1963, с. 37, 51, 168–170, табл. 1]*. В другой работе О.И. Смирновой отмечено: «Анализ состава металла, из которого изготовлены согдийские монеты ранних выпусков образца варахрановских** и эфталитские – образца перозовских, установил, что как те, так и другие чеканились из сплава серебра с медью при содержании серебра в сплаве порядка 80 %, что сближает по времени монеты обеих групп» [1970, с. 158]. В составе сплавов монет типа 287 присутствовали свинец и железо (иногда в очень незначительном количестве), висмут и золото (очевидно, как рассеянные элементы), а также цинк и олово, добавление которых может быть обусловлено стремлением к улучшению свойств металла [Смирнова, 1963, с. 168]. Данные, полученные в ходе изучения экземпляра из некрополя Горный-10, серьезным образом разнятся с результатами анализа образцов, исследованных О.И. Смирновой: при сопоставимой массе они отличаются не только процентным содержанием серебра, но и самим составом сплавов.

Согласно имеющимся данным, содержание серебра в сасанидской драхме было на уровне 85–90 %, при Хӯсраве II – ок. 95 %, меньше при его преемниках [Bacharach, Gordus, 1972, p. 282–283]. Как сообщает Э.В. Ртвеладзе, две оригинальные сасанидские монеты Пӗрӧза I диаметром от 1,8 до 2,0 см (обрезанные?), массой 2,8–2,9 г, найденные на территории Чаганиана (городище Будрач), «отчеканены из сплава серебра и меди с добавкой свинца и золота, при значительном содержании серебра» [1987а, с. 121]. Согласно сведениям А.Н. Алешина, одна из подобных драхм при массе 3,82 г содержала 94,37 % серебра, 0,50 % золота, 5,13 % меди [2016, с. 12–13, 14]. Исследования иранских ученых показали, что, судя по отсутствию серы в составе сплавов, монеты чеканились из серебра, добытого не из сульфидных, а из церусситовых руд. В некоторых драхмах золото присутствовало как рассеянный элемент. Монеты Пӗрӧза I (проанализированы драхмы с короной «первого» и «второго» типов) изготавливались из металлов, добытых в двух разных шахтах, одна из которых давала также материал для драхм Кавāда I времен первого правления (488–496), другая – для монет Хӯсрава I Анӯширвāна (531–579). Наличие железа в сасанидских монетах нерегулярно, поэтому, вероятно, его следует рассматривать как результат поверхностного загрязнения [Sodaei, Masjedi Khak, Khazaie, 2013].

В качестве сравнительного материала целесообразно привлечь данные, полученные при анализе среднеазиатских имитаций драхм Пӗрӧза I, относящихся к другим типам монет (или эмиссиям, следуя Р. Гёблю). Их можно почерпнуть из немногочисленных публикаций [Ртвеладзе, 1987а, с. 122, 124–127; 1987б, с. 305, 308; Baratowa, Schindel, 2012, S. 50; Алешин, 2016]. Для монет типа 289 (представляющего собой дальнейшую деградацию типа 287) из Гуфтана (и, вероятно, Термеза), Кобадиана характерен одинаковый состав сплавов (в разных пропорциях серебро и медь, а кроме того цинк и свинец), который также наблюдается в монетах типа 295 Чаганиана, являющихся имитациями драхм Хӯсрава I. Для всех них отмечается общая тенденция к уменьшению доли серебра (это демонстрируется практикой обрезания оригинальных драхм Хӯсрава I и, вероятно, изготовлением из них имитаций – также меньшей массы [Ртвеладзе, 1987а, с. 122, 127; 1987б, с. 305]). В то же время для монет типа 295 из Чаганиана характерна вариабельность состава сплавов, которая заключается в наличии/отсутствии золота, отрицательно коррелирующем с наличием/отсутствием свинца. При этом состав металла в обоих случаях может быть обусловлен материалом, использовавшимся для переплавки, т.е. составом сплавов оригинальных сасанидских драхм.

Определяющей отличительной характеристикой монеты из некрополя Горный-10 также является отсутствие в ней золота. В данном случае возможны два объяснения. Если для изготовления имитации использован материал сасанидской драхмы, то последняя уже не должна была содержать золота. Другой вариант предполагает какой-то иной источник сырья для производства монеты.

Традиционно считается, что наличие незначительной примеси золота в сасанидских драхмах, как и в других серебряных изделиях, обязательно

*Отметим, что данные О.И. Смирновой вызвали вопросы у Е.А. Давидович [1979, с. 108, 116, примеч. 19].

**Имеются в виду т.н. бухархудатские серебряные монеты, изготавливавшиеся по образцу драхм сасанидского шаха Бахрāма V (420–438).

[Bacharach, Gordus, 1972, p. 282; Gordus, 1995, p. 615]. Золото рассматривается в данном случае как случайный рассеянный элемент, содержание которого зависит от источника сырья [Meyers, Van Zelst, Sayre, 1973; Sodaei, Masjedi Khak, Khazaie, 2013, p. 214]*. Последним, как предполагается, являлись церусситовые руды. Впоследствии они также использовались Умайадами, о чем свидетельствуют результаты анализа серебряных дирхамов, выпущенных в Иране [Jozi, Khak, Nosrati, 2019, p. 70–74]. Вместе с тем имеются данные о сасанидских драхмах без примеси золота. В качестве примера можно указать монеты Хормозда IV (578–590), отличающиеся очень высокой пробой серебра и содержащие в незначительном количестве медь, свинец, иногда железо и цинк [Akbarzadegh, Schindel, 2017, p. 16, tab. VII, n. 286, 295, 298]. В условиях недостаточного объема материалов приходится ограничиться лишь постановкой вопроса об использовании при производстве исследуемой монеты типа 287 сырья из серебро-полиметаллических месторождений, характеризующихся отсутствием золота.

Косвенным хронологическим признаком монеты из некрополя Горный-10 можно считать ее массу. Данная характеристика находки, заметно отличающая ее от известных более тяжелых аналогов, указывает на то, что анализируемый экземпляр относится к партиям не самого раннего периода производства таких имитаций.

Заключение

Несмотря на то что рассматриваемое детское погребение некрополя Горный-10 разрушено, сохранившиеся материалы весьма информативны. Прежде всего следует обратить внимание на социальный аспект. Предполагаемый статус умершего, очевидно обусловленный довольно высоким положением его семьи, получил отражение в наличии предметов конского снаряжения и украшений костюма, в т.ч. редких монет. Не исключено, что последние представляли собой своего рода амулеты. Схожий состав инвентаря фиксируется в нескольких «богатых» раннесредневековых детских погребениях, исследованных на сопредельных территориях [Троицкая, 1989, с. 65–67; Троицкая, Бородовский, 1990; Бородовский, 2018].

Анализ предметов сопроводительного инвентаря позволяет датировать рассматриваемое захоронение в пределах конца VI – начала VIII в. н.э. с возможностью ограничения VII столетием. Менее однозначна культурная принадлежность как этого погребения, так и всего некрополя Горный-10. В литературе, несмотря на фрагментарность введенных в научный оборот материалов памятника, представлены различные точки зрения. В.В. Горбунов считает, что могильник Горный-10 следует рассматривать в кругу памятников одинцовской культуры [2003, с. 40]. По мнению А.А. Казакова, данный комплекс относится либо к заключительному этапу последней, либо к начальному периоду становления басандайской культуры [Казаков, Казакова, 2016, с. 241]. Особая точка зрения озвучена Г.В. Кубаревым, который рассматривает этот некрополь в числе памятников кудыргинского типа [Зубова, Кубарев, 2015, с. 86].

На наш взгляд, объем имеющихся сведений о памятниках начала раннего Средневековья на территории лесостепного Алтая пока еще недостаточен для однозначных заключений. Предварительно представляется возможным рассматривать синхронные комплексы конца VI – начала VIII в. н.э. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 30–32; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017; Фрибус и др. 2018, с. 44–47, рис. 1] как свидетельства существования особой группы населения со сложными историческими судьбами, отражающими бурные процессы конца эпохи Великого переселения народов и периода тюркских каганатов. Судя по наличию монет различного происхождения, это население имело прямые или опосредованные контакты в различных направлениях. Серебряная монета, обнаруженная в мог. 46 некрополя Горный-10, представляет собой имитацию драхм сасанидского шаха Пēрōза I. Данная находка относится к одному из наиболее распространенных типов монет, выпускавшихся во владениях эфталитов. Изделие характеризует большое содержание серебра (97 %) и отсутствие золота в составе сплава, что отличает этот экземпляр от других изученных имитаций сасанидских монет «иранских гуннов». Высокая проба серебра в данном случае не позволяет связывать пониженную массу монеты с какими-то кризисными явлениями в экономике общества, где она функционировала, допуская возможность существования среди монет типа 287 наравне с «тяжелыми» образцами еще одной группы, отличавшейся по массе от сасанидских оригиналов, уже к моменту столкновения эфталитов с тюрками. Этот вывод подтверждается отсутствием на монете каких-либо надчеканов.

Учитывая уникальность находки, не имеющей аналогов в археологических комплексах Северной и Центральной Азии, пока сложно предположить, как она попала на территорию лесостепного Алтая. Не исключено, что это было связано с тюркским завоеванием эфталитских владений в 558–568 гг. (подробно о хронологии см.: [Felföldi, 2002; Фельфёльди, 2005]) и последующими контактами населения, оставившего некрополь Горный-10 и другие синхронные комплексы, с тюрками. Дальнейшее расширение информации

*Высказывалось мнение, что технология отделения золота от серебра не была известна мастерам того времени [Gordus, 1972].

о памятниках эпохи тюркских каганатов на юге Западной Сибири позволит более обоснованно реконструировать сложные процессы на периферии кочевых империй в этот период.

Благодарности

Анализ монеты и культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-78-10037). Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена в рамках госзадания № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях». Выражаем благодарность д-ру ист. наук А.А. Тишкину за проведенный рентгенофлюоресцентный анализ монеты.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 128–131.

Алешин А.Н. Химический состав монет-подражаний из Северного Тохаристана (Кобадиан и Чаганиан) сасанидским драхмам Пероза I и Хосро I // РАСМІР: Східна нумізматика. – Київ: Альфа Реклама, 2016. – С. 10–16.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Бородовский А.П. Элитарные детские погребения эпохи раннего Средневековья на верхней Оби и транскультурный предметный комплекс // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории: К 70-летию акад. В.И. Молодина. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 230–243.

Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе: Основные итоги работ 1965–1971 гг. – М.: Вост. лит., 1972. – С. 129–154.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 37–42.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. – Томск: Д`Принт, 2017. – С. 106–110.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. – М.: Наука, 1979. – 462 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. 16. – С. 75–117.

Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 4. – С. 80–87.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Куз. гос. техн. ун-та, 1999. – 160 с.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, археология. – 2016. – № 4. – С. 238–242.

Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 212–222.

Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 49–52.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 141–155.

Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье. – Ташкент: Фан, 1987а. – С. 120–130.

Ртвеладзе Э.В. Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V–VIII вв. н.э. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1987б. – T. XLI, fasc. 2. – P. 301–319.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 2. – С. 100–108.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 15–34.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 603–610.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949–1956 гг.). – М.: Вост. лит., 1963. – 173 с.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М.: Наука, 1970. – 287 с.

Соловьев В.С. Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // Filo Ariadne. – 2018. – № 2. – С. 11–24.

Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т. Раскопки на Северном Алтае // АО 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 407–408.

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен

Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1989. – С. 59–68.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 149–162.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Фельфёльди С. Хронология падения империи эфталитов // Бюл. об-ва востоковедов. – М.: ИВ РАН, 2005. – Вып. 12. – С. 98–132.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 42–47.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Akbarzadegh D., Schindel N. Sylloge Nummorum Sasanidarum Iran: A late Sasanian Hoard from Orumiyeh. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. – 304 p.

Alram M. Ein Schatzfund hephthalitischer Drachmen aus Baktrien // Numismatische Zeitschrift. – 2008. – Bd. 116/117. – S. 253–268.

Alram M., Pfisterer M. Alkhan and Hephthalite Coinage // Coins, Art and Chronology. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – Vol. 2: The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands. – P. 13–38.

Bacharach J.L., Gordus A.A. The Purity of Sasanian Silver Coins: An Introduction // J. Am. Orient. Soc. – 1972. – Vol. 92, iss. 2. – P. 280–283.

Baratowa L., Schindel N. Sylloge Nummorum Sasanidarum Usbekistan: Sasanidische Münzen und ihre Imitationen aus Bukhara, Termes und Chaganian. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. – 199 S.

Curtis S.V. Some observations on coins of Peroz and Kavad I // Coins, Art and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the IndoIranian Borderlands. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. – P. 303–313.

Felföldi Sz. A Heftalita Birodalom bukásának kronológiája // Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica. – 2002. – K. CXII. – O. 63–87.

Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967. – Bd. I: Katalog. – XXII, 276 S.; Bd. II: Kommentare. – 302, [1] S.; Bd. III: 98 Fototafeln. – XV S., 98 Taf.; Bd. IV: 48 Zeichentafeln. – XI S., 48 Taf.

Gordus A.A. Neutron activation analysis of coins and coin-streaks // Methods of Chemical and Metallurgical Investigation of Ancient Coinage / eds. E.T. Hall, D.M. Metcalf. – Ann Arbor: Michigan University, 1972. – P. 127–148. – (Royal Numismatic Society spec. publ. 8).

Gordus A.A. Neutron activation analysis of microgram samples of Sasanian coins and metallic art, material issues in art and archaeology IV // Materials Research Society Symposium Proceedings. – 1995. – Vol. 352. – P. 613–620.

Heidemann S. The Hephthalite drachms minted in Balkh: a hoard, a sequence, and a new reading // Numismatic Chronicle. – 2015. – Vol. 175. – P. 330–349.

Jozi Z., Khak P.M., Nosrati A. Elemental analysis of silver coins during the Umayyads through the PIXE method // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural Sciences in Archaeology. – 2019. – Vol. X, iss. 1. – P. 65–75.

Meyers P., Van Zelst L., Sayre E.V. Determination of major components and trace elements in ancient silver by thermal neutron activation analysis // J. Radioanal. Chem. – 1973. – Vol. 16, iss. 1. – P. 67–78.

Peng Xinwei. A Monetary History of China (Zhongguo Huobi Shi 中國貨幣史). – Bellingham; Washington: Western Washington University, 1994. – Vol. 1/2. – 929 p.

Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. – Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. – Vol. XIV. – 242 p.

Schindel N. Sylloge Nummorum Sasanidarum. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. – Bd. I. – 512 S.

Sodaei B., Masjedi Khak P., Khazaie M. A study of Sasanian silver coins employing the XRF technique // Interdisciplinaria Archaeologica Natural Sciences in Archaeology. – 2013. – Vol. IV, iss. 2. – P. 211–215.

Материал поступил в редколлегию 18.06.21 г.,
в окончательном варианте – 06.09.21 г.

ЭТНОГРАФИЯ

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.109-119
УДК [397+904.7+726.13+297.1](574.5)"17/19"–057.66

С.Е. Ажигали, Л.Р. Турганбаева
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Шевченко көшесі, 28, Алматы қ., 050010, Қазақстан Республикасы
E-mail: s.azhigali@gmail.com; laila@safar.kz

Культово-жилищный комплекс Кайнар второй половины XVIII – начала XX в. на Северном Устюрте как историко-культурный и архитектурный памятник

В статье впервые публикуются материалы исследования одного из выдающихся образцов казахских стационарных поселений североустюртской зоны (район Донызтау), отражающих важнейшие исторические процессы перехода кочевников-скотоводов к полуоседлости (середина XIX – начало XX в.) и вошедших в науку как «культово-жилищные комплексы» (КЖК). Исключительно репрезентативный памятник Кайнар рассмотрен как социокультурный феномен и целостный архитектурно-ландшафтный ансамбль. Освещены история изучения донызтауских КЖК и настоящего комплекса; предпосылки их генезиса, роль в этом религиозных подвижников на примере жизни и деятельности ишана Досжана Кашакулы. Публикация материалов сопровождается анализом основных частей комплекса (поселение, некрополь) и составляющих их элементов. Определены принципы архитектурно-пространственной организации КЖК: структурность, функциональность, непрерывность континуума в ландшафте и др. Выявлено архитектурно-планировочное решение поселения в целом и отдельно медресе с характерными узлами организации последнего; прослежены связи культовых зданий со среднеазиатскими, казахстанскими образцами. Предложены гипотетическая реконструкция культово-жилищного комплекса и интерпретация общественных залов в соответствии с их функциями. Определены роль некрополя в структуре КЖК, принципы его пространственной организации и развития, показана визуальная связь между отдельными его элементами. Рассмотрены виды и типы мемориальных памятников, средства их гармонизации, связь с архаическими представлениями, архитектурные и художественно-стилистические особенности, характер внешней информационно-декоративной обработки («текстуры») камнерезных сооружений. Показано историко-культурное значение комплекса Кайнар как памятника эпохи перехода к полуоседлости и утверждения ислама в степном регионе.

Ключевые слова: *Северный Устюрт, культово-жилищные комплексы, кочевники, полуоседлость, Досжан-ишан Кашакулы, медресе.*

S.E. Azhigali and L.R. Turganbayeva
Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Ministry of Education and Science, Committee of Science,
Republic of Kazakhstan,
Shevchenko 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
E-mail: s.azhigali@gmail.com; laila@safar.kz

Kainar: A Late 18th to Early 20th Century Ritual and Housing Complex in the Northern Ustyurt

This is the first description of a key Kazakh recent permanent settlement at Donyztau, in the northern Ustyurt. These sites, evidencing major historical processes during the transition of nomadic pastoralists to a semi-sedentary lifestyle (mid-19th to early 20th century), are known as "ritual and housing complexes" (RHC). Kainar, a highly representative site, is viewed as a socio-cultural phenomenon and an integral architectural and landscape ensemble. The excavation history of RHCs in the Donyztau area and their evolution are discussed, and the role of ascetics such as Doszhan-Ishan Kashakuly is described. We highlight separate parts of the complex (settlement and cemetery) and their elements. The architecture of RHC is reconstructed with regard to structure, function,

© Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р., 2021

and continuity with the landscape. The layout of the site as a whole and of the madrasah with its typical elements are compared with those of similar sites in Central Asia and Kazakhstan. A reconstruction of the complex is proposed and the function of public halls is interpreted. The role of the cemetery and of its parts in the structure of RHC is evaluated; the evolution of its spatial organization is traced. Types of memorial complexes are listed in terms of harmony with landscape, archaic beliefs, architecture, and style, specifically stone carving. The historical and cultural significance of Kainar as a source of knowledge about the transition to semi-sedentary way of life and the Islamization of the steppe is discussed.

Keywords: *Northern Ustyurt, ritual and housing complexes, nomads, semi-sedentism, Doszhan-Ishan Kashakuly, madrasah.*

Введение

Одной из форм перехода значительной части кочевников-казахов Арало-Каспийского региона на полукочевой-полуоседлый образ жизни в XIX в. явилось формирование стационарных поселений нового типа – населенных пунктов, включавших в себя некрополи (кладбища), мечети и медресе, стационарные жилища. В науку они вошли под названием «культово-жилищные комплексы» (КЖК). Основным районом сложения этих поселений явился Северный Устюрт (Донызтау), где на фоне общеисторических предпосылок ключевое значение имел ряд важных естественно-исторических, природных факторов: возможности к развитию сенокошения и землеобработки, наличие экологических ниш-укрытий в виде больших оврагов вдоль чинка плато, обилие строительного камня и т.д. Просуществовав без малого 100 лет, в 1930-х гг. при коллективизации КЖК (более 30) были заброшены, однако чудом сохранились как памятники былой культуры и сегодня являют собой своего рода «архитектурно-археологические заповедники». Их изучение проливает новый свет на развитие культуры, социальной истории кочевников-скотоводов Арало-Каспия в Новое время, на особенности перехода степняков к полуоседлости, историю развития народного зодчества и камнерезного искусства казахов, распространение исламской религии как идеологии в кочевой среде. Настоящая статья посвящена наиболее характерному памятнику – культово-жилищному комплексу Кайнар.

Первые сведения о Кайнаре обнаруживаются в «Атласе Оренбургского края» 1869 г., где комплекс был отмечен как «Дом Ишана» [Атлас…, 1869, л. XII-3]. В конце века (1892 г.) памятник указан в отчете научной экспедиции на Устюрт геоморфолога С.Н. Никитина [1893, с. 78]. В 1904 г. в районе Донызтау проводил изыскания геоботаник В.А. Дубянский, осуществивший фотофиксацию отдельных культово-жилищных комплексов [1904]. Важное упоминание о памятнике находим также в поминальной песне (*жоқтау*) на смерть основателя поселения Досжана-ишана Кашакулы (1896 г.) казахского поэта Кердери Абубакира [Кердері Әбубәкір, 1993, с. 148–149]. В 1962 г. комплекс Кайнар был изучен Гурьевской (Эмбинской) экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (рук. Х.А. Аргынбаев), когда наряду с первичной фиксацией памятника были собраны этнографические материалы (см.: [Арғынбаев, 1987, с. 113]). В этот же период некрополь Кайнар обследовался в прикладном аспекте со статистическим подсчетом родовых знаков географом С.В. Викторовым [1971]. Целенаправленное исследование КЖК Кайнар осуществлялось Западно-Казахстанской комплексной этноархеологической экспедицией (ЗККЭАЭ, рук. С.Е. Ажигали) в 1987, 2005 и 2007 гг. В последнем сезоне было проведено полное, фронтальное обследование памятника – с инструментальной съемкой, детальной фотофиксацией, архитектурными обмерами, изучением эпиграфики и панорамной фотосъемкой с дельтаплана (Р. Сала, Ж.-М. Деом).

История формирования КЖК Кайнар

Культово-жилищный комплекс Кайнар находится в западной части Северного чинка Устюрта (Донызтау) на территории современной Атырауской обл. (в ее юго-восточном углу), в 61,5 км к югу от ближайшего пос. Дияр (Байганинский р-н Актюбинской обл.). Название связано со свойствами местности, где имелись источники, родники (каз. *қайнар*). Памятник расположен в северном ответвлении крупного оврага (сая) Тасастау (рис. 1) на относительно пониженном участке, укрытом возвышенностями. К юго-востоку от него проходит русло поросшего зеленью ручья, а в 1 км к северу находится многоводный колодец.

Первоначальное формирование памятника связано, очевидно, с существованием здесь небольшого родового кладбища во второй половине XVIII – начале XIX в., рядом с которым позднее, в 1840-х гг., появилось стационарное поселение с мечетью (медресе). Его основателем был представитель мусульманского духовенства из казахского рода шомышты-табын (подрод каракойлы, подразделение коныр) Досжан (Достмухаммед*) Кашакулы (1812–1896)**. Биогра-

*Полная форма имени зафиксирована на личной печати ишана, которая была выявлена в ходе работ ЗККЭАЭ в 2019 г. В народной традиции это имя обычно употребляется как Досмухамбет.

**Эти даты зафиксированы нами в 1979 г. в Темирском р-не Актюбинской обл., где находится могила ишана, «со слов аксакала Жумагали Акбалина» в возрасте 85 лет

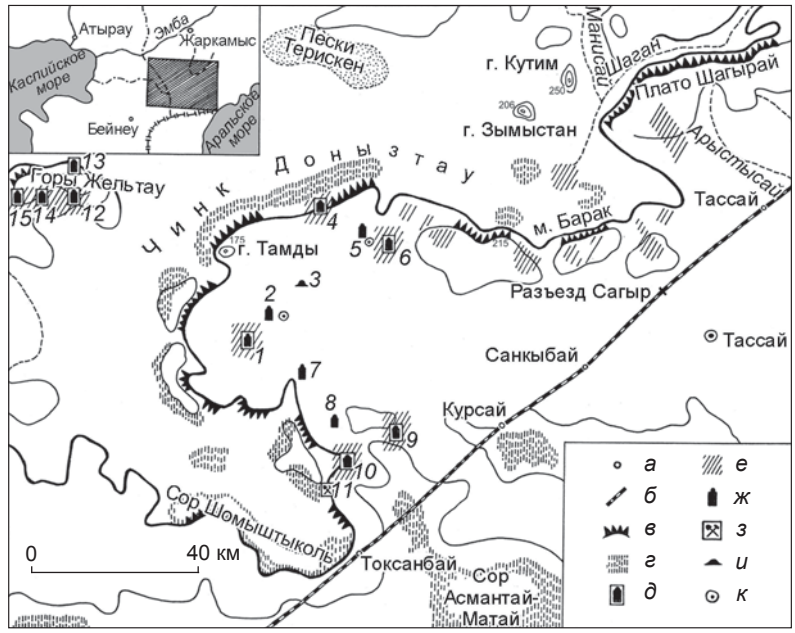


Рис. 1. Расположение КЖК североустюртской зоны, комплекса Кайнар и близлежащих памятников.
1 – Кайнар; *2* – Тасастау; *3* – Кызылуйык; *4* – Беспай; *5* – Тущцы-айрык; *6* – Ащы-айрык; *7* – Аксаймола; *8* – Оким-Киик; *9* – Толебай; *10* – Султан-акын; *11* – Токсанбай; *12* – Шерлигул; *13* – Егиндыбулак; *14* – Шолабай; *15* – Колбай. *а* – населенный пункт, ж.-д. станция; *б* – железная дорога; *в* – край Устюрта, чинки; *г* – сор, разлив; *д* – КЖК; *е* – зона размещения КЖК; *ж* – некрополь, кладбище; *з* – древнее поселение; *и* – курган; *к* – колодец.

фические данные о Досжан-ишане, который известен в народе также как Дощеке, Досеке, достаточно отрывочны и порой противоречивы. Родился он в религиозной семье: отец Кашак был мулла и, очевидно, дал сыну первичное образование (арабская грамота и т.д.). Здесь необходимо отметить, что семья принадлежала к той группе кочевых казахов Арало-Каспия (крупные роды адай, табын и шекты), которая издавна находилась под сильным политическим и культурно-идеологическим влиянием Хивинского ханства, причем граница последнего до середины XIX в. проходила к северу от Устюрта. Район низовьев Амударьи, куда в отдельные суровые годы откочевывали местные казахи, прежде всего табынцы, был известен среди них как Бескала – «Пятиградье», считался центром исламской религии и конфессионального образования (как и соседняя Бухара).

По всей видимости, серьезное религиозное образование Досмухамбет Кашакулы получил в медресе Хивы, о чем также свидетельствует его последующий титул «ишан»*, характерный для мусульманско-суфийской традиции Средней Азии. На это же указывает и архитектура культовых комплексов, мечетей, созданных им впоследствии (в Кайнаре и на Шийлису), – с использованием среднеазиатских традиций зодчества и строительных приемов: купольно-сводчатые перекрытия (в т.ч. специфические коробовые своды), подкупольные конструкции и др. Согласно поминальной песне Кердери Абубакира, пиром (наставником) Досжана был Олдан (ишан) [Кердері Әбубәкір, 1993, с. 148]. Вместе с тем существует версия о его обучении в медресе Оренбурга, а именно в татарском поселении Каргалы [Салқынұлы, 2006, с. 17–18], что нам представляется недостаточно обоснованным. Для столь раннего периода (конец 20-х – 30-е гг. XIX в.) более естественным было получение религиозного образования выходцем с Устюрта все же в Хиве (или Бухаре). Очевидно, с этого времени Досжан Кашакулы уже начал свою религиозно-просветительскую деятельность среди кочевого населения (обучение детей арабской грамоте и другим предметам в аульных мектебах и т.д.), приобрел определенный статус, о чем свидетельствует его личная печать, датируемая 1832/33 г. Параллельно обучался в медресе, которое, возможно, окончил в течение этого десятилетия.

Следующим важным этапом в жизни Досжан-ишана явилось строительство мечети и обустройство поселения в местности Кайнар на Северном Устюрте. Согласно поминальной песне Кердери Абубакира, это произошло «где-то около 1850-го года» [Кердері Әбубәкір, 1993, с. 148]. К ранней датировке этого события склоняется и этнограф Х. Аргынбаев, который посетил памятник и провел опросные изыскания еще в 1962 г., полагая, что мечеть здесь была возведена в первой половине XIX в. [1987, с. 113]. В целом имеющиеся данные (в т.ч. и особенности надмогильных сооружений некрополя) свидетельствуют о строительстве поселения и мечети во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. К этому времени Досжан Кашакулы уже сформировался как серьезный религиозный деятель и духовный просветитель, главной задачей которого стало распространение ислама и конфессионального образования в среде кочевников-скотоводов в южной части расселения казахов

(информация заведующей отделом культуры Р. Ахметовой). Существует и другая версия годов жизни (1815–1890), основанная на данных эпитафии на мемориальной стеле (кулпытасе) у его могилы. Обращает на себя внимание то, что это поздний памятник, даты на котором выглядят несколько «округленными».

*Ишан – изначально титул руководителей суфийских братств и глав общин.

Младшего жуза. Видимо, возведение мечети и организация медресе на Кайнаре были предприняты им уже после совершения хаджа в Мекку, о чем глухо упоминали некоторые наши информаторы, например Таганов Ашыкгали (1903 г.р., пос. Косшагыл Гурьевской обл.; запись 1989 г.), предполагавший, что раннее паломничество было осуществлено совместно с другим известным религиозным деятелем – Нурпеке-ишаном (см. также: [Аджигалиев, 1994, с. 58, примеч. 15])*. Считается, что Досжан-ишан совершил всего три хаджа, причем два из них позднее – в 70-х гг. XIX в.

Идеей распространения мусульманства в обширном районе был обусловлен выбор места для обустройства поселения: на стыке кочевых путей основных насельников Устюрта и Мангыстау – казахов-табынцев и адаевцев; недалеко от района весенних разливов степных речек Шаган и Манисай с возможностью сенокошения дважды в году. Природные условия и стабильная хозяйственная инфраструктура создавали оптимальные предпосылки для жизнеобеспечения нового стационарного поселения, в т.ч. для полустойлового содержания скота. Более того, Досжан Кашакулы устроил искусственное орошение небольшой площади земли в зоне родников под просо, бахчевые культуры, древесные и кустарниковые растения, предполагая использовать сельскохозяйственную продукцию для нужд медресе, а возможно, и для реализации/обмена. Судя по развитой структуре поселения и большому кладбищу, культовый комплекс функционировал достаточно интенсивно. Поселение было тесно интегрировано в хозяйственно-культурную жизнь скотоводов-кочевников, которые посещали его в весенний и осенний периоды, обеспечивая жителей скотом, топливом, оставляя детей на обучение, проводя необходимые ритуалы на некрополе (подробнее см.: [Аджигалиев, 1994, с. 58–59]).

Разнообразная хозяйственная деятельность (где главным оставалось скотоводство) шла рука об руку с конфессиональным образованием. Обучение длилось от трех до тринадцати лет и осуществлялось по общеизвестным в Средней Азии учебникам по арабскому языку, мусульманскому праву, религиозной философии, логике, догматике, метафизике и другим отраслям знаний. Воспитанников учили не только элементарным правилам человеческого общежития, но и хорошим манерам, культуре публичных выступлений, т.е. всему тому, что потом могло пригодиться в жизни. Досжан-ишан прожил на Кайнаре ок. 20 лет, обучая детей кочевников арабской грамоте и готовя более углубленно учеников и последователей в медресе. Выпускники Кайнара составили целую плеяду известных в Западном Казахстане исламских священнослужителей, в т.ч. ишанов, ахунов, кажы, хальфе (духовные лица, достигшие разных уровней обучения по четырехступенчатой системе). Многие из них впоследствии обосновались в Донызтауском районе и связали свою жизнь и деятельность с аналогичными стационарными поселениями, количество которых существенно выросло во второй половине XIX в.

После введения царским правительством в 1868 г. «Временного положения об управлении в степных областях…», ограничивавшего в т.ч. деятельность мусульманского духовенства, Досжан Кашакулы был вынужден переселиться на север (ближе к Оренбургской колониальной администрации), в верховья р. Ойыл, где он обустроил другой культово-жилищный комплекс, который впоследствии получил название Ишан-ата (к югу от современного пос. Шубаркудык). Безусловно, этот факт свидетельствует о большом влиянии, авторитете ишана среди казахов Арало-Каспия, прежде всего обширного района к югу от р. Эмбы. Очевидно, именно в донызтауский период Досжан Кашакулы приобрел среди духовенства и населения почетный титул «хазрет» (*қазірет*), обозначающий высокопоставленное духовное лицо, мусульманского авторитета (в региональном масштабе). Для нашего исследования особый интерес представляет созданная им идеальная модель образования в условиях вековой архаики, в пустынной степи. Досжан-ишан предложил альтернативу передвижным и нелегальным конфессиональным «школам» низшей ступени (мектебам), размещавшимся в землянках и юртах, – самодостаточное учебное заведение с предоставлением проживания, питания, учебной литературы, программа которого включала не только обучение грамоте, канонам ислама, но и воспитание, развитие личности.

Архитектура памятника и его основные структурные элементы

Всестороннее наземное обследование памятника, включая инструментальную съемку планов и анализ аэрофотоснимков, показывает, что КЖК Кайнар являет собой уникальный архитектурно-ландшафтный ансамбль (рис. 2). Комплекс имеет подтреугольную в плане форму (общие параметры 300 × 200 м; площадь 60 000 м^2), длинной стороной ориентирован по линии В–З и состоит из двух основных частей, примыка-

*В отдельных источниках даже говорится о совершении хаджа уже в 17-летнем возрасте (относительно второй версии годов жизни Досжана Кашакулы), т.е. в 1832 г., что, вероятно, увязывается с датой на его печати: по хиджре 1248 г. – 1832/33 г. Однако фактические основания времени этого паломничества не совсем ясны (см.: [Хабибуллин]).

Рис. 2. КЖК Кайнар: панорамный вид местности с северо-северо-востока (*снимок с дельтаплана, 2007 г. Р. Сала, Ж.-М. Деом*).

ющих друг к другу: поселения и некрополя (рис. 3, *А*, *Б*). В его состав входят также обустроенный колодец в северо-восточном углу комплекса, источник (*бұлақ*) в 600 м к югу и участки к юго-востоку от поселения, между ним и поймой оврага.

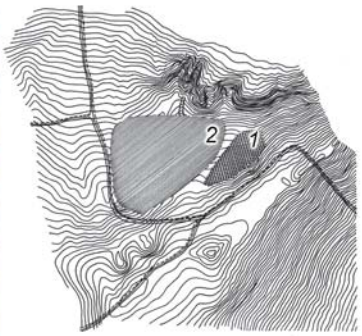
Поселение расположено в низине между некрополем и дорогой, ведущей к колодцу, по очертаниям плана занимает сравнительно узкий клинообразный участок (площадь 160 × 100 м), вытянутый по линии СВ–ЮЗ (рис. 3, *В*), и включает развалины многочисленных (до 30) построек, в основном возведенных из блоков известняка-песчаника. Среди них четко выделяется ядро поселения – медресе: группа одноэтажных, разных по характеру, размерам и форме строений, сгруппированных вокруг двора. Их разнообразие обусловлено тем, что на юге Арало-Каспия ранние образцы медресе (мектебов) размещались в юртах, землянках и пещерах, поэтому при первоначальном развитии новой мусульманской архитектурной традиции на Устюрте подвижник обращался к разным источникам, прежде всего среднеазиатским. Подтверждением тому являются, во-первых, присущие кайнарскому медресе признаки мусульманского общежития, известного в соседней Средней Азии в форме суфийской *ханака* и, во-вторых, меткое определение русского геолога С.Н. Никитина аналогичного комплекса, обустроенного Досжан-ишаном позднее (в Шийлису), – «киргизский монастырь».

Медресе – мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение, которое, по мнению В.В. Бартольда, генетически восходит к буддийскому монастырю – *вихаре* [Бартольд, 1966, с. 112]. Историки архитектуры определяют его как вуз-интернат, архитектурно оформленный в виде дворового пространственного образования с общественными помещениями (вестибюль, дарсхана, мечеть) в угловых частях главного фасада и общежитием студентов, располагающимся вокруг открытого двора [Маньковская, 2014, с. 221]. Подобная замкнутая структура в Казахстане имела место только в более позднем медресе Калжан-ахуна (около г. Кызылорды, начало XX в.) [Свод…, 2007, с. 304–306], в то время как в медресе южных районов дворы открывались с одной или двух сторон и планы имели П- и Г-образный вид [Свод…, 1994, с. 238; Свод…, 2002, с. 91–92].

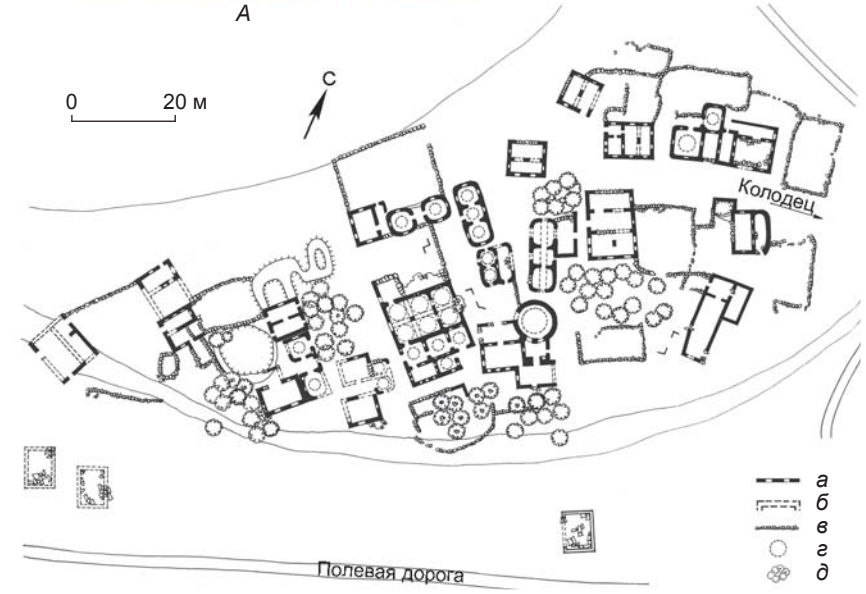
Жесткая регламентация отсутствует и в архитектуре учебного заведения Досжана-ишана. Исходя из условий застройки в сложном рельефе, он возвел медресе по принципу асимметричной, но пространственно уравновешенной композиции. На возвышенности возник двор, свободно окруженный несомкнутыми зданиями, которые лишь фиксировали границы участка: юго-западный угол занимал комплекс мечети, юго-восточный – юртообразное сооружение с пристроенными объемами, северо-восточный и северо-западный – постройки общежития.

Рассмотрим отдельные компоненты медресе Кайнара. Характерными узлами его планировки, как и любого другого медресе, являются общественные залы и их место в общей композиции. Первый узел – комплекс мечети. Это довольно значительное по размерам сооружение сложных очертаний, со стенами из отесанного камня на глиняном растворе, без фундамента; верхняя часть стен и купола – из сырцового кирпича. Ядром композиции являлась ориентированная по линии СВ–ЮЗ мечеть (размеры 13,2 × 9,2 м, высота 4,7 м), в которой узнаваема схема среднеазиатской столпно-купольной (два столба и шесть куполов) квартальной мечети (рис. 3, *В*, в центре; 4, *а*).

А



Б



В

Рис. 3. Планиграфия комплекса Кайнар.

А – ортогональный вид сверху (*снимок с дельтаплана, 2007 г.*); *Б* – ситуационная схема (*на основе инструментальной съемки, 2005 г.*): *1* – поселение, *2* – некрополь; *В* – план поселения (*обмеры 2005, 2007 гг.*).

а – сохранившиеся стеновые конструкции; *б* – предполагаемые стены и арки; *в* – каменные ограждения; *г* – предполагаемые купольные перекрытия; *д* – зеленые насаждения.

Для создания вестибюля в ней массивной перегородкой отделили два отсека с куполами, и в квадрате стен молельного зала остался центральный пилон с перекинутыми через него подпружными арками с пандативами в виде вогнутого треугольника (рис. 4, *б*). Это тщательно оштукатуренное и побеленное помещение освещалось через оконные проемы, на юго-западной стене они фланкировали полуциркульную нишу михраба. Два дверных проема связывали молельный зал с входным помещением, еще два вели в боковые пристройки. Полагаем, что справа от михраба находилось служебное помещение, слева – библиотека и учебные классы.

Второй общественный зал медресе, интерпретируемый нами как аудитория для громкого чтения Корана, занимал юго-восточный угол и представлял собой округлое в плане (внутренний диаметр 10 м) сооружение башенного типа в виде высокого сфероконического купола из красного кирпича, поднятого на массивном цилиндрическом каменном основании с широким проемом парадного входа со двора (рис. 4, *в*).

Третий зал входил в состав помещений постройки, расположенной к северо-востоку от худжр, и, по всей видимости, был предназначен для коллективных ритуальных трапез. Он квадратный в плане, довольно просторный (5,5 × 5,6 м) и нарядный (обилие оконных проемов и декоративных ниш, фигурная кладка на арках и пр.), с массивным пилоном в центре, через который на стены поперек помещения перекинуты две широкие арки. Наличие внутри этого столпа очага с дымоходом позволяет наделять его религиозным смыслом. Аналогии прослеживаются с «алоухана» горного Таджикистана, «домами огня» и каляндархана Хорезма [Снесарев, 1963, с. 197–199]. Кроме того, общеизвестна сакральная связь огня с деревом [Снесарев, 1969, с. 193]. Можно добавить еще уподобление, извлеченное из исламской традиции. В суре «Свет» (Коран, 24, 35) говорится о «дереве благословенном», т.е. исполненном духовных излучений, – символе Света Аллаха [Коран…, 2003, с. 383]. Все это лишний раз подтверждает принадлежность медресе Досжан-ишана отдельной ячейке суфиев.

Худжры, предназначенные для проживания учащихся и преподавателей, окружали двор с северной и восточной стороны, часть их разместилась к западу от мечети. Эти постройки соответствовали разным стадиям и формам перехода от кочевания к оседлости: полуземлянки перемежались с глинобитными и юртообразными строениями, возможно, и с войлочными юртами. Остатки более капитальных жилых домов, нередко с огороженными участками, сохранившиеся в северо-восточной части поселения, думается, принадлежали наставнику и учителям школы.

Вторая часть КЖК Кайнар представлена ансамблем, почти не уступающим поселению по своему композиционному звучанию, – это некрополь, расположенный с его западной стороны. Перед нами

Рис. 4. Архитектура комплекса Кайнар.
а – общий вид мечети с юга; *б* – интерьер молельного зала; *в* – общий вид общественного зала медресе; *г* – некрополь (центральная часть). *Снимки 2005 г.*

крупнейший мемориальный комплекс Устюрта, художественная целокупность которого образована разнотипными и разновременными сооружениями второй половины (либо конца) XVIII – начала XX в., несущими в себе черты стиля своей эпохи (рис. 4, *г*). Здесь насчитывается ок. 1 000 памятников (включая и композитные) над захоронениями представителей казахских родов табын, адай, шекты и др. Крупные, монументальные сооружения перемежаются с малыми формами; почти все они выполнены из местного камня – известняка-песчаника. Многие намогильники превратились в бесформенные развалины, покосились, выветрились, изъедены солью, имеют следы патины. Тем не менее они иллюстрируют всю палитру памятников мемориальной архитектуры мангыстау-устюртского района, генезис их форм.

Около половины памятников репрезентативные, отличающиеся многообразием типов и богатством художественной, камнерезной отделки (более 50 монументальных сооружений и 500 малых форм); остальные – архаичные формы: надмогильные насыпи, наброски, каменные оградки, небольшие грубые стелы, сооружения ящичной конструкции и т.д. Монументальные памятники – усыпальницы глав родовых подразделений и зажиточных степняков – на некрополе Кайнар представлены единичными мавзолеями

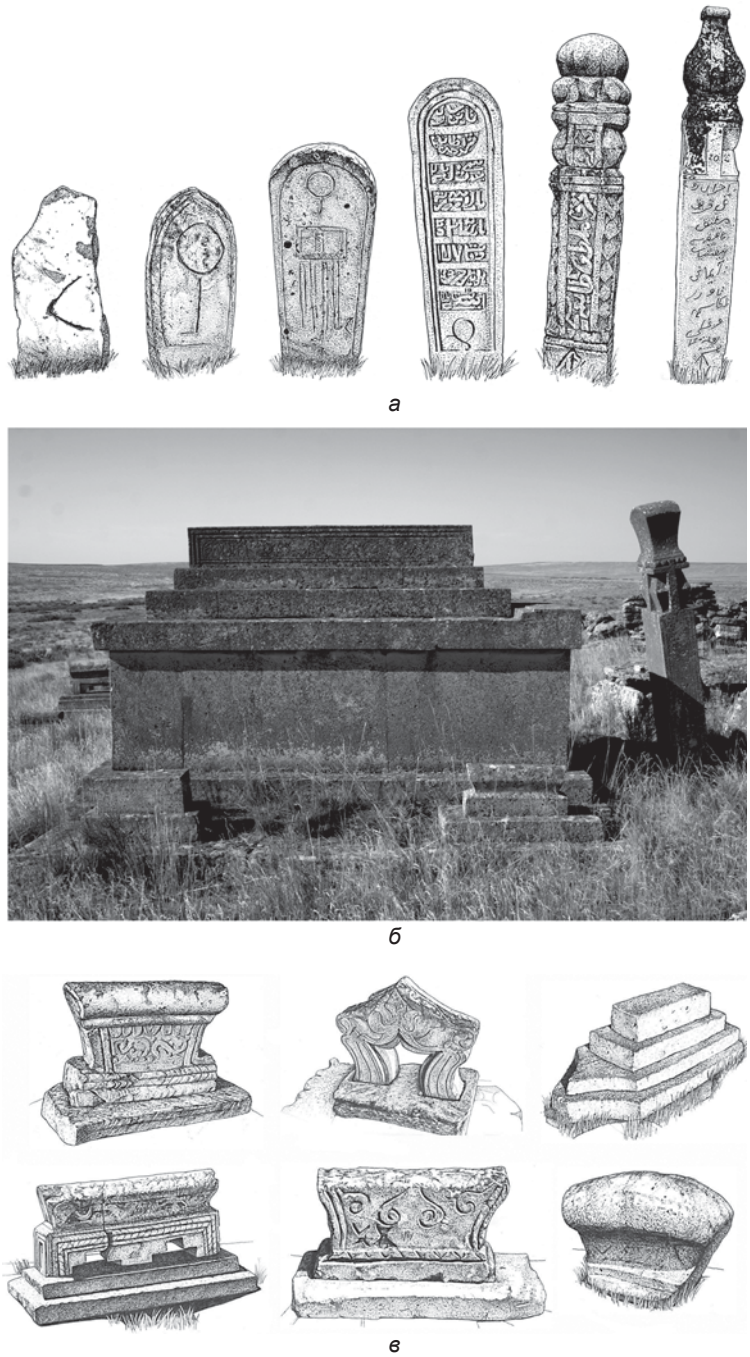


Рис. 5. Малые формы архитектуры.
а – кулпытасы, середина XIX – первая половина XX в.; *б* – сандыктас, конец XIX – начало XX в. (*снимок 2007 г.*); *в* – надгробия (типа «койтас», ступенчатые), середина XIX – начало XX в.

и преимущественно саганатамами – архитектурными оградами. Первых выявлено всего три, причем один из них полуразрушенный и фактически представляет собой гигантскую ограду-«мавзолей». Два других сооружения, сохранившие признаки купольных построек, находятся в северной части некрополя. Один из них расположен на возвышенности, на обособленном участке кладбища (*қауым*). Детальное обследование другого памятника, в низине, – мемориала Кожыма Жанкутулы из подразделения *жалпақтіл* рода шомышты-табын* – показывает, что это типичный вариант центрического плитчатого мавзолея мангыстау-устюрского типа 70-х – 80-х гг. XIX в., состоящего из приземистого остова с трехслойными стенами (с наружной облицовкой) и небольшого простого купола в технике ложного свода.

Саганатамы относятся к последней трети XIX – началу XX в. Среди них доминируют поперечно-осевые (В–З) не очень крупные памятники, рассчитанные на одно захоронение (подробнее см.: [Ажигали, 2002, с. 306]). У многих сооружений этой категории наблюдаются признаки, характерные для профессионального зодчества: индивидуализация облика, тщательная предварительная обработка стенового и декоративного материала (опиленные блоки и плиты), максимально выверенное конструктивное исполнение, дополнительная декоративная обработка (облицовка, резьба, роспись и т.д.). Но вместе с тем в общем облике этих сооружений сохраняются и архаичные черты, присущие именно мемориальной архитектуре донызтауского района: грубоватая фактура каменного материала, крупный декор и др. Значительных фамильных саганатамов на некрополе фактически нет, но изредка встречаются большие семейные ограды типа *қорған*, возведенные не из опиленных, а первично обработанных каменных блоков.

Весьма разнообразны на Кайнаре малые формы мемориальной архитектуры, среди которых преобладают стелы-кулпытасы и надгробия (о типологии памятников подробнее см.: [Там же, с. 319–353]). Первые представлены в основном двумя типами: 1) грубыми уплощенными стелами небольших размеров (не более 0,7 м) с выразительным силуэтом, заостренным либо полукруглым навершием и тамгой по центру лицевой плоскости; 2) художественными кулпытасами – плоскостными и четырехгранными резными столбами средних размеров и выше человеческого роста, нередко с ярусной композици-

*Здесь и далее чтение эпитафий С.Е. Ажигали.

ей (рис. 5, *а*). Последние сохраняют основные особенности камнерезных стел мангыстау-устюртского района в общей композиции (ствол – переходная часть – навершие) и внешней обработке (умеренный орнаментальный плоскорельефный декор, арабографичные эпитафии на западных гранях с тамгами и изредка «рисунки»). Отметим, что кулпытасы Кайнара в целом каноничны и стандартны, особо выдающихся образцов (гигантских памятников, с уникальной резьбой и т.п.) нет, но немало хороших, добротных.

Более оригинальными выглядят различные варианты каменных надгробий: ступенчатые намогильники койтас, уштас, бестас и ящики-саркофаги (сандыктасы). Среди широко распространенных в мангыстау-устюртском районе койтасов, для которых характерно деление на два основных объема – постамент и верхнее «тело», – стилистически выделяются три основные группы: классические, в т.ч. архаичные; на «ножках» и надгробия-уникумы (рис. 5, *в*). Архаичные памятники (например, «туркменоидные» надгробия с дугообразным «телом») могут быть датированы первой половиной – серединой XIX в. Но в целом основная масса койтасов некрополя относится к середине – второй половине XIX в. Несомненно, среди них привлекают внимание некоторые уникальные образцы.

Ступенчатые надгробия уштас («три камня») и бестас («пять камней») на кладбище Кайнар выделяются не только количеством (наибольшее скопление их в североустюртском ареале), но и разнообразием, нередко оригинальностью форм и композиций. Этот стилизованный тип надгробий в форме пирамидки с выделенным верхним брусом достаточно поздний (конец XIX – начало XX в.), причем встречается не только как индивидуальный памятник, но и как единое для двух-трех захоронений надмогильное сооружение на общей платформе. Необходимо отметить функциональную специфику таких памятников: в основном они зафиксированы над детскими погребениями, поскольку конструктивные особенности могил меньшего размера позволяли устанавливать подобные тяжеловесные сооружения. Среди ступенчатых надгробий некрополя нередки оригинальные образцы: с покрытием верхнего параллелепипеда плоскорельефным декором, арабографичной эпитафией, с необычным абрисом плит и т.д.

В меньшей степени на кладбище Кайнар представлена такая самобытная категория малой мемориальной архитектуры казахов, как ящики-саркофаги – сандыктасы («каменный сундук»). Выделяются две группы: небольшое скопление архаичных памятников с тамгой рода адай в южной части некрополя, относящихся, по-видимому, ко второй половине XVIII в. (возможно, к началу XIX в.); и несколько более репрезентативных художественных сандыктасов конца XIX – начала XX в., разбросанных по территории комплекса. Среди последних отмечены незаурядные образцы камнерезной архитектуры. Таков, например, сандыктас 1881/82 г. на южной оконечности кладбища, являющийся основой интересного композитного сооружения с верхним ступенчатым надгробием, стелой-кулпытасом и двумя детскими надгробиями (рис. 5, *б*). Эксклюзивность памятника подчеркнута и в эпитафии, где указан зодчий-камнерез – Жалгали Жанторeулы.

Помимо вышеописанных камнерезных сооружений на некрополе присутствует немало и более простых надмогильных памятников: оплывших насыпей и набросок, оградок из необработанных или первично обработанных каменных блоков и плит и т.п. Все они, как правило, являются составной частью композитных (сложных) сооружений. Это же касается и охарактеризованных выше категорий камнерезных памятников (стелы, надгробия, саркофаги), которые в «чистом» виде встречаются крайне редко. Именно сочетание их вариантов и разновидностей создает (как и на других некрополях региона) особое многообразие памятников уникального мемориального комплекса. Композитные надмогильные сооружения составляют подавляющее большинство объектов некрополя. Особенно популярны «связки» кулпытас–надгробие (типа «койтас», ступенчатое или сандыктас), кулпытас–ограда, кулпытас–саганатам–надгробие и др. Им присущи некоторые общие особенности: развитие продольной оси сооружения, исключая мавзолеи и крупные саганатамы, по линии В–З с установкой на западном конце стелы; стилистическое разнообразие составных элементов.

Несомненно, большой интерес представляет и декоративно-информационное оформление камнерезных памятников, которое в науке получило условное определение «текст» (или «текстура»). Это арабографичная эпиграфика (эпитафии), родовые знаки (тамги), предметно-сюжетные изображения («рисунки»), а также орнаментальный декор. Не вдаваясь подробно в характеристику данной стороны изучаемых надгробий, являющейся предметом отдельных исследований, и отсылая к уже опубликованным трудам (см.: [Ажигали, 2002, с. 448–495]), отметим лишь некоторые моменты. В частности, эпитафии (на казахском языке) на памятниках некрополя, преимущественно на кулпытасах, представляют большой интерес как атрибутирующий, историко-социальный, филологический источник. Примером может служить чтение надписи на одной из стел 1880/81 г., где указано, что похороненный – «Дамла Уразғали Мұсаұлы», т.е. дамулла – высокоученый, главный мулла. С учетом нахождения здесь медресе, служителей которого, очевидно, хоронили на данном кладбище, подобная информация имеет важное историко-культурное значение.

Особый предмет исследований представляют тамги некрополя. Как уже отмечалось, они изучались в прикладном значении (для индикации кочевых путей) географом С.В. Викторовым (см. выше). Экспедицией было проведено целенаправленное исследование родовых знаков комплекса. Среди них превалируют тамги родов шомышты-табын (в различных вариантах), адай, имеется некоторое количество знаков рода шекты и единичные – жаппас и таракты-табын. На определенных больших участках кладбища доминируют те или иные родовые группы.

Относительно «рисунков» и орнаментального декора памятников необходимо отметить, что они не столь репрезентативны, как на комплексах более южного мангыстау-устюртского района и в отдельных некрополях североустюртской зоны, нередко стандартны (растительный декор). На сдержанности этих элементов отразилась как общая сурово-лаконичная стилистика донызтауских надгробий, так и, очевидно, нахождение на Кайнаре исламского религиозного центра и его авторитетных служителей.

Как видим, некрополь, расположенный в непосредственной близости от поселения, являлся органичной частью всего комплекса. Традиционно размещаясь на несколько возвышенном участке и разрастаясь в стороны группами в зависимости от родовой, клановой принадлежности и рельефа, он представлял собой своеобразное поселение умерших: пространство совершенно реальное и вместе с тем абсолютно запредельное (могилы предков, объекты мистического и религиозного поклонения). Кладбище также являлось значимым объектом более обширного культурного пространства, поскольку обслуживало и кочевое скотоводческое население этой части Устюрта. Архитектурная среда некрополя выражала многообразные значения. Могилы предков символизировали родовое единство и связь поколений, удовлетворяли потребность степняков в упорядоченном и непосредственном контакте с сакральным миром. Они являлись одним из способов сгущения и одухотворения пространства поселения, в первую очередь местного исламского учебного заведения.

Обсуждение

Гипотетическая реконструкция КЖК Кайнар, основанная на фундированном полевом исследовании, показывает, что данный тип поселения оптимально соответствовал местным условиям: рельефным, климатическим, гидрологическим. Важнейшей чертой его структуры явилась развитая дифференциация участка (общественно-жилая, просветительская, хозяйственно-бытовая, производственная сферы), повлекшая за собой многослойность. Ядро поселения – медресе – окружали, с одной стороны, жилища, загоны для скота и хозяйственные постройки, с другой – некрополь. Внешний слой охватывал хозяйственно освоенную территорию: водные источники, пастбища, заповедные зоны, посевы и т.д. В зонировании не прослеживается иерархичности и четких границ, они фиксируются естественными преградами. Все это соотносится с пониманием термина «ансамбль» в архитектуре и позволяет сформулировать принципы архитектурно-пространственной организации КЖК Кайнар: структурность, функциональность, экологичность, «открытая форма» и визуальная локализация.

Заключение

Органическая адаптация мусульманской религии кочевниками Западного Казахстана, восприятие ее как новой духовной основы личной и общественной жизни привели к материальному воплощению идей ислама (единобожие, молитва, паломничество; корреляция осей захоронений = памятников с ориентацией на Мекку) в формах жизнеобеспечивающей среды (мечети, медресе) и традиционной художественной культуры (виды памятников, арабская эпиграфика и пр.) с учетом регионального общественного и архитектурно-строительного опыта. Взаимодействие новых форм культового зодчества и мемориальных традиций казахов привело к созданию неповторимого ансамбля, где пространственные взаимосвязи учебного заведения, селитебной зоны и производства, размещение объектов культа, микроклиматические условия при экстремальных внешних воздействиях обеспечили необходимый уровень физиологического и психологического комфорта.

Иными словами, восприятие обширных суровых ландшафтов аридной зоны стало для кочевников частью переживания; чинки Устюрта вошли в систему, организованную искусством, и превратились из равнодушной природы с ее вечной красотой в материальную память о радикальных преобразованиях в жизни казахов, зачатках их образовательных конфессиональных центров, консолидирующем образе выдающегося подвижника Досжана-ишана, подобравшего нужную гамму культурных кодов для реализации намеченной цели.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта ИРН AP08857659 Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Список литературы

Аджигалиев С.И. Памятники Донызтау (Северный Устюрт) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1994. – Вып. 1. – С. 49–64.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Ғылым, 2002. – 654 с.

Арғынбаев Х. Қазақ халқының қолөнері: ғылыми-зерттеу еңбек. – Алматы: Өнер, 1987. – 128 с.

Атлас Оренбургского края: Съемка корпуса военных топографов 1860–70 гг. Масштаб: 10 верст в дюйме [1 см = 4,2 км]. – СПб.: [б.и.],1869. – 80 л.

Бартольд В.В. Ислам // Соч. – М.: Наука, 1966. – Т. VI. – С. 79–139.

Викторов С.В. Индикация старых путей кочевания казахских родов табын и адай и ее значение для современного освоения Устюрта // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. – 1971. – № 5. – С. 444–451.

Дубянский В.А. Материалы экспедиционной поездки 1904 г. // Науч. архив РГО. Р. 112. Оп. 1.

Кердері Әбубакір. Қазағым: Өлең, толғаулар, айтыс, жырлар. – Алматы: Жазушы, 1993. – 288 с.

Коран: перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 7-е изд. – М.: РИПОЛ классик, 2003. – 800 с.

Маньковская Л.Ю. Формообразование и типология зодчества Средней Азии: IX – начало XX века. – Ташкент: Baktria press, 2014. – 496 с.

Никитин С.Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Усть-Урт. – СПб.: [Тип. А. Якобсона], 1893. – 115 с.

Салқынұлы С. Досжан хазірет: ғұмырнамалық баян. – Алматы: Дөйт-Принтхаус, 2006. – 160 с.

Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область. – Алматы: Қазақ энцикл., 1994. – 368 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан: Жамбылская область. – Алматы: НИПИПМК, 2002. – 364 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан: Кызылординская область. – Алматы: Аруна, 2007. – 376 с.

Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 7. – С. 155–205.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.

Хабибуллин А. Что мы знаем о Досжане хазрете? – URL: https://izbasar.kz/ru/2019/09/03 (дата обращения: 15.03.2021).

Материал поступил в редколлегию 26.07.21 г.,
в окончательном варианте – 24.08.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.120-126
УДК 299.4+398

Т.Ю. Сем
Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: semturem@mail.ru

Традиционные верования тунгусо-маньчжурских народов. Часть 2: Зооморфный комплекс

Статья посвящена зооморфному комплексу верований тунгусо-маньчжурских народов, который нашел проявление в мифологии, ритуальной практике, шаманизме, декоративно-прикладном искусстве. Эти верования рассмотрены в системе культуры как взаимосвязанная целостность. Типология зооморфного комплекса показала, что наиболее важными символами культуры тунгусо-маньчжурских народов являются образы змеедракона, оленя, медведя и тигра. Они раскрывают ментальные особенности традиционного мировоззрения и ритуалов, связанные с космогонией, культом предков, промысловым культом, лечебным и инициационным шаманскими комплексами. Семантика зооморфных образов определяется их местом в системе культуры, коммуникативным взаимодействием в различных областях верований, ритуалов и искусства. Сравнительный анализ позволил выявить как этнокультурные особенности, так и универсальные архетипические характеристики этих образов. Прослежена связь с древними верованиями региональных культур. Показано, что формирование зооморфного комплекса верований тунгусо-маньчжурских народов проходило в рамках восточно-азиатских традиций. Отмечено влияние культур древних китайцев, корейцев и чжурчжэней.

Ключевые слова: *зооморфный комплекс, верования, ритуалы, фольклор, шаманизм, тунгусо-маньчжурские народы, символика и семантика образов.*

T.Y. Sem
Russian Museum of Ethnography,
Inzhenernaya 4/1, St. Petersburg, 191186, Russia,
E-mail: semturem@mail.ru

Tungus-Manchu Traditional Beliefs. Part 2: Zoomorphic Complex

This article describes the zoomorphic complex of the Tungus-Manchu beliefs, mirrored by mythology, ritual practices, shamanism, and decorative and applied arts. Those beliefs are regarded as a coherent whole within the cultural system. The typology of the zoomorphic complex shows that the key characters were the serpent dragon, the deer, the bear, and the tiger. In traditional worldview and rituals, they were related to cosmogony, ancestor cult, hunting and fishing rituals, healing and initiation shamanic complexes. The semantics of animal images depended on their place in the cultural system, religious, ritual, and artistic communication. The comparative analysis evidences both ethno-cultural specificity and universal archetypal characteristics, as well as connection with ancient regional beliefs. The Tungus-Manchu zoomorphic complex originated within the East Asian traditions, having been influenced by cultures such as Old Chinese, Korean, and Jurchen.

Keywords: *Zoomorphic complex, beliefs, rituals, folklore, shamanism, Tungus-Manchu peoples, symbolism, semantics of images.*

Введение

Изучение зооморфных образов в системе культуры вызывает неизменный интерес современных авторов. Написано много книг и статей, посвященных этой тематике [Юрченко, 2002; Бестиарий…, 2019; Ермолова, 1993; Давыдов, 2014]. Интерес обусловлен особым статусом животных, который им придает человек. Отмечаются архаичные тотемные верования о родстве человека и животного, начиная с палеолита, роль жи-

© Сем Т.Ю., 2021

вотных в шаманизме, развитие культа животных и связанных с ним культов предков и промыслового, зооморфность образов богов [Токарев, 1964, с. 236–251; Соколова, 1972, с. 43–120]. В последние десятилетия в социологии и этнографии произошел «онтологический поворот», в результате которого было предложено рассматривать все объекты мира как равнозначные (человек, животные, мифологические существа, духи, предметы, священные места и пр.) [Соколовский, 2016, с. 105]. В связи с этим представляется важным и актуальным изучение семантики зооморфных образов у разных народов с целью выявления их типологии и общемировых ценностей.

Целью настоящей работы является исследование типологии зооморфного комплекса верований тунгусо-маньчжурских этносов в фольклоре, ритуалах, шаманизме и искусстве для выявления символики и семантики зооморфных образов в системе культуры, а также этнокультурных влияний в этом комплексе. Концептуальными подходами послужили системный (анализ материала, рассматривающий явление культуры в целостности взаимосвязанных элементов), комплексный (анализ фольклора, верований, ритуальной практики, шаманизма, искусства), герменевтический (исследование образов как текстов культуры) и семантический (выявление символики и значения образов). Использованы сравнительно-исторический, системный, типологический, семантический, иконографический методы.

Материалы

В системе культуры тунгусо-маньчжурских народов наиболее важное значение среди зооморфных образов имели змеедракон, олень, тигр и медведь. Они встречаются как в верованиях и ритуалах, так и в декоративно-прикладном искусстве. В литературе рассматривались образы тигра и медведя у народов Амура, преимущественно удэгейцев [Старцев, 2017, с. 84–120], эвенков и эвенов, как культовые [Василевич, 1971; Попова, 1967]. Остальные аспекты их анализа (в искусстве, шаманизме) не затрагивались, либо их касались кратко. Образ оленя рассматривался в культуре эвенков, но в сравнительном плане в фольклоре, шаманстве всех тунгусо-маньчжурских народов не изучался [Ермолова, 1993; Давыдов, 2014]. В настоящей работе зооморфные образы исследуются в едином комплексе представлений этих народов на материале фольклора, в т.ч. мифологии, а также верований, ритуалов, шаманства, искусства.

Образ змеедракона и его символика. Согласно древней традиции тунгусо-маньчжурских народов, змеедракон ассоциировался с космосом и воплощал хозяина вселенной, творца мира – солнечного змея. Эти представления сохранились у эвенков, нанайцев, нивхов, а также в мифологии айнов. Изображения змея, свернувшегося в спираль либо в виде S-образного знака, были широко распространены на берестяных изделиях нанайцев, удэгейцев и нивхов [Шренк, 1899, ил. 26].

У эвенков Забайкалья и верхнего Амура сохранился космогонический миф о доставании лягушкой земли со дна мирового океана по просьбе змеи. Оба эти существа обитали в воде в начале творения мира [Мазин, 1984, с. 19–20]. У маньчжурских эвенков имеется мифологический сюжет о двух змеях, поддерживающих землю [Shirokogoroff, 1935, p. 125]. В мифологии айнов два первопредка – верховные божества неба, солнца или грома (мужское начало) и огня, родового древа (женское начало) – спустились в образе змей с неба на землю и сотворили рельеф местности [Munro, 1963, p. 17].

В нанайской мифологии богиня-прародительница Мамельди творила землю из девяти змей-речек, скручивая их, как бы сбивая воду [Сем Т.Ю., 2015, с. 321]. Интересно, что на одном из сакральных камней Сакачи-Аляна имеются изображения девяти змей. А.П. Окладников предполагал, что древние памятники служили нанайцам моделью для их мифов и верований [1971, с. 150]. Нанайцы считали воплощением образа космического змеедракона реальную гору Девятку. Согласно мифологии нанайского рода Самаров, живущих в низовьях Амура на его притоке р. Кондон, космический змеедракон Мудур являлся хозяином мира и неба, совместно с хозяйкой земли и горы черепахой Кайласу владел родовыми горами и считался их олицетворением [Кубанова, 1992, с. 3; Переверзева, 2005]. Отметим, что близкую символику имели восточно-азиатские образы (древних китайцев и корейцев) небесного змея и черепахи (воплощение земли-горы) [Джарылгасинова, 1972, с. 141, 147; Юань Кэ, 1965, с. 110–111].

У удэгейцев сохранился фольклорный сюжет с инициационным мотивом о прохождении героя сквозь тело змеи с целью перерождения в новом качестве или нового рождения после мнимой смерти [Фольклор…, 1998, с. 325]. Очевидно, это был шаманский ритуал обретения героем новых качеств, способности общения с миром духов.

В шаманизме забайкальских эвенков-орочонов изображение космического змея в виде шнура из синей ткани, набитого оленьим волосом, с тремя головами на одном конце использовалось во время лечебных ритуалов (РЭМ, кол. 8761-19327). На шаманском бубне орочонов Маньчжурии изображены три змеи желтого, красного и черного цвета – символы трех миров [Жонггуо шаша…, 2016, с. 6]. У удэгейцев, также как у эвенков, с образом змеедракона были связаны представления о земле. Среди шаманских атри-

бутов у них имелся пояс с подвесками в виде сдвоенных змей (РЭМ, кол. 1995-2) [На грани миров…, 2006, с. 237; Фольклор…, 1998, с. 295]. На спинке шаманского халата нанайской большой шаманки Нэнэ Оненко XIX в. был изображен красный круг с лучами и чешуей змеедракона – символ космического солярного змея, внутри круга – две утки, олицетворяющие миф о творении мира, и тигр – главный дух-покровитель шаманов, хозяин душ зверей и людей (РЭМ, кол.11406-1) [На грани миров…, 2006, с. 46–47].

В изобразительном искусстве тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, негидальцев и ульчей) сохранились представления о драконе, который обязательно изображался на свадебных халатах *сикэ*. Считалось, что это послужит оберегом от злых духов, обеспечит женщине благополучие, рождение детей [Сем Ю.А., 1973, с. 221; Титорева, 2016, с. 217]. У удэгейцев и нанайцев этот образ повторялся на берестяных коробках. На утвари часто изображалась пара драконов – вероятно, первопредков, что было связано с древнекитайскими образами антропоморфных полубогов, имевших змееподобные тела и конечности (РЭМ, кол. 1870-66, 1995-14) [Сем Т.Ю., 2020, с. 60–63, 67].

Образ змеедракона в представлениях тунгусо-маньчжурских народов связан с таежными персонажами – медведем и тигром. Детьми верховного божества в образе змеедракона Мудур Кайласу были близнецы Адо-сэвэни – таежный и водный медведи На Дуэнтэни и Муэ Дуэнтэни [Кубанова, 1992, с. 3; Переверзева, 2005]. В шаманском лечебном комплексе нанайцев-самагиров имелась фигура дугообразного змея с головами медведей или тигров (РЭМ, кол. 4795-363). Эти представления отражают древний пласт восточноазиатских верований. Характерно, что образ небесного змея-радуги был известен древним китайцам [Васильев и др., 2015, с. 459].

Интересно, что шаманы орочей и удэгейцев изготавливали ритуальные маски, украшенные рисунком в виде спиралей – символов змей. Удэгейский большой шаман надевал такую маску во время ритуала больших поминок или обряда *уунди* (обновления шаманской силы и привлечения сил плодородия природы). Ее называли *хамбаба* – «хозяин вселенной» [Сем Ю.А., 1993] и посвящали шаманскому предку Тэунки, имевшему также облик тигра (РЭМ, кол. 1870-38) [На грани миров…, 2006, с. 181–182]. Это имя восходит к общетунгусскому шаманскому понятию *тай/тэу/туй*. У эвенков так называется шаманский дар или начинающий шаман, обретший способность видеть духов [Рычков, 1923, с. 115].

Образ оленя с ветвистыми рогами. Он был широко известен в верованиях тунгусо-маньчжурских народов. У эвенков олень с ветвистыми рогами ассоциировался с космосом и сюжетом космической охоты в мифологии. Образ имел солярную символику [Анисимов, 1958, с. 69–71; Мазин, 1984, с. 9; Сем Л.И., Сем Ю.А., 2020, с. 203–207]. Герой эвенкийского мифа, стреляющий в солнечную оленуху, которая уносит на своих рогах солнце [Мазин, 1984, с. 9], вписывается в образ великого стрелка монголотюркской мифологии. Миф о погоне за солнцем восходит, по мнению некоторых исследователей, к восточно-азиатской традиции и связан с идеей умирающего и воскресающего божества [Яншина, 1984, с. 96]. В мифологии народов Восточной Азии мотив о великом стрелке также широко распространен, но в сюжете о множественности солнц [Шаньшина, 2000, с. 43, 47].

Данный сюжет сохранился в орнаменте периферийного тунгусо-маньчжурского этноса уильта Сахалина. На костяной луке седла, надеваемого на священного оленя для перевозки сакральных предметов, из фотоколлекции Ю.А. Сем и Л.И. Сем имеется изображение оленя с ветвистыми рогами, выполненное в криволинейном скифском зверином стиле, рядом с козленком [Сем Т.Ю., 2015, с. 202]. Животные символизировали ход солнца и обновление природы, смену старого солнца (олень) новым (козленок). Этот сюжет согласуется с представлениями эвенов о крылатом олене как старом солнце и птице-стерхе как новом солнце, на которых шаман во время новогоднего ритуала совершает полет на небо к богине солнечного дерева и обратно [Алексеев, 1993, с. 25–34].

У народов Амура образ оленя с ветвистыми рогами сохранился в фольклоре с элементами героического эпоса. В нанайской легенде рассказывается о том, как мерген (меткий стрелок и мудрый человек-шаман) путешествует на небо за своей женой – дочерью солнца. По пути он встречает в первозданном болоте оленя с рогами до небес, кабана, вросшего клыками в землю, рыбу, освобождает их от соединения со стихиями неба и земли, которые расходятся, и таким образом совершается акт творения мира [Сем Л.И., Сем Ю.А., 2020, с. 148–152, 203–208]. Аналогичный сюжет был известен и удэгейцам [Фольклор…, 1998, с. 466–469].

В шаманской легенде маньчжуров говорится о прародителе по имени Букури Йонгсон, что означает «богатырь гора-олень» [Гимм, 1992, с. 107]. В предании о Нишанской шаманке предок женится на богине по имени Бям Буке – лунной оленухе [Книга…, 1992, с. 126]. То есть оба первопредка людей связаны с образами оленей. Интересно, что у нанайцев под родовым деревом душ изображены два оленя, хозяева дерева. В фольклоре забайкальских эвенков образ горы-оленя ассоциируется с первопредком Куладаем [Садко, 1971, с. 9–13]. У енисейских эвенков первопредок, первый шаман Гуривуль, имеет своего двойника – духа-помощника в образе оленя [Василевич, 1936, с. 136–138].

В эвенкийском шаманизме образы лося и оленя широко распространены. Костюм шамана символизировал космос и птицеоленя. Среди амулетов шаманов забайкальских эвенков имеются изображения крылатых оленей и птиц, наряду с фигуркой двойника – предка шамана (РЭМ, кол. 8761-8707/1-3, 8608/1-5) [Сем Т.Ю., 2017, с. 191].

Образ оленя запечатлен на предметах со средневековых памятников чжурчжэней Приморья. Его изображения с повернутой назад головой встречаются на бронзовых и железных поясных пряжках из Лазовского городища, каменном тигле из Ананьевского городища. Этот образ связан с шаманством как символ прохода в иной мир. Изображение оленя с ветвистыми рогами, вытянутой вперед головой имеется на овальной металлической бляшке из Шайгинского городища [Шавкунов, 1990, с. 259, 262, 264]. Образы оленя с ветвистыми рогами и солярного оленя с солнцем на рогах, запечатленные на керамике и петроглифах, восходят к эпохе неолита Маньчжурии [Алкин, 2007, с. 102, 107].

Образы медведя и тигра. Эти образы играли важную роль в мифологии и культовой практике нанайцев и ульчей. В нанайском и ульчском фольклоре медведь имеет статус родового тотемного предка. Были распространены мифы о браке медведицы и охотника или девушки и медведя [Бурыкин, 1996, с. 66–67]. Медвежий культ у тунгусо-маньчжурских народов восходит к эпохе неолита. Уже тогда, вероятно, существовал миф о сожительстве женщины и медведя-предка, имевший тотемические основания. Об этом свидетельствуют фигурки женщин и медведей, найденные археологами в культовых местах на нижнем Амуре [Медведев, 2005].

Медведь в верованиях тунгусо-маньчжурских народов являлся космическим персонажем трех миров вселенной. В нанайской мифологии его образ был связан с одним из трех солнц, одновременно появившихся на небе [Трусов, 1884, с. 448–449]. Также медведь считался хозяином среднего мира, тайги, животных. Во время поминок нанайский род Киле отправлялся в мифический путь в мир мертвых *були* верхом на медведе [Золотарев, 1939, с. 161]. В шаманском лечебном комплексе уссурийских нанайцев медведь Аями был связан со стихией огня. Он считался мужем богини плодородия женщины-лосихи Майдя-мама (РЭМ, кол. 11429-7, 8). Согласно мифологии нанайцев, ульчей и амурских эвенков, хозяйкой земли и подземелья являлась медведица, она была шаманским божеством [Кубанова, 1992, с. 3–19; Варламова, 1994]. Чаще всего в нанайских и ульчских верованиях образ медведя олицетворял хозяина тайги и дерева жизни [Липская, 1932; Сем Т.Ю., 2003, с. 163].

В лечебной магии ульчей и нанайцев представлены два медведя – таежный На Дуэнтэни и речной Муэ Дуэнтэни. Первый изображался горизонтально в обычной позе таежного зверя, а второй – вертикально, сидящим на задних лапах [Кубанова, 1992, с. 4, 13]. В комплексе ульчей, связанном с медвежьим праздником, хозяйкой тайги является медведица *дуэнтэ,* а воду маркируют два медвежонка *муэ дуэнтэни*. В шаманской лечебной практике образы барса *ярга*, тигра *амба* и медведя *дуэнтэ* считались самыми сильными, помогающими от всех болезней [Шимкевич, 1896, с. 40–46; Кубанова, 1992, с. 13]. В шаманстве нанайцев, ульчей, орочей важную роль играли два духа-помощника шамана, имевшие зооморфный облик, – Манги в образе медведя и Бучу в образе птицезмея или кабарги [Сем Т.Ю., 2015, с. 357].

Представления о тигре на верхнем и нижнем Амуре также имеют неолитические истоки. Стилизованный рисунок тигриной морды выбит на священном камне, где изображена личина с растительно-антропоморфной моделью мира [Окладников, 1971, с. 170; Сем Т.Ю., 2003, с. 163]. В фольклоре нанайцев имеется осмысление этого сюжета. Н.А. Липская записала нанайский миф о первопредках Джули и Маси, которые, спасаясь от потопа-дождя, проходят в иной мир через тело камня-тигра, входя в пасть животного и выходя через круп [Липские А.Н. и Н.А., 1936–1937, л. 23–24].

Тигр, как и медведь, связан в представлениях нанайцев с тремя мирами вселенной. В мифе о трех солнцах светила имели облик животных – тигра, медведя и змея. Первопредок Гуранта стреляет в лишние светила, оставляя одно в облике тигра [Трусов, 1884, с. 448–449]. В ульчской мифологии первопредок Кондолику в образе лося становится хозяином леса *дэрки дуса* в облике тигра, а младшая сестра превращается в солнечного тигра *дуса сиула* и уходит на небо [Золотарев, 1939, с. 170].

У нанайцев и ульчей тигр Дусэ считался хозяином гор и леса [Кубанова, 1992, с. 23–30]. На шаманском халате Нэнэ Оненко в круге, символизирующем солнечного змея – хозяина вселенной, нарисован тигр, связанный с горами [Сем Т.Ю., 2003, с. 164–165]. Изображенный на магическом кольце охотника тигр с телом, прорастающим листьями деревьев, ассоциировался с хозяином тайги [Сем Ю.А., 1992]. Кроме того, в нанайском фольклоре тигр выступает в роли предка рода, помощника хозяина подземелья Эждэнхана. Он имеет антропо-зооморфный облик тигра с лицом бородатого старика [Сем Т.Ю., 2015, с. 532].

У амурских эвенков тигр считался покровителем шамана, и изображение шкуры зверя помещали на спину шаманского костюма [Мазин, 1984, с. 174]. Маньчжурские шаманы вели свою родословную от предков в образе тигра и исполняли специальные ритуалы, связанные с ним [Bulgakova, 2018].

Мнения о происхождении культа тигра у народов Амура разделились. А.Ф. Старцев считает, что

он сформировался под влиянием восточно-азиатских традиций [2017, с. 102]. По мнению С.В. Березницкого, культ имеет местное происхождение, поскольку тигр водился в этих местах [2003, с. 215]. Известно, что у членов императорской династии чжурчжэней были печати с золотым изображением тигра, дающие им право на наследственное владение землей и имуществом [Сем Т.Ю., 2013, с. 141].

Результаты и обсуждение

Основные зооморфные персонажи верований тунгусо-маньчжурских народов – змеедракон, олень, медведь и тигр – нашли отражение в мифологии и фольклоре, ритуальной практике, шаманизме, искусстве (ритуальной пластике, орнаменте на одежде и бересте). Представления о них занимают определенное, только им присущее место в системе сакральной культуры этих народов.

Образ змеедракона был широко распространен в шаманизме эвенков, нанайцев, удэгейцев, маньчжуров. В эвенкийской и нанайской традициях он ассоциировался с космосом, солярной символикой, творцом земли. Этот образ представлен в декоративно-прикладном искусстве. Нанайцы и ульчи вышивали изображение змеедракона на спинке свадебных халатов. Оно воспринималось как оберег, доброжелательный знак. Считалось также, что это обеспечит рождение детей. На берестяных сосудах удэгейцев, нанайцев, уильта змеедракон часто изображался в виде спирали или S-образного знака. Образ змеедракона в верованиях тунгусо-маньчжурских народов Амура был связан с образами медведя и тигра. Это нашло отражение в шаманских масках удэгейцев, лечебной скульптуре нанайцев и негидальцев, представлении о сакральном ландшафте нанайцев рода Самар. Образ змеедракона широко распространен в восточно-азиатской традиции. Он запечатлен в скульптуре и малой пластике чжурчжэней. В мифологии древних китайцев и корейцев змеедракон связан с культом первопредков. Он ассоциировался с небом и водой, являлся символом доброго начала.

Образ оленя с ветвистыми рогами у эвенков и уильта ассоциировался с космосом, солярной символикой, землей и подземельем, его рога считались лестницей на небо. В мифологии и фольклоре маньчжуров первопредки имели облик человека и оленя, маралухи. Эти же представления сохранились у нанайцев и ульчей в изобразительном искусстве (олени под родовым деревом). В эвенкийском мифе о космической охоте олень связан со сменой дня и ночи, приходом нового года. В фольклоре нанайцев и удэгейцев мифический образ космического оленя с ветвистыми рогами до небес вошел в эпическое сказание и волшебные сказки. У эвенков широко распространены амулеты в виде оленя/лося. У уильта на луке седла сакрального оленя есть изображение космического оленя в скифском зверином стиле рядом с козленком, которые символизировали старое и молодое солнце. Эти образы сопоставимы с персонажами шаманского полета на небо во время новогоднего ритуала эвенов. Следует отметить аналогии изображения оленя в чжурчжэньской металлической пластике.

Образы медведя и тигра занимают важное место в системе верований и культов тунгусо-маньчжурских народов, нередко переплетаясь. Они маркируют три мира вселенной: медведь – солнце, тайгу и воду, огонь и подземелье; тигр – солнце и небо, тайгу-гору, огонь и подземелье. Медведь являлся тотемическим предком рода, племени. Известны мифы о его браке с девой. Аналогичные представления были о тигре как предке. Образ медведя занимал особое место в лечебной магии, ритуальной скульптуре. Медведь и тигр считались сильными шаманскими духами-покровителями у всех тунгусо-маньчжурских народов.

Рассмотренные зооморфные образы известны на нижнем Амуре (медведь, тигр, олень, змеедракон) и в Маньчжурии (змеедракон, олень, тигр) с древности. Частично они формировались в рамках восточно-азиатского ареала, о чем свидетельствуют материалы по чжурчжэням (образ оленя, тигра, змеедракона), древним китайцам и древним корейцам (образ змеедракона, тигра).

Выводы

Результаты исследования основных персонажей зооморфного комплекса верований в системе культуры тунгусо-маньчжурских народов характеризуют их как космогонические образы, имеющие высокий семиотический статус. Восприятие каждого из этих персонажей как универсальных символов культуры отражает их особенности в мифологии, шаманстве, искусстве, верованиях и ритуалах. Если образы змеедракона и оленя в большей степени космогоничны, то образы медведя и тигра сохранили связь с промысловым культом и культом предков, средним миром, хотя и они ассоциировались с тремя мирами вселенной, особенно в шаманизме. На формирование этих зооморфных образов в системе культуры тунгусо-маньчжурских народов оказали влияние традиции древних китайцев и корейцев, чжурчжэней.

Рассмотренный зооморфный комплекс раскрывает специфику религиозных представлений о мире. Несмотря на общность верований тунгусо-маньчжурских народов, у каждого из них оформились этнокультурные особенности. Так, у маньчжуров преобладали культы тигра и змеедракона, образ оленя в фольклоре

был связан с культом предков; у народов Амура (нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, уильта, орочей) наиболее почитаемыми являлись медведь и тигр, образ оленя представлен в фольклоре нанайцев и ульчей, искусстве уильта, образ змеедракона сохранился у нанайцев и нивхов; у эвенков и эвенов наибольшее значение имели культы оленя и медведя, образы тигра и змея нашли отражение в фольклоре, шаманизме и искусстве. Наряду с этим в верованиях, связанных с зооморфным комплексом, отмечаются универсальные архетипические символы (космический олень с ветвистыми рогами, солярный змей, медведь и тигр), восходящие к эпохе неолита, встречающиеся на петроглифах и в ритуальной скульптуре на нижнем Амуре и в Маньчжурии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального центра научных исследований Франции в рамках проекта № 21-59-15002.

Список литературы

Алексеев А.А. Забытый мир предков: (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). – Якутск: Ситим, 1993. – 94 с.

Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 167 с.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 486 с.

Бестиарий V: Рядом с людьми / отв. ред. М.А. Родионов, О.М. Меренкова. – СПб.: МАЭ РАН, 2019. – 187 с.

Бурыкин А.А. Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура / отв. ред. Е.А. Окладникова. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – Вып. 4. – С. 60–89.

Варламова (Кэптуке) Г.И. Новые фольклорные материалы по эвенкийскому шаманизму // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 4. – С. 48–53.

Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 290 с.

Василевич Г.М. Культ медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 150–169. – (Сб. МАЭ; т. XXVII).

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободина С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: Опыт комплексного исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 680 с.

Гимм М. Маньчжурская мифология // Мифы народов мира: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 107–109.

Давыдов В.Н. Исследование отношений человека и оленя в Южной Якутии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – Вып. 14. – С. 95–117.

Джарылгасинова Р.Ш. Древние когуресцы: (К этнической истории корейцев). – М.: Наука, 1972. – 202 с.

Ермолова Н.В. Олень в традиционных представлениях эвенков // Традиционные верования в современной культуре этносов. – СПб.: Рос. этногр. музей, 1993. – С. 152–166.

Жонггуо шаша минзу венву тудян: Жонггуо минус бовугуан донгбейя хунлу минзу венхуанюан (Иллюстрированный словарь памятников материальной культуры китайских малых народов: Музей национальностей оленеводов Северо-Восточной Азии). – Шэньянь: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2016. – 221 с. (на кит.яз.).

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 206 с.

Книга о шаманке Нисань / факс. рукописи, изд. текста, транслитерация, пер. на рус. яз., предисл., примеч. К.С. Яхонтова. – СПб.: Петербург. Востоковедение; Водолей, 1992. – 147 с.

Кубанова Т.А. Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания Музея советского изобразительного искусства): каталог. – Комсомольск-на-Амуре: [б. и.], 1992. – 178 с.

Липская А.Н. О загробном мире. 1932. 34 л. // Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 6.

Липские А.Н. и Н.А. Материалы экспедиции: Полевые записи по теме Большие Поминки, 1936–1937. 155 л. // Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX века). – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–67.

На грани миров: Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея. СПб.). – М.: Художник и книга, 2006. – 296 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Переверзева О.В. Мифопоэтическое пространство нанайцев долины реки Девятки в XIX–XX веках // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 97–111.

Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркаак) среди эвенов Магаданской области // Тр. Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. – 1967. – Вып. 17. – С. 174–181.

Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. – 1923. – Т. XXV, кн. 3/4. – С. 107–149.

Садко С.А. Эвенкийские сказки. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 134 с.

Сем Л.И., Сем Ю.А. Мифы, сказки, легенды нанайцев. – СПб.: Рос. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 2020. – 667 с.

Сем Т.Ю. Модель мира // История и культура нанайцев: ист.-этногр. очерки. – СПб.: Наука, 2003. – С. 162–167.

Сем Т.Ю. Отражение присваивающей и производящей экономики в культах и обрядах народов Приамурья и Приморья XI–XIV вв. // Россия и АТР. – 2013. – № 2. – С. 140–148.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): ист.-этногр. очерки. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. – 640 с.

Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков по материалам Российского этнографического музея. – 2-е изд. – СПб.: Гуманитарная академия, 2017. – 302 с.

Сем Т.Ю. Коммуникация с природой в удэгейском орнаменте на берестяных коробках из коллекции Российского этнографического музея: символика образов // Homo Eurasicus в системах социальных и культурных коммуникаций: коллективная монография по материалам X Международной научной конференции 24 октября 2019 г. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2020. – С. 56–70.

Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура. Вторая половина XIX – середина XX в. – Владивосток: Дальневост. фил. СО АН СССР, 1973. – 314 с.

Сем Ю.А. Пэрхи // Северные просторы. – 1992. – № 2/3. – С. 35–36.

Сем Ю.А. Голос хозяина Вселенной // Северные просторы. – 1993. – № 5/6. – С. 17–18.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 214 с.

Соколовский С.В. Материальная семиотика и этнография материальной культуры // Этногр. обозрение. – 2016. – № 5. – С. 103–115.

Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. – Владивосток: Дальнаука, 2017. – 231 с.

Титорева Г.Т. Орнаментика свадебного костюма нанайцев // Орнаментика в артефактах традиционных культур: мат-лы XV Междунар. С.-Петербург. этногр. чтений. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та пром. технологий и дизайна, 2016. – С. 217–220.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М.: Наука, 1964. – 399 с.

Трусов Д. Отчет о состоянии камчатской миссии за 1883 г. // Иркут. епарх. ведомости. – 1884. – № 40. – С. 438–468.

Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. – Новосибирск: Наука, 1998. – 560 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 18).

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 156 с.

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. – Хабаровск: [Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернаторства], 1896. – 133 с. – (Зап. Приамур. отд. ИРГО; т. 2, вып. 1).

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1899. – Т. 2. – 314 с.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. – М.: Наука, 1965. – 496 с.

Юрченко А.Г. Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира. – СПб.: Азбука-классика; Петербург. Востоковедение, 2002. – 400 с.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Bulgakova T. Tiger rituals and beliefs in shamanic Tungus-Manchu cultures // Human-Environment Relationships in Siberia and Northeast China: Skills, Rituals, Mobility and Politics among the Tungus Peoples / eds. A. Lavrillier, A. Dumont, D. Brandišauskas. – P.: Centre d′ Études Mongoles et Sibériennes, 2018. – P. 1–22. – (Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines; vol. 49).

Munro N.G. Ainu creed and cult. – N. Y.: Columbia University press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1963. – 171 p.

Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. – Peking: Catholic University Press, 1935. – 469 p.

Материал поступил в редколлегию 09.10.20 г.,
в окончательном варианте – 09.03.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.127-139
УДК 39+314

В.В. Николаев, И.В. Октябрьская
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru; siem405@yandex.ru

Урбанизация коренных народов Сибири и Дальнего Востока (XX – начало XXI века)

В статье обобщены результаты исследований по истории формирования городского населения среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Новизну исследования определяют комплексная характеристика процессов урбанизации, выделение ее этапов, темпов, причин и основных факторов. Исследование опирается на авторские полевые материалы, опубликованные данные социологических обследований и результаты Всесоюзных и Всероссийских переписей населения. Выделены три этапа урбанизации коренных народов макрорегиона. Рассмотрены факторы, механизмы и этапы процесса. Сделаны выводы о том, что для коренного населения Сибири и Дальнего Востока характерны: поздняя и интенсивная миграция в город в короткий исторический период, сопряженная с масштабной индустриализацией и в целом с переходом от традиционного к современному обществу; незавершенность урбанизации, связанная как с неразвитостью городской инфраструктуры, так и с сохранением сельского образа жизни части горожан. Особенностями формирования городского населения у коренных народов макрорегиона являются: асинхронность урбанизации, короткий период интенсивной урбанизации в 1960–1970-е гг., охватившей не все сообщества; ориентированность миграций аборигенов на ближайшие города и поселки городского типа; незавершенность урбанизации не только по качественным, но и количественным характеристикам; проблемность интеграции этнофоров в городское пространство. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. совершили урбанизационный переход только пять коренных народов Сибири и Дальнего Востока: кереки, манси, нивхи, уйльта и шорцы. В настоящее время большинство коренных народов относятся к среднеурбанизированным сообществам. Самый низкий уровень урбанизации зафиксирован у сойотов, сибирских татар, теленгитов, тофаларов, тубаларов, челканцев, чулымцев и тувинцев-тоджинцев. Сделан вывод о том, что урбанизация в истории коренных народов – это сложный и противоречивый процесс; в современной Сибири он во многом определяет характер этнокультурных и этносоциальных трансформаций региональных полиэтничных сообществ.

Ключевые слова: *коренные народы, Сибирь, Дальний Восток, урбанизация, миграция.*

V.V. Nikolaev and I.V. Oktyabrskaya
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru; siem405@yandex.ru

Urbanization of Indigenous Peoples of Siberia and the Far East (20th to Early 21st Centuries)

This article integrates studies relating to the history of urban communities of Siberian and Far Eastern indigenous peoples. A multidisciplinary approach to urbanization processes is used; their stages, rates, causes, and principal characteristics are analyzed. The database consists of our own field findings, published results of sociological studies, and those of All-Union and All-Russian population censuses. Three stages of urbanization affecting indigenous Siberians are described, and their factors and mechanisms are evaluated. The process is characterized by intense migration of indigenous peoples to the towns and cities during the recent period, accompanied by large-scale industrial development, and the transition of aboriginal societies from the traditional to the modern lifestyle. The urbanization, however, has not been completed, because of the underdeveloped urban infrastructure and the fact that many indigenous peoples to the cities had retained their rural traditions. The scale, peculiarities, and results of the process are

© Николаев В.В., Октябрьская И.В., 2021

outlined. The salient characteristic of the urbanization of indigenous peoples in the macroregion is that it was asynchronous, and that its short intense phase, whereby the indigenous peoples mostly moved to nearby towns and urbanized villages in the 1960s–1970s, did not extend to all indigenous communities. Urbanization was incomplete in terms of both quality and quantity, and the integration of indigenous peoples into the urban space has engendered serious problems. According to the All-Russian population census of 2010, only five indigenous peoples of Siberia and the Far East had completed the urbanization process: Kereks, Mansi, Nivkhs, Uilta and Shors. Currently, most indigenous peoples are medium-urbanized. The lowest level of urbanization is among the Soyots, Siberian Tatars, Telengits, Tofalars, Tubalars, Chelkans, Chulyms, and Tozhu Tuvans. We conclude that urbanization among the indigenous peoples is a long, difficult, and contradictory process, which, in modern Siberia, triggers many ethno-cultural and ethno-social transformations of regional multiethnic communities.

Keywords: *Indigenous peoples, Siberia, Far East, urbanization, migration.*

Введение

В современной России известны 43 коренных народа Сибири и Дальнего Востока общей численностью 1,6 млн чел. (1,1 % народонаселения страны), из них 37 законодательно отнесены к коренным малочисленным народам, численность которых не превышает 50 тыс. чел. Значительная часть народов Сибири проживает в регионах с очень высоким уровнем (по определению и расчетам экономистов) урбанизации: в Кемеровской, Иркутской, Магаданской, Тюменской обл., Приморском, Хабаровском, Камчатском краях, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском а.о. [Ефимова, 2014, с. 5]. Уровень урбанизации коренных жителей Сибири колеблется от 0,2 до 100 %. Проблема соотношения традиционного и городского образа жизни, как и оценки роли городов в формировании стратегий развития коренных народов макрорегиона, относится к числу приоритетных в современной регионалистике и этнологии.

В административном пространстве и академическом дискурсе России городами считаются поселения с народонаселением от нескольких миллионов до нескольких тысяч человек, являющиеся центрами торговли, промышленности и/или администрирования [Город и деревня…, 2001, с. 79–81]. Их системная оценка составляет предмет исследований широкого круга гуманитарных и общественных дисциплин. Традиционно урбанизация (лат. urbanus – городской) рассматривается как исторический процесс повышения роли городов в обществе, который предполагает изменения в развитии и размещении производительных сил и социальной инфраструктуры, в организации расселения, образе жизни и культуре, духовных ценностях населения. В узком смысле урбанизация трактуется как рост городов (особенно крупных) и повышение доли горожан в структуре народонаселения региона [Староверов, 2010, с. 538].

В рамках междисциплинарных практик проблемы города и городского населения начали изучаться на рубеже XIX–XX вв. На протяжении XX в. разрабатывались подходы исторической урбанистики, новой экономической географии, методы индексации урбанизации, а также формировались теории стадийной и дифференциальной урбанизации и т.д. [Ефимова, 2014; Исупов, 2018; Колбина, Найден, 2013; Стась, 2020; и др.].

В сферу этнографических исследований проблемы изучения городов были включены во второй половине 1960-х гг. Советские этнологи осваивали теоретические и прикладные аспекты урбанистики. Методология исследований городских сообществ соотносилась с концептами этносоциальных процессов, которые в этот период утверждались в советской науке при участии Ю.В. Бромлея, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, Г.В. Старовойтовой и др. [Будина, Шмелева, 1977, с. 26; Современные этнические процессы…, 1977; Стась, 2017].

К концу XX в. в России сложилась субдисциплина этнографии/антропологии города, в рамках которой выделилось несколько направлений: историко-этнографические исследования, изучение миграционных и этнодемографических процессов, выявление тенденций социокультурного развития, анализ городских сообществ с точки зрения их групповой идентичности [Пивнева, 2017; Стась, 2020; Урбанизация…, 2001].

Тема урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в отечественной этнографии активно разрабатывалась на рубеже XX–XXI вв., хотя интерес к ней возник еще в начале XX в. в связи с процессами модернизации российских, в т.ч. сибирских, регионов. Уже тогда И.В. Турчаниновым, Г.И. Потаниным, А.И. Петровым и др. в ходе анализа истории и специфики сибирских городов в структуре их населения учитывались коренные народы (см., напр.: [Бахрушин и др., 1929, с. 717–724]).

В число приоритетов российской науки проблемы социальных трансформаций (включая процессы урбанизации) в среде коренных народов Сибири вошли в 1950-е гг. в связи с промышленным освоением ресурсов макрорегиона. В 1955 г. в Институте этнографии АН СССР был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. К 1960 г. для Совета национальностей Верховного Совета СССР, Комиссии по проблемам Севера, Совета по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР и др. структур его сотрудники подготовили

ок. 30 записок по вопросам, касающимся малых народов Севера [Долгих, 2005, с. 160].

В 1963 г. в ходе формирования Сибирского отделения АН СССР при Объединенном ученом совете создается секция по проблемам развития национальных отношений, а в 1968 г. – сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В АН СССР была разработана комплексная программа, нацеленная на оценку социального и экономического развития народностей Севера [Программа координации…, 1987]. Ее содержание определили «разработка концепции развития народностей Севера в условиях НТП на перспективу до 2010 г., определение стратегии и тактики управления процессами интернационализации, формирование предложений для практики планирования и регулирования социальных процессов» [Нивхи Сахалина…, 1988, с. 17]. В рамках реализации этого проекта в 1968–1987 гг. проводилось масштабное обследование коренного населения Амура, Якутии, Читинской, Сахалинской, Камчатской обл. и зоны БАМа [Культура народностей Севера..., 1986; Бойко, 1988; и др.]. По итогам работ были сделаны выводы о противоречивом характере урбанизации в среде коренных народов: рост значения городов в их жизни сопровождался обострением социально-экономических и этнокультурных проблем [Культура народностей Севера, 1986; Бойко, Попков, 1987; и др.].

С целью комплексного изучения данной проблематики были созданы в 1985 г. Институт проблем освоения Севера СО РАН, в 1991 г. – Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН и др. структуры.

В 2000-е гг. возрастающая роль Арктики и Субарктики в формировании стратегий социально-экономического развития России предопределила новый виток интереса к изучению коренного населения северных территорий. В этом контексте проблема урбанизации вновь оказалась в центре внимания. Она была акцентирована в проектах Института антропологии и этнологии РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и др. Методология исследований выстраивалась с учетом не только российского, но и мирового опыта. В ходе их реализации была подготовлена серия публикаций, в которых определялся характер урбанизации коренных жителей Сибири [Перспективы и риски…, 2014; «Ресурсное проклятие»…, 2019; Российская Арктика…, 2016; и др.].

В новейших работах отечественных этнографов урбанизация Сибири и Дальнего Востока рассматривалась в широком историческом и социальном контексте. Однако комплексные сравнительные исследования, направленные на выявление сущности урбанизационных процессов различных народов Сибири и Дальнего Востока, не проводились.

Цель исследования – определить факторы, этапы, темпы урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в XX – начале XXI в., а также причины и последствия их миграции в город. Основу исследования составляют полевые материалы В.В. Николаева и И.В. Октябрьской, нормативные документы, опубликованные результаты социологических опросов, а также данные Всероссийских (1897, 2002, 2010 гг.) и Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) переписей населения и другие источники, в частности, публикации, в которых приведены статистические сведения об урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока [Богоявленский, 2012; Нагнибеда, 1917; Степанов, 2008].

Факторы, механизмы и этапы урбанизации

Исторические исследования, опирающиеся на широкий круг источников, позволяют говорить о специфике процессов урбанизации в Сибири. Появление на данной территории в XVII–XVIII вв. городов положило начало первому этапу урбанизации. Их историю в самых общих чертах определяла постепенная трансформация военных поселений в административные и торгово-промышленные центры с большой долей сельского (крестьянского) населения [Города Сибири…, 1978].

Согласно переписи 1897 г., в городах Сибири проживало 327 860 чел. – 9,2 % от всего населения; самыми крупными были города Томск (52 210 чел.) и Иркутск (51 473 чел.); в структуре народонаселения большинства городов русские составляли 87,9 %; коренные народы были представлены в Улале (17 % алтайцев), Усть-Абаканске (6,3 % хакасов) и т.д. [Бахрушин и др., 1929, с. 705–706, 717].

Оценка социально-исторического контекста сквозь призму законов урбанистики дает возможность выделить факторы, определявшие в этот период перспективы формирования категории «горожан» из числа коренных народов. Среди них – локализация поселений в зонах их компактного расселения, возможность адаптации традиционной культуры к формирующейся городской среде, система и интенсивность контактов, в ходе которых будущие города генерировали экономические выгоды. Городская инфраструктура превращалась в средство поддержки экономического роста, достижения социальной мобильности и благосостояния народонаселения Сибири. Городские поселения универсально формировали пространство социокультурных инноваций.

Предпосылками урбанизации коренных народов Сибири являлись процессы социальной трансформа-

ции – на протяжении XVIII–XIX вв. формировались этнические страты, адаптированные к условиям существования в имперском пространстве. Практики администрирования Российского государства и прозелитизм Русской православной церкви создавали предпосылки и ресурсы социальной мобильности аборигенного населения. В конце XIX в. в Сибири действовали Алтайская, Киргизская, Иркутская, Забайкальская, Камчатская, Обдорская, Сургутская, Енисейская, Якутская миссии, которые были призваны проповедовать православную веру на аборигенных языках. В 1860–1870-е гг. миссии были объединены в «Православное миссионерское общество»; на его средства в 1909 г. в России работали более 800 школ (с преподаванием на русском и аборигенных языках) и обучались 19 тыс. детей [Нечаев, 2014, с. 141; Николаев, 2009]. И хотя принятие христианства не было повсеместным, оно оказывало определенное влияние на этнокультурные и этносоциальные процессы у коренного населения. Однако рост числа горожан среди коренных жителей Сибири до начала XX в. оставался незначительным, т.к. практики управления сибирскими территориями, формировавшиеся с конца XVI в., предполагали прежде всего устойчивость аборигенных сообществ в их традиционных способах существования. Они включали систему налогообложения (обложение ясаком), принципы этноконфессионального районирования, минимальное вмешательство во внутренние дела, поддержку внутреннего самоуправления, обеспечение защиты от внешних врагов. Российское государство, будучи заинтересованным в доходах от ясака, расширяло подвластные земли, стремилось сохранять численность автохтонов, статус и территории традиционного природопользования податного коренного населения [Скобелев, 1999].

Патернализм, закрепленный Уставом об управлении инородцев 1822 г., до начала XX в. определял преимущественно консервативные тренды национальной политики на местах. В процессы модернизации были вовлечены только отдельные аборигенные сообщества, причастные в силу исторических обстоятельств к развитию административной, транспортной и торговой инфраструктуры Сибири. К началу XX в. сформировалась значительная городская прослойка среди сибирских татар, бурят, якутов [История Бурятии, 2011, с. 199–204; Корусенко, Томилов, 2011, с. 178–183; Паликова, 2010, с. 28–40; Петров, 1990; и др.].

Особенно показателен пример Якутии: ее города как административные и торгово-транспортные центры развивались медленно; изначально по внешнему виду, устройству и социальному составу они мало отличались от сельских населенных пунктов. В 1897 г. в Якутии насчитывалось пять городов; население Якутска составляло 6 535 чел. В 1926 г. в этом городе проживали 10 558 чел., в т.ч. 3 260 якутов, в Олекминске – 2 285 чел., в т.ч. 231 якут, в Вилюйске – 1 334 чел., в т.ч. 921 якут. В общей сложности численность горожан Якутии в 1926 г. составляла 15 698 чел. – 5,7 % от общей численности населения, среди них якуты – 32,1 % [Бахрушин и др., 1929, с. 723].

С установлением советской власти в Сибири решением проблем коренных народов занимался Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, который действовал в 1924–1935 гг. и был ориентирован на «содействие планомерному устроению малых народностей Севера» [Декрет ВЦИК…]. В организационно-административной работе он опирался на Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР от 1926 г. Введенные в нем нормы формировали советскую модель патернализма; они подспудно создавали предпосылки урбанизации, в т.ч. практики этнополитического и этнотерриториального районирования, «коренизацию» управленческого аппарата, адаптацию к условиям Севера культурно-просветительских и образовательных структур [Доброва-Ядринцева и др., 1931, с. 865–872].

Рост числа горожан из среды коренных народов в этот период определялся изменением статуса поселений в ходе образования национальных административных структур: Бурят-Монгольской а.о. в 1921 г., Якутской АССР в 1922 г., Ойратской а.о. в 1922 г., Горно-Шорского национального района в 1926 г., Хакасской а.о. в 1930 г., Остяко-Вогульского национального округа в 1930 г. и т.д. В городах – столицах этих автономий, статус которых со временем менялся, увеличивался слой жителей из числа коренных народов – бурят, якутов, алтайцев, хакасов, шорцев и др.

Часть исторических городов становилась индустриальными центрами. Политика модернизации советского государства приводила к появлению в сибирских и дальневосточных регионах промышленных городов и поселков городского типа (пгт), притягивавших коренное население новыми условиями труда и быта. В города люди бежали, спасаясь от голода, раскулачивания и репрессий [Бойко, Попков, 1987, с. 95].

Характерным для этого периода стало развитие ситуации в Кузнецком крае. Он активно осваивался с XVII в.; тогда в границах расселения телеутов и шорцев появились новые, в т.ч. городские, поселения, например, основанный как острог в 1618 г. Кузнецк Сибирский (с 1931 г. – г. Новокузнецк).

В начале XX в. в Кузнецком у. (с 1948 г. Кемеровская обл.) было четыре города. К концу 1930-х гг. в регионе насчитывалось 12 городов. Количество поселений в статусе городов и пгт ускоренными темпами увеличивалось и далее. При этом коренные обитатели оставались преимущественно сельскими

жителями, хотя часть их поселений располагалась на окраинах новых городов. Согласно данным переписи 1926 г., среди 1 898 телеутов только 7 чел. были горожанами, из 12 601 шорца – 83. С 1939 по 2002 г. телеуты учитывались в составе алтайцев. Согласно переписи 1970 г., более 50 % шорцев проживали в городах (см. *таблицу*).

Анализ источников позволяет считать началом второго этапа урбанизации 1950–1960-е гг. Этот этап был связан с масштабными социально-экономическими преобразованиями на востоке СССР – разработкой месторождений природных ископаемых и энергоресурсов, индустриальным развитием территорий, реорганизацией на промышленной основе сельского хозяйства; происходили ликвидация «неперспективных» сел и укрупнение административных центров [Слезкин, 2008, с. 383–385].

В 1957 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», в котором отмечалось, что в результате социалистических преобразований народы Севера «в основном перешли на оседлость, обеспечили подъем хозяйства, вырастили значительную группу своей интеллигенции, располагают сетью школ, лечебно-профилактических и культурно-просветительных учреждений и в ряде мест построили благоустроенные поселки, имеют большие возможности для дальнейшего развития своей экономики и культуры» [Постановление…, 1957]. На этой основе должны были развиваться культура и экономика Сибири.

На деле санкционированная властью модернизация Севера 1950–1970-х гг. предусматривала изъятие в пользу сырьевых предприятий территорий традиционного природопользования и нивелировку многих сфер традиционной культуры жизнеобеспечения; распространенной была практика «административного градообразования», когда статус пгт присваивался крупным сельским административным центрам; необратимый характер приобрел переход на оседлый образ жизни (инициированный еще в XIX в.) [Кривоногов, 2017; Попов, 2005, с. 217; и др.]. Политика укрупнения поселений сопровождалась организацией интернатов. Обучение в них сформировало поколения, отчужденные от этнических традиций и родного языка [Лярская, 2003, с. 16]. Это определило контекст социальной мобильности коренных жителей северных территорий и способствовало их миграции в города.

В 1950–1970-е гг. миграции по схеме «село–город» стали характерны для большинства коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Благодаря развитию транспортной инфраструктуры города становились ближе. Они предлагали качественно иной уровень жизни, удовлетворение растущих потребностей сельских жителей [Бойко, 1977, с. 182]. Рабочая и учебная миграция постепенно становилась ведущим фактором урбанизации народов Сибири и Дальнего Востока. На Дальнем Востоке, например, в ходе индустриализации с 1940 по 1950 г. появились 24 новых города, в т.ч. 15 на о-ве Сахалин, с 1960 по 1990 г. – 10 городов [Власов, 2013, с. 104–105].

Как происходило перераспределение коренного населения в регионе, описал В.И. Бойко на примере г. Амурска Хабаровского края, который был основан в 1958 г. в связи со строительством Амурского целлюлозно-картонного комбината; в 1962 г. в статусе рабочего поселка он стал районным центром, в 1973 г. обрел статус города. Город был построен в кратчайшие сроки на месте нанайского с. Падали-Восточное. «Перед нанайцами этого села в то время был выбор: остаться на строительстве нового города или переселиться в другое место. Значительная часть переселилась в новое благоустроенное село Омми... Но уже в первые пять лет каждая шестая семья и практически вся молодежь переселились в Амурск» [Бойко, 1977, с. 206–207].

По результатам организованных в 1968–1987 гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР масштабных социологических обследований народов нижнего Приамурья, Якутии, северных районов БАМа, Читинской, Сахалинской, Камчатской обл., а также других изысканий, проводившихся в 1990-х гг. под руководством В.И. Бойко, были сделаны следующие выводы: тактика государственного управления социально-экономическим развитием коренных народов в советский период базировалась на концепции их концентрации в крупных (стационарных) сельских поселениях; активизировался процесс преобразования сел в пгт; с 1959 по 1970 г. в большинстве северных регионов произошло удвоение городского населения, в структуре миграций из села в город преобладала молодежь, ключевыми факторами урбанизации выступали возросший социокультурный уровень коренных сообществ и рост социально-экономического потенциала регионов; очаговый характер освоения определил ограниченное влияние городов на близлежащие села; урбанизация не стала фактором рассеивания этнической общности, а напротив, часто способствовала интенсификации внутриэтнических связей и росту этнического самосознания [БАМ…, 1979; Бойко, 1973, 1977; Бойко, Васильев, 1981; Бойко, Попков, 1987; Винокурова, 1992; Мархинин, Удалова, 1993; Нивхи Сахалина…, 1988; и др.].

Третий этап урбанизации был связан с комплексом этнокультурных и социально-экономических процессов 1990-х гг. Системный кризис привел к исходу населения из арктических городов России. С 1989 по 2016 г. десятки городов российской Арктики потеряли от 20 до 50 % населения. Деиндустриализация сопровождалась изменением ценностей, социокуль-

Динамика показателей урбанизации коренного

Народ	1926			1939			1959			1970		
	Все население, чел.	в т.ч. городское		Все население, чел.	в т.ч. городское		Все население, чел.	в т.ч. городское		Все население, чел.	в т.ч. городское	
		чел.	%		чел.	%		чел.	%		чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алеуты	353	15	4,3	...	...	...	421	85	20,2	441	99	22,5
Алтайцы	40 600	1 089	2,7	47 867	4 244	8,9	45 270	4 805	10,6	55 812	8 229	14,7
Буряты	237 501	2 491	1,1	224 719	20 741	9,2	252 959	42 801	16,9	314 671	77 264	24,6
Долганы	656	0	0	...	...	...	...	...	...	4 877	621	12,7
Ительмены	4 217	116	2,8	...	...	...	1 109	154	13,9	1 301	304	23,4
Камчадалы				...	...	...	...	...	...	...	...	...
Кереки	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Кеты	1 428	49	3,4	...	...	...	1 019	50	4,9	1 182	135	11,4
Коряки	7 439	4	0,1	7 354	70	1,0	6 287	438	7,0	7 487	1 578	21,1
Кумандинцы	6 335	8	0,1	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Манси	5 754	12	0,2	6 315	199	3,2	6 449	702	10,9	7 710	2 011	26,1
Нанайцы	5 860	37	0,6	8 526	240	2,8	8 026	1 223	15,2	10 005	2 596	26,0
Нганасаны	...	...	...	...	...	...	748	50	6,7	953	178	18,7
Негидальцы	683	0	0	...	...	...	...	...	...	537	129	24,0
Ненцы	15 462	87	0,5	24 791	872	3,5	23 007	1 912	8,3	28 705	3 853	13,4
Нивхи	4 076	8	0,2	3 902	76	2,0	3 717	607	16,3	4 420	1 499	33,9
Орочи	647	2	0,3	...	...	...	782	252	32,2	1 089	455	41,8
Селькупы	1 630	0	0	2 613	114	4,4	3 768	371	9,9	4 282	637	14,9
Сойоты	229	0	0	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Тазы	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Сибирские татары	96 135**	28 206	29,3	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Теленгиты	3 415	0	0	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Телеуты	1 898	7	0,4	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Тофалары	2 829	7	0,3	...	...	...	586	19	3,2	620	90	14,5
Тубалары	12	0	0	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Тувинцы	...	...	...	...	...	...	100 145	8 988	9,0	139 388	23 879	17,1
Тувинцы-тоджинцы	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Удэгейцы	1 357	0	0	1 743	40	2,3	1 444	202	14,0	1 469	279	19,0
Уйльта	162	0	0	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Ульчи	723	0	0	...	...	...	2 055	246	12,0	2 448	391	16,0
Хакасы	45 608	492	1,1	52 771	6 669	12,6	56 584	10 738	19,0	66 725	17 142	25,7
Ханты	22 306	141	0,6	18 468	553	3,0	19 410	1 788	9,2	21 138	3 238	15,3
Челканцы	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Чуванцы	705	3	0,4	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Чукчи	12 332	10	0,1	13 835	158	1,1	11 727	957	8,2	13 597	2 404	17,7
Чулымцы	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Шорцы	12 601	83	0,7	16 265	1 813	11,2	15 274	6 455	42,3	16 494	8 430	51,1

населения Сибири и Дальнего Востока (1926–2010 гг.)*

1979			1989			2002			2010		
Все насе-ление, чел.	в т.ч. городское		Все насе-ление, чел.	в т.ч. городское		Все насе-ление, чел.	в т.ч. городское		Все насе-ление, чел.	в т.ч. городское	
	чел.	%		чел.	%		чел.	%		чел.	%
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
546	195	35,7	702	267	30,0	540	172	31,9	482	155	32,2
60 015	10 928	18,2	70 777	13 630	19,3	67 239	13 897	20,7	67 380	16 027	23,8
352 646	122 775	34,8	421 380	178 337	42,3	445 175	194 562	43,7	461 389	217 134	47,1
5 053	742	14,7	6 945	1 572	22,6	7 261	1 334	18,4	7 885	1 840	23,3
1 370	394	28,8	2 481	956	38,5	3 180	1 194	37,6	3 193	1 245	39,0
...	...	...	...	...	...	2 293	1 297	56,6	1 927	566	29,4
...	...	...	...	...	...	8	4	50,0	4	4	100
1 122	206	18,4	1 113	219	19,7	1 494	406	27,2	1 219	317	26,0
7 879	2 223	28,2	9 242	2 778	30,1	8 743	2 765	31,6	7 953	2 917	36,7
...	...	...	...	...	...	3 114	1 704	54,7	2 892	1 400	48,4
7 563	2 721	36,0	8 474	3 934	46,4	11 432	5 919	51,8	12 269	7 028	57,3
10 516	3 880	36,9	12 023	4 783	39,8	12 160	3 702	30,4	12 003	3 518	29,3
867	98	11,3	1 278	360	28,2	834	165	19,8	862	315	36,5
504	158	31,4	622	250	40,2	567	164	28,9	513	155	30,2
29 894	4 564	15,3	34 665	6 193	17,9	41 302	7 844	19,0	44 640	9 543	21,4
4 397	2 077	47,2	4 673	2 383	51,0	5 162	2 483	48,1	4 652	2 374	51,0
1 198	694	57,9	915	444	48,5	686	338	49,3	596	287	48,2
3 565	703	19,7	3 612	934	25,9	4 249	786	18,5	3 649	773	21,2
...	...	...	...	...	...	2 769	252	9,1	3 608	255	7,1
...	...	...	...	...	...	276	110	39,9	274	114	41,6
...	...	...	...	...	...	9 611	4 271	44,4	6 779	1 133	16,7
...	...	...	...	...	...	2 399	115	4,8	3 712	300	8,1
...	...	...	...	...	...	2 650	1 142	43,1	2 643	1 198	45,3
763	161	21,1	731	104	14,2	837	138	16,5	762	98	12,9
...	...	...	...	...	...	1 565	150	9,6	1 965	357	18,2
166 082	37 327	22,5	206 629	65 983	31,9	243 442	107 850	44,3	263 934	129 035	48,9
...	...	...	...	...	...	4 442	7	0,2	1 858	4	0,2
1 551	416	26,8	2 011	775	38,5	1 657	425	25,7	1 496	375	25,1
...	...	...	190	159	83,7	346	201	58,1	295	177	60,0
2 552	711	27,9	3 233	923	28,6	2 913	564	19,4	2 765	589	21,3
70 776	24 850	35,1	80 328	34 736	43,2	75 622	32 743	43,3	72 959	31 572	43,3
20 934	4 832	23,1	22 521	6 828	30,3	28 678	9 924	34,6	30 943	11 879	38,4
...	...	...	...	...	...	855	135	15,8	1 181	231	19,6
...	...	...	1 511	834	55,2	1 087	366	33,7	1 002	396	39,5
14 000	2 015	14,4	15 184	2 176	14,3	15 767	3 402	21,6	15 908	3 808	23,9
...	...	...	...	...	...	656	54	8,2	355	26	7,3
16 033	10 626	66,3	16 652	12 293	73,8	13 975	9 939	71,1	12 888	9 353	72,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Эвенки	38 805	151	0,4	29 666	1 576	5,3	24 710	3 272	13,2	25 149	3 846	15,3
Эвены	2 044	0	0	9 698	166	1,7	9 121	571	6,3	12 029	2 036	16,9
Энцы	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Эскимосы	1 293	11	0,9	...	...	...	1 118	331	29,6	...	...	...
Юкагиры	443	4	0,9	...	...	...	442	86	19,5	615	208	33,8
Якуты	240 709	5 288	2,2	242 080	16 892	7,0	236 655	40 408	17,1	296 244	62 372	21,0

*Сост. по: [Переписи населения…].
**По: [Кондратьева, Батуева, 2013, с. 195].

турной среды, перестройкой структуры хозяйствования [Бабурин, Земцов, 2015, с. 78; Замятина, Пилясов, 2017, с. 8]. Ввиду прекращения поставок продовольствия и горючего были ликвидированы многие пгт, что обусловило организованное перераспределение населения. Часть коренных жителей из пустеющих поселений в административном порядке были направлены в города [Коломиец, 2020, с. 208]. На протяжении 1990-х гг. разнонаправленная динамика абсолютных и относительных показателей урбанизации была характерна для многих народов Сибири и Дальнего Востока. Например, в Приамурье в этот период наметилось резкое сокращение населения в промышленных городах и пгт. На фоне спада экономики, деградации городских инфраструктур и распада совхозной системы у коренных народов региона обозначилась тенденция возвращения к традиционным ценностям и технологиям [Мальцева, 2018, с. 169].

Этническая динамика соотносилась с реформой местного самоуправления, начавшейся с 2003 г., когда произошла реорганизация сельских и городских поселений. Появился новый вид муниципальных образований – городские округа. Это вновь изменило характер урбанизации коренного населения Сибири и Дальнего Востока (см. *таблицу*). В 1990–2000-е гг. оставался поступательным процесс урбанизации у коренных народов, расселенных в зоне ресурсных (нефтегазовых) разработок – хантов, манси, ненцев. Начало урбанизации аборигенных сообществ севера Западной Сибири было связано с образованием в 1930 г. Ямало-Ненецкого и Остяко-Вогульского (с 1940 г. Ханты-Мансийского) национальных округов, которые в 1977 г. и 1978 г. соответственно приобрели статус автономных округов. Центром Ямало-Ненецкого окр. стало с. Обдорск (основано в 1595 г. как Обдорский острог), преобразованное в пос. Салехард и получившее статус города в 1938 г. Столицей Остяко-Вогульского окр. стал вновь построенный город, переименованный в 1940 г. в Ханты-Мансийск.

В 1920–1940-е гг. урбанизация коренного населения региона проходила медленно. Открытие нефти в 1953 г. дало мощный импульс этому процессу. Стратегия освоения и эксплуатации месторождений предполагала интенсивное развитие пгт и городов. К началу 1990-х гг. в ХМАО–Югре было 16 городов (к концу 2000-х гг. вместе с пгт – 40 городских населенных пунктов), в ЯНАО – 8 городов (к концу 2000-х гг. – 12). Численность городского населения за период нефтяного бума увеличилась многократно: к началу 2000-х гг. на Ямале она превысила 80 %, а в Югре – 90 % [Попов, 2005, с. 238]. Численность горожан среди манси с 1959 по 2010 г. возросла более чем в 10 раз, среди хантов – в 5 раз, среди ненцев – в 6 раз (см. *таблицу*).

На протяжении 1990–2000-х гг. для одних народов Сибири были характерны устойчивые темпы урбанизации, для других – заметное их снижение. Изменения показателей обусловливались этнополитическими процессами. Законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г. и «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2000 г., распоряжения Правительства Российской Федерации 2006 г. «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» 2009 г. сформировали нормативные характеристики коренных малочисленных народов. Обозначенная в законодательстве связь социально-экономических преференций с фактом традиционного расселения коренных народов получила отражение в динамичных изменениях численности горожан в их составе.

Таким образом, возникновение в XVII–XVIII вв. в Сибири в ходе ее присоединения к Российскому государству городов положило начало первому эта-

Окончание таблицы

14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
27 294	5 864	21,5	30 163	6 272	20,8	35 527	8 576	24,1	38 396	10 141	26,4
12 523	2 246	17,9	17 199	4 369	25,4	19 071	6 116	32,1	21 830	7 929	36,3
...	...	...	209	90	43,1	237	51	21,5	227	57	25,1
1 510	333	22,1	1 719	399	23,2	1 750	557	31,8	1 738	628	36,1
835	255	30,5	1 142	437	38,3	1 509	685	45,4	1 603	740	46,2
328 018	82 898	25,3	381 922	106 727	28,0	443 852	157 825	35,6	478 085	193 251	40,4

пу урбанизации ее коренных жителей. Значительную роль в этом играла государственная политика патернализма. Предпосылками урбанизации стали процессы социальной трансформации, обусловленные административными и прозелитическими практиками. Ускоренными темпами урбанизация развивалась в советскую эпоху. Это было сопряжено с образованием национальных административных структур, в которых интенсивно возрастал слой горожан из числа коренных народов. Урбанизация второго этапа, начавшегося в 1950–1960-е гг., имела массовый характер. Этот этап связан с индустриализацией востока страны. Комплекс этнокультурных и социально-экономических трансформаций в Сибири 1990-х гг. определял направленность урбанизации коренных народов на третьем этапе.

Масштабы, особенности, итоги урбанизации

Решающими факторами развития урбанизационных процессов у народов Сибири были поддержанные государством программы социально-экономического развития территорий. Темпы и масштабы урбанизации у различных аборигенных сообществ изначально варьировались. Согласно переписи 1926 г., уровень их урбанизации был крайне низким. По результатам обследования 1939 г., лидерами урбанизации стали хакасы (12,6 % горожан от общей численности) и шорцы (11,2 %). В 1959 г. активно переезжали в город шорцы (42,3 %), орочи (32,2 %), эскимосы (29,6 %), алеуты (20,2 %); в 1970 г. – шорцы (51,1 %), орочи (41,8 %), нивхи (33,9 %), юкагиры (33,8 %); в 1979 г. – шорцы (66,3 %), орочи (57,9 %), нивхи (47,2 %); в 1989 г. – уйльта (83,7 %), шорцы (73,8 %), чуванцы (55,2 %), нивхи (51,0 %), орочи (48,5 %). Вместе с тем уже перепись 1970 г. показала обратимость процесса урбанизации коренного населения. Численность городских эскимосов сократилась с 29,6 % в 1959 г. до 27,5 в 1970 г., 22,1 % в 1979 г., нганасан – с 18,7 в 1970 г. до 11,3 % в 1979 г., чукчей – с 17,7 в 1970 г. до 14,3 % в 1989 г., юкагиров – с 33,8 в 1970 г. до 30,5 % в 1979 г., эвенков – с 21,5 в 1979 г. до 20,8 % в 1989 г., тофаларов – с 21,1 в 1979 г. до 14,2 % в 1989 г.

Среди высокоурбанизированных (по формальным критериям) народов в 2010 г. оказались камчадалы (56,6 % в 2002 г., 29,4 % в 2010 г.), кереки (100 % в 2010 г.) и кумандинцы (54,7 % в 2002 г., 48,4 % в 2010 г.). Высокий уровень урбанизации сохранили нивхи (51,0 %), манси (57,3 %), уйльта (60,0 %) и шорцы (72,6 %).

Деурбанизация в 1990–2000-е гг. отмечалась у двух десятков автохтонных сообществ; у камчадалов, сибирских татар и уйльта доля городского населения снизилась более чем на 20 %. При этом изменение относительных показателей не всегда коррелировало с абсолютными данными.

В межпереписной период 1926–1939 и 1970–1979 гг. хакасы, а также ительмены и, возможно, камчадалы, чуванцы и энцы в 1959–1970 и 1979–1989 гг., удэгейцы – в 1939–1959 и 1979–1989 гг. пережили две волны интенсивной урбанизации. Нганасаны прошли три такие волны: в 1959–1970, 1979–1989 и 2002–2010 гг. У орочей и шорцев первая волна была более масштабная и пришлась на 1939–1959 гг., а вторая – более слабая – на 1970–1979 гг.

Сравнительно длительная интенсивная урбанизация в 1939–1979 гг. была характерна для ряда народов Приамурья – нанайцев, нивхов, орочей и негидальцев (до 1959 г.) У остальных народов фиксировался непродолжительный интенсивный рост городского населения: в 1939–1959 гг. – у эскимосов, в 1959–1970 гг. – у коряков, тофаларов, эвенов и юкагиров, в 1959–1979 гг. – у манси, в 1970–1979 гг. – у алеутов и ульчей, в 1989–2002 гг. – у тувинцев и, вероятно, челканцев, в 2002–2010 гг. – у тубаларов. У кумандинцев активный период миграции в города пришелся на 1959–1979 гг. [Николаев, Назаров, 2021, с. 151].

Размеренная, постепенная урбанизация была характерна для многочисленных народов – алтайцев, бурят и якутов, а также для получивших в 2000 г. статус коренных малочисленных народов долган, кетов,

ненцев, селькупов, телеутов, хантов, чукчей и эвенков (см. *таблицу*).

Низкий уровень урбанизации на протяжении XX в. сохранялся у сойотов, сибирских татар, теленгитов, тофаларов, тубаларов, челканцев и чулымцев, а также тувинцев-тоджинцев, у которых был самый низкий показатель – 0,2 %. Территории их традиционного проживания не представляли интереса с точки зрения добычи природных ископаемых и были удалены от промышленных объектов.

Анализ статистики по Сибири и Дальнему Востоку показал, что лидерами урбанизации к 1989 г. выступали: Ханты-Мансийский а.о. (91,0 % горожан от общей численности населения), Кемеровская (87,3 %), Сахалинская (82,3 %), Магаданская (80,5 %), Камчатская (81,5 %), Иркутская (80,5 %) обл., Хабаровский край (78,4 %). Очаговая индустриализация в Магаданской и Камчатской обл. не сопровождалась высокими показателями урбанизации у эвенов, коряков, ительменов. При этом оценка динамики численности горожан по отношению к общей численности населения не является единственным критерием урбанизации, поскольку количественные показатели не соответствуют качественным характеристикам городского населения коренных народов Сибири и Дальнего Востока [Пивоваров, 2010, с. 230–235].

Исследователи образа (стиля) жизни, который предполагает совокупность устойчиво воспроизводимых образцов поведения, выделяют различные типы урбанизации. Анализ авторских полевых и опубликованных материалов показывает, что у многих аборигенных сообществ переход в категорию горожан не сопровождался изменениями жизненных ценностей, особенно на начальных этапах урбанизации. По оценкам историков, ряд городов Сибири (особенно в первой половине XX в.) нельзя было назвать городами в полном смысле этого слова в силу низкого уровня развития промышленности, транспортной и социокультурной инфраструктуры. Процессы, протекавшие на востоке СССР в первой половине XX в., особенно в периоды форсированной индустриализации, более всего соответствовали модели квазиурбанизации [Ефимова, 2014, с. 9; Исупов, 2013]. Обретение статуса горожанина коренными жителями Сибири часто происходило в результате смены статуса поселения – села превращались в пгт и города. Центрами притяжения сельского коренного населения становились ближайшие города. Миграции в основном ограничивались регионом традиционного проживания; лишь во втором поколении происходил выход за его пределы [Николаев, 2018, с. 143]. Чаще всего бывшие сельчане селились в пригородах или на окраинах городов; традиционные поселения они использовали как летние резиденции. Приобретая стационарное жилье в городах и пгт, они рассматривали его как место временного пребывания и продолжали вести традиционное хозяйство, которое определяло их образ жизни и основные формы занятости. Эти тенденции оставались актуальными и во второй половине XX – начале XXI в. [Волжанина, 2009, с. 355–357; Лярская, 2016, с. 63; Пивнева, 2018, с. 110–113; Поворознюк, 2011, с. 108; и др.].

Анализ страты «новых горожан» Сибири, основанный на полевых материалах авторов и данных исследований в различных регионах, позволяет сделать выводы о сложной социальной дифференциации аборигенного населения: об отсутствии строгого деления между группами сельских жителей, сохраняющих традиционный образ жизни, населением поселков, не занятым в традиционном хозяйстве, и жителями городов. Отсутствие четкого городского самосознания у представителей коренных народов объясняют форсированными темпами урбанизации, актуальной (внутриэтнической) системой социальных и экономических связей, ориентированных на родственные и этнолокальные сообщества, на ценности традиционной культуры, которая рассматривается как основа консолидации и самосохранения коренных народов Сибири [Лярская, 2016; Октябрьская, Самушкина, Николаев, 2021; Пивнева, 2018].

Важными индикаторами процессов урбанизации в среде коренного населения Сибири являются данные об образовании и источниках средств существования. Еще в 1970–1980-е гг. исследователи обращали внимание на численность незанятого населения среди горожан – представителей коренных народов. Так, «среди эвенков БАМа в 1976 г. и Читинской области в 1982 г. более 14 % трудоспособного населения не было занято в общественном производстве» [Бойко, Попков, 1987, с. 102].

По материалам переписи 2010 г., низкие показатели трудовой активности были характерны для тофаларов – 18,8 % от общей численности, тувинцев – 22,3, нганасан – 22,8, негидальцев и уйльта – 24,0 %. Подсобное хозяйство оставалось важным подспорьем у тофаларов – 15,8 %, теленгитов – 9,9, телеутов и чулымцев – 9,1, тубаларов – 8,7 %. Теленгиты (51,0 %), нганасаны (46,6 %), негидальцы (44,7 %), ульчи (42,3 %), кеты (41,6 %), энцы (41,3 %) рассчитывали в основном на помощь государства, тофалары (37,5 %), сойоты (37,4 %), манси (36,2 %), тувинцы (36,0 %), долганы (35,8 %) – на помощь сородичей, алименты и т.д. Эти данные позволяют заключить, что далеко не все коренные народы были успешно интегрированы в городскую среду, даже при высоких количественных параметрах. Качественным показателем урбанизации является уровень образования и социальной мобильности. Так, согласно переписи 2010 г., в городе проживали уйльта с высшим образованием 100 %, со средним – 55,5, шорцев – 86,8 и 72,6, манси – 79,4 и 53,2 %. Аналогичная ситуация была характерна и для слабоурбанизированных на-

родов, например, для сойотов – 13,2 и 5,2 %, теленгитов – 17,1 и 5,8, челканцев – 39,2 и 12,7 %. Совершенствование системы образования, профессиональной подготовки и модернизация социальных структур в целом определяли перспективы процессов урбанизации коренных народов Сибири.

Тенденции деурбанизации в их среде были сопряжены с государственной политикой России по защите прав и традиционного образа жизни народов Севера. Льготы для представителей малочисленных народов Севера, проживающих в местах традиционного природопользования и занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности, предусматривались Налоговым, Лесным, Водным и Земельным кодексами Российской Федерации.

За последние 15 лет в Российской Федерации были реализованы несколько федеральных, а также многочисленные региональные целевые программы, в которых актуализация традиционных видов и форм жизнедеятельности выступала условием устойчивого социально-экономического развития малочисленных народов Севера. Эта стратегия была системно изложена в «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2009 г. [Распоряжение…, 2009]. Патернализм и поддержка аутентичных культур сохранили свое значение в качестве приоритетов в выстраивании диалога государства с коренными народами Сибири и Дальнего Востока в начале XXI в.

Стандарты модернизации обозначены в стратегиях социально-экономического развития сибирских регионов. Так, принятым в 2018 г. законом «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» (с изменениями на 18 июня 2020 г.) было объявлено создание условий для утверждения ключевой ценности государства – человека. Это предполагает достижение высокого уровня жизни, организацию эффективного управления территориями, развитие конкурентных отраслей несырьевой экспортно-ориентированной экономики при сохранении культурного многообразия и укреплении гражданской идентичности и единства народов Республики Саха (Якутия) [Закон…, 2018].

Опора на традиции при формировании перспектив модернизации определяет особенности процессов урбанизации народов Сибири и Дальнего Востока на ближайшие десятилетия.

Заключение

На основе проведенного анализа можно выделить три этапа урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока: до середины XX в., 1950–1980-е гг., с 1990-х гг. по настоящее время. Следует признать, что ведущим фактором урбанизации стала политика патернализма, проводимая государством на протяжении всего XX в. Административно-политические и социально-экономические преобразования в регионах Сибири предопределили этнокультурное сближение коренного и пришлого населения, системные трансформации аборигенных сообществ с изменением моделей их жизнедеятельности и перемещением в город. Решающее значение в ускорении процессов урбанизации к концу XX в. имело промышленное освоение Сибири – разработка энергетических ресурсов, индустриализация, формирование транспортной инфраструктуры. Возможности сохранения традиций при активных процессах модернизации определили актуальные проекты коренных народов Сибири на ближайшие десятилетия. Стратегическое планирование в этой сфере стало возможным при активном участии Российского государства.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50364.

Список литературы

Бабурин В.Л., Земцов С.П. Эволюция системы городских поселений и динамика природных и социально-экономических процессов в российской Арктике // Региональные исследования. – 2015. – № 4. – С. 76–83.

БАМ и народы Севера. – Новосибирск: Наука, 1979. – 179 с.

Бахрушин С.В., Петров А.И. и др. Города // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. – Т. I. – С. 702–724.

Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. – 2012. – № 531/532. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php (дата обращения: 18.05.2021).

Бойко В.И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. – Новосибирск: Наука, 1973. – 211 с.

Бойко В.И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 278 с.

Бойко В.И. Социально-экономическое развитие народностей Севера. Программа координации исследований. – Новосибирск: Наука, 1988. – 320 с.

Бойко В.И., Васильев Н.В. Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. – Новосибирск: Наука, 1981. – 175 с.

Бойко В.И., Попков Ю.В. Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. – Новосибирск: Наука, 1987. – 172 с.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // СЭ. – 1977. – № 6. – С. 23–34.

Винокурова У.А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. – Новосибирск: Наука, 1992. – 144 с.

Власов С.А. Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2013. – № 2. – С. 103–111.

Волжанина Е.А. Современные этносоциальные процессы среди ненцев Ямала в условиях промышленного освоения // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 3. – С. 355–358.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Памяти В.П. Семенова-Тян-Шанского / Г.М. Лаппо, Д.Н. Лухманов, Т.Г. Нефедова, П.М. Полян, Р.А. Попов, С.Г. Сафронов, А. Титков, А.И. Трейвиш. – М.: Объединен. гум. изд-во, 2001. – 558 с.

Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск, Наука, 1978. – 335 с.

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925 «Об утверждении положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2342.htm (дата обращения: 18.05.2021).

Доброва-Ядринцева Л. и др. Комитет содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: ОГИЗ, Зап.-Сиб. отд-ние, 1931. – С. 865–872.

Долгих Б.О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С. 155–180.

Ефимова Е.А. Региональные аспекты урбанизации в России // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – Т. 12, вып. 43. – С. 2–12.

Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. 2077-З № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.» (с изменениями на 18.06.2020 г.). – URL: http://docs.cntd.ru/document/550299670 (дата обращения: 24.05.2021).

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Регион: Экономика и Социология. – 2017. – № 3. – С. 3–30.

История Бурятии: в 3 т.– Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. II: XVII – начало XX в. – 624 с.

Исупов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 238–245.

Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. – 2018. – № 7. – С. 7–22.

Колбина Е.О., Найден С.Н. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. – 2013. – № 4. – С. 44–69.

Коломиец О.П. Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант) // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 4. – С. 207–214.

Кондратьева В.В., Батуева И.Б. Численность и расселение татар на территории Бурятии // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. – 2013. – № 3. – С. 194–197.

Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Татары Сибири в XVIII – начале XX в.: расселение, численность и социальная структура // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2. – С. 177–185.

Кривоногов В.П. Влияние урбанизации на этнические процессы коренных народов Средней Сибири // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. – Красноярск: Изд-во Сиб. федерал. ун-та, 2017. – С. 31–33.

Культура народностей Севера: традиции и современность / отв. ред. В.И. Бойко. – Новосибирск: Наука, 1986. – 270 с.

Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 24 с.

Лярская Е.В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // ЭО. – 2016. – № 1. – С. 54–70.

Мальцева О.В. Нанайцы в промышленном районе Приамурья: модель освоения пространства и поиск идентичности // ЭО. – 2018. – № 1. – С. 161–177.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего: по материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. – Новосибирск: Наука, 1993. – 208 с.

Нагнибеда В.Я. Томская губерния: статистический очерк. – Томск: [Тип. В.М. Перельман], 1917. – 31 с.

Нечаев М.Г. Деятельность Православного миссионерского общества на Урале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2, ч. II. – С. 140–144.

Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие / отв. ред. В.И. Бойко. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Николаев В.В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2009. – № 3. – С. 213–223.

Николаев В.В. Миграция кумандинцев из села в город в начале XXI века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 142–147.

Николаев В.В., Назаров И.И. Урбанизация коренного населения Алтая в XX – начале XXI века (на примере кумандинцев города Бийска) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 149–162.

Октябрьская И.В., Самушкина Е.В., Николаев В.В. Коренные малочисленные народы в современном этнополитическом пространстве Республики Алтай // Урал. ист. вестн. – 2021. – № 2. – С. 101–109.

Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.: социальное, экономическое, культурное развитие. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2010. – 312 с.

Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 05.12.2020).

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 367 с.

Петров П.П. Города Якутии 1861–1917 гг. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1990. – 124 с.

Пивнева Е.А. Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 225–239.

Пивнева Е.А. «Но дискомфорт мы все-таки ощущаем»: обские угры в процессах социокультурной адаптации к условиям города // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 21. – С. 104–129.

Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2010. – С. 228–239.

Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 350 с.

Попов Р.А. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: Объединен. гум. изд-во, 2005. – С. 215–244.

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16.03.1957 г. № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». – URL: https://docs.cntd.ru/document/765714380 (дата обращения: 18.05.2021).

Программа координации исследований «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)» / отв. ред. В.И. Бойко. – Новосибирск: [Б. и.], 1987. – 268 с.

Распоряжение Правительства РФ от 4.02.2009 г. № 132-р об утверждении «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». – URL: http://docs.cntd.ru/document/902142304?marker=6540IN (дата обращения: 24.05.2021).

«Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы. – М.: Демос, 2019. – 312 с.

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. – М.; СПб: Нестор-История, 2016. – 272 с.

Скобелев С.Г. Коренные народы Сибири: опыт управления в Российской империи и СССР (XVII–XX вв.) // Сибирская заимка. – URL: https://zaimka.ru/skobelev-governance/ (дата обращения: 18.05.2021).

Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала России и малые народы Севера. – М.: Новое лит. обозр., 2008. – 512 с.

Современные этнические процессы в СССР. – М.: Наука, 1977. – 562 с.

Староверов В.И. Урбанизация // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 538–539.

Стась И.Н. Этничность в процессе урбанизации России: современная историография проблемы // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. – Ханты-Мансийск: Формат, 2017. – С. 246–256.

Стась И.Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 5. – С. 1807–1821.

Степанов В.В. Российский опыт этнической статистики коренных малочисленных народов Севера // Демоскоп. – 2008. – № 319/320. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit03.php (дата обращения: 18.05.2021).

Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия) / отв. ред. Р.И. Донской. – Якутск: Ин-т проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2001. – 86 с.

Материал поступил в редколлегию 05.07.21 г.

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.4.140-151
УДК 572 + 575.17

А.Г. Козинцев
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: agkozintsev@gmail.com

Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики)

Памяти Олега Балановского

Цель исследования – рассмотреть краниометрические данные о популяционной изменчивости на территории Северной Евразии под углом зрения генетических и отчасти лингвистических фактов. Измерения 66 серий мужских черепов разных эпох (от мезолита до раннего бронзового века) с этой территории обработаны статистическими методами, специально предназначенными для изучения пространственных закономерностей, в частности градиентов. С помощью неметрического многомерного шкалирования матрицы расстояний D^2 (с поправкой на численность) получена двумерная проекция взаимоположения групп, построено минимальное остовное дерево, показывающее кратчайший путь между точками в многомерном пространстве. Обнаруживаемые генетическими и краниометрическими данными восточно-западные градиенты на территории Северной Евразии свидетельствуют, видимо, не столько о смешении, сколько о незавершенности процесса дифференциации бореального надрасового ствола. Западный компонент, представленный в Сибири и Центральной Азии носителями афанасьевской культуры, вероятно, мало повлиял на генетический облик местных популяций. Восточный компонент, проникший в неолите из Забайкалья в Прибайкалье, смешался там с автохтонным палеосибирским. Главный генетический маркер коренного населения – аутосомный компонент ANE – присутствовал в Сибири с верхнего палеолита. Автохтонными следует считать и обе евразийские формации – северную и южную. Статистический анализ позволил включить в их состав новые группы, причем границы первой расширились на восток до Кузнецкой котловины, а второй – на запад до Среднего Приртышья. Участие восточно-европейских групп в генезисе северной евразийской формации и протоуральской общности обнаружить не удается.

Ключевые слова: *Южная Сибирь, Западная Сибирь, Восточная Европа, мезолит, неолит, ранний бронзовый век, краниометрическая дифференциация.*

A.G. Kozintsev
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: agkozintsev@gmail.com

Patterns in the Population History of Northern Eurasia from the Mesolithic to the Early Bronze Age, Based on Craniometry and Genetics

In memory of Oleg Balanovsky

This study examines the craniometric differentiation of Northern Eurasian groups with reference to genetic and partly linguistic facts. Measurements of 66 series of male crania from that territory, dating to various periods from the Mesolithic to the Early Bronze Age, were subjected to statistical methods especially destined for detecting spatial patterns, specifically gradients. Using the

© Козинцев А.Г., 2021

nonmetric multidimensional scaling of the matrix of D^2 distances corrected for sample size, a two-dimensional projection of group constellation was generated, and a minimum spanning tree, showing the shortest path between group centroids in the multivariate space, was constructed. East-west clines in Northern Eurasia, detected by both genetic and craniometric traits, likely indicate not so much gene flow as isolation by distance, resulting from an incomplete evolutionary divergence of various filial groups constituting the Boreal meta-population. The western filial component, which, in Siberia and Eastern Central Asia, is mostly represented by Afanasyevans, has evidently made little contribution to the genetic makeup of later populations. The eastern filial component, which had appeared in the Cis-Baikal region from across Lake Baikal no later than the Neolithic, admixed with the autochthonous Paleosiberian component. The latter's principal marker—the ANE autosomal component—had been present in Siberia since the Upper Paleolithic. Likewise autochthonous were both Eurasian formations—Northern and Southern; statistical analysis has made it possible to make these more inclusive, whereby the former has been expanded in the eastern direction to include the Kuznetsk Basin, and the latter westwards, to the Middle Irtysh. Nothing suggests that Eastern European groups had taken part in the origin of either the Northern Eurasian formation or the proto-Uralic groups.

Keywords: *Southern Siberia, Western Siberia, Eastern Europe, Mesolithic, Neolithic, Early Bronze Age, craniometric differentiation.*

Введение

Новейшие достижения палеогенетики, особенно в области широкогеномного анализа, все чаще помогают решить споры, которые антропологи вели на протяжении многих десятилетий. Яркий пример – дискуссия о том, было ли краниологическое своеобразие древних прибайкальцев вызвано европеоидной примесью [Дебец, 1948, с. 61] или же сохранением самостоятельного палеосибирского типа [Дебец, 1951, с. 95]. Краниологи так и не пришли к согласию: одни считали, что европеоидная примесь была минимальной [Мамонова, 1983], другие отводили ей решающую роль и выступали за упразднение термина «палеосибирский тип» [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987]. Работы генетиков поставили точку в этом споре. Они убедительно продемонстрировали, что своеобразие прибайкальцев вызвано не европеоидной примесью, по крайней мере не той, которая, как полагал Г.Ф. Дебец, проникала с запада по степям начиная с раннего бронзового века [Damgaard et al., 2018]. Такая примесь обнаружилась лишь у одного из 53 индивидов эпох неолита и ранней бронзы из Прибайкалья и Забайкалья (1,9 %) – судя по всему, у мужчины из глазковского могильника Хапцагай на верхней Лене [Yu et al., 2020]*. Прочие же индивиды из погребений этого времени в Прибайкалье уклоняются от наиболее «чистых» монголоидов – носителей компонента NEA (Northeast Asian), особенно выраженного у неолитических обитателей Чертовых Ворот в Приморье и китойцев**, – в сторону не европеоидов бронзового века, а верхнепалеолитических жителей Сибири, носителей компонента ANE (Ancient North Eurasian), который наиболее выражен у мальчика со стоянки Мальта древностью ок. 24 тыс. лет, а также у мужчины и девочки со стоянки Афонтова Гора древностью 15–17 тыс. лет [Raghavan et al., 2014; Fu et al., 2016]. В Прибайкалье доля ANE увеличивается с 14 % у китойцев до 23 % у представителей более поздних стадий неолита и раннего бронзового века [Yu et al., 2020].

Итак, сдавать в архив термин «палеосибирский тип» едва ли целесообразно, поскольку речь, судя по всему, идет о морфологическом корреляте компонента ANE. Конечно, это не предполагает прямой зависимости строения черепа от аналитически выделенной части генома, обеспечивающей наиболее эффективную классификацию групп. Однако косвенная связь вполне вероятна, т.к. и краниологические типы были выделены для решения той же задачи.

Происхождение компонента ANE – огромная загадка. Хотя археологические параллели мальтинско-буретской культуре на территории Восточной и Центральной Европы общеизвестны, предположение о том, что она появилась в результате миграции оттуда в Сибирь, данными генетики не подтверждается [Fu et al., 2016]. Не находит опоры и противоположная гипотеза: хотя компонент ANE проник в Центральную и Западную Европу с востока, произошло это не в верхнем палеолите, а гораздо позже, т.к. до экспансии носителей ямной культуры его там не было [Ibid.; Haak et al., 2015].

ANE составляет основную долю в компоненте EHG (Eastern Hunter-Gatherer), который особенно выражен в геномах мезолитических и ранненеолитических обитателей Северо-Восточной Европы (Южный Олений остров, Попово, Сиделькино, Лебяжинка IV и др.) [Haak et al., 2015; Damgaard et al., 2018]. От них EHG унаследовали ямники и их потомки, в т.ч. афанасьевцы. С территории Северной России этот компонент еще в мезолите проник в Скандинавию, о чем свидетельствуют геномы людей из Муталы в Южной Швеции. Их предки мигрировали туда с востока вдоль норвежского побережья, поскольку южнее, в Восточной Прибалтике, у носителей более ранней кундской культуры доля EHG ниже [Haak et al., 2015;

*Об этом свидетельствует шифр KPT005. В тексте, правда, указан другой могильник в том же районе – Качуг.

**Этот или близкий к нему компонент иногда называют AEA (Ancient East Asian) или ESHG (East Siberian Hunter-Gatherer).

Mittnik et al., 2018]. Как показывают разновременные материалы из могильника Звейниеки (Латвия), она увеличивается в среднем неолите вместе с археологическими свидетельствами влияния культуры ямочно-гребенчатой керамики [Jones et al., 2017].

Корни ANE в Сибири гораздо глубже, чем корни EHG в Европе, куда, судя по митохондриальным гаплогруппам, ANE проник с востока [Mittnik et al., 2018]. Предковым для последнего оказался компонент ANS (Ancient North Siberian), представленный у мужчины с Янской стоянки древностью 31,6 тыс. лет [Sikora et al., 2019]. Этот компонент возник, видимо, в пределах ранней ветви западного ствола вскоре после его отделения от восточного ок. 43 тыс. л.н. Картина осложняется восточной примесью (ок. 22 %), полученной представителями западного ствола на ранних стадиях его существования [Ibid.].

Из Сибири ANE распространялся и в сторону Европы, и в сторону Америки. Предки американских индейцев принесли его в Новый Свет, и сейчас его доля там составляет 30–40 % [Flegontov et al., 2016; Sikora et al., 2019]. На территории же Старого Света к американским аборигенам в этом отношении ближе всего чукчи, коряки, кеты и селькупы, а из древних групп – окуневцы и ботайцы*, что позволяет считать последних прямыми наследниками носителей мальтинско-буретской культуры. В обеих группах, как и у прибайкальцев, ANE смешан с «монголоидным» компонентом. Такая же смесь представлена у двух мужчин, генетически очень близких к американским аборигенам, – с верхнепалеолитической стоянки Усть-Кяхта (ок. 14 тыс. л.н.) в Западном Забайкалье [Yu et al., 2020] и с мезолитического местонахождения Дуванный Яр (ок. 10 тыс. л.н.) на р. Колыме [Sikora et al., 2019].

Совершенно неясны пути проникновения ANE (в значительной доле!) к верхнепалеолитическим людям, жившим на Западном Кавказе ок. 13 тыс. л.н. (Сацурблия), и ранненеолитическим обитателям Северного Ирана (Гандж-Даре, VIII тыс. до н.э.) [Lazaridis et al., 2018]. Судя по громадному ареалу ANE, он является наследием ранних сапиенсов, представителей бореального надрасового ствола [Biasutti, 1941, p. 275; Козинцев, 2013, 2014], заселявших Северную Евразию и Америку, находившихся на разных стадиях дифференциации этого ствола и в разной степени затронутых контактами между его ветвями.

Геномными исследованиями выявлен ряд ранних градиентов, проходящих вдоль Северной Евразии в широтном направлении и связывающих Северо-Восточную Европу (ареал EHG) с Забайкальем и Приамурьем (ареалом NEA/AEA) [Damgaard et al., 2018; Jeong et al., 2019; Narasimhan et al., 2019; Kılınç et al., 2021]. Их можно было бы счесть генетическими коррелятами европеоидно-монголоидного вектора, традиционно выявляемого антропологами, если бы не тот факт, что древнейший носитель компонента ANE, играющего ключевую роль в этих градиентах, обитал не в западной и не в восточной их точке, а в промежуточной. И если значительную (верхнепалеолитическую) древность компонента NEA/AEA в Приамурье можно считать доказанной, как и его роль в ранней популяционной дифференциации на территории Северной Евразии [Mao et al., 2021; Yu et al., 2020], то европеоидный компонент, отличающийся от EHG большой долей южных примесей (иранской, кавказской и анатолийской), участвовал в данном процессе лишь с эпохи ранней бронзы, конкретно со времени ямно-афанасьевских миграций. До этого роль равноправного партнера NEA/AEA принадлежала компоненту ANE.

Отсюда следует, что насущной задачей палеоантропологических исследований является изучение протоморфных вариантов вроде палеосибирского и родственных ему. Была высказана аргументированная гипотеза об автохтонности одного из них, названного «южной евразийской антропологической формацией», на территории Алтае-Саянского нагорья и прилегающих горных систем [Чикишева, 2012, с. 57, 153, 169]. Эталоном данного варианта служат окуневцы. Другой вариант, представленный в ряде групп Барабинской лесостепи эпох неолита и ранней бронзы, Т.А. Чикишева, используя термин В.В. Бунака [1956], называет «северной евразийской антропологической формацией» [Чикишева, 2012, с. 6, 56, 59, 123–124, 179–180]. С этой формацией, отчасти соответствующей уральской расе в широком смысле, автор сближает ряд мезолитических и неолитических групп лесной полосы Северо-Восточной Европы – те самые, которые маркируются компонентом EHG. Как считает Т.А. Чикишева, Барабинская лесостепь заселялась из лесной полосы севера Русской равнины в раннем голоцене [Чикишева, Поздняков, 2021]. Обе формации (северная и южная), по ее мнению, представляют собой равноправные ветви бореального ствола наряду с европеоидной и монголоидной.

А.Н. Багашёв [1998], оспаривая предложенную В.В. Бунаком [1956] концепцию уральской расы в широком смысле, отрицает генеалогическую связь между современными популяциями Западной Сибири, включаемыми им в западно-сибирскую расу, и восточно-европейскими, которые он считает европеоидными*. Результаты же краниоскопических

*У окуневцев к тому же есть европеоидная примесь ямно-афанасьевского происхождения [Damgaard et al., 2018; Jeong et al., 2019; Yu et al., 2020].

*Судя по всему, этот вывод объясняется недостаточным числом использованных А.Н. Багашёвым европейских серий, представляющих уралоязычные группы.

исследований не только демонстрируют эту связь с полной убедительностью, но и противопоставляют современные уралоязычные группы всем прочим [Козинцев, 1988, с. 137–140; Kozintsev, 1992; Моисеев, Козинцев, 1998]. Интеграция данных по четырем независимым системам признаков – краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифике – делает данное противопоставление еще отчетливее [Моисеев, 2001]. Если, таким образом, отрицание общности происхождения уралоязычных народов по обе стороны Урала стало анахронизмом и если, как резонно утверждает В.В. Напольских [1997, с. 177–178], перед нами свидетельства существования «уральского пранарода во плоти и крови», возникает вопрос: как глубоко в прошлое прослеживается уральская общность? Как она соотносится с северной евразийской формацией?

Задача настоящей работы – переосмыслить краниологическую классификацию в свете новейших генетических и отчасти лингвистических данных с особым вниманием к соотношению метисности и протоморфности. Именно на это нацелены применяемые в работе методы.

Материал и методика

Использованы данные о мужских сериях черепов из погребений, относящихся к следующим культурам, эпохам и территориям*:

1. Бойсманская культура Приморья [Чикишева, 2012, с. 38–39];
2. Неолит Якутии [Там же];
3. Неолит и бронзовый век Забайкалья [Гохман, 1980];
4. Китойская стадия, Восточное Забайкалье [Мамонова, 1983];
5. То же, Западное Забайкалье [Там же];
6. То же, Фофановский могильник [Герасимова и др., 2010];
7. То же, р. Лена [Мамонова, 1983];
8. То же, р. Ангара [Там же];
9. То же, Шаманка (неопубликованные данные Д.В. Пежемского);
10. Исаковская стадия, р. Ангара [Мамонова, 1983];
11. Серовская стадия, р. Лена [Там же];
12. То же, р. Ангара [Там же];
13. Глазковская стадия, Западное Забайкалье [Там же];
14. То же, Фофановский могильник [Герасимова и др., 2010];
15. То же, о-в Ольхон [Мамонова, 1983];
16. То же, р. Лена [Там же];
17. То же, р. Ангара [Там же];
18. Неолит красноярско-канской лесостепи [Солодовников, Багашёв, Савенкова, 2020];
19. Неолит нижней Ангары [Там же];
20. Большемысская культура Бийского Приобья (Иткуль, Костёнкова Избушка) [Чикишева, 2012, с. 36–37];
21. Неолит Барнаульского Приобья (Фирсово XI) [Солодовников, Тур, 2017];
22. Кузнецко-алтайская культура Верхнего Приобья (Солонцы-5, Усть-Иша) [Чикишева, 2012, с. 36–37];
23. Неолит и энеолит Среднего Прииртышья [Солодовников и др., 2019];
24. Неолит лесостепного Зауралья и Северного Казахстана (ботайская культура, Гладунино) [Хохлов, Китов, 2015];
25. Неолит Кузнецкой котловины [Солодовников, Тур, 2017];
26. Неолит Новосибирско-Каменского Приобья [Там же];
27. Неолит Барабинской лесостепи [Чикишева, 2012, с. 36–37; Чикишева, Поздняков, Зубова, 2015];
28. Усть-тартасская культура, Сопка-2/3 [Чикишева, 2012, с. 69–72];
29. То же, Сопка-2/3А [Там же];
30. Одиновская культура, Сопка-2/4А [Там же, с. 98–101];
31. То же, Тартас-1 [Чикишева, Поздняков, 2019];
32. То же, Преображенка-6 [Там же];
33. Кротовская культура, Сопка-2/4Б, В [Чикишева, 2012, с. 98–101];
34. Окуневская культура, Уйбат [Громов, 1997];
35. То же, Верх-Аскиз I [Там же];
36. То же, Черновая IV, VI, VIII [Там же];
37. То же, Тас-Хазаа [Там же];
38. Каракольская культура Алтая [Тур, Солодовников, 2005];
39. Чаахольская культура Тувы (Аймырлыг) [Гохман, 1980];
40. Елунинская культура Верхнего Приобья [Солодовников, Тур, 2003];
41. Самусьская культура Верхнего Приобья [Солодовников, 2005];
42.Чемурчекская культура Западной Монголии [Солодовников, Тумен, Эрдэнэ, 2019];
43. Афанасьевская культура, Западная Монголия [Гохман, 1980];
44. То же, Юго-Восточный Алтай [Солодовников, 2009];
45. То же, Северо-Западный Алтай [Там же];
46. То же, средняя Катунь [Там же];

*В случаях, когда серия изучена или переформирована несколькими авторами, указывается лишь наиболее поздняя публикация – та, из которой заимствовались данные.

47. То же, Усть-Куюм [Там же];
48. То же, Курота [Там же];
49. То же, р. Урсул [Там же];
50. То же, Сальдяр [Там же];
51. То же, Минусинская котловина [Там же];
52. То же, Карасук III [Алексеев, 1981];
53. То же, Афанасьева Гора [Там же];
54. Неолит и ранний энеолит Волго-Уралья [Хохлов, 2017, с. 219–223];
55. Мезолит севера Русской равнины, Южный Олений остров [Алексеев, Гохман, 1984];
56. То же, Попово [Гохман, 1984];
57. Мезолит Восточной Прибалтики, Звейниеки [Денисова, 1975, с. 187–188];
58. Ранний неолит Восточной Прибалтики, Звейниеки [Там же, с. 193–194];
59. Средний и поздний неолит Восточной Прибалтики, Звейниеки [Там же, с. 202–203];
60. Культура ямочно-гребенчатой керамики севера России и Волго-Окского междуречья [Чикишева, 2012, с. 38–39];
61. Волосовская культура Волго-Окского междуречья [Там же];
62. Хвалынская культура, Хвалынские могильники [Хохлов, 2017, с. 226–230];
63. То же, Хлопков Бугор [Там же, с. 230–231];
64. Мезолит Украины [Кондукторова, 1973, с. 13–14];
65. Неолит Украины, днепро-донецкая культура [Потехина, 1999, с. 190–192];
66. Ранний энеолит Украины, Средний Стог II [Там же, с. 204–208].

Программа включает 14 основных признаков (приводятся их стандартные обозначения, см.: [Алексеев, Дебец, 1964]): продольный (1), поперечный (8), высотный (17) диаметры, наименьшая ширина лба (9), скуловой диаметр (45), верхняя высота лица (48), высота носа (55), ширина носа (54), ширина орбиты (51), высота орбиты (52), назомалярный угол (77), зигомаксиллярный угол, симотический указатель (SS : SC), угол выступания носа (75 (1)). Данные обработаны с помощью канонического анализа и подсчета расстояний D^2 с поправкой на численность. Матрица расстояний подвергнута неметрическому многомерному шкалированию. Построено минимальное остовное дерево (MST – minimum spanning tree), показывающее кратчайший путь между точками в многомерном пространстве и потому оптимальное для выявления градиентов. Использовались программа CANON Б.А. Козинцева и пакет PAST Э. Хаммера (версия 4.05) [Hammer, 2012]*.

*Более ранние версии использовать не следует, т.к. они подсчитывают кратчайший путь не в исходном многомерном пространстве, а на плоскости.

Метод MST выделяет группировки менее формально, чем кластерный анализ. Но такие группировки легче согласовать с географическими данными, чем кластеры*. Кластерный анализ не годится для изучения клинальной изменчивости, а потому используется здесь лишь в качестве вспомогательного метода в двух разновидностях – невзвешенного парно-группового (UPGMA) и метода ближайшего соседа (NJ), реализованных в соответствующих модулях пакета PAST. Дендрограммы не приводятся ввиду их значительного размера, но высылаются электронной почтой по запросу.

Результаты

Взаимоположение и связи групп отражены на графике (рис. 1). Рассмотрим их в направлении главного градиента краниометрической изменчивости – от восточного (монголоидного) полюса к западному (европеоидному). Этот градиент в значительной мере совпадает с географическим.

Группы восточного полюса и палеосибирские. Серии с крайней выраженностью монголоидных особенностей (в порядке их убывания, т.е. в порядке возрастания значений 1-й координаты неметрического шкалирования) – китойская из Восточного Забайкалья (№ 4), бойсманская из Приморья (№ 1), китойская из Западного Забайкалья (№ 5) и неолитическая из Якутии (№ 2).

Действительно ли китойцы в среднем монголоиднее представителей более поздних этапов неолита и бронзового века Байкальского региона, как следует из работ генетиков? Возможно, использование индивидуальных данных позволило бы подтвердить это, но на уровне средних величин результат получается неопределенным. Среднее значение 1-й координаты (рис. 1) в шести китойских сериях (№ 4–9) –0,147 ± ± 0,032, в восьми прочих из Забайкалья и Прибайкалья (№ 10–17) оно составляет –0,098 ± 0,007, разность, согласно критерию Манна–Уитни, вполне может быть случайной (U = 16, p = 0,33). При учете только забайкальских и прибайкальских серий (рис. 2) отличие китойских от остальных остается недостоверным, несмотря на зашкаливающую монголоидность восточно-забайкальских китойцев**.

Географический фактор проявляется отчетливее хронологического. На рис. 1 видно, что забайкальская группировка значительно монголоиднее прибайкальской, в которую помимо всех девяти серий из При-

*О технических изъянах кластерного анализа см.: [Козинцев, 2016].

**Данная серия включает всего два черепа плохой сохранности.

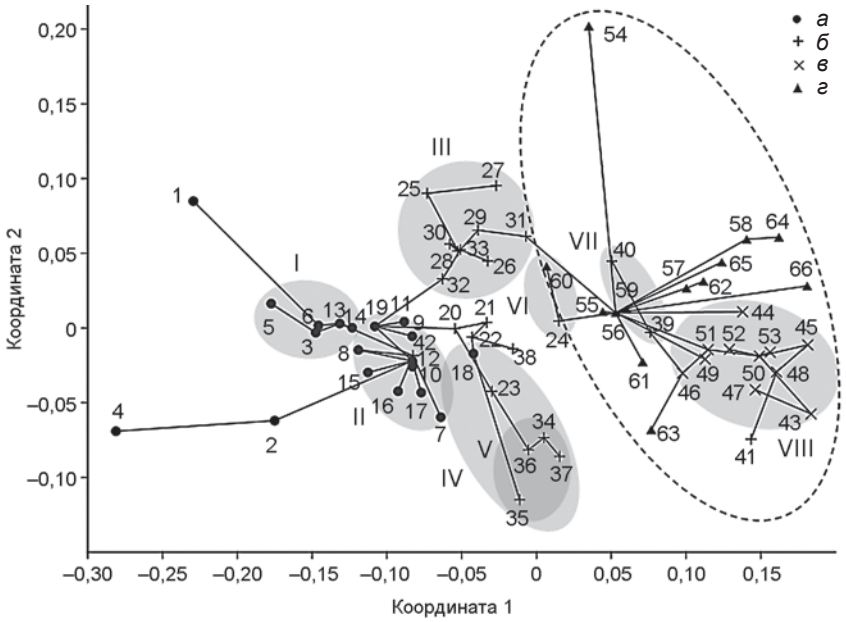


Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий в пространстве двух координат неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса.

Прямые линии – ребра минимального остовного дерева, показывающие кратчайший путь между точками в многомерном пространстве. I–VIII – группировки: I – палеосибирская, Забайкалье, II – палеосибирская, Прибайкалье, III – северная евразийская, IV – южная евразийская, V – окуневская, VI – ямочно-гребенчатая, VII – чаахольско-елунинская, VIII – афанасьевская. Штрихпунктиром обведены группы западного тяготения.

а – группы Восточной Сибири и Дальнего Востока; *б* – группы Южной и Западной Сибири, Западной Монголии, кроме афанасьевских; *в* – афанасьевские; *г* – европейские. Нумерация групп соответствует списку в тексте.

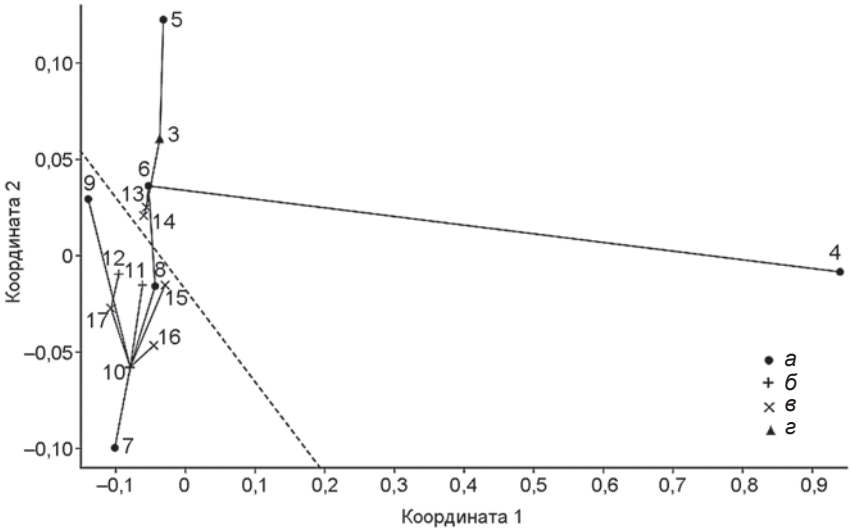


Рис. 2. Расположение мужских краниологических серий из Прибайкалья и Забайкалья в пространстве двух координат неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса.

а – китойские; *б* – исаковские и серовские; *в* – глазковские; *г* – стадия не указана. Нумерация групп соответствует списку в тексте. Штрихпунктирная линия отделяет прибайкальские серии от забайкальских. Прямые линии – см. рис. 1.

байкалья вошли два неолитических черепа с нижней Ангары (№ 19) и два чемурчекских черепа из Западной Монголии (№ 42)*. Среднее значение 1-й координаты для пяти забайкальских групп (суммарная забайкальская исключена) равно –0,172 ± 0,029, для девяти прибайкальских составляет –0,088 ± 0,006; вероятность случайности разницы, по критерию Манна–Уитни, очень мала (U = 0,5, p = 0,004). Различие заметно и на рис. 2, но лишь в виде тенденции, которая не достигает уровня значимости ни по одной из двух координат.

Евразийские формации – северная и южная. После работ Т.А. Чикишевой казалось, что ареал северной евразийской формации не простирается восточнее Оби. Помимо изученных ею семи групп эпох неолита и ранней бронзы из Барабинской лесостепи (см. рис. 1, № 27–33) в данную группировку попадает неолитическая серия из Новосибирско-Каменского Приобья (№ 26). Впрочем, кластерный анализ подтверждает это лишь в варианте NJ, но не UPGMA. Зато еще одна неолитическая серия, из гораздо более восточного района – Кузнецкой котловины (№ 25), объединяется с барабинскими по всем трем критериям (MST и оба варианта кластерного анализа).

*Преимущество метода MST перед кластерным анализом в данном случае очевидно: ни один из двух алгоритмов кластеризации (UPGMA и NJ) не способен сколько-нибудь четко отделить прибайкальские серии от забайкальских. Члены каждой из этих группировок на дендрограммах оторваны друг от друга и перемешаны с сериями из других регионов.

Похоже, что ареал северной формации придется существенно расширить на восток, быть может, даже до Енисея. Кстати, из двух евразийских формаций именно северная, а не южная, имеет непосредственную связь с восточно-сибирской группировкой: ребро MST соединяет серии из Преображенки-6 (№ 32) и с нижней Ангары (№ 19).

Напротив, южная формация, как можно было думать до недавнего времени, распространялась от Енисея на запад, ведь лучшими претендентами на роль предков окуневцев (№ 34–37) казались неолитические обитатели красноярско-канской лесостепи (№ 18). Однако недавно выяснилось, что с не меньшим правом претендовать на эту роль могут люди, жившие в неолите и энеолите гораздо западнее – на среднем Иртыше (№ 23). Авторы публикации, правда, делят сборную группу по географическому принципу, усматривая у индивидов из лесной и лесостепной зоны черты северной формации, а у степных – южной [Солодовников и др., 2019]. Но серия очень невелика и по средним характеристикам входит в южную группировку, что подтверждается и результатами кластерного анализа. Четыре серии из Верхнего Приобья – большемысская из Иткуля и Костёнковой Избушки (№ 20), неолитическая из Фирсова XI (№ 21), кузнецко-алтайской культуры из Усть-Иши и Солонцов-5 (№ 22), а также каракольская (№ 38) – занимают промежуточное положение между двумя формациями, не попадая, согласно результатам кластерного анализа, ни в одну из них. Неподалеку от этих групп, в промежутке между ними и европеоидной группировкой располагается серия из лесостепного Зауралья и Северного Казахстана (№ 24), куда входят малочисленные ботайские черепа. Будучи самой европеоидной из неолитических групп Северной Азии, она образует обособленную пару с серией культуры ямочно-гребенчатой керамики (№ 60) – самой монголоидной из европейских.

Как пишет Т.А. Чикишева, сибирские группы, относящиеся к северной евразийской формации, в отличие от тех, которые относятся к южной, тяготеют к мезолитическим и неолитическим группам лесной полосы Северо-Восточной Европы. Действительно, ребро MST напрямую соединяет одиновскую серию из Тартаса-1 (№ 31) с мезолитической из Попова (№ 56). Но среднее расстояние D^2 от восьми мезолитических и неолитических серий из лесной зоны Северо-Восточной Европы (№ 54–61) до девяти северно-евразийских групп Сибири (№ 25–33) не намного меньше, чем до шести южно-евразийских (№ 18, 23, 34–37) – 13,90 и 15,60 соответственно. Согласно критерию Уилкоксона для сопряженных наблюдений, различие не достигает порога достоверности (z = 1,82, p = 0,069). Поэтому говорить о единстве северной евразийской формации от Восточной Прибалтики до Кузнецкой котловины на основании имеющихся данных едва ли возможно. Пока можно лишь констатировать, что обе евразийские формации Сибири, вместе взятые, и группы, близкие к ним, заполняют промежуток между палеосибирскими, в частности прибайкальскими, и европейскими с ослабленной выраженностью «западных» черт.

Группы западного тяготения. Помимо уже упомянутых групп из лесной зоны, ослабление европеоидности наблюдается в хвалынской серии из Хлопкова Бугра (№ 63), которая по европеоидному масштабу заметно отличается от хвалынской из эпонимных могильников (№ 62), и в двух сибирских группах явно западного происхождения – чаахольской (№ 39) и елунинской (№ 40), образующих отдельную пару. Довольно сильна временна́я динамика в популяции из Звейниеки: умеренно европеоидная комбинация признаков в мезолите (№ 57) сменяется резко европеоидной в раннем неолите (№ 58), после чего европеоидность вновь существенно ослабляется и серия эпохи среднего и позднего неолита (№ 59) оказывается заметно сдвинутой в сторону ямочно-гребенчатой группировки. Противоположное, крайне западное сочетание признаков демонстрируют три группы из Украины (№ 64–66), а также большинство афанасьевских, к которым близка самусьская серия (№ 41).

Обсуждение

Подтвердить отличие китойцев в целом от представителей позднейших стадий байкальского неолита и бронзового века на краниологическом материале не удалось. Однако, несомненно, восточный компонент распространялся из Забайкалья, о чем свидетельствуют и крайняя выраженность монголоидных черт на двух китойских черепах из Восточного Забайкалья, опережающих в этом отношении даже бойсманскую серию, и прямая связь последней с забайкальской группировкой, и достоверное отличие забайкальских серий от прибайкальских.

Поскольку европеоидная примесь в то время, как мы теперь знаем, Прибайкалья практически не достигала, расположение групп вдоль восточно-западной оси указывает на соотношение восточного компонента с палеосибирским (в генетических терминах NEA/AEA и ANE соответственно). То же относится и к обеим евразийским формациям. В эпоху, когда процесс распада бореального надрасового ствола еще не завершился, генетические и краниометрические градиенты, направленные от Восточной Сибири к Восточной Европе и, судя по всему, далее на запад, свидетельствуют, видимо, не столько о смешении, сколько об эффекте изоляции расстоянием. При этом

на обширных территориях Евразии сохранялись группы, демонстрирующие все стадии перехода между двумя противоположными полюсами формообразования – восточным и западным.

Ближайшими к западному полюсу в нашей выборке являются три группы с территории Украины, в частности среднестоговская (№ 66), а также афанасьевцы. На то, что последние могли быть потомками среднестоговцев, указывали и археологи [Николаева, 2019а, б], и антропологи [Солодовников, 2009]. График (см. рис. 1) демонстрирует это достаточно наглядно. Временна́я динамика в группе из Звейниеки, в частности «восточный сдвиг» серии из погребений среднего и позднего неолита, заставляет вспомнить археологические свидетельства усиления связей с культурой ямочно-гребенчатой керамики и генетические данные о возрастании доли аутосомного компонента EHG на этом этапе [Jones et al., 2017].

Генетические факты говорят о том, что роль ранних мигрантов из западных степей как источника европеоидной примеси в Сибири не следует преувеличивать. По словам генетиков, афанасьевцы по пути на восток «перепрыгивали» через автохтонные популяции, не смешиваясь с ними [Narasimhan et al., 2019, Suppl. materials, p. 235]. Итак, Т.А. Чикишева была совершенно права, когда писала, что на фоне явной протоморфности южной евразийской формации «влияние миграционных импульсов на формирование антропологического состава алтае-саянского населения было несколько преувеличено» [2012, с. 180] (новую сводку фактов, касающихся окуневцев, см.: [Козинцев, 2020]).

То же самое, судя по всему, относится и к северной формации. Особых оснований считать, что ее носители пришли в Западную Сибирь из лесной зоны Северо-Восточной Европы, я не вижу. Вопрос о соотношении северной формации с уральской расой в ее традиционном широком понимании на рассмотренном материале не может быть решен. Во-первых, специфическое сходство обитателей лесов Северо-Восточной Европы с какой-либо из двух евразийских формаций Сибири установить не удается. Во-вторых, если учесть высокую степень биологического своеобразия уралоязычных групп по обе стороны Урала (см. выше), то поиски истоков уральского единства на столь широкой территории в мезолите или неолите обречены на неудачу. Нет сомнений, что уральская прародина располагалась в таежной зоне Западной Сибири, частично захватывая Северное Приуралье [Напольских, 1997, с. 132, 140; Janhunen, 2009]. Ранние краниологические материалы оттуда очень скудны. В более западные районы лесной зоны, в частности в Поволжье и Прибалтику, уралоязычные (финно-угорские) группы продвинулись не раньше II тыс. до н.э. [Напольских, 1997, с. 125, 197–198; Janhunen, 2009].

На юг, в лесостепную зону Западной Сибири, уральцы проникли тоже поздно, о чем свидетельствуют краниоскопические данные, особенно чувствительные к присутствию уральского компонента [Громов, Моисеев, 2004; Моисеев, 2006]. Ни окуневцы, ни люди, захороненные в разновременных погребениях Сопки, ни европеоиды Южной Сибири (афанасьевцы, андроновцы, карасукцы, ирменцы, тагарцы) по сочетанию краниометрических и краниоскопических характеристик не обнаруживают уральских черт [Козинцев, 2004]. Такие черты впервые проявляются в серии из «андроноидных» погребений могильника Еловка II в Томском Приобье [Там же], и это наиболее раннее свидетельство проникновения уральского компонента из тайги в подтаежную зону Западной Сибири в финале бронзового века.

Происхождение людей, связанных с чемурчекской культурой, остается загадочным. Генетические исследования выявляют у них сложную смесь западных, восточных и южных компонентов, причем один из главных, а именно ANE, мог быть получен от носителей ботайской культуры [Jeong et al., 2020; Wang et al., 2021]. На графике (см. рис. 1) два чемурчекских черепа (№ 42) попадают в прибайкальскую группировку, но ввиду метисности чемурчекцев этому не стоит придавать значения.

Серия, в которую включены ботайские черепа (№ 24), располагается «западнее» и образует пару с группой из погребений культуры ямочно-гребенчатой керамики Европейской России, что подтверждается археологическими данными о родстве этих культур [Мосин, 2003, с. 97–98]. Однако предположение о их связи с финно-уграми [Там же] противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о более позднем появлении финно-угорских племен к западу от Приуралья (см. выше).

Выводы

1. Краниометрические данные подтверждают вывод генетиков о раннем (в эпоху неолита) проникновении восточного компонента из Восточного Забайкалья в Прибайкалье, где он смешался с автохтонным (палеосибирским).

2. Северная и южная евразийские формации, а также группы, близкие к ним, занимают промежуточное положение между прибайкальской (палеосибирской) группировкой и европейскими группами с ослабленной выраженностью западных черт. Роль северной формации в генезисе уральской общности неясна.

3. Восточно-западный градиент генетической и краниологической изменчивости на территории Северной Евразии свидетельствует, судя по всему, не о смешении, масштабы которого в эпохи неолита и ранней бронзы были еще невелики (во всяком случае, в центральной и западной частях рассмотренного региона), а о незавершенности процесса дифференциации бореального ствола.

4. Группы, которые можно считать метисными (чаахольская и елунинская), составляют незначительное меньшинство и противостоят как автохтонным, относящимся к палеосибирскому типу и обеим евразийским формациям, так и мигрантным, в частности афанасьевским.

Благодарность

Я признателен Д.В. Пежемскому за предоставление неопубликованных данных о серии из могильника Шаманка и Т.А. Чикишевой за ценные соображения.

Список литературы

Алексеев В.П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Вопросы этнографии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1981. – С. 4–10.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера // Проблемы древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 155–188.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208–241.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Багашёв А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 303–327.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. – 1956. – № 1. – С. 86–105.

Герасимова М.М., Васильев С.В., Фризен С.Ю., Боруцкая С.Б., Жамбалтарова Е.Д. Палеоантропологическое исследование Фофоновского могильника (Забайкалье) эпохи неолита – энеолита // Вестн. антропологии. – 2010. – № 18. – С. 113–127.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–34. – (Сб. МАЭ; т. 36).

Гохман И.И. Новые палеоантропологические материалы эпохи мезолита в Каргаполье // Проблемы древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 6–27.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 301–358.

Громов А.В., Моисеев В.Г. Краниоскопия населения Западной и Южной Сибири: география и хронология // Расы и народы. – М.; Л.: Наука, 2004. – Т. 30. – С. 216–248.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с. – (ТИЭ; т. 4).

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 263 с. – (ТИЭ; т. 17).

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 402 с.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.

Козинцев А.Г. Кеты, уральцы, «американоиды»: интеграция краниометрических и краниоскопических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. – СПб.: МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.

Козинцев А.Г. Расовая классификация в свете новых генетических данных // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 64–71.

Козинцев А.Г. Европеоиды, монголоиды, австралоиды: стадиальность или метисация? // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 25–33.

Козинцев А.Г. О некоторых аспектах статистического анализа в краниометрии // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – С. 381–390.

Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 4. – С. 135–145.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 127 с.

Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопр. антропологии. – 1983. – № 71. – С. 88–103.

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 154–159.

Моисеев В.Г. Краниоскопическая характеристика населения Западной и Южной Сибири скифского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 145–152.

Моисеев В.Г., Козинцев А.Г. Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // СЭ. – 1998. – № 2. – С. 140–150.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2003. – 220 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и лит-ры, 1997. – 268 с.

Николаева Н.А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 1) // Oriental Studies. – 2019а. – Т. 12, № 3. – С. 355–366.

Николаева Н.А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. – 2019б. – Т. 12, № 4. – С. 570–579.

Потехина И.Н. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. – Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 1999. – 217 с.

Солодовников К.Н. Краниологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 47–75.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестн. антропологии. – 2009. – № 17. – С. 117–135.

Солодовников К.Н., Багашёв А.Н., Савенкова Т.М. Ареалы антропологических общностей населения неолита юга Западной и Средней Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 68. – С. 158–167.

Солодовников А.Н., Багашёв А.Н., Тур С.С., Громов А.В., Нечвалода А.И., Кравченко Г.Г. Источники по палеоантропологии неолита – энеолита Среднего Прииртышья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 3. – С. 116–136.

Солодовников К.Н., Тумен Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб: ИИМК РАН, 2019. – Т. 2. – С. 79–81.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 142–176.

Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 3. – С. 60–72.

Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 35–47.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). – Самара: Самар. гос. социал.-пед. ун-т, 2017. – 368 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. – С. 441–449.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 467 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологические аспекты одиновской культуры (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 128–139.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Заселение Барабинской лесостепи в эпоху неолита по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 1. – С. 133–145.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В. Краниологические особенности палеопопуляции неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2. – С. 144–162.

Biasutti R. Le razze e i popoli della terra. – Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1941. – T. 1. – 825 p.

Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Eylem Yediay F., Ullah I., Sjögren K.-G., Højholt Iversen K., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Yücel Senyurt S., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Hassan Khokhar M., Goriunova O., Bazaliiskii V., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // Science. – 2018. – Vol. 360, iss. 6396. – URL: https://science.sciencemag.org/content/360/6396/eaar7711 (дата обращения: 10.07.2021).

Flegontov P., Changmai P., Zidkova A., Logacheva M.D., Altinisik N.E., Flegontova O., Gelfand M.S., Gerasimov E.S., Khrameeva E.E., Konovalova O.P., Neretina T., Nikolsky Y.V., Starostin G., Stepanova V.V., Travinsky I.V., Tříska M., Tříska P., Tatarinova T.V. Genomic study of the Ket: A Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant Ancient North Eurasian ancestry // Scientific Rep. – 2016. – N 6. – Article number 20768. – URL: https://doi.org.10.1038/srep20768 (дата обращения: 10.07.2021).

Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Furtwängler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel B., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A., Drozdov N., Slavinsky V., Tsybankov A., Cremonesi R., Mallegni F., Gély B., Vacca E., Morales González M., Straus L., Neugebauer-Maresch C., Teschler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Crevecoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M., Cupillard C., Bocherens H., Conard N., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D., Svoboda J., Richards M., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe // Nature. – 2016. – Vol. 534, iss. 7606. – P. 200–205.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E.,

Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Toth C., Széczényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. – 2015. – Vol. 522, iss. 7555. – P. 207–211.

Hammer Ø. PAST – Paleontological Statistics. – Oslo: Univ. of Oslo, 2012. – 229 p. – URL: https://www.nhm.uio.no/english/research/infrastructure/past/ (дата обращения: 10.07.2021).

Janhunen J. Proto-Uralic – what, where, and when? // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia: (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne). – 2009. – Vol. 258. – P. 156–167.

Jeong C., Balanovsky O., Lukianova E., Kahbatkyzy N., Flegontov P., Zaporozhchenko V., Immel A., Wang C., Ixan O., Khussainova E., Bekmanov B., Zaibert V., Lavryashina M., Pocheshkhova E., Yusupov Y., Agdzhoyan A., Koshel S., Bukin A., Nymadawa P., Turdikulova S., Dalimova D., Churnosov M., Skhalyakho R., Daragan D., Bogunov Y., Bogunova A., Shtrunov A., Dubova N., Zhabagin M., Yepiskoposyan L., Churakov V., Pislegin N., Damba L., Saroyants L., Dibirova K., Atramentova L., Utevska O., Idrisov E., Kamenshchikova E., Evseeva I., Metspalu M., Outram A., Robbeets M., Djansugurova L., Balanovska E., Schiffels S., Haak W., Reich D., Krause J. The genetic history of admixture across Inner Eurasia // Nature Ecology and Evolution. – 2019. – Vol. 3, iss. 6. – P. 966–976.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Treal Taylor W., Miller B., Bemmann J., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B., Miyagashev D., Konovalov P., Zhambaltarova E., Ventresca Miller A., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia's Eastern steppe // Cell. – 2020. – Vol. 183, iss. 4. – P. 890–904.

Jones E., Zarina G., Moiseyev V., Lightfoot E., Nigst P., Manica A., Pinhasi R., Bradley D. The Neolithic transition in the Baltic was not driven by admixture with Early European Farmers // Current Biology. – 2017. – Vol. 27, iss. 4. – P. 576–582.

Kılınç G.M., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Dönertaş H., Rodriguez-Varela R., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Kırdök E., Jakobsson M., Somel M., Krzewińska M., Stora J., Götherström A. Human population dynamics and *Yersinia pestis* in ancient northeast Asia // Science Advances. – 2021. – Vol. 7, iss. 2. – URL: https://advances.sciencemag.org/content/7/2/eabc4587 (дата обращения: 10.07.2021).

Kozintsev A. Ethnic epigenetics: a new approach // Homo. – 1992. – Vol. 43, iss. 3. – P. 213–244.

Lazaridis I., Belfer-Cohen A., Mallick S., Patterson N., Cheronet O., Rohland N., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Jakeli N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Matzkevich Z., Meshveliani T., Culleton B., Kennett D., Pinhasi R., Reich D. Paleolithic DNA from the Caucasus reveals core of West Eurasian ancestry // bioRxiv. – 2018. – URL: https://doi.org/10.1101/423079 (дата обращения: 10.07.2021).

Mao X., Zhang H., Qiao S., Liu Y., Chang F., Xie P., Zhang M., Wang T., Li M., Cao P., Yang R., Liu F., Dai Q., Feng X., Ping W., Lei C., Olsen J., Bennett E., Fu Q. The deep population history of northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene // Cell. – 2021. – Vol. 184, iss. 12. – P. 3254–3266. – URL: https://doi.org/10.1016/j.cell.2021.04.040 (дата обращения: 10.07.2021).

Mittnik A., Wang C., Pfrengle S., Daubaras M., Zariņa G., Hallgren F., Allmäe R., Khartanovich V., Moiseyev V., Tõrv M., Furtwängler A., Valtueña A., Feldman M., Economou C., Oinonen M., Vasks A., Balanovska E., Reich D., Jankauskas R., Haak W., Schiffels S., Krause J. The genetic prehistory of the Baltic Sea Region // Nature Communications. – 2018. – Vol. 9, iss. 1. – Article number 442. – URL: https://doi.org/10.1038/s41467-018-02825-9 (дата обращения: 10.07.2021).

Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R., Mallick S., Lazaridis I., Nakatsuka N., Olalde I., Lipson M., Kim A., Olivieri L., Coppa A., Vidale M., Mallory J., Moiseyev V., Kitov E., Monge J., Adamski N., Alex N., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Callan K., Cheronet O., Culleton B., Ferry M., Fernandes D., Freilich S., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper T., Keating D., Lawson M., Mah M., Mandl K., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zalzala F., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A., Bagnera A., Baitanayev B., Bendezu-Sarmiento J., Bissembaev A., Bonora G., Chargynov T., Chikisheva T., Dashkovskiy P., Derevianko A., Dobeš M., Douka K., Dubova N., Duisengali M., Enshin D., Epimakhov A., Fribus A., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Grushin S., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Krygin A., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Mamedov A., Mamirov T., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Mustafokulov S., Nayak A., Pettener D., Potts R., Razhev D., Rykun M., Sarno S., Savenkova T., Sikhymbaeva K., Slepchenko S., Soltobaev O., Stepanova N., Svyatko S., Tabaldiev K., Teschler-Nicola M., Tishkin A., Tkachev V., Vasilyev S., Velemínský P., Voyakin D., Yermolayeva A., Zahir M., Zubkov V., Zubova A., Shinde V., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. – 2019. – Vol. 365, iss. 6457. – P. 1002–1007. – URL: https://doi.org/10.1126/science.aat7487 (дата обращения: 10.07.2021).

Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford T.W., Orlando L., Metspalu E., Karmin M., Tambets K., Rootsi S., Mägi R., Campos P.F., Balanovska E., Balanovsky O.P., Khusnutdinova E., Litvinov S., Osipova L.P., Fedorova S.A., Voevoda M.I., DeGiorgio M., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Demeshchenko S., Kivisild T., Villems R., Nielsen R., Jakobsson M., Willerslev E. Upper Paleolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. – 2014. – Vol. 505, iss. 7481. – P. 87–91.

Sikora M., Pitulko V., Sousa V., Allentoft M., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., Damgaard P., Fuente C., Renaud G., Yang M., Fu Q., Dupanloup I.,

Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E., Chasnyk V., Nikolskiy P., Gromov A., Khartanovich V., Moiseyev V., Grebenyuk P., Fedorchenko A., Lebedintsev A., Slobodin S., Malyarchuk B., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R., Sjögren K., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Mirazon Lahr M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D., Excoffier L., Willerslev E. The population history of Northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – Vol. 570, iss. 7760. – P. 182–188.

Wang C., Yeh H., Popov A., Zhang H., Matsumura H., Sirak K., Cheronet O., Kovalev A., Rohland N., Kim A., Mallick S., Bernardos R., Tumen D., Zhao J., Liu Y., Liu J., Mah M., Wang K., Zhang Z., Adamski N., Broomandkhoshbacht N., Callan K., Candilio F., Duffett Carlson K., Culleton B., Eccles L., Freilich S., Keating D., Lawson A., Mandl K., Michel M., Oppenheimer J., Özdoğan T., Stewardson K., Wen S., Yan S., Zalzala F., Chuang R., Huang C., Looh H., Shiung C., Nikitin Y., Tabarev A., Tishkin A., Lin S., Sun Z., Wu X., Yang T., Hu X., Chen L., Du H., Bayarsaikhan J., Mijiddorj E., Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Myagmar E., Kanzawa-Kiriyama H., Nishino M., Shinoda K., Shubina O., Guo J., Cai W., Deng Q., Kang L., Li D., Li D., Lin R., Nini, Shrestha R., Wang L., Wie L., Xie G., Yao H., Zhang M., He G., Yang X., Hu R., Robbeets M., Schiffels S., Kennett D., Jin L., Li H., Krause J., Pinhasi R., Reich R. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // Nature. – 2021. – Vol. 591, iss. 7850. – P. 413–419. – URL: https://doi.org/10.1038/s41586-021-03336-2 (дата обращения: 10.07.2021).

Yu H., Spyrou M., Karapetian M., Shnaider S., Radzevičiūte R., Nägele K., Neumann G., Penske S., Zech J., Lucas M., LeRoux P., Roberts P., Pavlenok G., Buzhilova A., Posth C., Jeong C., Krause J. Paleolithic to Bronze Age Siberians reveal connections with first Americans and across Eurasia // Cell. – 2020. – Vol. 181, iss. 6. – P. 1232–1245.

Материал поступил в редколлегию 27.07.21 г.

ПЕРСОНАЛИИ

Академик В.С. Мясников как археолог и этнограф

Подготовка и празднование славного юбилея, отмеченного в этом году научным сообществом, – 90-летия одного из признанных лидеров российской исторической науки, академика В.С. Мясникова – стимулировали публикацию целого ряда статей, посвященных анализу различных аспектов творчества этого выдающегося ученого. Мы хотели бы внести свой посильный вклад в обзор достижений юбиляра, выделив два близких нам направления, которым пока недостаточно уделялось внимания в отечественной историографии.

Заголовок этой заметки мог вызвать определенное изумление даже у читателей, неплохо знакомых с работами Владимира Степановича. Ведь прежде всего он известен своими источниковедческими изысканиями, которые воплотились в публикации многих томов архивных материалов, создавших надежную основу изучения российско-китайских и российско-монгольских отношений в XVII–XX вв. В своих трудах В.С. Мясников рассмотрел целый ряд важных аспектов цивилизации Поднебесной – в первую очередь в контексте контактов с Россией, дал историческую оценку Нерчинскому договору 1689 г. и другим важнейшим «договорным статьям». Это стало новым этапом в историографии и оказалось актуальным для нужд практической дипломатии. В числе важнейших научных открытий юбиляра следует особо выделить выявление стратагемности как сущностной черты общественного сознания китайцев, что явилось заметным вкладом в мировую синологию и вызвало подъем как научного, так и прикладного интереса к данной теме в КНР. Его труды по архивоведению, истории дипломатии, различным аспектам новой и новейшей истории Китая и АТР в целом составили многотомное собрание сочинений, выпущенное в свет в 2014 г. издательством «Наука» под общим названием «Кастальский ключ китаеведа». Все это справедливо. Но в своем источниковедческом поиске, в благоговейном отношении к документу В.С. Мясников не мог не выйти на рубежи археологии – науки, основное содержание которой сводится к обнаружению, извлечению и обработке источников для реконструкции материальной и духовной культуры прошлого.

Выражаем благодарность заместителю директора Института восточных рукописей РАН Т.А. Пан за любезно предоставленную фотографию.

В первую очередь внимание ученого привлекли материалы российских академических экспедиций на территорию Синьцзяна. В серии статей – «Образ академика С.Ф. Ольденбурга в документах его современников», «Исследование дуньхуанского комплекса памятников: прошлое, настоящее, надежды на будущее», «Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале» (все: Кастальский ключ…, т. 4), «О роли Российской академии наук в исследовании Восточного Туркестана» (Кастальский ключ…, т. 6) – были выделены основные моменты в организации исследования туркестанских древностей. Их доставила еще экспедиция В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; для разработки полученных коллекций Отделением исторических наук и филологии АН была сформирована специальная комиссия. В 1898 г. состоялась первая специализированная археологическая экспедиция в район Турфана под руководством Д.А. Клеменца.

Именно ее работа знаменовала начало научной археологии на территории Китая (История археологических исследований в Китае: историограф. очерк / отв. ред. В.И. Молодин, С.А. Комиссаров. М.: Юрайт, 2020, с. 20–21). Этому предшествовала активная деятельность консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского, избранного членом-сотрудником Российского археологического общества. Его «Туркестанские письма», значительная часть которых содержит отчеты о проведенных изысканиях, были опубликованы под редакцией В.С. Мясникова в 2010 г.

Высокая научная и гражданская репутация Владимира Степановича позволила ему дать объективную оценку одного из важных событий в изучении прошлого Синьцзяна – экспедиции барона К.Г.Э. Маннергейма (1867–1951). Фигура эта неоднозначная, отношение к его деятельности после 1917 г. в российском обществе различное. Не вдаваясь в бесконечные споры по данному поводу, В.С. Мясников пишет статью «По следам Маннергейма» (Кастальский ключ…, т. 6), где показывает, что в начале XX в. барон был, несомненно, русским офицером, причем из лучших. Превосходный кавалерист и грамотный генштабист, он сумел в 1906–1908 гг. пройти (в основном верхом) путь от Кашгара до Пекина и не только с блеском выполнить порученное ему задание, но и собрать обширную археологическую и этнографическую коллекции (несколько тысяч буддийских рукописей и их фрагментов, 250 средневековых монет, древняя керамика, украшения и т. д.). В настоящее время эти материалы, а также дневники и фотографии хранятся в нескольких музеях в Хельсинки и открыты для исследователей (Int. Dunhuang Project. – URL: http://idp.bl.uk/pages/collections_other.a4d#4).

В.С. Мясников способствовал переизданию важной, но непростой для отечественной историографии книги В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае». В предисловии к публикации он подчеркивал, что именно Арсеньев впервые провел этнологические исследования в зоне соприкосновения двух великих цивилизаций – русской и восточноазиатской (Кастальский ключ…, т. 5). К числу важнейших характеристик «общественной культуры каждого народа», оказывающих влияние на взаимодействие цивилизаций, Владимир Степанович отнес этническую психологию. Поскольку впервые сам термин «этнопсихология» предложил выдающийся российский философ Г.Г. Шпет, то для освоения его методологии В.С. Мясников оказал содействие публикации в 2002 г. книги Шпета «История как проблема логики», не только выступив научным редактором, но и написав обширную вступительную статью (Кастальский ключ..., т. 6). Предложенный теоретический подход реализуется в практике новых исследований. Как писал В.С. Мясников в статье «Роль этнопсихологии в межкультурном диалоге», «привлекательной представляется, например, такая проблема, как влияние на этнопсихологию народов Китая, Японии, Кореи, Вьетнама иероглифической письменности или их боевых и полководческих искусств, породивших стратагемность мышления. Думается, что на этом пути нас ждет много интереснейших открытий» (Кастальский ключ..., т. 4, с. 79). Sic et simpliciter; добавим только, что первопроходцем на этом пути был сам академик Мясников. Пожелаем Владимиру Степановичу творческого долголетия и новых научных публикаций, в т.ч. по таким важнейшим разделам, как археология и этнология!

А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
С.А. Комиссаров, Е.Э. Войтишек

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ВДИ – Вестник древней истории

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ – Государственный исторический музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭ РАН – Институт антропологии и этнологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИВ РАН – Институт востоковедения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИГМ СО РАН – Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения РАН

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКМ – Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан

НИПИПМК – Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры

РА – Российская археология

РГО – Русское географическое общество

РЭМ – Российский этнографический музей

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

Ажигали С.Е. – доктор исторических наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Шевченко көшесі, 28, Алматы қ., 050010, Қазақстан Республикасы. E-mail: s.azhigali@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-6209-4618

Астафьев А.Е. – сотрудник Мангистауского историко-культурного заповедника, Казахстан. Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорығы, 3-ші шағынаудан, 66, Ақтау, 130001, Қазақстан Республикасы. E-mail: aasta@list.ru

Бабенко А.Н. – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. E-mail: mnemosina_a@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6805-5476

Балков Е.В. – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: BalkovEV@ipgg.sbras.ru; https://orcid.org/0000-0002-3712-6585

Богданов Е.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru; https://orcid.org/0000-0001-7073-8914

Бородовский А.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

Ван Цзюньчжэн – аспирант Амурского государственного университета, Игнатьевское шоссе, 21, корп. 7, Благовещенск, 675027, Россия. E-mail: junzhengbj@163.com

Васильева Е.Е. – младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191181, Россия. E-mail: xygaida@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-5184-7672

Гладышев С.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gladyshev57@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

Гришин А.Е. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: grishin@archaeology.nsc.ru; https://orcid.org/0000-0001-8367-2272

Дедов И.Е. – лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: 11.dedov.com@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6164-4094

Деревянко А.П. – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

Добровольская М.В. – доктор исторических наук, заведующая лабораторией, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. E-mail: mk_pa@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-9695-4199

Дядьков П.Г. – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: DyadkovPG@ipgg.sbras.ru; https://orcid.org/0000-0001-5345-9331

Евменов Н.Д. – научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: evmennik@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0164-8610

Жданов А.А. – кандидат химических наук, научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 5, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: aa.zhdanov@inbox.ru; https://orcid.org/0000-0003-2525-7665

Забияко А.П. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией Амурского государственного университета, Игнатьевское шоссе, 21, корп. 7, Благовещенск, 675027, Россия. E-mail: sciencia@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-6128-4401

Зеленков А.С. – младший научный сотрудник, ассистент кафедры Тюменского государственного университета, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: qvimen@hotmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6257-119X

Кандыба А.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: arhkandyba@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-0985-9121

Козинцев А.Г. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: agkozintsev@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-0165-8109

Коробов Д.С. – профессор РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. E-mail: dkorobov@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-9571-0405

Кулакова Е.П. – научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, ул. Б. Грузинская, 10, стр. 1, Москва, 123242, Россия. E-mail: ek.kula@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-0827-8061

Марченко Ж.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: afrika_77@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4729-8575

Матвеева Н.П. – доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией Тюменского государственного университета, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-0240-0561

Нгуен За Дой – доктор наук, заместитель директора Института археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам. Viện Khảo cổ học, Phan Chu Chin, 61, Hanoi, Vietnam. E-mail: doitrong@hotmail.com

Нгуен Кхак Шу – доктор наук, научный сотрудник Института археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам. Viện Khảo cổ học, Phan Chu Chin, 61, Hanoi, Vietnam. E-mail: khacsukc@gmail.com

Николаев В.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nikolaevvv06@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-6834-2961

Октябрьская И.В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: siem405@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-4190-9478

Пархомчук Е.В. – кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; директор Центра коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия» Новосибирского государственного университета–Новосибирского научного центра, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: ekaterina@catalysis.ru; https://orcid.org/0000-0003-2200-884X

Позднякова О.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-8376-0344

Полосьмак Н.В. – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-3760-265X

Сем Т.Ю. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: semturem@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-3306-3481

Серегин Н.Н. – доктор исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-8051-7127

Степанова Н.Ф. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nstepanova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

Тишин В.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия; старший научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tihij-511@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7344-0996

Третьяков Е.А. – младший научный сотрудник, ассистент кафедры Тюменского государственного университета, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: gor-tom@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6913-394X

Турганбаева Л.Р. – доктор архитектуры, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Шевченко көшесі, 28, Алматы қ., 050010, Қазақстан Республикасы. E-mail: Laila@safar.kz; https://orcid.org/0000-0002-3433-7133

Чаргынов Т. – кандидат исторических наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргыстан. Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, Фрунзе көчөсу, 547, Бишкек шаары, 720033, Кыргыз Республикасы. E-mail: tima_chargynov@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6210-9250

Чеха А.М. – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Chekhandrej@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

Шашков М.В. – кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 5, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shashkov@catalysis.ru; https://orcid.org/0000-0001-9022-1525

Шнайдер С.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: sveta.shnayder@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2230-4286

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Культово-жилищный комплекс Кайнар второй половины XVIII – начала XX в. на Северном Устюрте как историко-культурный и архитектурный памятник № 4 (49)

Амирханов Х.А. Эволюция каменной индустрии Центрального Дагестана в раннем плейстоцене: динамическая статистика отщеповых заготовок № 1 (49)

Анкушева П.С., Алаева И.П., Анкушев М.Н., Фомичев А.В., Зазовская Э.П., Блинов И.А. От руды к металлу: эксплуатация Новотемирского месторождения Южного Зауралья во II тыс. до н.э. № 1 (49)

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени на могильнике Каракабак (Мангистау, Казахстан) № 4 (49)

Бабенко А.Н., Добровольская М.В., Васильева Е.Е., Коробов Д.С. Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II № 4 (49)

Бадмаев А.А. Крупный рогатый скот в мифологических воззрениях и обрядности бурят № 1 (49)

Бенеке Н., Васильев С.К., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Райнхольд С. Результаты археозоологического исследования материалов поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) № 2 (49)

Бородовский А.П. Изменения деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога (по данным археологических и письменных источников) № 2 (49)

Бородовский А.П. Ручки металлических котлов эпохи раннего железа на юге Западной Сибири № 4 (49)

Бородовский А.П. Участки рва начала XVIII столетия на территории Умревинского острога № 1 (49)

Бичеев Б.А. Счастливые браки благословляют небеса, несчастливые – нужда (взгляд на женщину в наставлениях Усун-Дебескерту-хана) № 2 (49)

Гаспарян Б., Кореневский С.Н. Клад бронзовых орудий начала медно-бронзового века у села Двин (Центральная Армения) № 2 (49)

Година Е.З., Гундэгмаа Л., Пермякова Е.Ю. Морфофункциональные особенности детей и подростков Монголии, проживающих в различных экологических зонах № 1 (49)

Дампилова Л.С. Мифологизация истории в шаманских обрядовых действах бурят № 2 (49)

Дашковский П.К. Погребальный комплекс с черепами животных из могильника скифской эпохи Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае № 3 (49)

Дедов И.Е., Кулакова Е.П., Шашков М.В., Жданов А.А., Пархомчук Е.В., Чаргынов Т., Шнайдер С.В. Междисциплинарное изучение пеплосодержащих прослоев на памятнике Сурунгур в Ферганской долине (Южный Кыргызстан) № 4 (49)

Джафаров Г.Ф. Возникновение и формирование протогородской цивилизации в Азербайджане (некоторые аспекты перехода к классовому обществу) № 2 (49)

Журбин И.В. Неукрепленные поселения чепецкой культуры (IX–XIII века): неоднозначность интерпретации и определения границ № 1 (49)

Забияко А.П., Ван Цзюньчжэн. Палеолитические украшения из пещеры Сяогушань: формирование раннего символизма и его региональные особенности в Северо-Восточном Китае № 4 (49)

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Выборнов А.В., Васильев А.В., Постнов А.В., Зоткина Л.В. Новые данные о заселении долины нижней Оби в позднем неоплейстоцене № 1 (49)

Зубова А.В., Ананьева Н.И., Стулов И.К., Дмитренко Л.М., Андреев Е.В. Травмы черепа у населения крепости Пукара-де-Тилкара (провинция Жужуй, Аргентина) № 3 (49)

Казарницкий А.А. Соотношение местного и пришлого населения восточноевропейских степей в эпоху бронзы (по краниологическим материалам) № 3 (49)

Кандыба А.В., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Деревянко А.П. Раннепалеолитический памятник Года и бифасиальные каменные индустрии Юго-Восточной Азии № 4 (49)

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) № 3 (49)

Козинцев А.Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) № 4 (49)

Колобова К.А., Чистяков П.В., Басова Н.В., Постнов А.В., Зоткина Л.В. Метод определения принадлежности неаппликирующихся фрагментов к одному артефакту на примере плоских скульптур бронзового века № 1 (49)

Крыласова Н.Б., Данич А.В. Сборные поясные привески с элементами из когтей медведя в средневековом мужском костюме Пермского Предуралья № 1 (49)

Майничева А.Ю. Актуализация посвящений престолов в сибирских православных храмах XVII–XXI веков: нейросимволический аспект № 1 (49)

Мальцева О.В. Собака-тигр в смысловом поле шаманской скульптуры нанайцев: культурно-когнитивный аспект № 2 (49)

Марченко Ж.В., Кишкурно М.С., Гришин А.Е., Райнхольд С., Журавков Ф.В. Опыт цифрового рентгенографирования палеоантропологического материала: сравнительный анализ популяций эпохи развитой бронзы в Барабинской лесостепи № 3 (49)

Матвеева Н.П. К вопросу о контактах урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье (по материалам керамических коллекций) № 1 (49)

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) № 4 (49)

Медведев В.Е., Филатова И.В. Исследование жилища 2 (1977 год, раскоп III) на поселении Сучу в Приамурье № 3 (49)

Михайлова А.А. С сербской ярмарки в Русский музей: об этнографической информативности коллекции пряников 1902 г. № 3 (49)

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И., Малярчук Б.А., Федорченко А.Ю. Популяционные связи древнего североохотского населения по краниометрическим материалам из коллективного погребения в каменной нише на мысе Братьев (северное побережье Охотского моря) № 2 (49)

Молодин В.И., Нестерова М.С., Кобелева Л.С. Одно из проявлений погребально-поминальной практики у носителей андроновской (фёдоровской) культуры в Барабинской лесостепи № 1 (49)

Нахмиас А., Бар-Оз Г., Надель Д., Петросян Л., Гаспарян Б. Монументальное захоронение коня на Армянском нагорье № 3 (49)

Нестеров С.П., Колмогоров Ю.П. Исследование предметов из цветного металла культур раннего железного века и Средневековья в Западном Приамурье № 2 (49)

Николаев В.В., Октябрьская И.В. Урбанизация коренных народов Сибири и Дальнего Востока (XX – начало XXI века) № 4 (49)

Осипов Д.О. Использование современных методик при изучении археологических коллекций изделий из кожи № 1 (49)

Позднякова О.А., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Евменов Н.Д. Комплексные геофизические исследования курганного могильника Новая Курья-1 (Кулундинская степь) № 4 (49)

Полосьмак Н.В. Пазырыкский стиль № 4 (49)

Садраеи А., Гаражиан О., Сабори Х. Первые археологические находки с Нишапурской равнины и их роль в реконструкции расселения гоминин в северо-восточной части Иранского нагорья № 3 (49)

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: результаты функционального анализа № 2 (49)

Селин Д.В., Чемякин Ю.П., Мыльникова Л.Н. Керамика городища эпохи раннего железа Барсов городок III/6 в Сургутском Приобье: технико-технологический анализ № 2 (49)

Сем Т.Ю. Традиционные верования тунгусо-маньчжурских народов. Часть 1: Культ плодородия и образы богинь-прародительниц № 3 (49)

Сем Т.Ю. Традиционные верования тунгусо-маньчжурских народов. Часть 2: Зооморфный комплекс № 4 (49)

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай) № 4 (49)

Сирина А.А. Эвенкийское оленье седло: некоторые принципы таежной мобильности № 1 (49)

Сулейманов Р.Х. Следы дахо-сарматского культурного наследия в Древнем Туране и Древней Руси № 3 (49)

Тарасенко Н.А., Ханутина З.В. Амулеты-пронизи в виде скарабея из детских погребений I–II веков н.э. некрополя на Илуратском плато (Восточный Крым) № 3 (49)

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Лопата в хозяйстве и культуре русского населения Сибири в XVII–XVIII веках № 3 (49)

Татаурова Л.В., Мыльников В.П. Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья в XVII–XVIII веках № 3 (49)

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Расположение поселений татар в Среднем и Нижнем Притарье по картографическим материалам XVIII века № 3 (49)

Федорова Н.В., Бауло А.В. Три серебряных блюда с территории Югры № 1 (49)

Хаценович А.М., Вишневская И.А., Базаргур Д., Вольвах А.О., Клементьев А.М., Ге Дж., Жилич С.В., Марченко Д.В., Окунева Т.Г., Когай С.А., Гунчинсурэн Б., Рыбин Е.П., Олсен Дж.У., Деревянко А.П. Природная среда и эпизоды заселения Центральной Монголии в позднем плейстоцене: по материалам памятников в долине реки Орхон № 2 (49)

Чаиркина Н.М. К вопросу о времени создания Большого Шигирского идола № 2 (49)

Чемчиева А.П. Урбанизация коренного населения Горного Алтая: этапы, факторы, перспективы № 3 (49)

Черных А.В. Праздничная культура уральских горных заводов: локальная традиция Добрянского завода № 2 (49)

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Заселение Барабинской лесостепи в эпоху неолита по антропологическим данным № 1 (49)

Чикишева Т.А., Сальникова И.В. Первопоселенцы г. Новосибирска: демографическая структура населения Кривощековского Приобья в XVIII – первой половине XIX века № 2 (49)

Шмидт И.В. Крестообразный знак в орнаментальном оформлении костяных изделий со стоянки Черноозерье II (Среднее Прииртышье) № 1 (49)